

Федеральное государственное автономное образовательное  
учреждение высшего образования  
«Уральский федеральный университет  
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Институт экономики и управления

Кафедра социологии и технологий государственного и муниципального  
управления

*На правах рукописи*

Нотман Ольга Валерьевна

**УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО  
МЕГАПОЛИСА В УСЛОВИЯХ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ  
ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ КАЧЕСТВА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ**

специальность 22.00.08 – Социология управления

Диссертация на соискание ученой степени  
доктора социологических наук

Научный консультант:  
профессор, доктор экономических наук  
Багирова Анна Петровна

Екатеринбург – 2021

## ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. Теоретические основания изучения управления развитием современного российского мегаполиса .....	39
1.1 Концептуализация понятия «мегаполис»: формально-количественный, правовой, функциональный и системный подходы .....	39
1.2 Мегаполис как объект управления в фокусе теории городских режимов .....	73
1.3 Обоснование модели развития современного мегаполиса сквозь призму взаимосвязи приоритетов экологической, экономической и социальной устойчивости .....	117
ГЛАВА 2. Методология исследования территориальной дифференциации качества среды мегаполиса .....	152
2.1 Территориальная дифференциация мегаполиса в аспекте взаимосвязи морфологического, социально-функционального и средового принципов .....	152
2.2 Композитные индексы как инструмент анализа качества городской среды в контексте утверждения концепции качества жизни населения....	189
2.3 Эмпирическая модель оценки территориальной дифференциации качества городской среды с использованием композитных индексов.....	224
ГЛАВА 3. Соуправление на уровне городских микрорайонов: информационно-аналитическое и технологическое сопровождение .....	248
3.1 Территориальная дифференциация качества среды мегаполиса как информационно-аналитическая база для разработки программ развития городских микрорайонов: на материалах исследования Екатеринбурга .....	248
3.2 Социальная технология формирования микролокальных режимов взаимодействия субъектов муниципальной власти и городских стейкхолдеров в ходе разработки программ совершенствования качества среды микрорайонов.....	275
ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....	297
Библиографический список .....	301
Приложения .....	339

## ВВЕДЕНИЕ

### **Актуальность темы диссертационного исследования**

В современном научном и информационном пространстве все чаще звучат утверждения о том, что драйверами развития регионов и стран становятся мегаполисы. Главные «узоры» и доминанты мировой урбанизации все более определяются крупными и сверхкрупными городскими системами. Их исключительная значимость как «апикальных меристем» определяется множественными эффектами – «способностями» к накоплению и приумножению имеющихся производственных, технологических, инфраструктурных, информационных, человеческих ресурсов; привлечению инвестиций и профессиональных кадров; образованию новых пространственных структур и центральных ядер городских агломераций; созданию условий для «прорывной» экономической модернизации; генерированию инновационных процессов и перспективных трендов во всех сферах жизни<sup>1</sup>. В этом смысле благополучие и «здоровье» мегаполисов в значительной мере определяет социально-экономический уровень и потенциал развития современной России.

Мегаполисы как очень крупные по площади и численности населения города, с одной стороны, концентрируют в себе всевозможные ресурсы и капиталы, обеспечивая высокий уровень развития всех сфер общественной жизни, но, с другой стороны, являются источниками комплекса глобальных проблем и рисков современности – от загрязнения окружающей среды до угроз безопасности. Они страдают от последствий неконтролируемой миграции, криминогенного неблагополучия, резких жизненных контрастов, экстремальных форм неравенства и сегрегации. Перегруженность инфраструктуры и систем жизнеобеспечения, экологические и транспортные проблемы, социальное неравенство в доступности городских благ, увеличение территориальных диспропорций в качестве городской среды,

---

<sup>1</sup> Анимца Е.Г. Апикальная меристема городов-миллионников в экономическом ландшафте страны // Региональная экономика: вызовы, приоритеты, стратегические ориентиры / под ред. Я.П. Силина. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2017. С. 66–77.

появление депривированных внутригородских пространств, «отлученных» от витринных фасадов центрального городского ядра – очевидные негативные явления, с которыми ежедневно сталкиваются жители современных мегаполисов.

Комплекс противоречивых характеристик и проблемная «перегруженность» мегаполисов на протяжении длительного времени инициируют дискуссии относительно приоритетных векторов их развития и естественным образом выдвигают вопросы управления ими в фарватер научного осмысления. Несмотря на то, что в научном и общественно-политическом дискурсе периодически появляются тревожные настроения по поводу будущего мегаполисов и их исчерпания себя как рациональной формы самоорганизации общества, тем не менее, преодолевая с разной степенью успешности один кризис за другим, они продолжают расти и искать способы решения возникающих на каждом новом витке проблем. Неотвратимость появления новых мегаполисов и роста уже существующих требует вместо осуждающей риторики научного осмысления наиболее острых проблем и поиска рациональных путей их решения.

Актуальность темы диссертационной работы обусловлена приоритетной ролью мегаполисов как центров экономической, инновационной, культурной, научно-образовательной, политической активности в современной России и связанной с этим необходимостью совершенствования процессов управления их развитием. Специфика управления развитием современного российского мегаполиса предопределена как сложной, противоречивой природой самого феномена «мегаполис», втягивающего в свою орбиту различные уровни и субъекты управления, так и чрезвычайно широким пластом проблем, входящих в управленческий «круг охвата» – городское хозяйство и экономика, бизнес, экология, строительство, жизнеобеспечивающая инфраструктура и коммуникации, социальная сфера, культура, пространственное развитие, среда обитания и т.д.

Обращение в диссертационной работе к аспекту средовой дифференциации мегаполиса связано со следующими значимыми причинами. Во-первых, утверждение на международном и российском уровнях приоритетов качества жизни населения выдвигает в стратегически важную область внимания муниципальных властей вопросы совершенствования качества городской среды как важнейшего элемента качества жизни горожан. Во-вторых, универсальность средового фактора для мегаполисов разного масштаба, географического положения, пространственной структуры, экономической специализации позволяет разработать общеприменимые концептуальные основания анализа территориальной дифференциации качества городской среды и управления ее сбалансированным развитием. В-третьих, именно управление развитием среды мегаполиса выступает той областью социальной реальности, в которой при существующих в России институциональных барьерах для осуществления городского самоуправления возможно достижение эффективного социально-ориентированного управления на основе максимального социального участия – вовлечения гражданского общества.

Основная проблема диссертационного исследования определяется рядом объективно-существующих в обществе противоречий между:

- усилением общенационального курса на укрепление вертикали власти и актуализацией общественного запроса на повышение эффективности локального управления, в том числе путем расширения возможностей участия гражданского общества в решении вопросов местного значения;

- необходимостью интенсификации процессов взаимодействия широкого круга городских стейкхолдеров и неразработанностью действенных инструментальных средств, направленных на достижение баланса между субъект-объектным административным способом управленческой регуляции и субъект-субъектным механизмом самоорганизации городских сообществ;

- провозглашенным на государственном и муниципальном уровнях (в федеральных проектах и стратегических планах развития городов) приоритетом повышения качества городской среды и отсутствием должного внимания к проблеме ее несбалансированного развития в масштабах мегаполиса;

- спускаемыми «сверху» проектами по улучшению качества городской среды (в том числе на основе траншей в регионы успешных московских практик благоустройства) и реальными потребностями локальных резидентов.

Выделенные противоречия требуют комплексного социологического анализа, а необходимость их разрешения входит в круг ключевых задач управления развитием мегаполисов.

**Степень научной разработанности проблемы.** Мегаполисы как особый тип городов становятся объектом целостных теоретических и эмпирических исследований преимущественно со второй половины XX века в связи с постиндустриальной волной ускоренной урбанизации. Поскольку появлению и росту мегаполисов предшествовал достаточно длительный процесс эволюции городов, то фундаментальные основания для понимания специфики сверхкрупных городских форм были заложены ранее.

Исходные теоретические ориентиры в анализе городов индустриальной эпохи были сформулированы классиками социологической мысли М. Вебером, Э. Дюркгеймом, Г. Зиммелем, К. Марксом, Ф. Теннисом, Ф. Энгельсом в рамках разработанной ими общесоциологической теории раннего капиталистического общества. В работах представителей Чикагской школы социологии (Э. Берджесс, Л. Вирт, Р. Маккензи, Р. Парк) город осмысливается не только как часть общесоциологической теории, он становится самостоятельной областью исследования и главным объектом социологической рефлексии.

Впервые в начале XX века к анализу особенностей сверхкрупных урбанистических образований, преимущественно с критических позиций –

рассматривая их как кризисные этапы развития городов, обращаются британский социолог П. Геддес и американский урбанист Л. Мамфорд. Принципиально иная позиция у франко-американского географа, исследователя проблем геополитики Ж. Готтмана, который рассматривает процесс образования мегаполисов в ходе слияния городов и пригородных зон в позитивном ключе – как источник рождения новых экономических возможностей и инноваций.

Новый виток в осмыслении природы и функций мегаполисов связан с возникновением в 1980–1990-е гг. концепций «мировых» (Г. Рид, Дж. Фридман, П. Холл) и «глобальных» (М. Кастельс, С. Сассен) городов. В этих концепциях прослеживается очевидная связь между феноменами глобального, мирового города и мегаполисами: благодаря концентрации в мегаполисах различных ресурсов и капиталов, они чаще всего становятся агентами глобализационных процессов, местами образования межсетевых узлов и информационных потоков, центрами принятия экономических и политических решений, значимых в мировом масштабе.

Значительный интерес с точки зрения систематизации функций мегаполисов в глобальном и национальном масштабе, построения их типологии, определения специфичности российских мегаполисов и системообразующих признаков «мегаполисности» представляют работы В.Н. Лексина, А.С. Новосельцевой, Б.Н. Порфирьева, В. Россмана, И.В. Федякина.

В соответствии с проблемным полем диссертационного исследования целесообразно выделить следующие направления, разрабатываемые в социологической науке и других социальных и гуманитарных отраслях знания: фундаментальные разработки теории социального управления, социальные технологии в управлении; городское управление, местное самоуправление; вовлеченность гражданского общества в процессы управления городским развитием; современные модели городского развития;

дифференциация пространства мегаполиса; городская среда и территориальная дифференциация качества городской среды.

Большой вклад в развитие теории социального управления внесла отечественная социологическая школа. Фундаментальное обоснование роли научного знания в управлении обществом на разных уровнях его организации, взаимосвязи социологии и практики управления, сущности управления как процесса взаимодействия, совместной деятельности субъекта и объекта, а также возникающих в этом процессе социальных отношений и механизмов их регуляции, важности учета в управлении взаимовлияния факторов макро-, мезо- и микросреды заложено в работах Е.М. Акимкина, Т.М. Дридзе, Г.Е. Зборовского, М.А. Осиповой, А.В. Тихонова, Ж.Т. Тощенко, О.А. Уржи, В.В. Щербины.

Проблематика технологизации в управлении объектами разного масштаба (общество, регион, город, территориальное сообщество, организация) получает осмысление в работах В.Г. Афанасьева, Т.М. Дридзе, В.С. Дудченко, П.В. Журавлева, В.Н. Иванова, С.А. Карташева, М. Маркова, Н.К. Маусова, Ю.Г. Одегова, В.И. Патрушева, В.К. Тарасова, Ж.Т. Тощенко, Н. Стефанова, В.В. Щербины. Особого внимания заслуживают проектно-технологические разработки междисциплинарного научного коллектива под руководством Т.М. Дридзе, связанные с реализацией модели социального участия в управлении развитием городской среды и принятии градостроительных решений.

Фундаментальные основы исследования городского управления были заложены зарубежной социологической и политологической мыслью XX века, сформировавшей два альтернативных направления – элитистское и плюралистическое. Элитистская теория, развивающая идеи Платона, Аристотеля, Макиавелли, В. Парето и Г. Моска о политическом устройстве государства, находит отражение в трудах Р. Линд и Х. Линд, Ф. Хантера. Плюралистические подходы формируются под влиянием работ Р. Даля, опровергающего элитистские представления о том, что решения в городской



политике принимает единая замкнутая группа, доминирующая во всех сферах городской жизни. Сравнительные межгородские исследования второй половины XX века (М. Айкен, Т. Кларк, Д. Миллер, Р. Престус, И. Шаркански), в том числе международные, позволили от противопоставления элитизма/плюрализма перейти к анализу объяснительных факторов, детерминирующих возникновение той или иной модели управления.

Дальнейшее развитие элитистских идей находит продолжение в теории «машины городского роста» Х. Молоча и Дж. Логана, плюралистических – теории «городских режимов» (К. Стоун, С. Элкин). В более поздних версиях (Б.Г. Питерс, Дж. Пьер) городские режимы рассматриваются как «предвестники» перехода от городского управления к городскому соуправлению, предполагающему многообразие участвующих в процессе управления акторов и институций. Исследования систем управления и распределения властного влияния в российских городах в концептуальной рамке «режимной» теории (в которой «машина городского роста» выступает одним из распространенных типов режимов) связано с работами Н.В. Борисовой, О.В. Бычковой, В.Я. Гельмана, Е.Г. Довбыша, Н.В. Зубаревич, Н. Карбанинова, В.Г. Ледяева, С.И. Рыженкова, Д.Б. Тева. Однако в этих работах основное внимание сфокусировано на двух главных акторах – власти (федеральной, региональной, городской) и бизнеса.

Достаточно много современных работ посвящено анализу развития местного самоуправления в России и институционально-правовых барьеров для его осуществления, влиянию федеральной политики на сужение коридора самостоятельности и независимости муниципалитетов. Особое наше внимание заслуживают работы Р.В. Бабуна, Е.И. Васильевой, В.Я. Гельмана, Э.Х. Гриппа, О.Ю. Гусельниковой, А.Н. Костюкова, Э.Ю. Майковой, О.А. Моляренко, Е.В. Симонова, С.Г. Соловьевой, А.Ю. Сунгурова, Д.К. Тинякова, Т.В. Усковой, Е.С. Шугриной, Ю.Х. Яхиной.

К анализу эффективности управления в российских городах в условиях политико-административной централизации и унификации обращаются В. Бедерсон, А. Семенов, А.В. Стародубцев, Р. Туровский, Г. Шарафутдинова, И. Шевцова, С. Шкель. В их работах анализ факторов эффективности городского управления сфокусирован преимущественно на официальных структурах власти разного уровня и особенностях взаимодействия между ними, заданных логикой развития российских реформ последних десятилетий, тогда как активность гражданского общества (местного сообщества) в числе этих факторов не рассматривается.

Социологические исследования городского гражданского активизма (потенциальной готовности населения участвовать в местном самоуправлении и реального участия) проводятся на уровне регионов и России достаточно активно с конца 90-х-начала 2000-х гг. Результаты этих исследований отражены в работах С.Б. Абрамовой, Н.Л. Антоновой, К.А. Антипьева, Р.Э. Бараш, Ю.Р. Вишневого, Я. Багиной, Д. Волкова, В.В. Гальченко, Б.С. Гладарева, С. Гончарова, А.А. Желниной, Е.Н. Заборовой, О. Запорожец, А. Колесникова, М.Н. Королевой, Э.Ю. Майковой, Л.И. Никовской, М.В. Певной, В.В. Петухова, Р.В. Петухова, Н.Н. Седовой, А.В. Семенова, Е.В. Симоновой, И.А. Скалабан, М. Снеговой, Е.В. Тыкановой, О.А. Уржи, Е.В. Фроловой, А.М. Хохловой, М.А. Черновой, Е.А. Шуклиной, Н.Н. Ягодки и др.

Комплексный анализ вопросов регулирования городского развития и разработки городской политики, направленной на эффективное использование потенциалов города, его градостроительной системы и городской среды, представлен в работах А.А. Высоковского, В.Л. Глазычева, Л.Б. Когана, Г.М. Лаппо, А.М. Лоллы, В.Я. Любовного. Работы указанных представителей отечественной географической и междисциплинарной урбанистики заслуживают самого пристального социологического внимания, поскольку они построены на фундаменте «антропоориентированности»: человек (горожанин) в городской среде обитания выступает главным

ориентиром для разработки стратегий, программ, генпланов развития городов, схем расселения, правовых нормативов, СНиПов.

Существенный вклад в формирование прогрессивных взглядов на управление развитием российских городов (децентрализация, плюрализм, самоорганизация городских сообществ, муниципально-частное партнерство, горизонтальные сети взаимодействия и пр.) внесли работы Е.Г. Анимицы, А.Г. Гладышева, М.В. Глазырина, С. Журавлева, Е.Н. Заборовой, В.Н. Иванова, И. Ирбитской, Е. Коротковой, Е. Куричевой, К. Мокрушиной, В.И. Патрушева.

Разработка моделей городского развития, возникающих на стыке идей «нового урбанизма» (явившегося критическим переосмыслением принципов организации модернистского города) и общемировой идеологии городской устойчивости (явившейся ответом на экологические, экономические, технологические, социальные вызовы урбанизации), находит отражение в трудах ряда зарубежных урбанистов: Дж. Джекобс (идеи смешения функций в пределах одной территории и обеспечение на этой основе насыщенной городской среды), А. Дуэни, Л. Крие, Э. Платер-Зибек (идеи проектирования кварталов-соседств, способных стимулировать социальные связи и образование локальных комьюнити), Дж. Данцига и Т. Саати («компактный город»), Р. Серверо («транзит-ориентированное развитие»), В. Вучика («удобный для жизни город»), Я. Гейла («город для людей»), К. Морено («15-минутный город»). Выделенные модели не исчерпывают всего многообразия существующих на сегодняшний день концептуальных разработок, однако, они в наиболее явном виде представляют собой интегрированный синтез идей устойчивого в экономическом, экологическом и социальном аспектах городского развития и акцентируют внимание на средовом факторе во взаимосвязи с пространственно-территориальным.

Проблема дифференциации городского пространства имеет широкий диапазон изучения (виды дифференциации) и достаточно длительную историю в рамках различных наук о городе. В социологии внутригородская

дифференциация традиционно рассматривается в проекции социально-пространственных неравенств и сегрегации – социоструктурный подход, фундаментально обоснованный П. Бурдьё через взаимосвязь физического и социального пространства, а также прослеживающийся в идеях неомарксиста А. Лefевра о городском пространстве как «продукте» социальных отношений и одновременно «производителе» этих отношений.

С самого начала зарождения городской социологии внутригородская дифференциация (включая различные виды неравенств) явилась важнейшей темой исследований Ч. Бута, Э. Берджесса, П. Маркузе. Предложенная Э. Берджессом концентрическая модель функционального зонирования городского пространства (учитывающая и социальный признак – распределение в городском пространстве представителей определенного класса) впоследствии была оспорена Х. Хойтом (секторальная модель организации городского пространства), Ч. Харрисом и Э. Ульманом (многоядерная модель). Сформировавшаяся в конце XX века Лос-Анджелесская школа (Дж. Гарро, М. Дэвис, Э. Сойя), воплотившая в своих идеях переход от исследований города эпохи модерна к исследованию постмодернистского города, выявила иную тенденцию – усложнение, реструктуризацию и конфликтность городского пространства, в котором городской центр утрачивает свое доминирующее значение, тогда как периферийные спальные районы и пригороды формируют новые организующие структуры и оттягивают на себя традиционные функции центральных районов. Сформировавшиеся в зарубежной традиции модели функционального зонирования и социальной дифференциации городского пространства (как ранние, так и более поздние) не вполне применимы для анализа специфики российских крупных городов, имеющих выраженные «последствия» советской плановой экономики и градостроительных проектов.

В советской отечественной социологии исследования социальной внутригородской дифференциации (тем более неравенств и сегрегации)

практически не проводились как в силу идеологических, так и объективных причин – отсутствие ярко выраженных зон с социально-однородным наполнением. Редкое исключение – исследование социально-профессионального состава центрального района Москвы О.Е. Трущенко, выполненное в теоретической рамке западных концепций (П. Бурдьё). В основном же внутригородская дифференциация в исследованиях советского периода объяснялась не в русле западных концепций социального неравенства, а с точки зрения факторов, не связанных непосредственно с процессами социального неравенства в городском пространстве – демографические характеристики населения, размещение мест приложения труда, типы застройки, ландшафтно-природные, инфраструктурные условия (Н.Б. Барбаш, В.О. Рукавишников, В.В. Трушков).

Рыночные процессы, происходящие в постсоветском городе, активизировали исследования социально-пространственных неравенств и сегрегации (социально-экономической, жилищной, этнической) в крупных городах и мегаполисах. Данная проблематика находит отражение в работах М.С. Алексеевой, Е.Б. Бедриной, Е. Варшавер, О.И. Вендиной, В.В. Галиндабаевой, Е. Деминцевой, Г.В. Еремичевой, М. Ермаковой, Н. Ивановой, Н.Р. Корнева, А. Махровой, Н.Л. Мосиенко, А.Н. Муфтаховой, А.Н. Панина, Д.А. Панышиной, К.А. Пузанова, А. Рочевой, О.С. Сидоровой, Е.Л. Строковой, В.С. Тикунова.

Утверждение приоритетов качества жизни населения в отечественной науке и практике городского управления способствовало повышению внимания исследователей к проблеме качества городской среды как важнейшего элемента качества жизни. Социологические и междисциплинарные исследования в этом направлении на современном этапе ведутся А.П. Багировой, М. Балакиревой, Г.Л. Ворониным, М.С. Гунько, М.А. Дородновой, Р.А. Доховым, Н.В. Дулиной, А.А. Желниной, В.Я. Захаровым, Д. Зупан, Е.А. Иванченко, Н.Н. Ивашиненко, С.С. Касаткиной, Т.С. Киенко, П.М. Козыревой,

А.В. Кученковой, Е.Н. Лазаревой, Е.В. Лебедевой, Д. Лободановой, Н.А. Масталерж, Л.А. Миграновой, Э.К. Наберушкиной, Г.Г. Татаровой, М.Л. Теодоровичем, В.А. Парамоновой, К.А. Пузановым, М.В. Пучковым, А.Ю. Рыкуном, О.Е. Сергеевой, Н.В. Сорокиной, А.А. Стариковым, Е.В. Сухушиной, Л.Н. Фахрадовой, А.Г. Филипповой, Ж.В. Черновой, Л.А. Чернышевой, Ю. Чурсиной, А.А. Шабуновой, А.А. Шляховой, Л.Л. Шпаковской, А.Д. Яблонской и др.

Современные теоретические концептуализации городской среды в рамках различных наук о городе представлены в работах Л.Я. Герцберг, Ю.А. Перелыгиной, В.А. Яровой (архитектурно-градостроительный подход); В.З. Макарова, А.С. Маршалковича, С.П. Мьякинникова, Б.А. Новаковского, Т.В. Субботиной, А.Н. Тетиора, В.А. Хомича, А.Н. Чумаченко (эколого-географический подход); А. Новикова, В.И. Сарченко, С.А. Хиревича (экономический подход); С.В. Пирогова, К.А. Пузанова (социологический подход). Междисциплинарные подходы к определению городской среды развиваются в работах Т.М. Дридзе (экоантропоцентрическая методология), О.Н. Яницкого (концепция социально-экологического городского метаболизма), Л.Б. Когана (социально-градостроительные исследования), В.Л. Глазычева (социально-экологическая интерпретация среды как взаимосвязи предметно-пространственного, социоантропогенного и природного элементов), А.А. Высоковского, К.В. Кияненко, А.В. Крашенинникова, А.В. Иконникова (когнитивная урбанистика).

В настоящее время масштабные эмпирические исследования качества городской жизни и среды на основе расчета интегральных показателей (индексов) проводятся международными организациями и консалтинговыми группами: UN Habitat, McKinsey&Company, Mercer Human Resource Consulting, InterNations, Monocle. Сравнительные исследования городов России по качеству жизни и городской среды ведутся Высшей школой урбанистики НИУ ВШЭ, Финансовым университетом при Правительстве РФ, Институтом территориального планирования «Урбаника»,

Консалтинговой компанией в сфере городского планирования и комплексного исследования городов КБ «Стрелка» совместно с Минстроем России, Рейтинговым агентством «РИА Рейтинг», бизнес-изданием «Коммерсантъ. Секрет Фирмы». Однако эти исследования ориентированы на получение усредненного общегородского показателя, тогда как для целей управления развитием городов наиболее крупного масштаба – мегаполисов – «общегородская температура» не является достаточно информативной.

Проводимые в последние годы исследования территориальной дифференциации городской среды охватывают ряд направлений: изучение полицентричности городской среды на основе анализа расположения центров притяжения – мест приложения труда, торговых, сервисных, культурных, досуговых объектов (П.А. Аношкин, А. Гаврилов, Р. Гончаров, А. Городничев, Е. Котов, К. Никогосян, А. Новиков, С.М. Ремарчук, Р. Тарновецкая); «фото-GPS» исследования, позволяющие осуществлять «микродетальный» скрининг локального фрагмента городской реальности (Р.В. Гончаров, П.М. Сапанов, А.Д. Яшунский); исследования с использованием «больших данных» – геоинформационных, операторов сотовой связи, социальных сетей (В. Богоров, А. Новиков, А.А. Потапенко, Е. Серова); комплексные исследования неоднородности городской среды, предполагающие анализ ее различных составляющих и проводимые с использованием совокупности данных, в том числе опросов (С.Г. Павлюк, К.А. Пузанов и П.М. Степанцов). Существующие методики исследования внутригородских средовых различий базируются в основном на объективных либо субъективных данных, полученных при «интенсивном», глубинном изучении отдельных городских районов, не позволяющем, в свою очередь, обеспечить целостный охват всех городских территорий.

Предпринятый обзор научной литературы показывает, что отдельные аспекты, сопряженные с проблемой диссертационного исследования, получают достаточное освещение как в зарубежной, так и отечественной социологии, а также других отраслях социогуманитарного знания. Однако

проблема управления развитием современного российского мегаполиса как дифференцированной с точки зрения качества городской среды социо-территориальной системы до сих пор не ставилась. Тогда как в современных российских реалиях, характеризующихся нарастанием диспропорций в качестве городской среды в масштабах мегаполиса и связанных с этим негативных социальных эффектов, поставленная научная проблема требует целостного социологического изучения.

**Объект диссертационного исследования** – современный российский мегаполис как дифференцированная по качеству городской среды социо-территориальная система.

**Предмет** – управление развитием современного российского мегаполиса в условиях территориальной дифференциации качества городской среды.

**Цель диссертации** – разработка концептуальных основ исследования управления развитием современного российского мегаполиса и определение возможностей для реализации модели соуправления, направленной на совершенствование качества среды микролокальных городских территорий.

**Задачи диссертационного исследования:**

- 1) Концептуализировать понятие «мегаполис», раскрыть его системные диалектические характеристики;
- 2) Рассмотреть эволюцию подходов к изучению городского управления и обосновать правомерность теории городских режимов как концептуальной основы исследования системы управления современным российским мегаполисом;
- 3) Выявить особенности становления городских режимов в современной России и факторы, сохраняющие перспективы для их вариативности;
- 4) Разработать концептуальные положения анализа управления развитием современного российского мегаполиса как дифференцированной по качеству городской среды социо-территориальной системы;



5) Раскрыть содержательные характеристики современных моделей городского развития, акцентирующих внимание на средовом факторе во взаимосвязи с пространственно-территориальным;

6) Обосновать перспективную модель развития мегаполиса, отвечающую новейшим рискам современности;

7) Разработать методологию и методику исследования территориальной дифференциации качества городской среды с учетом обоснования перспективной модели развития мегаполиса;

8) Разработать социальную технологию, направленную на совершенствование процессов взаимодействия субъектов муниципальной власти и городских стейкхолдеров в ходе проектирования программ развития микрорайонов мегаполиса.

**Теоретико-методологические основы диссертационного исследования.** Проблема, поставленная в диссертационном исследовании, а именно необходимость изучения управления развитием современного российского мегаполиса в условиях территориальной дифференциации качества городской среды, образована на стыке ряда отраслей социологии (социологии управления, ее подотрасли – социологии местного самоуправления, социологии власти, социологии города) и других наук (урбанистики, социальной географии, городской экологии, градостроительства, правоведения). Сложность, многоаспектность поставленной проблемы, ее межотраслевой и междисциплинарный характер требуют учета наработок разных областей наук, зачастую пересекающихся друг с другом в «полях» исследования. В связи с этим основу диссертационного исследования составляет интегративный синтез ряда подходов, используемых как в социологической науке, так и смежных отраслях знания.

Исследуя современное понимание мегаполиса во взаимосвязи с другими урбанистическими категориями, а также выявляя его специфические российские характеристики, мы основываемся на интеграции формально-

количественного, правового, функционального и системного подходов. Формально-количественный и правовой подходы задают исходные (но не исчерпывающие) ориентиры в определении российских мегаполисов. Функциональный подход, базирующийся на концепциях «глобального города» М. Кастельса, С. Сассен и «столичности» А. Даума, П. Холла, В. Россмана, позволил охарактеризовать роль и функции мегаполисов на макро- и мезо- уровнях – в мировом, национальном и региональном масштабах, выделить типы мегаполисов и тенденцию усиления их мультифункциональности. Системный подход с опорой на его ключевые положения, сформулированные в рамках общей теории систем Л. фон Берталанфи, социальных систем Т. Парсонса, градосистем А.М. Лоллы, системообразующих признаков «мегаполисности» В.Н. Лексина и Б.Н. Порфирьева, позволил исследовать мегаполис как сложноорганизованную целостность, обладающую высокой степенью дифференциации и иерархии внутренних подсистем и элементов, одновременным сочетанием самодостаточности и открытости, устойчивости и динамизма.

Анализ мегаполиса как объекта управления предпринят с использованием теории городских режимов К. Стоуна, акцентирующей внимание на кросс-секторальном партнерстве как эффективном способе «производства» значимых результатов в управлении городским развитием и ведущих позициях власти и бизнеса в формировании городской повестки. Идеи Дж. Пьера и Б.Г. Питерса о городском режиме, включающем в себя множество акторов и институций, а также идеи В.Г. Ледяева о специфичности российских городских режимов («нестабильность», «зависимость») позволили смоделировать систему управления современным российским мегаполисом, с одной стороны, обусловленную внешним административно-политическим влиянием, но, с другой стороны – на микролокальном городском уровне – оставляющую возможности для формирования вариативных соуправленческих практик. Методология

исследования территориальной дифференциации качества среды мегаполиса выстраивалась на базе концепции «15-минутного города» К. Морено, главным тезисом которой выступает гиперблизость, доступность ключевых городских сервисов и услуг. Опора на антропоориентированные подходы «нового урбанизма» и идеологию городской устойчивости (Дж. Джекобс, Л. Крие, А. Дуэни, Э. Платер-Зибек, Р. Серверо, В. Вучик, Я. Гейл), развиваемые в трудах отечественных урбанистов А.Б. Гутнова и А.А. Высоковского, позволила разработать эмпирическую модель и методику оценки территориальной дифференциации качества среды мегаполиса.

Интерпретируя городскую среду как целостность взаимосвязанных условий, мы опирались на концепции и идеи, обосновывающие методологическую непродуктивность понимания городской среды как исключительно материально-предметного окружения, либо, наоборот, дематериализованного феномена. Это, во-первых, современные социологические теории вещиности – в частности, акторно-сетевая концепция Б. Латура, обосновывающая «гибридность» социального мира, в котором не только индивиды выступают акторами, но и материальные объекты, вещи, предметы («актанты») являются активными и равноправными участниками взаимодействий, определяя и репрезентируя жизненную среду. Во-вторых, концепция социально-экологического городского метаболизма О.Н. Яницкого, подчеркивающая сложнзависимые отношения между социальными формами жизни и природным, био-энергетическим фоном окружающей среды. В-третьих, эоантропоцентрическая методология познания Т.М. Дридзе, в которой жизненная среда города предстает как «сплетение» природных, рукотворных, информационных, социопсихоантропологических элементов. В-четвертых, социально-градостроительный средовой подход Л.Б. Когана (пересекающийся с идеями Я. Гейла о соразмерном масштабу человека «обустройстве» городского пространства), основанный на идеях взаимного влияния пространства и протекающих в нем социальных процессов. В-пятых, социально-

экологическая концептуализация городской среды В.Л. Глазычева, в которой ее качество определяется гармоничной уравновешенностью между предметно-пространственным каркасом «города-тела», природным и социоантропогенным элементами.

Интегрируя теоретическое знание в практику выработки управленческих решений посредством создания социальной технологии формирования режимов взаимодействия субъектов муниципальной власти и гражданского общества в ходе разработки программ совершенствования качества среды микрорайонов (с учетом ее дифференциации) мы опирались: во-первых, на общеметодологические положения Ж.Т. Тощенко о социальных технологиях как неотъемлемом элементе управленческого процесса; во-вторых, на канонические принципы технологии социального участия П. Геддеса («двойного информирования» и «взаимодействия в проектировании»); в-третьих, на императивы проектно-технологической работы, направленной на сближение социального участия и социально-ориентированного управления, сформулированные межотраслевым научным коллективом под руководством Т.М. Дридзе в ходе диагностического и социально-проектного сопровождения планируемых преобразований городской среды

Данные методологические основания позволили нам исследовать территориальную дифференциацию качества среды мегаполиса, разработать концептуальные положения анализа управления его развитием и социальную технологию, направленную на совершенствование процессов взаимодействия субъектов муниципальной власти и гражданского общества в ходе разработки программ развития внутригородских территорий.

**Эмпирическая база диссертационного исследования** включает в себя:

1. Нормативно-правовые документы и данные официальных сайтов федерального, регионального, муниципального уровней РФ – Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с

изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020); Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (№-131 ФЗ); Федеральный закон от 27.05.2014 г. № 136-ФЗ О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»; Указы президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.», «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.»; действующий в России с 2018 года приоритетный национальный проект «Жилье и городская среда» (в его рамках – федеральный проект «Формирование комфортной городской среды»); распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 марта 2019 г. № 510-р «Об утверждении методики формирования индекса качества городской среды»; руководство Минстроя/ДОМ.РФ по определению первоочередных направлений развития городской среды с помощью индекса качества городской среды; данные общероссийского мониторинга достижения целей федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» приоритетного национального проекта «Жилье и городская среда» за 2018-2020 гг., проводимого на основе разработанного КБ «Стрелка»-Минстроем-ДОМ.РФ первого в России национального индекса качества городской среды и опубликованные на специально созданном для этих целей сайте «индекс-городов.рф»; стратегические планы развития российских мегаполисов, опубликованные на официальных сайтах.

2. Результаты всероссийских опросов Института социологии РАН (2014 г.), Левада-центра (2018, 2019, 2020 гг.), посвященные изучению гражданского активизма и участию населения в местном самоуправлении, в

том числе проведенные Левада-центром опросы населения 15 городов-миллионников.

3. Результаты двух исследовательских проектов, реализованных в период с 2016 г. по 2020 г. при участии автора.

- Результаты 4-х этапов исследования, проведенных в 2016-2017 гг. в рамках НИР «Формирование концепции перспективного развития жилых микрорайонов муниципального образования "город Екатеринбург" до 2035 года» (Муниципальный контракт № 15/2016-2 от 17 ноября 2016 г.). Руководители НИР от Института экономики Уральского отделения РАН – В.В. Акбердина, О.А. Козлова. Руководитель НИР от Института государственного управления и предпринимательства УрФУ – А.П. Багирова. Ответственный исполнитель – О.В. Нотман. Реализованное исследование включало в себя следующие 4 этапа: 1) Микрорайоны мегаполиса как места проживания; 2) Микрорайоны мегаполиса как места приложения труда; 3) Микрорайоны мегаполиса как места тяготения жителей; 4) Формирование комплексного профиля социально-экономической ситуации в микрорайонах Екатеринбурга и разработка паспортов развития микрорайонов.

Исследование было проведено с использованием данных муниципальной статистики о состоянии отдельных сфер жизни в городских микрорайонах, предоставленных администрацией г. Екатеринбурга, и данных анкетного опроса населения в возрасте от 15 лет всех 66 городских микрорайонов. Для проведения опроса была использована двухступенчатая постстратифицированная по микрорайонам города выборка с пропорциональным размещением единиц внутри каждой страты (микрорайона). Внутри групп респондентов по микрорайонам проживания осуществлялся контроль половозрастных квот. Процедура формирования выборки включала две фазы: 1) потоковая выборка для он-лайн опроса с использованием совокупности сайтов, обеспечивающих репрезентацию широких слоев населения (анкета размещалась на ведущем информационном

портале города – e1.ru; сайте городской администрации; во всех виртуальных сообществах в социальных сетях, посвященных Екатеринбургу; в тематических группах городских активистов, лидеров общественного мнения); 2) добор респондентов из слабопредставленных возрастных групп (от 55 лет) для традиционного анкетного опроса в местах концентрации жителей старшего возраста (поликлиники, продуктовые супермаркеты и магазины шаговой доступности во время дневных скидок для пенсионеров). На завершающем этапе формирования выборки была использована весовая калибровочная корректировка с помощью процедур частотного выравнивания – постстратификации по признакам пола, возраста, микрорайона проживания. Итоговый объем выборочной совокупности составил 3570 человек.

В рамках завершающего 4-го этапа исследования «Формирование комплексного профиля социально-экономической ситуации в микрорайонах Екатеринбурга и разработка паспортов развития микрорайонов» была реализована экспериментальная апробация результатов 3-х этапов исследования, включающая их представление и обсуждение в администрации 7 районов Екатеринбурга, городской администрации. Были проведены 8 дискуссионных групп по итогам исследования с представителями городской администрации, главами районных администраций, экспертами, локальными резидентами.

- Результаты исследования «Доступность городской среды для семей с детьми», проведенного в 2020 г. в Екатеринбурге в рамках проекта «Российская пронаталистская политика: ресурсы, эффекты, возможности оптимизации», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2722.2020.6). Научный руководитель проекта – А.П. Багирова. Исполнитель – О.В. Нотман. Исследование проводилось с помощью анкетного опроса горожан-родителей, имеющих детей дошкольного и школьного возраста, проживающих в различных

микрорайонах Екатеринбурга. Была использована целевая квотная выборка, объем выборочной совокупности составил 1374 респондента, из них 61,1 % женщины, 38,9 % мужчины, медианный возраст опрошенных родителей – 34 года.

Обработка и анализ данных статистики и опросов населения осуществлялись в SPSS 23.0. Для анализа были использованы следующие статистические процедуры: описательные статистики, анализ сопряженности, тесты для независимых выборок (непараметрические тесты Манна-Уиттни, Краскалла-Уоллеса и медианный тест).

**Наиболее существенные результаты исследования, обладающие научной новизной:**

1. Концептуализировано понятие «мегаполис» с позиций интеграции формально-количественного, правового, функционального и системного подходов, позволяющих выделить комплекс его взаимосвязанных и взаимодополняющих характеристик, функций, противоречий в условиях неоднозначности трактовки урбанистических образований в разных странах и национальной (российской) специфике их формирования и развития.

2. Предложена авторская модификация теории «городских режимов» с учетом специфических российских реалий, ограничивающих возможности для формирования самостоятельных, независимых, устойчивых городских режимов, но не исключаящих их полностью в более «гибких» вариантах – эпизодически проявляющихся, нестабильных, неустойчивых.

3. Впервые в научный оборот введено понятие «микрлокальный городской режим», под которым предложено понимать взаимодействие субъектов муниципальной власти (районных администраций) и гражданского общества (индивидуальных и организационных акторов-резидентов) в пространстве повседневной, аполитичной повестки, связанной с обеспечением качества среды на уровне внутригородских локальных территорий.



4. На основе теории городских режимов разработана модель системы управления современным российским мегаполисом, отражающая, во-первых, уровневый характер управления сверхкрупными городскими системами; во-вторых, специфику городского управления как мультисубъектного местного самоуправления; в-третьих, горизонтальную природу городского управленческого процесса – с возрастанием интенсивности субъект-субъектных отношений по мере движения от общегородского к микролокальным режимам.

5. Разработана авторская методология исследования территориальной дифференциации качества среды мегаполиса, выстроенная на теоретическом базисе модели «15-минутного города», интегрирующей положения полицентричного, ориентированного на человека, инклюзивного, экологически, экономически и социально устойчивого городского развития в микропространственном разрезе. В основу методологии положено единство морфологического, социально-функционального и средового принципов.

6. Предложена авторская трактовка городской среды и основной социологический критерий оценки ее качества. С позиций методологической синестезии городская среда определяется как комплекс взаимосвязанных условий, оказывающих прямое или опосредованное влияние на процессы жизнеобеспечения и жизнедеятельности населения. Основной социологический критерий оценки качества городской среды – возможности реализации жизнеобеспечивающих (физическое существование, воспроизводство, сохранение здоровья, безопасность и пр.) и жизнедеятельностных (работа, коммуникация, образование, культурное развитие, отдых и пр.) потребностей населения.

7. Разработана авторская эмпирическая модель и методика оценки территориальной дифференциации качества городской среды с использованием композитных индексов и субиндексов, позволяющих оценивать интегральное качество среды микротерриторий, качество развития ее отдельных элементов, функциональную насыщенность территорий в

аспекте ключевых процессов жизнедеятельности населения – проживания, труда, досуга.

8. По результатам апробации разработанной методологии и методики исследования территориальной дифференциации качества среды мегаполиса на примере Екатеринбурга осуществлено позиционное картографирование и создана информационно-аналитическая база для разработки программ развития городских микрорайонов.

9. Разработана и апробирована на примере Екатеринбурга социальная технология формирования микролокальных режимов взаимодействия субъектов муниципальной власти и городских стейкхолдеров в ходе проектирования программ совершенствования качества среды микрорайонов. Данная технология может быть применена для решения проблем, связанных с вопросами качества городской среды, в рамках любого мегаполиса и крупного города.

**В соответствии с обозначенными выше пунктами научной новизны на защиту выносятся следующие положения:**

1. С позиций интеграции формально-количественного, правового, функционального и системного подходов мегаполис определяется как сверхкрупная (с численностью населения свыше 1 млн. человек), мультифункциональная, высокодифференцированная социо-территориальная система, имеющая юридический статус города федерального значения, административного центра, столицы субъекта РФ.

Установлено, что объективные исторические, пространственно-географические, социально-экономические контексты урбанизации в разных странах определяют различия в определении формально-количественных критериев идентификации мегаполисов: зарубежные трактовки основываются на критериях численности населения от 10 млн. человек, российские – свыше 1 млн. человек. Показано, что количественные критерии не являются достаточными. Главными признаками мегаполисов и городов мегаполисного типа (в случае, если численность населения в них не

превышает 1 млн. человек) являются реализуемые ими в масштабах региона и страны, а также глобальном пространстве функции. Выполняя на мезо- и макроуровнях комплекс функций – политико-административных, организационно-институциональных, сервисных, интеграционных, пространственно-организационных, информационно-коммуникативных, инновационных, экономических, социокультурных, – мегаполисы выступают «точками» роста, «драйверами» развития своих регионов и стран, а также важнейшими элементами мировой системы экономического, политического, социального, культурного, информационного взаимодействия.

В мегаполисах как сверхкрупных и сложноорганизованных социотерриториальных системах наиболее ярко проявляется весь комплекс противоречий во взаимодействии отдельных элементов и подсистем, внутренней и внешней среды. С одной стороны, мегаполис выступает целостной пространственно-организационной формой бытия общества и, соответственно, включает в себя все его характеристики, с другой – он оказывает существенное влияние на развитие этого общества, являясь одним из его значимых проявлений (современных форм существования). С одной стороны, мегаполис является целостной системой, но с другой – ему присуща высокая степень дифференциации внутренних подсистем и элементов (внутригородских территорий, городской среды, сообществ, групп, институтов, организаций и структур). С одной стороны, мегаполисам присуще стремление к устойчивости, но, с другой – это высокодинамичные системы, развивающиеся под воздействием трансформирующихся условий внутренней и внешней среды. Мегаполисы характеризуются одновременным сочетанием замкнутости (локальности) и открытости: с одной стороны, они включают в себя множество не выходящих за пределы системы элементов и подсистем, с другой – открыты для «входа» внешних и «выхода» внутренних потоков (информации, людей, капиталов).

2. На основе анализа эволюции подходов к исследованию городского управления – от элитистских к плюралистическим – показана

продуктивность теории «городских режимов», позволяющей рассматривать управление современным российским мегаполисом сквозь призму многосубъектного взаимодействия как эффективного способа «производства» значимых для городского развития результатов.

Выявлены три главных фактора, сохраняющих возможности для формирования городских режимов в определенном диапазоне вариативности даже в условиях государственной централизации, сужающей коридор местной автономии: 1) вовлеченность мегаполисов в глобальные экономические и социокультурные взаимосвязи, расширяющие внешние макрогоризонты в привлечении разного рода ресурсов для городского развития и стимулирующие развитие плюралистических тенденций в городском управлении; 2) активность территориально привязанного бизнеса в продвижении своих интересов на городском уровне и инициации необходимых для этого альянсов; 3) «низовые» процессы, связанные с активизацией местного сообщества и развитием городского гражданского активизма как определенного компенсаторного ответа на «урезание» местной автономии со стороны федерального центра и слабую способность муниципальной власти противостоять этому давлению.

3. Доказано, что такие свойства городских режимов, как стабильность, длительность и независимость от внешнего административно-политического давления со стороны федеральной и региональной власти, в полной мере не могут характеризовать российские городские режимы. Они скорее характеризуются как ограниченные, появляющиеся, неустойчивые, зависимые. Вместе с тем, пересечение спектра интересов публичных и частных акторов, наличие разного рода взаимодействий и какого-то уровня кооперации между ними (исходные основания для возникновения любого режима) позволяют предложить более «гибкую» версию теории городских режимов в качестве концептуальной базы анализа мегаполиса как объекта управления. В рамках постнеклассической (субъект-полисубъектной) управленческой парадигмы городской режим интерпретируется нами как

менее жесткий «конструкт», соотносимый с процессом городского соуправления как процессом взаимодействия множества акторов и институций – субъектов разного уровня включенности, ресурсности, влияния и полномочий.

Адаптируя классические конституирующие признаки городских режимов к современным российским реалиям, мы определяем городские режимы как подвижную модель взаимодействия городских стейкхолдеров, формирующуюся даже в условиях значительных для реализации местного самоуправления институционально-правовых барьеров.

4. Введенное в научный оборот понятие «микрлокальный городской режим» обосновано данными общероссийских исследований городского гражданского активизма последних 5-7 лет, фиксирующих повышение уровня вовлеченности населения в решение вопросов местного значения на уровне микрлокального территориального пространства – района, микрорайона, жилищного комплекса. Прямая заинтересованность жителей и территориально «привязанных» коммерческих компаний, общественных организаций в улучшении непосредственной среды обитания является ключевым фактором для трансформации потенциала гражданского общества в реальное участие – соуправление на микрлокальном городском уровне.

Микрлокальные городские режимы, в отличие от общегородского, в значительной степени детерминированного общенациональным вектором институциональной модернизации и имеющего выраженную политическую повестку, проявляют себя как режимы: а) аполитичного типа, ориентированные преимущественно на повседневную повестку – обеспечение качества среды жизнедеятельности внутригородских территорий; б) с широким диапазоном вариативности, зависящим от характерных особенностей конкретных районов и их резидентов; в) с высоким уровнем вовлечения населения и развертыванием делиберативных процессов. На микрлокальном уровне наиболее выражено проявляются эффекты социальной солидарности, интеграции резидентов в сообщества

(образуемые как на базе инициативной деятельности по благоустройству среды обитания, так и по поводу отстаивания своих прав на определенное использование городского пространства), а также значительно расширяется репертуар неформальных активистских практик, в рамках которых горожане становятся субъектами конструирования социально значимых результатов в развитии внутригородских территорий.

5. Показана специфика управления современным российским мегаполисом сквозь призму теории городских режимов и российских условий их формирования – укрепление вертикали власти, сужение коридора самостоятельности муниципалитетов, институционально-правовые барьеры для реализации местного самоуправления. Эта специфика, с одной стороны, обусловлена внешним административно-политическим влиянием (формальным и неформальным – со стороны федеральной и региональной власти), но, с другой стороны – на внутреннем уровне формирования микролокальных режимов – воплощающая принципы горизонтального (субъект-субъектного) взаимодействия. Территориальный масштаб и дифференциация уровней управления в мегаполисах, наряду с активизацией формальных и неформальных практик участия резидентов в развитии своих территорий, дают основание рассматривать мегаполис не только в проекции единого общегородского режима, но и в проекции множественности внутригородских микролокальных режимов.

6. На основании модели «15-минутного города» как наиболее прогрессивной, отвечающей новейшим рискам современности, определены ключевые принципы методологии исследования территориальной дифференциации качества городской среды – морфологический, социально-функциональный, средовый. Морфологический принцип определяет выбор структурных единиц организации селитебного городского пространства, оптимальных для сравнительного анализа – это микрорайоны. Социально-функциональный принцип обеспечивает переход от типа функциональности к социально-функциональной насыщенности микрорайонов в аспекте

ключевых процессов жизнедеятельности населения – проживания, труда, досуга. Средовый принцип обеспечивает «связку» морфологической формы и социально-функциональной «наполненности», определяющей возможности для реализации спектра потребностей горожан в границах микротерриторий и связанной с этими возможностями качеством городской среды.

7. На основе проведенного анализа существующих в международной и российской практике методик измерения качества городской жизни и городской среды утверждается, что универсальным измерительным инструментом выступают композитные индексы. Преимущества композитных индексов как измерительных инструментов заключаются в следующем: возможность сведения большого массива данных, различающихся единицами измерения, в единый стандартизированный показатель, позволяющий получить целостное представление о качестве жизни населения определенной территории; обеспечение технического удобства для межгородского сопоставления полученных интегральных значений; возможность дифференцированного анализа отдельных элементов качества жизни на основе конструирования субиндексов; возможность выявления «вклада» каждого индикатора в общую «картину» качества жизни и, соответственно, обнаружения наиболее проблемных областей, требующих целенаправленных мер социально-экономической политики.

Выявлено, что существующие композитные индексы измерения качества городской среды ориентированы на измерение «общегородской температуры» с преимущественным использованием доступных статистических данных, позволяющих единовременно обеспечить массовый охват городов в целях их рейтингования. Тогда как совершенно свободной остается научная ниша разработки методик исследования территориальной дифференциации качества городской среды (в том числе с учетом субъективных оценок населением внутригородских территорий).

8. Определены методические принципы оценки территориальной дифференциации качества городской среды с использованием композитных индексов, среди них:

- Комбинация статистических (объективных) и социологических (субъективных) данных, полученных в ходе опроса городского населения. Первые позволяют оценить городскую среду с точки зрения формального обеспечения горожан необходимыми благами, тогда как вторые – с позиций реальных практик «пользования» городскими благами, а также удовлетворенности горожан различными составляющими городской среды и предоставляемым спектром услуг.

- Микромасштабный (максимально детальный) уровень сбора данных. Поскольку данные, собранные в целом по мегаполису и даже на уровне его крупных территориальных единиц (например, административных районов), не могут с высокой степенью детальности отражать существующую дифференциацию средовых условий и служить достаточным основанием для принятия управленческих решений по развитию локальных территорий, мы собирали данные на максимально возможном дробном уровне – на уровне городских микрорайонов.

- Комплексный охват показателей, характеризующих качество среды микрорайонов города как целостности взаимосвязанных условий, в которых протекают процессы жизнеобеспечения и жизнедеятельности населения. Выбор оценочных направлений и соответствующих им показателей качества городской среды определялся с учетом сложившихся в мировой практике стандартных урбанистических критериев – областей оценивания, а также с учетом реализации задачи выявления социально-функциональной насыщенности городских территорий, позволяющей охарактеризовать микрорайоны как по отдельным функциям (резидентная, трудовая, рекреационно-досуговая), так и по сочетанной реализации всех функций (мультифункциональность). Общая база данных включала в себя более 80 показателей, распределенных по сферам и соответствующим им функциям.



9. Разработана процедура расчета индекса территориальной дифференциации качества городской среды, позволяющая получить как интегральную оценку качества среды в микрорайонах города («вбирающую» в себя весь массив объективных и субъективных данных), так и детализированную оценку по отдельным средовым параметрам в 3D-функциональной проекции. Эта процедура включает несколько этапов:

- стандартизация значений всех показателей;
- расчет индексов микрорайонов по оцениваемым сферам (элементам) качества среды и соответствующим им функциям;
- расчет композитного индекса качества среды микрорайонов мегаполиса (строится на основе трех индексов микрорайона по реализуемым им функциям; веса всех функций признаются равными, поскольку, согласно прогрессивным урбанистическим моделям, достижение устойчивого городского развития обеспечивается при условии гармоничного сочетания различных функций в пределах каждого района/микрорайона);
- расчет субиндексов микрорайонов по объективным и субъективным показателям (рассчитываются дополнительно для возможности сопоставительного анализа оценок микрорайонов по официальным статистическим данным и субъективным оценкам населения).

10. На основе применения авторской методики оценки качества среды мегаполиса выявлены следующие тенденции актуального этапа ее развития: высокая дифференциация микрорайонов как по отдельным средовым составляющим, так и по функциональным индексам при отсутствии максимальных значений индексов даже среди микрорайонов-лидеров; проблемы реализации мультифункциональной модели развития для значительного количества городских микрорайонов и проживающего в них населения; формирование полицентричности нового неиндустриального типа: укрепление лидерских позиций микрорайонов (как с длительной историей, так и молодых) – центров локальной сервисной, торговой, рекреационной активности – наряду со снижением резидентной

привлекательности наиболее крупных микрорайонов промышленного периода развития Екатеринбурга.

11. Определены этапы социальной технологии формирования микролокальных режимов взаимодействия субъектов муниципальной власти и городских стейкхолдеров, которую целесообразно применять в ходе разработки программ совершенствования качества среды микрорайонов мегаполиса: преддиагностический, диагностический, согласовательно-коммуникативный, проектно-реализационный. В рамках каждого этапа определены основные участники взаимодействия: преддиагностический этап – городская администрация, исследовательская группа, эксперты; диагностический этап – исследовательская группа, горожане (пассивное участие в опросе); согласовательно-коммуникативный и проектно-реализационный этапы – городская администрация, районные администрации, исследовательская группа, эксперты, городские активисты, жители микрорайонов, территориально привязанные общественные и бизнес-организации (активное участие в выборе ключевых направлений совершенствования среды микрорайонов).

Новизна разработанной социальной технологии заключается в следующем:

- выстраивание многоступенчатых коммуникаций и организация коммуникативного пространства для взаимодействия власти и городских стейкхолдеров не только на общегородском уровне, но и на самом низовом – микролокальном уровне;

- расширение коммуникативного круга участников по мере движения к финальным этапам работ, требующим мультисубъектных согласовательных решений по выбору ключевых направлений совершенствования среды микрорайонов с учетом выявленных позиций каждого микрорайона на общегородской карте и карте административного района (в сравнении с микрорайонами-соседями), а также с учетом постдиагностического обсуждения средовых профилей микрорайонов;

- активистско-преобразовательная стратегия участия исследовательской группы, предполагающая не традиционную «выдачу» рекомендаций после проведения социолого-диагностического исследования (которые зачастую остаются не востребованными властью), но участие исследователей в постдиагностических коммуникативных и проектных видах работ, при этом не только в качестве модераторов и «проводников» потребностей горожан, но и в качестве непосредственных городских резидентов, имеющих, как и все участники диалога, «право на город» и право на участие в местном самоуправлении.

**Теоретическая значимость работы.** Разработанные автором концептуальные положения анализа управления развитием современного российского мегаполиса как дифференцированной по качеству городской среды социо-территориальной системы, методология исследования территориальной дифференциации качества среды мегаполиса, а также социальная технология реализации модели соуправления, выстроенная на базе интеграции принципов социального участия и социально-ориентированного управления, развивают теорию городских режимов, расширяют терминологический базис социологии управления и социологии города за счет введения нового понятия «микролокальный городской режим», его социологической концептуализации, открывают новое направление исследований качества городской среды, соединяющее масштаб охвата и микродетальную оптику, раскрывают возможные направления соединения научного социологического знания с реальной практикой управления.

**Практическая значимость работы.** Результаты диссертационной работы представляют интерес для органов исполнительной власти муниципального уровня – городской администрации, районных администраций, находящихся в их ведении департаментов и комитетов, занимающихся вопросами городского благоустройства; для органов территориального общественного самоуправления, руководителей

некоммерческих организаций и бизнес-организаций, исследователей, занимающихся проблемами городского управления, местного самоуправления и участия локальных сообществ в преобразованиях городской среды.

Разработанные автором методология и методика исследования территориальной дифференциации качества городской среды могут быть использованы для диагностического скрининга любого мегаполиса и крупного города, вне зависимости от их специфических пространственно-географических и структурно-морфологических характеристик.

Разработанная и апробированная на примере Екатеринбурга социальная технология формирования микролокальных режимов взаимодействия субъектов муниципальной власти и городских стейкхолдеров в ходе проектирования программ совершенствования качества среды городских микрорайонов также может быть применена для решения аналогичных проблем (связанных с повышением качества городской среды и вовлечением в этот процесс гражданского общества) в рамках любого мегаполиса или крупного города.

Основные положения и выводы диссертационного исследования могут быть включены в учебные курсы по общей социологии, социологии управления, социологии города, методологии и методике городских исследований для бакалавров, магистров и аспирантов, выступить основой учебно-методических разработок, программ учебных дисциплин для преподавателей, читающих курсы по общей и отраслевой социологии, методам социологических исследований.

**Достоверность результатов**, полученных в ходе диссертационного исследования, обеспечивается методологической обоснованностью исходных теоретических положений, использованием методов и процедур сбора, обработки и анализа данных, релевантных поставленным цели и задачам.

**Соответствие темы диссертации требованиям Паспорта специальности ВАК.** Исследование выполнено в рамках специальности

22.00.08 – Социология управления и соответствует формуле Паспорта специальности в следующих пунктах: 2. Понятийно-категориальный аппарат социологии управления как результат ее междисциплинарного развития; 4. Концептуальные и эмпирические исследовательские методы и процедуры в социологии управления; 12. Социальные технологии в системе управления: сущность, формы и особенности; 17. Социальное проектирование: сущность, методы и практика; 29. Социологическое информационно-аналитическое обеспечение управленческого процесса; 30. Методы сбора, анализа и оценки социальной информации в системе управления.

**Апробация и внедрение результатов исследования.** Результаты эмпирического исследования территориальной дифференциации качества среды мегаполиса Екатеринбург отражены в информационно-аналитических отчетах и докладах для администрации Екатеринбурга, администрации 7 городских районов, выступили основой для разработки программ развития городских микрорайонов.

Концепция и основное содержание диссертации отражены в авторской монографии, статьях в периодических изданиях и сборниках. Всего публикаций 30, общий объем – 26,25 п.л., 16 научных статей опубликовано в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ.

Основные положения и выводы диссертации докладывались на конференциях, научных симпозиумах, семинарах и конгрессах, в том числе 10 международного уровня: The 9<sup>th</sup>, 14<sup>th</sup> International Days of Statistics and Economics (Prague, 2015, 2020), International Conference "Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies" (St. Petersburg 2017), The 13<sup>th</sup> International Scientific conference "Reproduction of Human Capital - mutual links and connections" (Prague, 2021), «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений» (Вологда, 2020), «Социальные процессы в современной России» (Нижний Новгород, 2020), «Стратегии развития социальных общностей, институтов и

территорий» (Екатеринбург, 2021), V Нижневолжские чтения «Социально-политические, экономические и демографические аспекты развития современного общества» (Волгоград, 2021), «Старшее поколение современной России» (Нижний Новгород, 2021), Симпозиум по устойчивому региональному и городскому управлению «Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития» (Екатеринбург, 2021); 3 всероссийского: «Регионы России: экономика, культура, история» (Березняки, 2009), XXII Уральские социологические чтения «Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона» (Екатеринбург, 2020), VI Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов» (Тюмень, 2020).

Исследования, проведенные автором в процессе подготовки диссертационной работы, были поддержаны администрацией г. Екатеринбурга (Муниципальный контракт № 15/2016-2 от 17 ноября 2016 г., руководитель проекта – А.П. Багирова, ответственный исполнитель – О.В. Нотман); Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2722.2020.6, руководитель проекта – А.П. Багирова, исполнитель – О.В. Нотман).

**Структура работы** определена логикой исследования и последовательностью решаемых задач. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих 8 параграфов, заключения, библиографического списка и приложений.

# ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО МЕГАПОЛИСА

## 1.1 Концептуализация понятия «мегаполис»: формально-количественный, правовой, функциональный и системный подходы

В целях концептуализации понятия «мегаполис» сначала обратимся к классическому теоретическому наследию, в рамках которого сформулированы базовые конституирующие признаки города как социального феномена. Основываясь на родовой категории «город», проанализируем происхождение понятия «мегаполис» и его взаимосвязь с другими ключевыми урбанистическими понятиями, рассмотрим специфику научного анализа мегаполиса в рамках зарубежной и отечественной традиций, а также существующие между ними терминологические различия. Исследуя современное понимание мегаполиса, возьмем за основу формально-количественный (статистический), правовой, функциональный и системный подходы, которые будут взаимно дополнять друг друга и позволят интегрировать ключевые маркеры рассматриваемого понятия.

Исходные теоретические ориентиры в анализе и определении городов сформулированы классиками социологической мысли Э. Дюркгеймом, Ф. Теннисом, Г. Зиммелем, К. Марксом и Ф. Энгельсом, М. Вебером в рамках разработанной ими общесоциологической теории раннего капиталистического общества. Современные дефиниции города, так или иначе, базируются на постулатах, восходящих к классическому теоретическому наследию, предложившему ряд конституирующих признаков города. К наиболее значимым из них можно отнести численность и плотность населения, занятость вне сферы сельского хозяйства, доминирующие формы экономического и социального взаимодействия, особенности городской среды и образа жизни.

Э. Дюркгейм в своей работе «Об общественном разделении труда» обосновывает тезис о дифференциации труда как исторической основе формирования города. В городе индивиды группируются в соответствии с особой природой социальной деятельности – профессиональной, в основе которой лежит не механическая, а органическая солидарность<sup>2</sup>. Именно органическая солидарность определяет индустриальный город и специфику складывающихся в нем социальных отношений. В индустриальном городе с возрастающей за счет иммигрантов численностью населения механическая солидарность (свойственная доиндустриальным обществам) сменяется органической, определяемой разделением труда как внутри городов, так и между ними. Два типа социальной солидарности, выделяемые Э. Дюркгеймом, созвучны идеям Ф. Тенниса о двух типах социальных связей – общинных (общины) и общественных (общества). Общинные отношения, свойственные патриархально-феодалному этапу развития общества, характеризуются душевной близостью, эмоциональной привязанностью, «семейственностью», соседством, дружбой. Общественные отношения, свойственные капиталистическому обществу, строятся на принципах рациональности – выбора, обмена, расчета, торговли. В крупных городах происходит смена общинных отношений общественными, продуцирующими разобщенность индивидов, их противостояние и враждебность друг к другу<sup>3</sup>.

Глубокий контраст между жизнью большого города и жизнью маленького города или деревни с ее медленным, привычным ритмом подчеркивает Г. Зиммель, описывая социальные отношения в большом городе. Город ежедневно «атакует» человека бесконечно сменяющимися впечатлениями, стимулами, скоротечными контактами, не давая ему возможности к чему-то привязаться. «Повышенная нервозность жизни», присущая большим городам, рождает определенный тип отношения –

---

<sup>2</sup> Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 277–278.

<sup>3</sup> Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. М.: «Фонд Университет», СПб.: «Владимир Даль», 2002. С. 370–380.



«бесчувственное равнодушие»<sup>4</sup>. Такое равнодушие является специфической формой приспособления городских жителей к обстоятельствам жизни в большом городе, способом защиты и сохранения себя. Житель большого города обладает свободой и независимостью в сравнении с жителем маленького города, скованным мелочностью и предрассудками. Однако, эта свобода и независимость обретается за счет взаимной замкнутости и безразличия. Поэтому нигде человек не чувствует себя таким одиноким и покинутым, как в тесной сутолоке больших городов, в которых физическая близость и скученность только подчеркивают духовную отдаленность<sup>5</sup>. Разобщенность, описываемая Г. Зиммелем, – это новый вид социальной связи, которая производится и воспроизводится в условиях городской жизни. Другой важный момент, на котором акцентирует внимание немецкий классик, – это преобладание рассудочности (делового отношения к людям и вещам), определяемой тем, что большие города являются центрами обмена и денежного хозяйства.

В работах К. Маркса и Ф. Энгельса<sup>6</sup> наиболее явно прослеживается конфликтная природа капиталистического промышленного города с его антагонистическими противоречиями между буржуазией и рабочим классом. Раскрывая механизм капиталистического производства в индустриальном обществе, основоположники марксизма описывают городское общество, поскольку превращение труда в товар стало возможным именно в городах. Владение средствами производства извлекали прибавочную стоимость из эксплуатации рабочей силы, привлеченной в города из деревень. Таким образом города превращались в машины капиталистического накопления, характеризующиеся удручающими социальными последствиями.

---

<sup>4</sup> Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4. С. 23–25.

<sup>5</sup> Там же. С. 30.

<sup>6</sup> См.: Маркс К. Капитал: в 3-х т. М.: Политиздат, 1983. Т.1; Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии / Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч. Т.2. URL: <http://bolshevick.org/marks-k-engels-f-sobranie-sochinenij/>; Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / Маркс К. Социология: сборник. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.

Всесторонняя интерпретация города, демонстрирующая связь урбанизации с возникновением союза бюрократии и рынка, дается М. Вебером<sup>7</sup>. В его историко-социологическом анализе формирования города как социального феномена формулируются основные методологические основания формально-количественного, территориально-поселенческого и функционального определения города. Отмечая в самом начале своей работы, что определения города могут быть самыми разнообразными, М. Вебер, тем не менее, фиксирует общее между ними с точки зрения формально-количественных и территориально-поселенческих признаков. Город – это «населенный пункт, в котором поселение в тесно соприкасающихся друг с другом домах настолько велико, что в нем отсутствует специфическое для общества соседей личное знакомство друг с другом»<sup>8</sup>. При этом достаточная количественная мера для отнесения поселения к типу города зависит от общих культурных условий, поэтому величина как таковая не может быть решающим критерием в определении города<sup>9</sup>. Среди косвенных признаков в определении городов М. Вебер указывает многообразие занятий городских жителей и получение доходов преимущественно не от сельского хозяйства, а от ремесла и торговли. Ключевым признаком города является наличие рынка, обеспечивающего «осуществление не спорадического, а регулярного товарообмена на территории поселения в качестве существенной составной части дохода и удовлетворения потребностей населения»<sup>10</sup>. То есть – согласно Веберу – город в экономическом смысле есть «рыночное поселение». Но сущность города не может быть в полной мере раскрыта только с точки зрения его экономической функции. Вебер также указывает на значимость политико-административной функции. В этом ключе город предстает «автономным союзом», «общинной» с особыми политическими и административными

---

<sup>7</sup> Вебер М. Город. Пер. с нем. М.: Strelka Press, 2017.

<sup>8</sup> Там же. С. 9.

<sup>9</sup> Там же. С. 9.

<sup>10</sup> Там же. С. 11.

институтами». Город занимает особую территорию, и городское поселение характеризуется «особым способом регулирования отношений владения землей...»<sup>11</sup>. На пересечении экономических и политико-административных функций формируются разнообразные социальные формы городов в определенных типах обществ (государств) и в конкретные исторические периоды.

Становление городской социологии в рамках Чикагской школы явилось новым значимым этапом в осмыслении города и разработке основных урбанистических категорий. Город становится самостоятельной областью исследования, а не просто частью общесоциологической теории<sup>12</sup>. По меткому выражению Р. Парка, город – это «своеобразная лаборатория» для изучения социальных процессов, поскольку он в полной мере отражает основные трансформации и проблемы в развитии общества<sup>13</sup>.

В поиске социологической дефиниции представитель Чикагской школы городских исследований Л. Вирт стремится зафиксировать специфические характеристики города как особой формы человеческой ассоциации, особого способа человеческой групповой жизни, обозначая в качестве такового урбанизм как образ жизни<sup>14</sup>. Свое определение он выводит из критического анализа статистических, территориально-поселенческих, административных критериев. Л. Вирт пишет, что ни одно урбанистическое определение не может быть удовлетворительным, если в качестве единственного критерия берется численность населения, либо его плотность, либо административные (физические) границы. Аналогичную критику он высказывает в отношении таких критериев, как род занятий жителей, наличие определенных институтов и форм политической организации<sup>15</sup>. «Социологическое определение должно быть достаточно широким, чтобы охватить все существенные характеристики, общие для разных типов

---

<sup>11</sup> Там же. С. 24.

<sup>12</sup> Вершинина И.А. Теоретические и методологические проблемы современной социологической урбанистики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4. С.82.

<sup>13</sup> Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 12.

<sup>14</sup> Вирт Л.. Избранные работы по социологии. Сборник переводов. М.: ИНИОН, 2005. С. 91.

<sup>15</sup> Там же. С. 92–93.

городов как социальных сущностей, но, очевидно, не может быть настолько подробным, чтобы учесть все вариации...»<sup>16</sup>. Определяя город как «относительно крупное, плотное и постоянное поселение социально гетерогенных индивидов»<sup>17</sup>, Л. Вирт обосновывает, что именно эти величины формируют особый образ жизни – «урбанизм». Урбанизм как образ жизни, по мнению Вирта, не может быть отождествлен с какими-либо специфическими локальными или исторически обусловленными культурными влияниями, определяющими индивидуальный облик конкретного города. Специфика урбанистического образа жизни, отражающая его собственно «городскую природу» и являющаяся неким общим паттерном, раскрывается Л. Виртом через специфику городских социальных связей и отношений. Развивая идеи Г. Зиммеля, Л. Вирт выделяет в городском образе жизни такие черты, как преобладание деловых рациональных отношений; поверхностный характер общения, ослабление уз родства, соседства и традиционной основы социальной солидарности; опосредованные коммуникации и выражение индивидуальных интересов посредством делегирования (через институты представительства различных сообществ); сегментарный характер и утилитарная тональность межличностных контактов; доминирование механизмов конкуренции и формального контроля; мозаичность социальных миров и их дистанцирование друг от друга, ведущие к появлению более сложных дифференцированных схем стратификации, а также сегрегации населения<sup>18</sup>.

Сформулированные в классических дефинициях характеристики и критерии города имеют важное методологическое значение для определения мегаполиса как особого типа города. По нашему мнению, конституирование понятия «мегаполис», с одной стороны, должно опираться на критерии, свойственные понятию «город» как таковому, но, с другой стороны, требует

---

<sup>16</sup> Там же. С. 94.

<sup>17</sup> Там же. С. 95.

<sup>18</sup> Там же. С. 100–106.

выявления специфических особенностей, признаков, свойственных данному городскому типу.

С целью смыслового определения мегаполиса и выделения его сущностных характеристик в «первом приближении» обратимся к этимологии слова. «Мегаполис» происходит от греческого μέγας – μεγᾶλό (большой, огромный, крупный, великий, обширный) и πόλις (город). То есть исходное значение термина восходит к определению очень большого, огромного города. Родственные греческие префиксы (μέγας – μεγᾶλό) породили возникновение двух понятий – мегаполис и мегалополис, которые активно используются в современном урбанистическом дискурсе как в синонимичном их толковании, так и в раздельном. Для того, чтобы установить значения каждого из терминов, выявить их «пересечения» и различия, необходимо рассмотреть исторический контекст их научного употребления.

В начале XX века британский социолог, географ и градостроитель П. Геддес, описывая процессы «расползания» крупных городов и формирования единого урбанизированного пространства, вводит в научный оборот понятие «мегалополис» для характеристики этого нового этапа эволюционного развития городов. При этом крупные городские образования, как считал П. Геддес, не могут быть комфортными для проживания, поскольку из-за высокой плотности населения не позволяют человеку находиться в гармонии с природой. П. Геддес описывает крупные урбанизированные территории исключительно в «мрачной» лексике – как удручающее скопление болезней, глупостей, пороков, лени, апатии, преступности и трущоб...<sup>19</sup> – и видит решение комплекса социальных проблем городов в отказе от крупных урбанистических образований в пользу небольших городов.

---

<sup>19</sup> Geddes P. Cities in evolution: an introduction to the town-planning movement and the study of cities. London: Williams, 1915. Pp. 84–108. Internet Archive. URL: <https://archive.org/details/citiesinevolutio00gedduoft/page/n17/mode/2up>

Идеи П. Геддеса получили дальнейшее развитие в трудах американского урбаниста Л. Мамфорда, который употребляет термин «мегалополис» для обозначения крупного города, достигшего пределов роста<sup>20</sup>. Согласно его позиции мегалополисы отражают общую тенденцию к укрупнению городов. При этом в трудах исследователя, также, как и его предшественника, прослеживается критическая позиция в рассмотрении мегалополисов как кризисных этапов развития городов, имеющих негативные последствия для общества<sup>21</sup>. Интерпретация «мегалополиса» Л. Мамфорда «вписана» в его цивилизационную теорию развития городов, согласно которой выделяется шесть стадий развития – эополис, полис, метрополис, мегалополис, тиранополис, некрополис. «Эополис» или деревенская община с прочными коллективными формами жизни является своеобразным прототипом города. Л. Мамфорд включает «эополис», который, по сути, не является городом, в общую схему рассмотрения на том основании, что исторически все города берут начало с деревенской общины как первоначальной формы объединения социума. Вторую (раннюю) стадию городского развития Л. Мамфорд называет полисом. Полис характеризуется углублением разделения труда и специализации, развитием торговли и ремесленных производств, научных знаний и изобретений. Главная социокультурная характеристика полиса – городское единство и общее восприятие жизни, гомогенность общественного сознания и условий проживания. Историческими примерами полисов выступают ранние Афины и Рим. Третья стадия – «метрополис» – определяется Л. Мамфордом как высшая (созидательная) ступень культурного расцвета и городского развития. Для метрополиса характерно нарастание экономического соперничества (конкуренции), расцвет культурных и образовательных институтов, совершенствование законодательно-правовой системы, расширение внешнеторговых связей и соответствующее этому процессу

---

<sup>20</sup> Mumford L. The Culture of Cities. L.: Routledge: Thoemmes Press Reprint, 1997. Pp. 222 –223.

<sup>21</sup> См.: Mumford L. The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. N.Y.: Harcourt, Brace and World, 1961.

внедрение новых материально-технологических и «культурных» элементов в жизнь города. Примерами метрополисов как созидательных ступеней городского развития Л. Мамфорд называет Афины времен Платона, Флоренцию времен Данте, Лондон времен Шекспира. Олицетворением разрушительного этапа, представляющего собой начало упадка и социокультурной деградации города, является мегалополис. Разросшийся до невероятных размеров город-гигант олицетворяет разрыв социальных связей, разобщенность и утрату разумных естественных оснований организации жизни. Жизнь капиталистических мегалополисов подчинена исключительно реализации стремления к богатству, наживе. Материальные ценности проникают во все сферы культуры, тем самым ослабляя саму «волю к культуре», порождая пассивность и апатию жителей<sup>22</sup>. Дезинтеграционные процессы, происходящие в мегалополисе, достигнув критической точки, могут способствовать переходу его в разрушительную стадию «тиранополиса» и «мертвую» стадию «некрополиса».

Принципиально иной выглядит позиция франко-американского географа, исследователя проблем геополитики Ж. Готтмана. Он обозначает термином «мегалополис» большую урбанизированную территорию, анализируя в качестве таковой территорию Северо-восточного побережья США от Бостона до Вашингтона – BosWash<sup>23</sup>. Ж. Готтман отмечает, что обширная густонаселенная полоса образовалась за счет слияния обособленных ранее территорий, формировавшихся вокруг больших городов. Крупные города этой территории, являющиеся самодостаточными территориальными единицами, в то же время оказываются связанными между собой в результате взаимопроникновения пригородных зон. Таким образом, термином «мегалополис» обозначается весьма обширная географическая зона (регион), характеризующаяся постепенным слиянием нескольких городов в единое пространство с несколькими ядрами (центрами

---

<sup>22</sup> Mumford L. *The Culture of Cities*. L.: Routledge: Thoemmes Press Reprint, 1997. P. 300.

<sup>23</sup> Gottmann J. *Megalopolis: the urbanized Northeastern seaboard of the United States*. N.Y.: Twentieth Century Fund, 1961.

притяжения). Полемизируя с Л. Мамфордом, Ж. Готтман рассматривает процесс слияния городов и пригородных зон в гигантский мегалополис преимущественно в позитивном ключе – как источник развития, рождения новых экономических возможностей и производства инноваций<sup>24</sup>. Рассматривая в качестве основного объекта исследования Северо-Восточное побережье США, исследователь фиксирует аналогичные урбанистические образования вокруг других крупных американских городов – в частности, Лос-Анджелеса и Чикаго. В этом ключе мегалополисы обозначаются им как новая, перспективная форма урбанистической организации отдельных регионов<sup>25</sup>.

Таким образом, с момента возникновения понятия «мегалополис» в его интерпретации прослеживается дуализм, связанный как с определительными критериями мегалополиса (единый гигантский город / либо агломерационное мультиструктурное образование), так и с ценностными позициями исследователей, рассматривающих феномен в рамках его экономических и социокультурных последствий.

Современная практика употребления ключевых урбанистических понятий характеризуется видимыми различиями, а зачастую и терминологическим несоответствием между отечественной и зарубежной (прежде всего, англоязычной) традициями. Так, для российских исследователей характерно преимущественное использование понятия «мегаполис»<sup>26</sup>, термин «мегалополис» не получил широкого распространения как в общеупотребительной практике русского языка, так и в тезаурусе

---

<sup>24</sup> Там же. С. 190.

<sup>25</sup> Там же. С. 15–16.

<sup>26</sup> См.: Новосельцева А.С. Эволюция подходов к оценке роли мегаполисов в системе мирового хозяйства // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2010. Том. 3. № 1 (16). С. 167–172; Максимов С.Н., Семенов В.В. Особенности и проблемы развития современных мегаполисов // Проблемы современной экономики. 2012. №2. С. 352–355; Вершинина И.А., Гавриленко О.В. Драйверы развития мегаполиса: по итогам IV Московского урбанистического Форума // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. №2. С. 287–294; Долгунова А.В. Мегаполис как современная форма организации социального пространства // Наука, образование и культура. 2016. №5 (8). С. 33–34; Ахтариева Л.Г., Харичкова Л.И. Современные тенденции в развитии мегаполисов России // Фундаментальные исследования. 2016. № 7-1. С. 56–60; Вахштайн В.С. От мегаполиса к гетерополису // Социология власти. 2014. № 2. С. 5–8; Чумаков Д.С. Мегаполисы в глобальной и региональной политике // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2014. №1. С. 174–184 и др.



научных исследований (оставаясь лишь предметом толкования в справочной литературе, толковых и энциклопедических словарях). Весьма редкое употребление понятия «мегалополис» в рамках отечественного научного дискурса, на наш взгляд, связано, прежде всего, с объективными причинами – отсутствием мегалополисов как таковых на территории Российской Федерации, подобных BosWash, описанному Ж. Готтманом. Понятие «мегалополис» некорректно использовать даже для обозначения Московской агломерации. В XX веке централизованное управление процессом урбанизации в России привело к формированию гиперзначимого центра в Москве, который, несмотря на территориальное разрастание и присоединение близлежащих городов («Большая Москва»), в полном смысле мегалополисом называться не может. Согласно Ж. Готтману, города, входящие в мегалополис, связаны между собой, но не поглощаются друг другом. Мегалополисы подразумевают взаимопроникновение нескольких городских агломераций и поэтому обладают полинуклеарной структурой. Так, BosWash – это цепь городов, протянувшихся по побережью от Бостона через Нью-Йорк, Филадельфию, Балтимор до Вашингтона. При относительно небольшой занимаемой площади (всего 3% территории США) там проживает сегодня порядка 50 миллионов человек (17% населения страны). Плотность населения превышает среднюю по стране более, чем в 11 раз. На сегодняшний день в мире насчитывается около 6 сформировавшихся мегалополисов и около 9 формирующихся, в том числе в развивающихся странах. Самый крупный по численности населения мегалополис «Токайдо» (Токио-Осака) расположен в Японии, в нем сконцентрировано почти 60% населения и две трети промышленного производства страны.

Отсутствие самого феномена мегалополис (сверхкрупного агломерационного образования с несколькими равнозначными ядрами) на территории России, на наш взгляд, обуславливает и иные понятийно-категориальные приоритеты. Для характеристики процессов урбанизации отечественные исследователи чаще всего используют такие термины, как

агломерация, регион, макрорегион. А для характеристики сверхкрупных городов федерального и регионального значения нормативным является использование понятия «мегаполис».

Тенденция преимущественного использования термина «мегаполис» прослеживается и в переводных научных статьях российских ученых. Анализ публикаций в базах международного научного цитирования Web of Science, Scopus показывает, что термин «megapolis» (русифицированный вариант перевода мегаполиса) употребляется в основном российскими авторами. Тогда как зарубежные авторы (и не только англоязычные) чаще всего используют такие термины, как megacity, megalopolis. «Проникновение» русифицированной версии перевода (megapolis) в международные наукометрические базы еще не означает «утверждения» терминологической практики в качестве повсеместной. Такая практика продолжает оставаться лишь приметой отечественных исследователей, хотя и не отвергаемой зарубежными изданиями (если судить на основе факта выхода публикации). Если же российские авторы и используют понятие мегалополис (megalopolis), то не в значении группы городов, составляющих сверхкрупное агломерационное образование, а в значении единого сверхкрупного города (то есть мегаполиса). Подобная ситуация обусловлена, прежде всего, несоответствием базовых количественных критериев в определении сверхкрупных городских систем в разных странах.

Зеркальным отражением лингвистических различий и дуализма трактовок является ситуация обратного перевода англоязычных статей на русский язык. Термины «megalopolis» и «megacity» зачастую переводятся на русский язык одинаково – как мегаполис. Однако, в англоязычной литературе термином «megalopolis» обычно маркируется обширная территория взаимосвязанных городских агломераций с населением свыше 20-25 миллионов человек, тогда как термин «megacity» применяется и для анализа урбанизированных образований (чаще всего с центральной доминантной), и для описания отдельных сверхкрупных городов.

В отечественной справочной литературе встречаются оба понятия – и «мегаполис», и «мегалополис» (как в раздельном их употреблении, так и в синонимичном). Так, в толковом словаре С.И. Ожегова используется понятие «мегаполис» – «гигантский по масштабам город с многомиллионным населением»<sup>27</sup>, понятие «мегалополис» здесь отсутствует. В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой присутствуют оба понятия, которые имеют идентичные определения: и мегаполис, и мегалополис – это «гигантский город, образовавшийся в результате слияния нескольких населенных пунктов»<sup>28</sup>. Словарь иностранных слов, игнорируя понятие «мегаполис», дает аналогичное определение понятию «мегалополис»: это «сверхгород, гигантский город, образовавшийся в результате роста и фактического слияния многих городов и населенных пунктов»<sup>29</sup>. В большом российском энциклопедическом словаре также игнорируется понятие «мегаполис» и дается агломерационная трактовка понятию «мегалополис» как «наиболее крупной форме расселения, образующейся в результате слияния большого числа соседних городских агломераций»<sup>30</sup>. Четкая демаркационная линия между двумя понятиями проведена в словаре-справочнике по социально-экономической географии, вышедшем в 2013 году. «Мегалополис» там трактуется как «сверхкрупная форма расселения, образующаяся путем срастания периферийных зон нескольких городских центров вдоль транспортных коридоров», а «мегаполис» – как «крупная форма городского расселения, город с численностью населения свыше 1 млн. жителей, «город-миллионер»»<sup>31</sup>. При этом отмечается, что термин «мегаполис» задействован в иерархической классификации городских образований по параметру людности и занимает в этой иерархии промежуточное положение между крупным городом и мегалополисом.

---

<sup>27</sup> Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «Издательство «Мир и образование», 2013. С. 286.

<sup>28</sup> Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. С. 213.

<sup>29</sup> Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1988. С. 300.

<sup>30</sup> Большой российский энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2008. С. 916.

<sup>31</sup> Слука Н.А. Мегаполис. Мегалополис // Социально-экономическая география: понятия и термины: словарь-справочник / отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. С. 132–133.

Таким образом, для словарных статей, равно как и для исследовательских научных, характерны различные толкования и терминологические приоритеты. Ситуация межстрановых урбанистических сравнений также не является однозначной и унификационной в терминологическом плане. В 1970-е годы в официальных докладах ООН был введен термин «megacity». По определениям ООН mega cities (собственно мегаполисы) – это городские поселения с населением 10 млн. и более человек. Изначально нижняя граница численности населения таких территорий была установлена от 8 млн. человек. Впоследствии минимальная численность населения была увеличена до 10 млн. человек. По прогнозам экспертов ООН к 2030 году в мире будет насчитываться 43 мегаполиса (mega cities) с населением более 10 миллионов человек<sup>32</sup>. Характерно, что ООН отмечает наличие важной методологической проблемы на уровне сопоставления городов и агломераций мира. Данная проблема касается критериальных отличий (административных, демографических, экономических политических и пр.) в определении статуса городских территорий не только в отдельных странах, но также и между различными источниками в пределах одной страны<sup>33</sup>. Сложность и разнообразие ситуаций, в которых происходит процесс урбанизации, затрудняет выработку единых оснований классификации и отнесения территорий к определенным урбанистическим единицам (образованиям). Так, например, минимальный численный критерий для отнесения территориальной единицы к городскому типу в одних странах совершенно не подходит для густонаселенных территорий других стран, в частности территорий Китая и Индии, не имеющих функциональных городских (urban) черт, но имеющих значительно большее количество жителей в пределах не городской территории. В целях минимизации эффекта критериальных несоответствий ООН применяет различные инструменты корректировки национальных статистических

---

<sup>32</sup> 2018 Revision of World Urbanization Prospects. United Nations. 2018. URL: <https://www.un.org/development/desa/publications/2018-revision-of-world-urbanization-prospects.html>

<sup>33</sup> World Urbanization Prospects. The 2014 Revision. Methodology. United Nations New York, 2014. С. 3–5.

данных и периодически пересматривает терминологический аппарат урбанистических оценок, в том числе используя перекрестные единицы анализа и соответствующие им понятия. Понятийный аппарат межстранового урбанистического сравнения, используемый в настоящее время ООН, включает такие центральные категории, как City, Megacity, Urban agglomeration, Metropolitan area и другое.

Терминологическое многообразие и дуализм трактовок многих урбанистических категорий, восходящие к классическому периоду расцвета городских исследований XX века и продолжающиеся в настоящий момент, являются отражением характерных особенностей урбанизации, происходящих в определенный период на той или иной территории. Неоднозначность понятийного аппарата свидетельствует о сложности предметного поля исследований – нечеткости границ и критериев формирования урбанизированных территорий, «текучести» современных городов<sup>34</sup> и локальной (национальной) специфике их формирования и развития.

Определяя смысловое поле употребления термина «мегаполис», необходимо отметить отсутствие его официального правового статуса в российском федеральном законодательстве. В Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»<sup>35</sup> не дается определение даже базовому понятию «город», при этом вводится весьма «размытое» понятие «городского поселения», которое трактуется как «город или поселок...». При отсутствии однозначного определения города в федеральном законодательстве в нормативно-правовых актах субъектов РФ даются различные варианты дефиниций города (населенный пункт, административно-территориальная единица, территориальное образование и др.) и его признаки (численные,

---

<sup>34</sup> Short J.R. Liquid City: Megalopolis and the Contemporary Northeast. Washington: Resources for the Future Press, 2007. P. 6.

<sup>35</sup> Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

функциональные, инфраструктурные)<sup>36</sup>. Один из основных признаков отнесения поселения к городскому типу (численность населения) закреплён в законах субъектов РФ в различных количественных мерах – от 5 до 50 тыс. человек<sup>37</sup>. Отмечаемая правоведами неопределённость понятия «город» в федеральном законодательстве<sup>38</sup> порождает, в свою очередь, вариативность его дефиниций.

При отсутствии единства в определении минимальной численности жителей для отнесения поселения к городскому типу, тем не менее, в отечественной науке сложилась определенная модель классификации, предполагающая выделение таких групп, как малые (до 20 тыс. жителей), средние (до 100 тыс.), большие (более 100 тыс.), крупные (более 250 тыс.), крупнейшие (от 500 тыс. до 1 млн.), сверхкрупные города или города-миллионеры (более 1 млн. жителей)<sup>39</sup>. В указанной классификационной схеме мегаполисы занимают верхнюю ступень «иерархии». Правовое положение (юридический статус) города задает второе направление рассмотрения мегаполиса в континууме городских классификаций. В Российской Федерации по критерию юридического статуса выделяют 6 видов городов: столица, города федерального значения (включая столицу), административные центры и столицы субъектов РФ, города областного (краевого) подчинения, города – районные центры, города районного подчинения<sup>40</sup>. В данной классификации мегаполисы – это города, попадающие в первые три группы.

С учетом специфики российской действительности, задающей определенные понятийные нормы, мегаполис в самом общем толковании может быть определен как сверхкрупный город с численностью населения,

---

<sup>36</sup> Фролова Т.А. Понятие «Город» в законодательстве субъектов Российской Федерации об административно- территориальном делении // Пролог: журнал о праве. 2016. №3. С. 53.

<sup>37</sup> Там же. С.53.

<sup>38</sup> Таболин В.В. Правовая теория современного российского города. М.: Издательство Юрайт, 2019. С. 56–57; Фролова Т.А. Понятие «Город» в законодательстве субъектов Российской Федерации об административно- территориальном делении // Пролог: журнал о праве. 2016. №3. С. 52.

<sup>39</sup> Заборова Е.Н. Дефиниция «город»: социологический анализ // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2016. № 2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/05SFK216.pdf>

<sup>40</sup> Таболин В.В. Правовая теория современного российского города. М.: Издательство Юрайт, 2019. С. 68.

превышающей один миллион человек, и имеющий определенный юридический статус (город федерального значения, административный центр, столица субъекта РФ). Специфичность трактовки мегаполиса в рамках отечественной науки определяется объективными характеристиками урбанизации, историческими и социально-экономическими условиями формирования и развития крупных российских городов. Крупнейший мегаполис России Москва с населением более 12 миллионов человек<sup>41</sup> – пока единственный российский мегаполис, который попадает по классификации ООН в категорию «megacity» на основе формального численного критерия. Всего по данным Росстата в России насчитывается 15 городов (включая Москву) с численностью населения более одного миллиона человек<sup>42</sup>.

Однако формальные критерии не являются исчерпывающими для конституирования понятия «мегаполис», значимыми являются и другие признаки, связанные с функциональной спецификой и ролью мегаполисов в социально-экономическом развитии региона или страны. С этой точки зрения заслуживает внимания концептуальная трактовка, предложенная российскими учеными В.Н. Лексиним и Б.Н. Порфирьевым. Авторы полагают, что применительно к различным историческим этапам развития российских городов (царскому, советскому, постсоветскому) существуют «основания называть мегаполисом городское поселение, соединяющие в себе характерные признаки мегалополиса и крупного административного центра»<sup>43</sup>. Под характерными признаками мегалополиса в данном случае понимается тенденция разрастания больших городов, вбирающих в себя пригородные поселения. Такая тенденция была и остается характерной чертой столиц и региональных административных центров. Помимо понятия «мегаполис», авторы вводят в научный оборот понятие «мегаполисность»

---

<sup>41</sup> Предварительная оценка численности постоянного населения на 1 января 2020 года и в среднем за 2019 год. Росстат. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/PrPopul2020.xls>

<sup>42</sup> Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 года. Росстат. URL: [https://www.gks.ru/free\\_doc/doc\\_2018/bul\\_dr/mun\\_obr2018.rar](https://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/bul_dr/mun_obr2018.rar)

<sup>43</sup> Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Мегаполисы и феномен мегаполисности в России // Регион: экономика и социология. 2017. № 1. С. 48–49.

(город «мегаполисного» типа), подчеркивая тем самым, что количественный критерий не является обязательным и главным. Среди системообразующих признаков «мегаполисности» российских городов выделяются такие признаки, как:

- превосходство по численности населения над другими городскими поселениями данного региона;
- пространственная концентрация органов власти соответствующего административно-территориального уровня, сопряженная с выполнением городом «столичных» функций;
- многофункциональность и многопрофильность деятельности;
- приоритетная историческая, культурная, образовательная, экономическая, торгово-сервисная роль в масштабах региона или страны в целом;
- концентрация объектов инфраструктуры (социальной, финансовой, связи и пр.), превышающая потребности самого города;
- развитая сеть социальной инфраструктуры, наличие нескольких видов городского транспорта и включенность в общегосударственные транспортные сети;
- высокая плотность застройки и зонирование внутригородской территории;
- высокая трудовая маятниковая миграция<sup>44</sup>.

В системе признаков «мегаполисности» российских городов особое внимание авторы уделяют их столичным функциям. Понятием «столичность» маркируется особый статус города, подтверждаемый наличием в нем органов и структур государственного управления. В самом общем определении столица – это место пребывания правительства страны.<sup>45</sup> Но в ряде стран столицы и места размещения правительств могут не совпадать и, столичные функции (административно-политические,

---

<sup>44</sup> Там же. С. 49.

<sup>45</sup> Россман В. Столицы. Их многообразие, закономерности развития и перемещения. М.: «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара», 2013. С. 25.



интегративные, символические<sup>46</sup> и пр.) могут быть разделены между разными городами (как, например, в Швейцарии, Нидерландах)<sup>47</sup>. В качестве примера распространения столичных функций за пределы официальной столицы государства можно рассматривать ситуацию в России, связанную с переносом Конституционного суда из Москвы в Санкт-Петербург. В этом случае возникает феномен «распределения» столичных функций и проблема классификации (а также иерархии столиц<sup>48</sup>). В. Россманом в классификации столиц указывается, наряду с прочими, такие критерии деления, как масштаб и функции. По критерию масштаба различают периферийные, региональные, национальные, транснациональные и сверхстолицы (например, столица Европейского Союза). По функциональному критерию выделяются административные, военные, культурные, деловые, религиозные, индустриальные, морские и транспортные столицы, а также многофункциональные столицы. Наиболее важными (распространенными) по функциональному типу являются политические, культурные, религиозные и экономические столицы. Глобальные столицы часто сочетают в себе экономические и другие функции<sup>49</sup>. Основываясь на функциональных и масштабных критериях, предложенных В. Россманом, вполне правомерно рассматривать «столичность» не только как характеристику городов – государственных столиц, но также и особенность других городов, имеющих приоритетную значимость в рамках выполнения какой-либо функции.

Маркер «столичности» для обозначения сверхкрупных городов-мегаполисов России сегодня активно используется как журналистами, так и учеными, несмотря на то, что в правовых актах субъектов РФ региональные административные центры могут не иметь официального наименования

---

<sup>46</sup> Daum A., Mauch C. Berlin-Washington, 1800-2000: Capital Cities, Cultural Representations, and National Identities. Cambridge University Press, 2005. P. 4.

<sup>47</sup> Россман В. Столицы. Их многообразие, закономерности развития и перемещения. М.: «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара», 2013. С. 31–32.

<sup>48</sup> Радина Н.К. Город в пространстве и времени: проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических изменений. Нижний Новгород: ДЕКОМ. 2015. С. 11.

<sup>49</sup> Россман В. Столицы. Их многообразие, закономерности развития и перемещения. М.: «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара», 2013. С. 30–31.

«столицы». Кроме Москвы (столичный статус которой обозначен в Конституции и Федеральном законе «О статусе столицы Российской Федерации»), закрепленные на уровне конституций национальных республик наименования «столиц» есть у большей части республик, что соответствует их конституционному статусу. Тогда как административные центры, автономные округа и области чаще всего не имеют наименования «столиц», закрепленных в правовом поле, хотя активно их используют в общественно-политическом и масс-медиа пространстве. Так, например, определенную устойчивость и известность получило словосочетание Екатеринбург – столица Урала, хотя в соответствии с федеральным и областным законодательством муниципальное образование «город Екатеринбург», являющееся городским округом, официального статуса столицы не имеет. Активное обсуждение возможностей распространения столичных функций на другие города находит воплощение в реализованных проектах. По инициативе ЮНЕСКО в России на протяжении ряда лет выбирались «культурные столицы», в статусе которых побывали Санкт-Петербург (культурная столица России), Ульяновск и Нижний Новгород (культурные столицы Поволжья), Пермь (культурная столица Урала). В 2009 году Роспатент зарегистрировал товарный знак «Третья столица России», принадлежащий Казани, и товарный знак «Столица Поволжья», принадлежащий Нижнему Новгороду. Очевидно, что акцент на «столичности» и столичных функциях является весьма важным для понимания особенностей городов-мегаполисов в России.

В целом предложенная В.Н. Лексиным и Б.Н. Порфирьевым трактовка мегаполиса отражает системную характеристику функций и роли крупнейших российских городов в социально-экономическом развитии страны. При этом «мегаполисность» как совокупность функциональных, демографических, градостроительных, инфраструктурных, экосистемных характеристик свойственна не только городам-миллионникам, но и всем региональным столицам, а также ряду других крупнейших городов России.

Использование понятия «мегаполисности» применительно к российским реалиям позволяет экстраполировать качественные характеристики городов-мегаполисов на все административные региональные центры страны, а также на крупнейшие города, не являющиеся такими центрами, но выполняющими ряд других значимых функций в масштабах региона или страны. В рамках такого подхода становится очевидным, что число российских городов, обладающих признаками «мегаполисности», превышает число городов-миллионников.

Рассмотренная трактовка мегаполиса и система его идентификационных критериев, отвечающая историческим и современным российским реалиям, позволяет предложить иерархическую схему соотношения родственных понятий – мегалополис, мегаполис, город мегаполисного типа. Смысловое соотношение данных терминов частично пересекается, но в тоже время каждый из терминов образует собственное смысловое поле (рисунок 1).

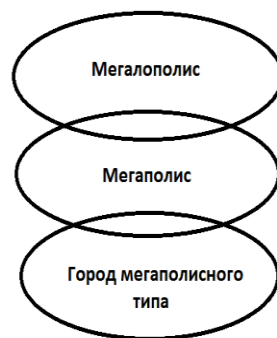


Рисунок 1. Иерархическая взаимосвязь понятий «мегалополис», «мегаполис», «город мегаполисного типа»

На вершине данной классификации находится мегалополис как сверхкрупное агломерационное образование, включающее сеть взаимосвязанных крупных городов. Мегаполис представляет собой единый сверхкрупный город, который в силу агломерационных тенденций может обладать признаками мегалополиса и в перспективе перерасти в мегалополис (стать его наиболее значимым по численности населения и по

функциональному превосходству ядром). Город мегаполисного типа может не иметь численности населения и площади территории мегаполиса, но – вместе с тем – иметь иные характерные для мегаполиса признаки и выполнять характерные для него функции – общественно-политические, экономические, культурные. Эти функции, прежде всего, а не масштабы территории или численность населения, определяют облик конкретного мегаполиса и его роль в масштабах своего региона или страны.

По мнению И.В. Федякина, неоднородность и неодинаковость мегаполисов – результат не только национально-исторических или географических особенностей их формирования, но и наличия и выделения определенных функций, конкретизирующих «специализацию» и динамику развития каждого из них<sup>50</sup>. Функциональное основание (критерий) задает определенную типологию мегаполисов, среди которых можно выделить промышленные мегаполисы, мегаполисы – крупнейшие транспортные узлы, мегаполисы – ключевые научные и образовательные центры, культурные «столицы», инновационные, финансовые центры, центры сервисной экономики (услуг). Вместе с тем, монопрофильные мегаполисы, «специализирующиеся» исключительно на одной сфере, в перспективе будут терять свою значимость и конкурентоспособность. Очевидно, что современные мегаполисы стремятся к мультиресурсному охвату и многофункциональности. В этом направлении развиваются федеральные столицы, столицы регионов, центры крупных административно-территориальных образований.

Выполняемые мегаполисом функции в пространстве региона, страны отражают его значимость на мезоуровне. Функции, реализуемые на макроуровне, позволяют рассматривать мегаполисы в концептуальной рамке глобальных городов. Благодаря концентрации в мегаполисах различных ресурсов (производство, образование, культура, наука, технологии, финансы,

---

<sup>50</sup> Федякин И.В. Политика формирования и развития мегаполисов в системе мероприятий государственной политики: политологический анализ отечественного и зарубежного опыта. Диссертация на соискание ученой степени доктора политологических наук. Москва, 2015. С. 57.

профессиональные кадры....) и капиталов (научно-технического, инновационного, экономического, информационно-сетевого, политико-административного, человеческого..) именно города-мегаполисы имеют наиболее высокие шансы и чаще всего становятся ключевыми «проводниками», агентами глобализационных процессов, «воротами в глобальный мир<sup>51</sup>».

Основные концептуальные положения в определении «мировых» и «глобальных» городов, сформулированные в трудах П. Холла, Г. Рида, Дж. Фридмана, С. Сассен, М. Кастельса, имеют высокую методологическую ценность для анализа функций мегаполисов на макроуровне. Общие контуры понимания «мирового города», сформулированные П. Холлом, включали в себя значительную долю участия города в различных сферах общественной жизни – мировой политики, хозяйства, культуры, искусства<sup>52</sup>. То есть, по Холлу, мировые города – это города, активно участвующие в политической, экономической и культурной жизни. Рассмотрение мегаполисов как мировых экономических центров прослеживается в концепции «столиц капиталов» Г. Рида, в которой утверждается тезис о весомом влиянии современных крупных городов за счет концентрации в них наднациональных финансовых центров<sup>53</sup>. Дж. Фридман, являясь активным популяризатором термина «мировой город» в конце XX столетия, описывает его сквозь призму доминирования в экономике финансового сектора и сектора услуг. По мнению Дж. Фридмана, мировые города «тесным образом связаны системами коммуникаций и финансовыми транзакциями, поэтому составляют всемирную экономическую систему контроля»<sup>54</sup>.

Стоит отметить, что для ряда исследователей разница между глобальными и мировыми городами не является очевидной. Так, например, в своих работах П. Холл сначала использовал термин «мировой город», а

---

<sup>51</sup> Ворота в глобальную экономику / под ред. О.Е. Андерссона и Д.Е. Андерссона. Пер. с англ. М.: Фазис, 2001.

<sup>52</sup> Hall P. The World Cities. London: World University Library, Weidenfeld and Nicholson, 1966.

<sup>53</sup> Reed H. The Preeminence of International Financial Centers. New York, 1981.

<sup>54</sup> Friedmann J. The World City Hypothesis // Development and Change. 1986. Vol.17. Pp. 69–83.

впоследствии стал оперировать понятием «глобальный» город, не проводя между ними различий<sup>55</sup>.

Одной из фундаментальных современных концепций глобального города признается концепция С. Сассен<sup>56</sup>. В отличие от П. Холла, американская исследовательница проводит четкие различия между двумя терминами. Несмотря на то, что большинство современных глобальных городов являются одновременно и мировыми городами, все же между ними существуют принципиальные различия. Мировой город определяется на основе его исторической и культурной ценности, он относится к типу городов, известных в более ранние периоды. Тогда как глобальный город «возникает» на определенном этапе исторического развития – этапе современности, и характеризуется, прежде всего, выполнением экономических функций в мировой системе. В качестве примера несоответствия статуса «мирового» и «глобального» города С. Сассен приводит пример Майями. Город, который, не обладая историческим и культурным наследием, и поэтому не входящий в число мировых, вместе с тем, в конце XX века приобретает функции и соответственно статус глобального города.

Глобальные города в понимании С. Сассен – это центры принятия экономических и политических решений, значимых в общемировом масштабе. В глобальных городах преодолеваются территориально-государственные границы и национальные институциональные меры<sup>57</sup>. Расположенные в глобальных городах штаб-квартиры и офисы транснациональных корпораций и компаний, ориентированных на международный рынок, образуют своеобразную среду для протекания процессов глобализации. В концепции С. Сассен подчеркивается важность города как центрального места для составляющих глобализацию процессов – потоков людей и капиталов. Значимость национальных экономик

---

<sup>55</sup> Hall P. The World Cities. London: Word University Library, Weidenfeld and Nichilson, 1966; Hall P. The Global City // International Social Science Journal. 1996. Vol.17. Pp. 15–23.

<sup>56</sup> Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2013.

<sup>57</sup> Там же. С. 345.

уменьшается, тогда как укорененные в конкретных местах (городах) политические и экономические возможности, напротив, приобретают возрастающую значимость.

Глобальные города должны обладать достаточными ресурсами для того, чтобы обеспечивать функционирование международных компаний и их рынков. Поэтому важнейший признак глобальных городов – развитая инфраструктура профессиональных специализированных услуг, удовлетворяющая потребности крупных корпораций. Глобальные города – это, прежде всего, пространства «высокоспециализированных систем знаний»<sup>58</sup>. Другой важной чертой глобальных городов, определяющих их принципиальное отличие от мировых городов предшествующих эпох, является высокая специализация в обслуживании определенных типов глобальных рынков. Дифференциация функций (доминанта контроля за определенным рынком) существует между Нью-Йорком, Лондоном, Токио и прочими глобальными городами. Даже менее влиятельные глобальные города включены в процесс дифференциации и специализации, изобретая новые услуги и формируя на этой основе новые рынки<sup>59</sup>.

Следующий признак глобальных городов, на котором акцентирует внимание С. Сассен, – это их тесная связь друг с другом. Поскольку большая часть рабочих мест в глобальных городах ориентирована на международный рынок, глобальные города превращаются в сети взаимосвязанных пространств и стратегических центров принятия решений. Каждый отдельно взятый глобальный город оказывается функционально связанным с другим, в результате чего формируются уже не отдельные глобальные города, а транснациональные глобальные сети городов, которые становятся все менее зависимыми от их национальных экономик. Таким образом, одновременная

---

<sup>58</sup> Sassen S. The Global City: Enabling Economic Intermediation and Bearing Its Costs // City & Community. 2016. Vol. 15. Iss. 2. P. 99.

<sup>59</sup> Вершинина И.А. Современные теории города: социологический анализ. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2019. С. 167–168.

дифференциация и концентрация – важнейшая черта сети глобальных городов<sup>60</sup>.

Помимо экономической функциональной характеристики глобальных городов, С. Сассен выделяет особенности их культурной составляющей. Интенсивная миграция превращает глобальные города в космополитичные, при этом теряется разнообразие социальных слоев и культур. Международные корпорации и бизнесмены из разных стран, владеющие недвижимостью и городским пространством, олицетворяют, по сути, единую глобальную культуру – культуру успешности, мало зависящую от разнообразия их стран, национальных языков и культурных традиций<sup>61</sup>. В результате этого глобальные города превращаются в однотипные города, управляемые корпорациями. Корпоративные субъекты все более и более расширяют свое влияние и приобретают новые права (экспроприируя городские пространства – офисные здания, торговые центры, жилые комплексы), тогда как жители теряют свои права на город. Негативным следствием логики развития глобальных городов является рост в них социального неравенства, экономической и пространственной поляризации из-за непропорционального соотношения высоких и низких заработных плат. В глобальном городе возрастает ценность – преимущественно в корпоративном секторе – высокопрофессиональных кадров и обесцениваются другие виды экономической активности. Таким образом, глобальные города являются наиболее яркими примерами растущего социального неравенства и социальной поляризации.

В информационно-сетевой теории М. Кастельса феномен глобального города интерпретируется как процесс, объединяющий развитые услуги, производственные центры и рынки в глобальную сеть. Этот процесс «идет с разной интенсивностью и в разных масштабах, в зависимости от относительной значимости видов деятельности в каждой сфере vis-a-vis

---

<sup>60</sup> Сассен С. Глобальный город: введение понятия // Глобальный город: теория и реальность / под. ред. Слуки Н.А. М.: ООО «Аванглион», 2007. С. 13–14.

<sup>61</sup> Вершинина И.А. Современные теории города: социологический анализ. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2019. С. 183.



глобальной сети»<sup>62</sup>. В этом процессе «регионы и местности (localities) не исчезают, а интегрируются в международных сетях, связывающих их самые динамичные секторы»<sup>63</sup>. Анализируя глобальный город в логике пространства мест и пространства потоков, М. Кастельс подчеркивает, что пространство информационных потоков здесь имеет решающее значение. Глобальный город – это не место, а процесс, «посредством которого центры производства и потребления развитых услуг...связываются в глобальные сети на основе информационных потоков...»<sup>64</sup>. Глобальная экономика и информационное общество порождают новую пространственную форму – мегаполисы, развивающиеся в разных социальных и географических контекстах. При этом не размер является определяющей характеристикой мегаполисов, а их узловые функции в глобальной экономике. Мегаполисы «служат узлами глобальной экономики, концентрирующими административные, производственные и менеджерские высшие функции..., контроль средств массовой информации, реальную политику силы и способность создавать и распространять сообщения»<sup>65</sup>. Мегаполисы, аккумулируя основные потоки капитала, власти, информации, все более и более превращаются в информационные города, которые становятся доминантами сетевой экономики как на уровне страны, так и за ее пределами – в глобальных масштабах. М. Кастельс, называя мегаполисы новой городской формой, отмечает, что их отличительной чертой является глобальная «включенность» и локальная «исключенность»<sup>66</sup>. Это означает, что мегаполисы вовне связаны с глобальными сетями и наиболее отчетливо выражают глобальную экономику, но, в то же время, внутри страны они исключают из глобальных сетей функционально ненужные местные популяции. Мегаполисы, с одной стороны, концентрируя в себе все самые лучшие ресурсы, но с другой – являются местами сосредоточения сегментов

---

<sup>62</sup> Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / пер. с англ., под науч. ред. Шкаратана О.И. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 358.

<sup>63</sup> Там же. С. 358.

<sup>64</sup> Там же. С. 363.

<sup>65</sup> Там же. С. 378.

<sup>66</sup> Там же. С. 379.

населения, которые борются за выживание. Несмотря на комплекс социальных проблем, характерных для всех без исключения мегаполисов, М. Кастельс прогнозирует рост их размеров и степени господства (влияния), поскольку мегаполисы будут оставаться узловыми пунктами новой пространственной формы информационной эпохи – пространства потоков. В фундаментальном смысле будущее человечества и отдельных стран будет зависеть от эволюции этих территорий (мегаполисов) и управления ими<sup>67</sup>.

Таким образом, в концепциях С. Сассен и М. Кастельса прослеживается очевидная связь между феноменами глобального города и мегаполисами. Концентрируя на своей территории разнообразные ресурсы, имеющие эффект взаимного усиления-приумножения, мегаполисы становятся местами образования межсетевых узлов, открывающих возможности в глобальный мир постнациональной экономики. При этом мегаполисы – не просто территории, в которых концентрируются и протекают глобальные процессы, они (мегаполисы) в значительной степени сами являются «производителями» глобальных процессов. Безусловно, не все мегаполисы могут быть отнесены к глобальным городам. Очевидно также и то, что зависимость между размером и функциональной (глобальной) значимостью мегаполиса не является прямой. Например, мегаполисы развивающихся стран, занимая огромные территории и обладая многомиллионной численностью населения, не оказывают влияния на развитие мировых глобальных процессов. Тогда как ряд городов, не являющихся мегагородами по площади и численности населения (например, Цюрих), могут иметь значительное влияние в глобальной системе экономических взаимосвязей. Вместе с тем, именно мегаполисы чаще всего становятся узлами глобального экономического пространства. Большинство таких мегаполисов расположены в развитых странах. Индекс глобальности городов (The Global Cities Index), рассчитываемый раз в два года международной консалтинговой компанией А.Т. Kearney совместно с

---

<sup>67</sup> Там же. С. 379.

исследовательским центром Чикагского Совета по международным отношениям, показывает, что пятерку лидеров рейтинга на протяжении нескольких лет традиционно занимают такие мегаполисы, как Нью-Йорк, Лондон, Париж, Токио, Гонконг. Характерной особенностью рейтинга глобальных городов A.T. Kearney является то, что он не сводится только к оценке делового климата, а отражает комплексную глобальную значимость/влияние городов. Индекс глобальности городов, составляющий основу рейтинга, рассчитывается на основе 5 групп показателей: уровень деловой активности, человеческий капитал, информационный обмен, культурный уровень и политический вес. Среди российских мегаполисов в этот рейтинг попадает только Москва (14 место по данным 2018 года)<sup>68</sup>.

Среди ключевых функций мегаполисов в глобальном пространстве отечественные исследователи выделяют командно-административную, организационно-институциональную, сервисную, социокультурную, интеграционную, инновационную, информационно-коммуникативную, пространственно-организационную<sup>69</sup>. Командно-административная функция реализуется за счет концентрации на территории мегаполисов ключевых институций, структур и организаций, осуществляющих управление глобальными экономическими и политическими процессами. Международная политика и экономика локализуется и «производится» на территории крупнейших городов-мегаполисов. Организационно-институциональная функция выражается в формировании комплекса норм и императивов, обеспечивающих функционирование и взаимодействие международных структур и организаций (транснациональных компаний, штаб-квартир международных организаций). Сервисная функция заключается в предоставлении развитой инфраструктуры для «поддержки» деятельности и систем взаимодействия разнообразных экономических субъектов. Преимущественное значение в сервисной инфраструктуре имеют

---

<sup>68</sup> Рейтинг глобальных городов A.T. Kearney. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/global-cities-index>

<sup>69</sup> См.: Новосельцева А.С. Ключевые функции мегаполисов в глобальной экономике: системность исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. 2011. Серия 9. Вып. 9. С. 74.

информационные технологии, исследовательские разработки и высокоспециализированные услуги по сопровождению бизнес-процессов (консалтинг, аудит, факторинг и пр.). Социокультурная функция мегаполисов заключается в формировании на их территории образованных, высококвалифицированных, мобильных групп населения, транслирующих в глобальном масштабе определенные жизненные ценности, нормы, поведенческие образцы и модели. Кроме этого, концентрация на территории мегаполисов культурных объектов и событий международного значения (мегасобытий) обеспечивает им глобальную известность и туристические потоки со всего мира. Интеграционная функция реализуется за счет агломерационных эффектов, характерных для развития мегаполисов. Мегаполисы предоставляют доступ к глобальной экономике территориям, входящим в зону их агломерационного притяжения. Инновационная функция заключается в формировании инновационной среды и создании условий для непрерывного «производства» и трансляции (диффузии) инноваций. Концентрация в мегаполисах образовательных и исследовательских организаций, высококвалифицированных специалистов, экспертного сообщества обеспечивает им роль центров инновационной деятельности. Информационно-коммуникативная функция выражается в создании, распространении и контроле информационных потоков, оптимизации коммуникационных систем взаимодействия субъектов различного уровня в рамках многоаспектного процесса глобализации. Пространственно-организационная функция мегаполисов предполагает обеспечение территориальной организации глобальных форм экономической деятельности, предоставление локальных пространств для размещения ресурсов, агентов и объектов этой деятельности, а также обеспечение механизмов бесконфликтного взаимодействия территориальных комплексов и условий окружающей среды (природных, экологических факторов, городской социальной среды)<sup>70</sup>.

---

<sup>70</sup> Там же. С. 74–75.

Помимо перечисленных функций, особое значение в системе взаимодействия мегаполиса с внешней средой имеет функция управления миграционными процессами. Мегаполисы – ключевые узлы миграционных потоков – как постоянных, так и временных краткосрочных. Кроме того, что мегаполисы являются центрами притяжения населения из других городов и регионов, они ежедневно выступают площадками для кратковременных встреч, переговоров, конференций, симпозиумов, конгрессов, транспортными пересадочными узлами в бизнес-трафике и т.д. В мегаполисы ежедневно пребывают сотни тысяч туристов, бизнесменов, студентов, которые обеспечивают высокую динамику капиталов и самих миграционных процессов. Мегаполисы, выступая узлами межрегионального и межстранового обмена, становятся центрами миграции и приобретают функцию контроля над миграционными потоками и процессами.

Рассмотренные функции мегаполисов как центров глобального экономического пространства (макроуровень функционального анализа) позволяют сделать вывод об их взаимозависимости и взаимообусловленности. Современные мегаполисы, как правило, представляют собой многофункциональные сложные системы, динамично развивающиеся и способные наращивать, изменять, дополнять свой функциональный потенциал. Большая часть глобальных городов (мегаполисов международного значения) относится к многофункциональным типам мегаполисов. Преобладание же отдельных функций определяет «специализацию» конкретного мегаполиса в международном «разделении труда», его наиболее значимую роль в системе глобальных взаимодействий.

Выделенные признаки и функции мегаполиса (на мезо- и макроуровне) демонстрируют многоаспектность и сложность как самого рассматриваемого феномена, так и его теоретической концептуализации. В связи с этим возникает необходимость теоретического осмысления мегаполиса с точки зрения системного подхода, позволяющего дополнить и интегрировать сущностно-содержательные трактовки, обозначенные в рамках формально-

количественного, правового и функционального подходов. Системный подход (основные положения которого разработаны в рамках общей теории систем Л. фон Берталанфи, трудах классиков социологии – О. Конта, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса) предполагает рассмотрение феномена «мегаполис» с позиций целостности, самодостаточности, внутренней иерархичности, интеграции, динамизма, открытости и включенности в отношения с окружающей внешней средой. В рамках системного подхода мегаполис может быть определен как целостная социо-территориальная система организации жизнедеятельности населения, функционирующая в широком контексте социальных, экономических, культурных, политических взаимосвязей и отношений.

Для мегаполиса как системы характерны следующие диалектические пары взаимосвязей:

1. С одной стороны, мегаполис как социальная система выступает целостной пространственно-организационной формой бытия общества и, соответственно, включает в себя все его характеристики, с другой стороны – он оказывает существенное влияние на развитие этого общества, являясь одним из его значимых проявлений (современных форм существования).

2. С одной стороны, мегаполис является целостной социо-территориальной системой, но с другой стороны – как любой сложноорганизованной системе – ему присуща высокая степень дифференциации и иерархии внутренних подсистем и элементов (внутригородских территорий, городской среды и инфраструктуры, сообществ, групп, институтов, организаций и структур).

3. С одной стороны, мегаполисам, как любым социальным системам, присуще стремление к устойчивости (стабильности, самосохранению, самовоспроизводству), но, с другой стороны, мегаполисы – высокодинамичные системы, развивающиеся под воздействием трансформирующихся условий внутренней и внешней среды.

4. Мегалополисы как социо-территориальные системы характеризуются одновременным сочетанием замкнутости (локальности) и открытости. С одной стороны, они включают в себя множество не выходящих за пределы системы элементов и подсистем, с другой стороны – открыты для «входа» внешних и «выхода» внутренних потоков (информации, людей, капиталов).

Проведенный анализ трактовок мегалополиса в рамках формально-количественного, правового, функционального и системного подходов позволяет нам сделать ряд обобщающих заключений.

Мегалополис представляет собой единый сверхкрупный город, который имеет тенденцию «вбирать» в себя близлежащие населенные пункты и перерасти в агломерационное образование – в российских реалиях чаще всего моноцентричное. Объективные исторические, пространственно-географические, социально-экономические контексты урбанизации в разных странах определяют различия между российскими и зарубежными учеными в определении формально-количественных критериев идентификации мегалополисов. Зарубежные трактовки мегалополиса в рамках формально-количественного подхода основываются на критериях численности населения от 10 млн. человек. Российские нормативные традиции идентификации мегалополисов основываются на численности населения свыше 1 млн. человек.

С правовой точки зрения мегалополисы – это города с определенным юридическим статусом. В России это города федерального значения, административные центры, столицы субъектов РФ. Часть из них может не иметь численных признаков мегалополиса, но иметь иные характерные для мегалополиса особенности. Это такие особенности, как пространственная концентрация органов власти соответствующего административно-территориального уровня, обеспечивающая выполнение городом «столичных» функций; приоритетная историческая, культурная, экономическая, инновационная или иная роль в масштабах региона или страны; развитая инфраструктура, превышающая потребности самого города;

наличие нескольких видов городского транспорта и включенность в общегосударственные транспортные сети; высокая плотность застройки и дифференциация внутригородских территорий; высокая трудовая мятниковая миграция. Эти признаки-особенности дают основание определять такие города как мегаполисы, либо города мегаполисного типа (в случае, если численность населения в них не превышает 1 млн. человек).

Функции, реализуемые мегаполисом на мезоуровне (в масштабах региона или страны), определяют его «специализацию» и позволяют выделить определенные типы мегаполисов (промышленный мегаполис, научно-образовательный, инновационный, финансовый центр, культурная «столица», центр сервисной экономики, мегаполис-транспортный узел и др.). В условиях возрастающей конкуренции между городами современные прогрессивные мегаполисы стремятся к «наращиванию» ресурсов, динамичному развитию своего функционального потенциала и его расширению (мультифункциональности). Благодаря концентрации в мегаполисах различных ресурсов и капиталов они чаще всего выступают ключевыми агентами глобализационных процессов и становятся глобальными городами. Реализуя на макроуровне – в глобальном пространстве – комплекс функций (политико-административных, организационно-институциональных, сервисных, социокультурных, интеграционных, информационно-коммуникативных, пространственно-организационных), мегаполисы выступают «точками» роста, «драйверами» развития своих регионов и стран, а также важнейшими элементами мировой системы экономического, политического, социального, культурного, информационного взаимодействия. Глобальные города-мегаполисы, с одной стороны, постоянно испытывают на себе влияние общемировых политических и экономических процессов, но с другой – сами выступают инициаторами изменений во всех сферах жизни, задают тренды и векторы этих изменений.



С позиций системного подхода мегаполис характеризуется как целостная, но в тоже время высокодифференцированная и иерархичная социо-территориальная система организации жизнедеятельности населения, функционирующая и динамично развивающаяся в широком контексте социальных, экономических, культурных, политических взаимосвязей и отношений. В мегаполисах как сверхкрупных и сложноорганизованных городских системах наиболее ярко проявляется весь комплекс противоречий во взаимодействии отдельных элементов и подсистем, внутренней и внешней среды.

## **1.2 Мегаполис как объект управления в фокусе теории городских режимов**

Теоретико-социологический анализ мегаполиса как объекта управления предполагает обозначение концептуальных координат его рассмотрения с точки зрения процесса управления городскими системами как таковыми, выявление особенностей институционально-правовой среды для реализации местного самоуправления, выделение уровней и субъектов управления с учетом характерных особенностей мегаполисов как сверхкрупных и сложноорганизованных городских систем и специфики их развития в современной России. В соответствии с обозначенными направлениями проанализируем сначала сложившиеся в мировой науке теории городского управления, выявив их объяснительные возможности применительно к современным российским реалиям, далее раскроем методологический потенциал теории городских режимов в анализе особенностей системы управления современным российским мегаполисом, и, наконец, выделим ключевые противоречия и барьеры для реализации местного самоуправления, основанного на принципах субъект-субъектного сетевого взаимодействия власти и гражданского общества.

В научной литературе, посвященной городской политике и городскому управлению, существует несколько групп теорий, стремившихся найти ответы на вопросы о том, в чьих руках находится власть в городе (Кто управляет?) и каковы цели городского управления (Для чего?).

Исторически первым ответом на вопрос о том, у кого есть власть в городе, была элитистская теория, развивающая идеи Платона, Аристотеля, Макиавелли, В. Парето и Г. Моска о политическом устройстве государства. Согласно элитистской интерпретации управляет городом в собственных интересах элита – группа, имеющая в своем распоряжении ключевые материальные ресурсы. Ранние исследования, проведенные в 1920–1930-е годы американскими социологами Робертом и Хелен Линд в типичном городе Среднего Запада («Мидлтаун»), явились обоснованием сверхвлияния бизнес-элиты на городскую политику и управление. В этих исследованиях было обнаружено доминирующее влияние на все сферы городской жизни одной семьи, которая «возглавляла» элиту городского бизнеса. Влияние семьи осуществлялось как напрямую – через руководящие посты в управленческих структурах города, так и косвенно – через неформальные связи, отношения и договоренности. По существу рычаги управления и контроля были сосредоточены в руках городской бизнес-элиты, а не политиков или городских чиновников<sup>71</sup>. Аналогичные выводы – об элитистском характере распределения власти в городе – были сделаны по результатам исследований, проведенных Ф. Хантером в 1940–1950-е гг. в Атланте. Используя репутационный метод, американский социолог выявил структуру городской власти, состоящую преимущественно из крупных бизнесменов и топ-менеджеров, которые, как правило, были тесно связаны друг с другом. Именно в неформальных коммуникациях представителей крупного бизнеса формировались ключевые вопросы городской политики и принимались основные решения, которые затем выносились в публичную

---

<sup>71</sup> См.: Lynd R.S., Lynd H.M. Middletown. New York: Harcourt, Brace and World, 1929; Lynd R.S., Lynd H.M. Middletown in Transition. New York: Harcourt, Brace and World, 1937.

сферу и осуществлялись исполнителями (лидерами второго уровня структуры власти). Иными словами, Хантеровская структурная модель городской власти обозначала четкое разделение между группой, собственно «делающей» политику, и группами, ее реализующими. Если лидерская элита, составляющая верхушку властной пирамиды, – достаточно замкнутая, немногочисленная и стабильная по составу группа, то исполнители ее воли могли меняться по составу и численности в зависимости от решаемой проблемы или реализуемого проекта. Публичное обсуждение уже решенных на неформальном уровне вопросов сводилось к обеспечению реализации принятых решений, что ставило под сомнение демократический принцип формирования городской политики. Ключевые вопросы городской жизни оказывались полностью под контролем бизнес-элиты, которая фактически не была избираемой и подотчетной населению<sup>72</sup>. Доминирование крупного бизнеса (а не государственных структур, либо общественных ассоциаций) во всех сферах городской жизни объясняется концентрацией в его руках экономических ресурсов, без которых реализация муниципальных программ практически неосуществима. Помимо этого, бизнес обладает значительным потенциалом влияния на формирование общественного мнения, в том числе через каналы СМИ, зависимые от рекламных бюджетов. В элитистской модели Хантера неформальные структуры власти оказываются «над» формальными, при этом власть бизнеса имеет скрытый, невидимый характер, поскольку участие бизнесменов в управлении городским развитием проявляется в основном на предварительной стадии принятия решений<sup>73</sup>.

Противопоставлением элитистской теории выступает плюралистическое объяснение структуры городской власти, сформулированное Р. Далем<sup>74</sup>. В отличие от Хантера Даль считал, что в

---

<sup>72</sup> См.: Hunter F. Community Power Structure. A Study of Decision-makers. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1953.

<sup>73</sup> Ледаев В.Г. Социология власти: исследование Флойда Хантера // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 96, 106.

<sup>74</sup> См.: Dahl R. Who Governs? Democracy and Power in American City. New Haven: Yale University Press, 1961.

городской политике решения принимает не одна замкнутая группа, а несколько. В процесс городского управления вовлечены разные группы, поэтому власть распределяется среди большого количества конкурирующих участников, интересы которых по определенным вопросам городской жизни могут не совпадать. В разных сферах общественной жизни города могут доминировать разные группы и их лидеры. Так, на примере исследования в Нью-Хейвене было обнаружено, что в вопросах реконструкции города доминировало влияние мэра и экспертного сообщества, тогда как вопросы должностных назначений контролировались лидерами политических партий. При этом сравнительно небольшое количество людей имело влияние сразу в нескольких городских институциях. То есть ни одна группа не могла монополизировать власть и оказывать решающее влияние на все институциональные сферы и городскую политику в целом. Поскольку основной фокус внимания «плюралистов» был сосредоточен на анализе политических институтов и решений, то при таком взгляде именно представители публичной власти и лидеры партий (а не бизнес) становились наиболее влиятельными субъектами городского управления и ключевыми акторами городской политики. Соответственно активность бизнеса в формальном пространстве политических и гражданских структур не была столь явной и поэтому не акцентировалась. Последнее обстоятельство предопределяло главное направление критики плюралистической теории. Слишком узкий взгляд на власть в городе – в контексте исключительно политических институтов и процессов принятия политических решений – не позволял выявить и объяснить формы власти, действующие «за сценой» формального политического поля<sup>75</sup>.

Основная линия дискуссий между элитистами и плюралистами строилась вокруг вопроса «Кто правит?». Важно отметить, что как для первых, так и для вторых исходным тезисом и «точкой» согласия являлось

---

<sup>75</sup> Ледаев В. Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/izuchenie-vlasti-v-gorodskih-soobshhestvah-osnovnyie-etapy-i-modeli-issledovaniya.html>

признание того факта, что в городском сообществе всегда существуют индивиды, обладающие в сравнении с другими более высокими статусными позициями и ресурсами, в силу этого имеющими более весомый потенциал влияния. Однако плюралисты подвергли сомнению утверждение элитистов о субъектах властного влияния как единой группы, которая доминирует во всех аспектах и сферах городской жизни.

Элитистская и плюралистическая теории сформировались на материалах локальных исследований, проведенных в американских городах. Всплеск сравнительных исследований второй половины 1960-х – начала 1970-х годов позволил «снять» оппозиционность элитистской/плюралистической моделей и выйти на объяснительные факторы в обнаружении тех или иных структур власти. Так, например исследование Р. Престуса, проведенное в двух американских городах, выявило различия в структурах власти в зависимости от уровня экономического развития города и необходимости обращаться за внешней ресурсной поддержкой к вышестоящим властным структурам. Престус приходит к выводу о том, что большее влияние бизнеса проявляется в городах с сильными внутренними экономическими ресурсами, тогда как в экономически слабых городах чаще всего проявляется доминирование политических лидеров<sup>76</sup>. Сравнительное исследование Д. Миллера, проведенное в межстрановом разрезе (в Сиэтле и Бристолле), выявило зависимость складывающихся городских структур власти от макроинституционального фактора (уровень страны), предопределяющего модели и возможности функционирования власти на местном уровне. Так, в США традиционно высокая значимость промышленного сектора и бизнеса определяла высокую роль бизнес-элиты в городском управлении. Тогда как в Великобритании, напротив, прослеживалась высокая роль политических структур (партийных организаций) и ключевые решения на местном уровне

---

<sup>76</sup> См.: Presthus R.V. Men at the Top. A Study in Community Power. New York: Oxford University Press, 1964.

принимались при активной роли комитетов, формирующихся на партийной основе<sup>77</sup>.

Российский ученый В.Г. Ледяев, обобщая материалы многочисленных сравнительных исследований в американских и европейских городах, выделяет несколько факторов, обуславливающих паттерны власти в элитистско-плюралистическом измерении. Решающее значение имеет размер города (городской общности) и связанный с этим эффект разнообразия (гетерогенности). Для крупных городов в большей мере характерна плюралистическая модель, поскольку количество и состав акторов, групп, организаций, включенных в соревновательный и зачастую конфликтный процесс отстаивания своих интересов, весьма значителен. Диверсифицированная городская экономика также способствует формированию плюралистической структуры власти. В свою очередь, в моногородах наиболее вероятно движение в сторону элитизма со значительным влиянием градообразующей отрасли на решение вопросов общегородского значения. Отсутствие жесткой территориальной привязки определенных отраслей бизнеса, возможность их перемещения способствуют укреплению позиций и увеличению потенциала влияния представителей данных отраслей на принятие решений органами публичной власти. Активность профсоюзов и организованность общественных движений являются факторами развития плюралистических тенденций и барьером для элитизма. Среди институциональных факторов организации муниципального управления решающую роль оказывают специфика муниципальных выборов и процедура замещения должности мэра. Так, например, в зарубежных исследованиях было выявлено, что формированию элитистской структуры власти способствуют муниципальные выборы, в которых кандидаты беспартийны, но зависимы от бизнес-организаций. Укрепляет элитизм и форма организации муниципальной власти с «назначенными» мэрами (сити-

---

<sup>77</sup> См.: Miller D. Industry and community power structure: a comparative study of an American and an English city // American Sociological Review. 1958. Vol. 23. Iss. 1. Pp. 9–15.

менеджерами), которые в сравнении с избранными в большей степени дистанцированы от населения и ориентированы на ценности бизнеса<sup>78</sup>.

Дискуссии между элитистами и плюралистами относительно главного субъекта городского управления в конечном итоге способствовали развитию многомерных представлений о власти. Власть интерпретировалась не только в формальном измерении (как должностная позиция в муниципалитете), но и через способность отдельных групп, организаций (преимущественно промышленных компаний) определять актуальные темы городской повестки<sup>79</sup>, либо блокировать постановку нежелательных вопросов – например, вопросов ужесточения законодательства по проблемам загрязнения окружающей среды<sup>80</sup>.

В более поздних теориях, возникших в конце 1970-х годов, центральным вопросом становится вопрос не «Кто управляет?», а «Для чего? С какими целями?». Ответом на данный вопрос послужила теория «машины городского роста» Х. Молоча и Дж. Логана. «Машина роста» представляет собой коалицию элит (местной власти, предпринимателей, владельцев недвижимости), продвигающих идею быстрого экономического роста как отвечающую стратегическим целям развития города и всего городского сообщества<sup>81</sup>. Главным условием для роста выступает извлечение максимальной прибыли из городской земли посредством вложения в нее капитала, поэтому собственники земли и недвижимости, инвесторы-застройщики становятся важнейшими игроками в коалиционных союзах. Так или иначе, коалиции роста нацелены на превращение городского пространства в рентабельный товар, категорию «меновой стоимости», тогда

<sup>78</sup> Ледяев В. Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/izuchenie-vlasti-v-gorodskih-soobshhestvah-osnovnye-etapy-i-modeli-issledovaniya.html>

<sup>79</sup> Babrach P., Baratz M. Two Faces of Power // American Political Science Review. 1962. № 56. Pp. 947–952.

<sup>80</sup> Crenson M.A. The Unpolitics of Air Pollution: a Study of Non-Decision-Making in the Cities. Baltimore: John Hopkins University Press, 1971.

<sup>81</sup> См.: Logan J.R., Molotch H.R. Urban Fortunes: The Political Economy of Place. Berkeley: University of California Press, 1987.

как «потребительная стоимость»<sup>82</sup> (иначе, субъективная ценность, значимость определенных мест для жителей) не принимается в расчет. Поэтому не всегда, как подчеркивает Молоч, стратегии быстрого экономического роста приводят к увеличению общественного блага<sup>83</sup>. Зачастую социальные «издержки» роста – такие, как ухудшение среды, «вытеснение» жителей из районов, утрата символического значения мест и т.д. – оказываются столь велики, что их не удастся «заглушить» риторикой «прогрессивного развития города».

Возникающие противоречия между проектами (ре)конструирования городского пространства, инициированными симбиозами властных институтов и бизнес-элит (прежде всего, строительных компаний), и интересами горожан способствуют развитию локального активизма в форме социальных движений, низовых гражданских инициатив и стихийных противодействий со стороны местного сообщества. Исходы противостояния «машин роста» и активистов местных сообществ в оспаривании городского пространства могут быть различны – и в целом зависят от специфики складывающихся моделей взаимодействия между коалициями роста и населением в конкретных городах и макроинституционального политического контекста. Так, Е.В. Тыканова, сравнивая практики оспаривания городского пространства в Санкт-Петербурге и Париже, приходит к выводу, что на ход борьбы и используемые в ее процессе инструменты влияют конфигурации политического дискурса и сила легитимных препятствий для формирования коалиций строительного бизнеса и городской администрации<sup>84</sup>. В европейских городах серьезным препятствием для «машин роста» традиционно является влияние левых партий (и вообще политических партий) на принятие градостроительных

---

<sup>82</sup> Понятия меновой и потребительной стоимости городского пространства вводятся Х. Молочем и Дж. Логаном для описания несоответствия интересов (напряжения) между владельцами городской недвижимости и жителями.

<sup>83</sup> Molotch H. The city as growth machine: toward a political economy of place // American Journal of Sociology. 1976. Vol. 82. No. 2. P. 350.

<sup>84</sup> Тыканова Е.В. Влияние городских политических режимов на ход оспаривания городского пространства (на примере Санкт-Петербурга и Парижа) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 3. С. 122.



решений. Именно поддержка политических лидеров левого толка значительно повлияла на возможности локального сообщества (жителей улицы Томб-д'Иссуар в Париже) в течение ряда лет легитимно оспаривать заявки инвестора на снос зданий, имеющих культурно-историческую ценность. В свою очередь, изменение расстановки политических сил на городской «арене» кардинально повернуло результаты противостояния в пользу застройщиков. Жители Санкт-Петербурга в силу ограниченных легитимных ресурсов и их слабой результативности в большей степени были ориентированы на использование активных протестных акций и консолидацию с градозащитными общественными организациями и иными инициативными группами.

В целом противостояние интересов «сильных» и «слабых» стейкхолдеров в российских городах протекает в условиях отсутствия четких регламентированных схем взаимодействия, постоянной смены «правил игры» на законодательном уровне, непрозрачности решений властей и постфактум информирования населения по поводу проектов городского развития<sup>85</sup>. Отсутствие полного и своевременного информирования общественности о градостроительных изменениях приводит к невозможности быстрой мобилизации ресурсов населения и общественных организаций, а также ограничивает освоение жителями репертуара легитимных средств в отстаивании своих прав.

Таким образом, теория «машины роста», описывающая специфику развития американских городов в 1970–1980-е годы, вполне применима к российским реалиям. Процессы трансформации и коммерциализации городского пространства, начавшиеся в постсоветские годы и продолжающиеся в большинстве российских мегаполисов в наши дни, могут быть рассмотрены сквозь призму формирования коалиционных союзов между представителями муниципальной власти и бизнеса. При этом

---

<sup>85</sup> См.: Тыканова Е., Хохлова А. Конфликт прав собственности в постсоветском городе (на примере случаев сноса гаражей в Санкт-Петербурге) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 5 (76). С. 109–125.

вероятность возникновения и укрепления таких союзов (отметим, не исключая внутренних конфликты между участниками) значительно выше именно в сверхкрупных российских городах, имеющих историческую, культурную ценность<sup>86</sup> и глобальные амбиции. Интеграция в мировую экономику, конкуренция между городами за привлечение зарубежного капитала и туристических потоков способствовали развитию стратегий «витринного» маркетинга в рамках неолиберальной модели «город для бизнеса», которая слабо согласуется с моделью «город для жизни». Текущая повседневность практически каждого российского мегаполиса изобилует примерами сноса исторических зданий, вырубки зеленых насаждений, уродливой уплотнительной застройки и «ломки» архитектурного облика в угоду коммерческим приоритетам – извлечению прибыли от использования городской земли и располагающейся на ней недвижимости. Острота вопроса рационального использования городской земли в парадигме экономического роста удручающе предсказуемо предопределяет решения властей, касающихся смены назначения территорий, внедрения объектов, эстетически и эргономически не вписывающихся в контекст окружающей среды и зачастую вступающих в противоречие с представлениями жителей о предназначении тех или иных мест городского пространства.

Российские исследования градостроительных конфликтов в большинстве случаев подтверждают наличие устойчивых коалиций между городскими властями и строительным бизнесом. Е.В. Тыканова и А.М. Хохлова отмечают, что готовность крупного бизнеса вкладывать значительные средства в развитие территории повышает шансы возникновения подобных коалиций. И наоборот, ограниченные инвестиционные возможности застройщиков чаще предопределяют выбор властей в пользу снижения репутационных издержек и социальных рисков. Даже в тех случаях, когда результаты оспаривания городского пространства

---

<sup>86</sup> Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство // Журнал исследований социальной политики. 2015. Том 13. № 2. С. 244.

не указывают на реальное существование коалиций, акторы, вовлеченные в борьбу за территорию, активно используют образ воображаемой «машины роста» как инструмент дискредитации противников и способ отстаивания своего права на город в конфликтном дискурсе<sup>87</sup>.

Специфика зарождения российских «машин роста» в транзитивном периоде перехода к рыночной экономике, по мнению Н. Карбаинова, определялась нестабильностью прав собственности на землю. Распространенность «неформальной» собственности на землю и жилье (фактическое владение собственностью, но при отсутствии легализованных де-юре прав на нее) сопровождалась противоречивым, несимметричным характером правоприменительных практик изъятия этой собственности (прежде всего, несправедливостью компенсационного пакета)<sup>88</sup>.

Характерной особенностью российских «машин роста» как на этапе зарождения, так и в текущем периоде являлась/является высокая активность экономических элит федерального уровня как бенефициаров местного девелопмента и иных бизнесов. По оценкам ряда российских ученых, начавшийся с 2000-х годов поворот к рецентрализации управления (после предыдущего десятилетия децентрализации/регионализации), сопровождался активной экспансией в регионы и города крупных бизнес-акторов общенационального масштаба<sup>89</sup>. При этом складывающиеся модели взаимодействия между политико-административными и экономическими акторами не отличались унификационностью. Н.В. Зубаревич, анализируя процессы региональной экспансии промышленного и банковского капитала (проявившие себя с середины 90-х), рассматривает их в контексте

---

<sup>87</sup> Там же. С. 251–252.

<sup>88</sup> См.: Карбаинов Н. Как изымают собственность в олимпийских столицах: Олимпиада в Сочи в сравнительной перспективе // Мир России. 2013. № 1. С. 106–129; Карбаинов Н. Как владельцы (не) становятся частными собственниками: земельные конфликты в Улан-Удэ и Сочи // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Том 17. № 5. С. 85–108.

<sup>89</sup> См.: Зубаревич Н. Пришел, увидел, победил? Крупный бизнес и региональная власть // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 1. С. 107–120; Ortung R. Business and Politics in the Russian Regions // Problems of Post-Communism. 2004. Vol. 51. № 2. Pp. 48–60; Бычкова О.В., Гельман В.Я. Экономические акторы и локальные режимы в крупных городах России // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/ekonomicheskie-aktory-i-lokalnye-rezhimy-v-krupnyh-gorodah-rossii.html>

трансформации общенациональной политической и экономической обстановки, детерминирующей возможности «закрытия» и «открытия» регионов для входа «чужого» бизнеса. В свою очередь, дифференцированный ресурсный потенциал регионов сказывался на формировании определенных моделей взаимодействия, а также форм «контроля» крупного национального бизнеса над губернаторскими «вотчинами» – от становления «регионов-корпораций» до «регионов с разделенными зонами влияния» и даже сохранением лидерских позиций региональной власти, выступавшей в таких случаях арбитром в конкурентной борьбе экономических акторов<sup>90</sup>. В меняющихся политико-экономических условиях (от относительной автономии к централизации, от одной волны кризиса через относительную стабильность к другой) главы регионов и областных администраций вынуждены были приобретать навыки «эквистрики», то есть «поддержания баланса интересов – не только в своих отношениях с центральной властью, но и между отдельными бизнес-группами, действующими в губерниях, между крупными общероссийскими корпорациями и региональным капиталом»<sup>91</sup>.

Е.Г. Довбыш отмечает такую специфическую черту российских коалиций роста, как стремление местного финансового, строительного бизнеса к интеграции не с городской, а с региональной властью<sup>92</sup>. В условиях российской действительности именно региональная власть имеет реальную «силу» в решении значимых вопросов местного бизнеса, связанных с налогами, пошлинами, использованием земли, получением преференций иного – нематериального характера. Рычаги влияния (как прямого, так и косвенного) городской администрации в значительной степени ограничены. Поэтому крупный бизнес не только не заинтересован в создании устойчивой коалиции с местной властью, но и не рассматривает ее как равноправного

---

<sup>90</sup> Зубаревич Н. Пришел, увидел, победил? Крупный бизнес и региональная власть // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 1. С. 107–120.

<sup>91</sup> Там же. С. 118.

<sup>92</sup> Довбыш Е.Г. Бизнес, городская власть и городское сообщество: к проблеме институционализации взаимоотношений // Социальные явления. 2012. № 1. С. 80.

партнера, а в ряде случаев использует региональную поддержку для лоббирования своих интересов на городском уровне. Обретение патронажа на уровне региональной власти, обладающей несравнимо большим объемом полномочий и возможностей, позволяет бизнес-структурам «устранять» препятствия локального значения и повышать эффективность вложения своих ресурсов<sup>93</sup>. Ученый приходит к выводу, что наличие признаков городского режима роста является всего лишь следствием формирования такого режима на уровне региона. Несамостоятельность и «слабость» городской власти способствует ориентации бизнеса на сотрудничество с региональной властью как ключевым партнером по созданию коалиции роста<sup>94</sup>.

Несмотря на то, что теория «машины городского роста» в полной мере отражала приоритеты городской политики многих городов на определенном временном этапе – а именно, этапе доминирования темы экономического роста (увеличения ВВП, инвестиционной активности и т.п.) как таковой в общенациональном и соответственно городском масштабе, в конце 80-х гг. появляются более гибкие подходы, объясняющие цели городского управления и композиционную структуру власти в современных городах. Такие подходы формируются в рамках теории городских режимов<sup>95</sup>. Данная теория акцентирует внимание на многообразии и вариативности целевых приоритетов городского развития, среди которых режим роста рассматривается лишь как один из возможных (пусть и наиболее распространенный). Кроме этого, вариативны и ключевые «источники» самого роста, которые детерминируются объективной структурой городского хозяйства (преобладанием в нем определенных отраслей – промышленности, услуг, финансового, туристического сектора и т.д.). Помимо муниципальной власти и бизнеса – главных акторов городской политики роста, участниками коалиций (режимов) могут выступать и другие группы, представляющие

---

<sup>93</sup> Там же. С. 81.

<sup>94</sup> Там же С. 82.

<sup>95</sup> См.: Ледаев В.Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 65–90; 150–176.

альтернативные интересы, – это представители среднего класса, правозащитные, экологические организации и прочие НКО.

В теории городских режимов ключевым вопросом становится вопрос о «действенности», результативности муниципальной власти<sup>96</sup>. Стоит отметить, что сам феномен власти трактуется не как способность субъекта навязать свою волю другим («власть над»), но как способность «производить» результаты – добиваться поставленных целей, мобилизуя для этого требуемые ресурсы («власть для»)<sup>97</sup>. Основатель «режимной» теории К. Стоун, смещая перспективу видения власти от «механизма принуждения и социального контроля» к «механизму социального производства» на основе коллективных договоренностей и координации усилий, конституирует в соответствии с этим такие ключевые признаки городского режима, как: наличие формальных и неформальных взаимодействий между акторами, достижение соглашений по фундаментальным вопросам – целевым приоритетам, кросс-секторальный характер образованных партнерств и их стабильность/длительность, а также наличие ресурсов для достижения поставленных целей<sup>98</sup>. Указанные признаки тесно взаимосвязаны друг с другом. Так, необходимый объем ресурсов достигается за счет кросс-секторального характера партнерств, который, в свою очередь, обеспечивает стабильность режима. Достаточность привлеченных и «суммированных» ресурсов-потенциалов для достижения поставленных целей обеспечивает эффективность управления.

В отечественной и зарубежной науке на сегодняшний день существует множество развернутых определений городского режима, составляющих его элементы и разновидности<sup>99</sup>. Во всех определениях подчеркивается, что в

---

<sup>96</sup> Bassett K. Partnerships, Business Elites and Urban Politics: New Forms of Governance in an English City? // *Urban Studies*. 1996. Vol. 33. Iss. 3. P. 548.

<sup>97</sup> См.: Stone C. N. Pre-emptive power: Floyd Hunter's community power structure reconsidered // *American Journal of Political Science*. 1988. Vol. 32. N 1. Pp. 82–104; Stoker G., Mossberger K. Urban Regime Theory in Comparative Perspective // *Environment and Planning C: Government and Policy*. 1994. Vol. 12. Iss. 2. Pp.195–212.

<sup>98</sup> См.: Stone C. N. *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988*. Lawrence: University Press of Kansas, 1989.

<sup>99</sup> Все определения так или иначе базируются на классической версии К. Стоуна. См.: Dowding K. Explaining Urban Regimes // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2001. Vol. 25. № 1. Pp. 7–19; Holman N.

основе формирования того или иного режима лежат формальные и неформальные соглашения акторов, на основе которых принимаются и исполняются решения. Городской режим представляет собой коалицию публичных и частных акторов (интересов), которая обладает относительной устойчивостью и имеет определенную «повестку» – набор целевых приоритетов, по которым достигнуто соглашение. Коалиция формируется в сложном, противоречивом процессе взаимодействия между акторами, включающем в себя переговоры, уступки, преодоление барьеров, компромиссы. Поэтому далеко не во всех городах могут возникать «режимы» как относительно стабильные коалиции, имеющие кросс-секторальную природу – «нечто более широкое, чем неформальная организация, институт или единая правящая элита»<sup>100</sup>.

Режимы выступают эффективным способом «производства значимых результатов» в управлении городским развитием. Поскольку формально ответственность за решение городских задач закреплена за местной властью, как правило, не располагающей достаточными ресурсами для «покрытия» всех проблем, эффективность деятельности муниципалитетов во многом зависит от их способности мобилизовать частные ресурсы и таким образом обрести реально действующую, эффективную «силу» для решения актуальных вопросов городского развития<sup>101</sup>.

Как уже было отмечено ранее, различия в стратегических приоритетах городского развития определяют вариативность складывающихся режимов. На примере американских городов К. Стоун выделяет следующие типы режимов: режим поддержания (сохранения) статус-кво; режим развития (преимущественно ориентированный на экономический рост);

---

Following the Signs: Applying Urban Regime Analysis to a UK Case Study // *Journal of Urban Affairs*. 2007. Vol. 29. № 5. Pp. 435–453; Mossberger K. *Urban Regime Analysis / Theories of Urban Politics*. Eds.: Davies J.S., Imbroscio D.L., London: Sage, 2009. Pp. 40–54; Россия регионов: трансформация политических режимов / Общ. ред. В. Гельман, С. Рыженков, М. Бри. М.: Весь мир, 2000.

<sup>100</sup> Ледаев В. Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/izuchenie-vlasti-v-gorodskih-soobshhestvah-osnovnye-etapy-i-modeli-issledovaniya.html>

<sup>101</sup> Тев Д.Б. Политэкономический подход в анализе местной власти. К вопросу о коалиции, правящей в Санкт-Петербурге // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2006. Том 2. № 2. С. 99–100.

прогрессивный режим (противодействующий коалициям роста и направленный на сохранение/улучшение качества городской среды); режим человеческого капитала (ориентированный на расширение возможностей бедного населения)<sup>102</sup>. Указанные режимы отличаются друг от друга не только целями, но и реальными возможностями возникновения. Так, очевидно, что наиболее низкие шансы для практического «воплощения» имеют последние два режима. Трудности мобилизации ресурсов среднего класса (основного носителя прогрессивного мировоззрения) и их недостаточность являются главными факторами неконкурентоспособности этих режимов в сравнении с режимами роста, поддерживаемыми ресурсами бизнес-элит.

В.Я. Гельман, модифицируя типологию зарубежных городских режимов применительно к российской действительности, приходит к выводу об их мозаичном и противоречивом сосуществовании, не позволяющем говорить о преобладании какого-либо одного типа<sup>103</sup>. Вместе с тем, в развитии российских локальных режимов прослеживаются аналогичные американским и европейским аналогам модельные черты, а различия определяются более длительным периодом становления таких режимов в городском управлении зарубежных стран. Тип складывающихся в российских городах режимов в значительной степени зависит от размера города. Так, для малых и средних городов характерен преимущественный режим сохранения статус-кво, основанный на распределении ограниченных бюджетных средств для поддержания существующей инфраструктуры и не «выдвигающий» масштабных проектов городского переустройства. Тогда как в крупных городах и мегаполисах в наибольшей степени проявляются элементы режимов роста и развития, обусловленные строительным бумом,

---

<sup>102</sup> Stone C.N. Urban Regimes and the Capacity to Govern: A Political Economy Approach // Journal of Urban Affairs. 1993. Vol. 15. Iss. 1. Pp. 1–28.

<sup>103</sup> Гельман В. Власть, управление и локальные режимы в России: рамки анализа // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. URL: [http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz\\_70/6491-vlast-upravlenie-i-lokalnye-rezhimy-v-rossii-ramki-analiza.html](http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_70/6491-vlast-upravlenie-i-lokalnye-rezhimy-v-rossii-ramki-analiza.html)



ростом розничной торговли и сервисных секторов городской экономики<sup>104</sup>. С другой стороны, именно в крупных городах и мегаполисах наиболее ярко заявляют о себе общественные движения и организации, противостоящие безудержному росту и выступающие за сохранение окружающей среды. Безусловно, такие «инициативы», в том числе и гражданский протестный активизм населения, не могут быть рассмотрены в позиционном аспекте правящей коалиции, однако в современных российских мегаполисах они оказывают все более и более возрастающее влияние на трансформацию городской повестки в направлении социальных и экологических ориентиров.

Рассматривая «режимную» теорию в проекции российских городов, В.Г. Ледяев отмечает принципиально различные условия становления и развития городских режимов в зарубежных странах и России. Американские и европейские режимы возникают и существуют по большей части в условиях политической конкуренции, вынуждающей местную власть учитывать интересы тех или иных групп населения. Специфика российского контекста проявляется в значительном влиянии федеральных и региональных институтов на местную власть. Общенациональный курс на укрепление вертикали власти накладывает ряд ограничений (сужая «коридор» местной автономии), однако не исключает полностью возможностей возникновения локальных режимов в российских городах, в том числе с элементами прогрессивного характера<sup>105</sup>. Среди факторов, сохраняющих перспективы для формирования городских режимов даже в условиях государственной централизации, наиболее значимо проявляются такие, как: влияние эффекта глобализации; возрастание сложности и многомерности социальных процессов, стимулирующих развитие плюралистических тенденций в городском управлении; усиление «корпоративной» солидарности региональной/городской власти и бизнеса (включая неформальные коалиции)

---

<sup>104</sup> Там же.

<sup>105</sup> Ледяев В.Г. Опыт изучения власти в городских сообществах: российская проекция // Власть и элиты. 2015. Т. 2. С. 308.

как ответной реакции на «урезание» местной автономии со стороны федерального центра<sup>106</sup>.

В условиях централизации управления, по мнению С.И. Рыженкова и В.Я. Гельмана, свобода «маневра» местной власти проявляется в выборе инструментов и средств достижения результатов по обеспечению условий жизнедеятельности населения, а также форм привлечения частных ресурсов и партнеров для создания публичных благ в рамках установленных центром «правил игры»<sup>107</sup>. Главным «заданным» вектором развития локальных режимов является минимизация социальной напряженности, иначе – оппозиционной активности на местах. Вопрос о том, каким образом местная власть не допускает электоральных «провалов» и предотвращает протестную активность населения, не является для федеральной власти столь важным. Главная стратегия центра по уменьшению конфликтного потенциала внутри самого локального режима (и соответственно общей вертикали власти) достигается установлением «контроля глав регионов над ключевыми позициями в органах местного самоуправления»<sup>108</sup>.

Несмотря на специфический российский контекст возникновения и существования локальных режимов, ряд их существенных характеристик сопоставим с западными «режимными» моделями. Так или иначе, главными субъектами – акторами городских режимов выступают политики, чиновники и представители бизнеса. Общественные организации и структуры, даже в случаях их высокого потенциала активности и способности добиваться результатов в отстаивании своих прав, не занимают ведущих позиций в городских коалициях и могут претендовать в них лишь на второстепенные роли. Другой наднациональной чертой локальных режимов выступают общие проблемные сферы городского развития и управления, в которых

---

<sup>106</sup> Ледеев В.Г. Социология власти: теория городских политических режимов // Социологический журнал. 2006. № 3/4. С. 65–66.

<sup>107</sup> Гельман В.Я., Рыженков С.И. Локальные режимы, городское управление и «Вертикаль власти» в современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. Т. 6. № 4. С. 140.

<sup>108</sup> Рыженков С. Локальные режимы и «вертикаль власти» // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/lokalnye-rezhimy-i-vertikal-vlasti.html>

происходит взаимодействие акторов. Среди наиболее «острых» проблемных сфер взаимодействия стейкхолдеров – городская земля и недвижимость, дороги, транспорт, строительство жилых, торговых и бизнес-объектов.

Однако такие свойства городских режимов, как «стабильность» и «длительность» (в классическом определении Стоуна), в полной мере не могут характеризовать российские локальные режимы. Последние скорее характеризуются как «ограниченные», «появляющиеся», «неустойчивые». Вместе с тем, пересечение спектра интересов публичных и частных акторов, наличие разного рода взаимодействий и какого-то уровня кооперации между ними (исходные основания для возникновения любого режима) позволяют использовать более «гибкую» версию теории городских режимов в качестве методологической базы анализа городского управления.

В рамках постнеклассической (субъект-полисубъектной) управленческой парадигмы, четко терминологически фиксируемой переходом от «urban government» (городское правительство) к «urban governance» (городское управление)<sup>109</sup>, интерпретация городского режима становится менее «жесткой» – соотносимой с процессом городского соуправления, предполагающим взаимодействие множества акторов и институций (субъектов разного уровня включенности, ресурсности, влияния и полномочий)<sup>110</sup>.

Для мегаполисов как сверхкрупных и сложноорганизованных городских систем, включающих широкий по количественному и качественному составу диапазон стейкхолдеров, реализация модели

---

<sup>109</sup> В англоязычной традиции различия между government и governance имеют принципиальный характер. В первом случае подчеркивается моносубъектность управления как управления из единого центра, встроенного, в свою очередь, в вышестоящую вертикаль власти. С помощью второго термина фиксируется мультисубъектность управления как сложного процесса согласования интересов и достижения консенсуса между различными группами и институтами, вовлеченности разнообразных партнерств в процесс принятия решений. Если городское правительство воплощает принцип иерархичности и директивности, то городское управление – полицентричности и горизонтальности. Термин governance в ряде случаев подчеркивает размытость границ между управляющими и управляемыми, тогда как government в этом случае является одним из инструментов процесса governance.

<sup>110</sup> См.: Pierry J. Models of urban governance: The institutional dimension of urban politics // Urban Affairs Review. 1999. Vol. 34. No. 3. P. 372–396; Peters B.G., Pierre J. Urban Governance // The Oxford Handbook of Urban Politics. Oxford University Press, 2012. Pp. 71–86; Pierre J. Can Urban Regimes Travel in Time and Space? Urban Regime Theory, Urban Governance Theory, and Comparative Urban Politics // Urban Affairs Review. 2014. Vol. 50. No. 6. Pp. 864–889.

соуправления является необходимым шагом на пути движения к «good governance»<sup>111</sup> (достойному управлению). Среди принципов «достойного управления» (наряду с верховенством права, прозрачностью управления, подотчетностью власти населению) особое значение придается участию граждан в управлении не только как потребителей услуг (запросы которых необходимо учитывать), но и как полноправных субъектов управленческого процесса<sup>112</sup>. Поэтому эффективность «good governance» определяется интенсификацией процессов взаимодействия бюрократического аппарата (администрации) и общества (населения) – иначе, переходом от бюрократической иерархии к сетевому взаимодействию между властью и местным сообществом.

Мегаполисы как места концентрации разного рода капиталов и ресурсов в наибольшей степени аккумулируют факторы «внутреннего» и «внешнего» порядка, способные повлиять на формирование разнообразных конфигураций развития локальных режимов – режимов взаимодействия. Среди «внутренних» факторов наибольшее значение имеет активность бизнеса (в особенности территориально «привязанного» и тесно связанного с местным сообществом) в продвижении своих интересов на городском уровне и инициации необходимых для этого альянсов. Сочетание «силы» локального бизнеса как производителя городских благ и населения как потребителя этих благ способно обеспечить синергетический эффект и стимулировать развитие городских режимов определенной направленности. Среди «внешних» факторов все более нарастающее влияние оказывает вовлеченность мегаполисов в глобальные экономические и социокультурные взаимосвязи, которые, в свою очередь, определяют приоритеты развития в

---

<sup>111</sup> Впервые принципы «достойного правления» были провозглашены в 1997 году в качестве приоритетов в Программе развития ООН, в 2017 году Всемирный Банк разработал методику оценки и ранжирования государств с точки зрения реализации этих принципов. На сегодняшний день концепция «достойного правления» стала мейнстримом в теории и практике государственного и муниципального управления, основанного на принципах демократизации, децентрализации, верховенства права, сменяемости власти и замены бюрократической иерархии сетевым взаимодействием между властью и обществом.

<sup>112</sup> См.: Levi-Faur D. (ed.). *The Oxford Handbook of Governance*. Oxford: Oxford University Press, 2012.

различных сферах внутригородской жизни и задают траектории актуальной городской повестки.

Но, с другой стороны, рассматривая российские мегаполисы как объекты местного самоуправления, стоит признать, что существующая на сегодняшний день в России институционально-правовая среда в большей степени является препятствием для формирования вариативности и независимости городских режимов. Маятниковый характер федеральной политики (от стихийной обвальной децентрализации 1990-х гг. к последовательной рецентрализации, начавшейся с 2000-х гг.<sup>113</sup>) в конечном итоге привел к значительному сужению уровня самостоятельности и автономии городской власти, несмотря на законодательное закрепление местного самоуправления как фундаментальной основы конституционного строя Российской Федерации и эффективного социально-экономического развития ее территорий, а также присоединение в 1998 году России к Европейской хартии местного самоуправления, провозглашающей в качестве базового принцип субсидиарности.

Федеральный закон 2003 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (№-131 ФЗ), переживший огромное количество поправок, равно как и такое же количество научной и общественной критики,<sup>114</sup> наделил муниципальные образования ответственностью за решение вопросов местного значения, не обеспечив их необходимыми для этого ресурсами. Изменения федерального законодательства (особенно в части фискальной политики) имели неблагоприятные последствия для создания объективных финансовых условий для реализации местного самоуправления, усилив зависимость

---

<sup>113</sup> См.: Гельман В. Возвращение Левиафана? Политика рецентрализации в современной России // Полис. 2006. № 2. С. 90–109; Гельман В. От местного самоуправления – к вертикали власти // Pro et Contra. 2007. Том 11. № 1. С. 6–18; Гельман В. Динамика субнационального авторитаризма: Россия в сравнительной перспективе // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 50–63.

<sup>114</sup> Ускова Т.В. Социально-экономическое развитие территорий: проблемы эффективности региональной политики // Проблемы развития территорий. 2016. Вып. 2 (82). С. 8–9; Бабун Р.В. 2014 год в истории местного самоуправления России: вперед или назад // Местное право. 2015. № 1. С. 13–20; Яхина Ю.Х., Грипп Э.Х. Роль местного самоуправления в развитии гражданского общества // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 20014. № 1. С. 20–21.

региональных и местных бюджетов от трансфертов из федерального центра. «Несостыковки» между законом о местном самоуправлении и иными федеральными законами (например, законами, регулирующими финансирование деятельности общественных организаций, налоговым законодательством, год от года сужающим местную налоговую базу) приводят к практической невозможности достижения целевых ориентиров развития местного самоуправления, а именно самостоятельности и независимости муниципалитетов в решении вопросов местного значения.

Реформа местного самоуправления 2014 года (Федеральный закон №136-ФЗ<sup>115</sup>) в части введенных изменений относительно перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти (с отсутствием защитных мер от принудительного изъятия полномочий у органов местного самоуправления), а также увеличения позиций регулирования аспектов деятельности органов местного самоуправления со стороны региональной власти, по консолидированному мнению экспертного сообщества, фактически «отменила» независимость и финансовую состоятельность/самостоятельность власти на местах<sup>116</sup>.

В результате поправки к закону о местном самоуправлении, позволяющей главам регионов определять процедуру замещения должности мэров, произошел массовый отказ от прямого голосования жителей и переход к конкурсной процедуре избрания главы городской администрации, которая снижает его зависимость от жителей и в то же время прочнее «привязывает» к региональной власти. К 2020 году из 15 российских городов-миллионников (исключая мегаполисы федерального значения –

---

<sup>115</sup> Федеральный закон от 27.05.2014 г. № 136-ФЗ О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»  
URL.: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38501/page/1>

<sup>116</sup> См.: Бабун Р.В. 2014 год в истории местного самоуправления России: вперед или назад // Местное право. 2015. № 1. С. 13–20; Соловьев С.Г. Правовой механизм перераспределения муниципальных полномочий – конец российских самоуправленческих иллюзий // Правовая культура. 2016. № 2 (25). С. 64–72; Шугрина Е.С. Новый этап муниципальной реформы или контрреформирование контрреформ? // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 4. С. 68–71; Костюков А.Н. Реформа в никуда... // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 58–63.

Москву и Санкт-Петербург) только в Новосибирске сохранились прямые выборы мэра. В Екатеринбурге прямые выборы мэра были отменены законодательным собранием Свердловской области в 2018 году. Но уже в 2020 году областной парламент зарегистрировал и официально принял к рассмотрению Законопроект о возвращении прямых выборов, подготовленный инициативной группой граждан. Это пока единственный случай в России, когда народной инициативе удалось преодолеть подписной барьер (свыше 10 000 подписей в поддержку) и довести подготовленный Законопроект до стадии официальной регистрации и назначения даты рассмотрения профильной комиссией Заксобрания.

Несмотря на то, что случай Екатеринбурга – в своем роде уникальный, тем не менее, он является определенным «сигналом» об исчерпании общественного запроса на политико-административную централизацию и «огосударствление» местного самоуправления. Подтверждают формирование соответствующих общественных настроений и данные опроса жителей Екатеринбурга, свидетельствующие о том, что возвращение прямых выборов мэра поддерживают 82% респондентов. При этом самая высокая поддержка прямых выборов (88%) наблюдается среди горожан молодого возраста (18-34 лет)<sup>117</sup>, являющихся группой «будущего», драйвером развития мегаполиса.

Базовым основанием формирования институционально-правовой среды для развития местного самоуправления выступает основной закон государства – Конституция. В новую Конституцию РФ (2020 г.) внесен ряд изменений, касающихся функционирования института местного самоуправления. В главе 8 статье 132 Конституции написано, что отныне «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории»<sup>118</sup>.

---

<sup>117</sup> Мнение екатеринбуржцев об актуальных темах городской новостной повестки. 25 июля – 3 августа 2020. Фонд «Социум». URL.: <https://fsocium.com/omnibus-june/>

<sup>118</sup> Новый текст Конституции с поправками 2020. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/>

Вопрос о том, насколько формула «единой системы публичной власти» соответствует одновременному расширению и укреплению полномочий и возможностей местного самоуправления, не имеет однозначного ответа. С одной стороны, безусловно, существует ряд ключевых вопросов (образование, здравоохранение), которые должны решаться органами местного самоуправления в тесной «связке» с региональной и федеральной властью и, соответственно, быть обеспеченными контролем в части расходования бюджетных средств на социально значимые программы. Но, с другой стороны, закрепленное на конституционном уровне встраивание местного самоуправления в единую вертикаль власти вряд ли укрепит его и без того слабые позиции.

Вторая поправка в Конституции касается кадровых решений, находящихся под контролем вышестоящих этажей власти. В статье 131 указывается, что «Органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления в порядке и случаях, установленных федеральным законом»<sup>119</sup>. Данное положение, по сути, переносит на конституционный уровень уже существующую в течение нескольких лет практику контроля должностных назначений (в частности, законодательных решений региональной власти, касающихся процедуры избрания мэров), отраженную в законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Третья поправка (ее можно рассматривать как принципиальное новшество) касается компенсации дополнительных расходов, «возникших в результате выполнения органами местного самоуправления во взаимодействии с органами государственной власти публичных функций»<sup>120</sup>. По действующей сейчас Конституции компенсация дополнительных расходов предусматривается в результате совместной деятельности органов

---

<sup>119</sup> Там же.

<sup>120</sup> Там же. Статья 133.



власти разного уровня, тогда как ранее подобная компенсация гарантировалась только в результате решений, принятых органами государственной власти.

Внесенные поправки в Конституцию нельзя назвать радикальными новациями, принципиально меняющими характер муниципального управления и позиции муниципальной власти, которые в большей степени дискриминируются за счет постоянных изменений действующего законодательства о местном самоуправлении. Однако отсутствие явных угроз, заключенных в новой Конституции, еще не означает отсутствие угроз скрытых, связанных с последующими законодательными изменениями, которые могут окончательно завершить процесс инкорпорирования органов местного самоуправления в единую властную вертикаль и превратить их в агентов государственного управления на местах.

По оценкам ряда российских ученых, в условиях политико-административной централизации и институциональной унификации, тем не менее, управленческие практики и уровень эффективности местных администраций в значительной степени остаются дифференцированными<sup>121</sup>. Если оставить за скобками акторно-персоналистские и структурные экономические факторы<sup>122</sup>, предопределяющие объективные стартовые предпочтения результативности, то среди ключевых факторов, влияющих на эффективность муниципального управления, исследователи выделяют наличие неформального личного патронажа со стороны вышестоящих представителей власти и отсутствие внутриэлитных конфликтов (наиболее распространенным из которых является конфликт внутри муниципалитетов между исполнительной и законодательной властью).

---

<sup>121</sup> Шкель С., Бедерсон В., Семенов А., Шевцова И. Вертикальный предел: централизация и эффективность управления в городах России // Социологическое обозрение. 2019. №4. С. 75.

<sup>122</sup> Акторно-персоналистские факторы включают в себя персональные характеристики субъектов власти – образование, профессиональные компетенции, идеологические ориентации, мотивация, нацеленность на достижение высоких результатов городского развития. К структурным экономическим факторам относят географическое расположение, правовой статус города, наличие стратегически важных для центральной власти отраслей промышленности и структуру городского хозяйства. См.: Стародубцев А.В. Условия успешного управления в современной России. Субнациональный уровень // Полития. 2018. № 4. С. 70–89.

В условиях централизации, по мнению Г. Шарафутдиновой и Р. Туровского, управленческая результативность в значительной степени зависит от возможностей привлечения внешних ресурсов для развития территории. Тогда как обеспечение таких возможностей достигается за счет включенности локальных субъектов власти в сети политического влияния и установления связей с вышестоящими чиновниками<sup>123</sup>. С. Шкель, В. Бедерсон, А. Семенов, И. Шевцова, оценивая уровень эффективности городских администраций в привлечении дополнительных ресурсов, приходят к аналогичным выводам: наличие регионального патрона повышает активность и результативность участия в конкурсных заявках по привлечению средств из регионального бюджета на развитие городских программ<sup>124</sup>. Таким образом, в ситуации ослабленного контроля «снизу» – со стороны населения, эффективность управления на локальном уровне преимущественно связывается с поддержкой (и соответственно контролем) «сверху» – со стороны вышестоящих властных субъектов, осуществляющих патронажные функции и «облегчающих» доступ к централизованно распределяемым ресурсам.

Конфронтационные отношения между исполнительной и законодательной властью (в частности, между главой городской администрации и губернатором, депутатами городской думы) как фактор, влияющий на эффективность управления, не является однозначным в интерпретации исследователей. С одной стороны, общепризнанной аксиомой является тезис о том, что наличие конкуренции как таковой выступает необходимой предпосылкой развития демократических основ любого управления/правительства и повышения восприимчивости/отзывчивости власти к запросам населения. С точки зрения демократических принципов управления конкуренция как внутри элитных групп, так и между властвующей элитой и оппозицией рассматривается как «двигатель», а не

---

<sup>123</sup> См.: Sharafutdinova G., Turovsky R. The Politics of Federal Transfers in Putin's Russia: Regional Competition, Lobbying, and Federal Priorities // *Post-Soviet Affairs*. 2017. Vol. 33. Iss. 2. Pp. 161–175.

<sup>124</sup> Шкель С., Бедерсон В., Семенов А., Шевцова И. Вертикальный предел: централизация и эффективность управления в городах России // *Социологическое обозрение*. 2019. №4. С. 96.

проблема развития. Но, с другой стороны, ситуация острого противостояния и кадровой нестабильности способна свести на нет положительное влияние всех прочих факторов – они «перестают работать, даже при их наличии»<sup>125</sup>. Как отмечает А.В. Стародубцев, внутриэлитные конфликты в российских реалиях снижают эффективность управления по причине их неинституционализированности<sup>126</sup>. В целом тип существующего общенационального политического режима – демократического либо авторитарного – обуславливает соответственно позитивный либо негативный эффект конфликтов подобного рода. В первом случае конфликты имеют публичный характер, реализуются в рамках разделяемых всеми участниками институциональных правил и процедур при высокой символической значимости демонстрируемых позиций и существовании спектра вариантов для урегулирования противоречий. Тогда как во втором случае конфликты протекают в неинституционализированном пространстве при отсутствии устоявшихся механизмов и каналов представительства интересов, принимают форму персонального противостояния акторов, следовательно, приводят к дезорганизации и снижению эффективности управления<sup>127</sup>.

Очевидно, что эффективность городского управления зависит от сочетания различных факторов (институциональных, структурных экономических, акторно-персоналистских), способствующих в той или иной мере за счет кумулятивного эффекта преодолевать ограничения, накладываемые общенациональной авторитарной модернизацией. Очевидно также и то, что централизация и укорененность неопатримониальных практик заметно смещают действие акторно-персоналистского фактора. Если в условиях высокой автономии эффективность управления определяется способностями городской администрации/мэра принимать и реализовывать эффективные решения (в том числе нетривиальные, инновационные, рискованные), то в условиях урезанной автономии (или ее полного

---

<sup>125</sup> Там же. С. 98.

<sup>126</sup> Стародубцев А.В. Условия успешного управления в современной России. Субнациональный уровень // Политика. 2018. № 4. С. 80.

<sup>127</sup> Там же. С. 80.

отсутствия) достижение результатов определяется совершенно иными качествами и умениями, а именно – способностью выстраивать бесконфликтные отношения с вышестоящими структурами власти с целью обретения покровительства. Таким образом, процесс централизации, происходящий в современной России, увеличивает значение неформальных патрон-клиентистских отношений как фактора управленческой эффективности, но все же не делает этот фактор абсолютным и единственным.

Существующий на сегодняшний день в отечественной научной литературе анализ факторов эффективности городского управления сфокусирован преимущественно на официальных структурах власти разного уровня и особенностях взаимодействия между ними, заданных логикой развития российских реформ последних десятилетий и соответствующей ей трансформацией институционально-правовых условий. Данный тренд вполне обоснован с точки зрения «закрепленности» ответственности за решение городских задач за формальными институтами и субъектами власти. Вместе с тем, среди факторов, дифференцирующих муниципалитеты по уровню управленческой (точнее, соуправленческой) эффективности, чрезвычайно важно учитывать фактор развитости гражданского общества – активности/включенности местного сообщества в процессы управления городским развитием. Как справедливо отмечают Э.Ю. Майкова и Е.В. Симонова, «именно социальная активность населения – индикатор уровня самоуправленческого потенциала социально-территориальной общности»<sup>128</sup>. По мнению А.Ю. Сунгурова и Д.К. Синякова, важнейшим фактором любых преобразований выступают коалиции общественной поддержки, включающие экспертов, НКО, СМИ, представителей различных групп населения. Именно недостаточностью «подключения» организаций

---

<sup>128</sup> Майкова Э. Ю., Симонова Е. В. Местное самоуправление как объект анализа отечественной социологии последней трети XX – начала XXI в. // Социологические исследования. № 12. 2018. С. 75.

гражданского общества, экспертного сообщества объясняется фактический провал административной реформы 2000-х годов<sup>129</sup>.

Отчасти оставление данного фактора без должного внимания в контексте анализа эффективности городского управления вызвано весьма распространенной точкой зрения об отстраненности, безразличии, пассивности, инертности населения, нежелании «соучаствовать», основанной на результатах исследований конца 1990-х гг. – первого десятилетия 2000-х гг. Однако, исследования последних лет фиксируют изменение этой тенденции. Данные исследования Института социологии РАН, проведенного в 2014 году по общероссийской репрезентативной выборке, свидетельствуют о том, что по сумме политических и неполитических видов гражданского активизма<sup>130</sup> численность «активного» населения превышает численность «инертного» (37% против 29%)<sup>131</sup>. Типичный представитель «активного» типа – молодой россиянин с высшим образованием, проживающий в крупном городе, относящий себя к среднему слою и являющийся активным пользователем социальных сетей<sup>132</sup>. Один из ключевых выводов данного исследования опровергает распространенную позицию об отсутствии у населения запроса на непосредственное участие в местном самоуправлении. Результаты опроса показали, что каждый третий респондент готов участвовать в деятельности по благоустройству городской среды, каждый

---

<sup>129</sup> Сунгуров А.Ю., Тиняков Д.К. Административная реформа и ее проекты в современной России: были ли коалиции поддержки? // *Общественные науки и современность*. 2016. № 2. С. 39–51.

<sup>130</sup> Гражданский активизм включает в себя достаточно широкий спектр форм политического и неполитического участия в развитии гражданского общества – готовность голосовать на выборах; вступать в организации, объединения для решения социально значимых проблем; обращаться с жалобами, предложениями в органы исполнительной власти; подписывать письма и петиции; участвовать в благотворительной деятельности; работать волонтером и т.д. См.: Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // *Полис*. 2017. № 6. С. 43–60; Уханова Ю.В. Феномен гражданского участия в научном дискурсе: теоретические и методологические основания исследования // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2020. Т. 23. № 3 С. 25–50. Мы придерживаемся позиции В.В. Петухова, рассматривающего гражданское участие как «зонтичное» понятие по отношению к отдельным видам и практикам его (участия) реализации. Значимость гражданского участия проявляется не только в способности граждан влиять на власть, но и в возможностях их самореализации, самопроявления в различных сферах общественной жизни. Петухов В.В. Петухов В.В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // *Социологические исследования*. 2019. Том 45. № 12. С. 6.

<sup>131</sup> Петухов В.В., Бараш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // *Власть*. 2014. № 9. С. 11–12.

<sup>132</sup> Там же. С. 12.

второй – «участвовать в публичных слушаниях и инициативных группах по сбору подписей за или против какого-либо нововведения, строительства». События, происходящие на уровне локальных сообществ, в гораздо большей степени интересуют россиян, нежели региональная и федеральная повестки<sup>133</sup>.

Опросы населения 15 городов-миллионников, проведенные в 2018, 2019, 2020 гг. Аналитическим центром Ю. Левады, также свидетельствуют об имеющемся «поле» для взращивания гражданского активизма<sup>134</sup>. Более высокие показатели гражданской активности во всех формах ее проявления (голосование на выборах, обращения в органы исполнительной власти, подписывание открытых писем и петиций, участие в работе общественных и политических организаций, участие в уличных акциях и митингах и пр.) демонстрирует именно молодежь. Доля молодых россиян в возрасте 16-34 лет, готовых участвовать в разных формах гражданского активизма, значимо выше (на 10-20%) в сравнении со средними показателями по общей выборке населения<sup>135</sup>. Данные Левада-Центра по ряду выявленных детерминант гражданской активности (в частности, наличие высшего образования, включенность в интернет-коммуникации и минимизация федеральных телеканалов как источников информации) согласуются с данными исследования Института социологии РАН. Вместе с тем выявляются и иные параметры, связанные с «открытостью» внешнему миру, – это владение иностранным языком, поездки за границу, интерес к политике. Молодые люди с более высоким уровнем «открытости» внешнему миру отличаются более высокими показателями гражданской вовлеченности (участия как такового). Более высокий уровень информированности (прежде всего за счет интернет-источников, социальных сетей) сильнее всего связан с такими

---

<sup>133</sup> Там же. С. 15.

<sup>134</sup> Гражданская активность и общественные проблемы. Исследование «Левада-центра», 27 апреля 2020 года. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/27/grazhdanskaya-aktivnost-i-obshhestvennyye-problemy/>; Волков Д., Гончаров С., Снеговая М. Гражданский активизм российской молодежи. Аналитический отчет. ЛЕВАДА-ЦЕНТР. URL.: [https://www.levada.ru/wp-content/uploads/2020/10/Youth\\_RU-publikatsiya-blank.pdf](https://www.levada.ru/wp-content/uploads/2020/10/Youth_RU-publikatsiya-blank.pdf) С. 7.

<sup>135</sup> Волков Д., Гончаров С., Снеговая М. Гражданский активизм российской молодежи. Аналитический отчет. ЛЕВАДА-ЦЕНТР. URL.: [https://www.levada.ru/wp-content/uploads/2020/10/Youth\\_RU-publikatsiya-blank.pdf](https://www.levada.ru/wp-content/uploads/2020/10/Youth_RU-publikatsiya-blank.pdf) С. 7–8.

формами гражданского участия, как «объединение с другими людьми для решения общих проблем, защиты своих прав», «обращение с запросом, жалобой, заявлением в органы власти», «участие в митинге, шествии, пикете, забастовке», «голосование на выборах любого уровня»<sup>136</sup>.

При интерпретации результатов исследований, посвященных гражданскому активизму в целом и особенно активизму на уровне местного самоуправления, чрезвычайно важно учитывать различия между готовностью проявлять качества активного гражданина (намерениями) и реальным участием (деятельностной активностью). Российские исследования, наряду с «фиксацией» общественного запроса на реальное местное самоуправление, показывают существенный «разрыв» между потенциальной готовностью и реальным гражданским участием. Так, например, Р.В. Петухов, основываясь на данных общероссийского опроса населения, проживающего в различных городских населенных пунктах (от мегаполисов до поселков городского типа), отмечает, что гипотетическая готовность участия в публичных слушаниях по вопросам размещения объектов строительства превышает количество реально участвовавших в подобных мероприятиях граждан более чем в 7 раз (50% против 7%). При 42 % выразивших готовность вступить в инициативные группы по сбору подписей «за» либо «против» какой-либо новации, изменения только 7% имели реальный опыт такого участия. При 34% готовых принять участие в работе представительного органа муниципального образования только 4% уже принимали участие. Наименьший же разрыв между потенциальным и реальным участием проявляется на уровне непосредственного места жительства – это деятельность по благоустройству двора (причем 49% уже принимавших участие против 33% готовых к такой активности), собрания собственников жилья многоквартирного дома, членов ТСЖ и т.д. (26% уже участвовавших против 38% готовых участвовать)<sup>137</sup>.

---

<sup>136</sup> Там же. С. 17.

<sup>137</sup> Петухов Р. В. Локальные сообщества и гражданский активизм // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 4 (122). С. 69.

Таким образом, наблюдается весьма противоречивая картина в плане соответствия существующего интереса населения к происходящим на локальном уровне событиям, потенциальной готовности участвовать в местном самоуправлении реальному проявлению гражданского активизма. Значительный отрыв намерений от реальной вовлеченности населения в решение вопросов местного самоуправления связан с комплексом причин, взаимно интерферирующих друг друга. Среди наиболее распространенных причин, выявленных в ходе общероссийских и локальных опросов населения, традиционно выделяются такие причины, как: невысокий уровень доверия к местной власти и столь же невысокая оценка эффективности ее деятельности; низкий уровень информированности о возможных формах участия; низкая оценка собственных возможностей повлиять на принимаемые решения; слабая заинтересованность самой муниципальной власти в вовлечении граждан, либо формализм в такого рода вовлечениях (их имитационный характер)<sup>138</sup>.

Ряд исследователей акцентирует внимание на несовпадении позиций представителей власти и населения в оценке причин, препятствующих их эффективному взаимодействию<sup>139</sup>. В целом несовпадение этих позиций может быть охарактеризовано через модус взаимных «обвинений». Жители в большей степени видят препятствия в незаинтересованности, нежелании

---

<sup>138</sup> См.: Гальченко В.В. Роль местного самоуправления в развитии социальной активности населения муниципального образования // Сервис Plus. 2012. № 4. С. 51–52; Уржа О.А. Социальная активность населения муниципальных образований: факторы и условия // Социальная политика и социология. 2013. № 2. Том. 1. С. 7–22; Яхина Ю.Х., Грипп Э.Х. Роль местного самоуправления в развитии гражданского общества // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 20014. № 1. С. 19–25; Майкова Э. Ю., Симонова Е.В. Гражданское участие населения как фактор развития местного самоуправления в российских муниципальных образованиях // Власть.2014. № 1. С. 90–94; Седова Н.Н. Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база // Социологический журнал. 2014. С. 65; Ягодка Н.Н. Гражданские инициативы как инструмент диалога между властью и гражданским обществом в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2015. №. 4. С. 137; Фролова Е.В. Взаимодействие населения и местной власти: проблемы и новые возможности // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 59–64.; Васильева Е.И., Гусельникова О.Ю. Проблемы развития местного самоуправления // Муниципалитет: экономика и управление. 2018. № 4 (25). С. 27.

<sup>139</sup> Яхина Ю.Х., Грипп Э.Х. Роль местного самоуправления в развитии гражданского общества // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 20014. № 1. С. 24; Фролова Е.В. Взаимодействие населения и местной власти: проблемы и новые возможности // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 62–63; Ягодка Н.Н. Гражданские инициативы как инструмент диалога между властью и гражданским обществом в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2015. №. 4. С. 128–140.



местных властей в сотрудничестве. Тогда как представители местной власти основные проблемы взаимодействия связывают с социально-психологическими установками жителей – иждивенчество, ориентация на готовые решения (на организацию извне, а не на самоорганизацию), безразличие к общим делам, индивидуализм и пр. Вместе с тем, и те и другие, помимо разнонаправленных мнений, имеют и точки «пересечения» в оценке отдельных причин-демотиваторов участия населения в процессах городского управления. Среди них – неверие населения в возможность оказывать влияние на принимаемые решения; недостаток знаний, некомпетентность, слабая информированность о возможных вариантах участия; недостаток времени, занятость личными проблемами.

Определенный «разрыв» между властью и населением в оценке барьеров для эффективного сотрудничества не в последнюю очередь выступает фактором укоренения имитационных «отчетных» практик взаимодействия, не удовлетворяющих общественным ожиданиям и в конечном итоге еще более увеличивающих уровень отчуждения жителей от местной власти. Как справедливо подчеркивает О.А. Уржа, повышению конструктивной активности населения способствует работающая обратная связь – когда значительная часть вопросов городского развития, поднимаемых населением, решается или, по крайней мере, не остается без внимания (официального ответа)<sup>140</sup>. В свою очередь, игнорирование властями «низовых» инициатив, принятие ключевых для города решений вопреки мнениям жителей демотивирует их в плане дальнейшего проявления гражданской активности<sup>141</sup>. Тогда как результативные практики самоорганизации, отмечают К.А. Антипьев и Б.С. Гладарев, способствуют дальнейшему развитию гражданских инициатив местных сообществ,

---

<sup>140</sup> Уржа О.А. Социальная активность населения муниципальных образований: факторы и условия // Социальная политика и социология. 2013. № 2. Том. 1. С. 16.

<sup>141</sup> Там же. С. 22.

становятся необходимым информационным и организационным ресурсом для последующих активистских проектов и коллективных действий<sup>142</sup>.

Несмотря на комплекс проблем и барьеров для развития местного самоуправления, выстраивания эффективных моделей социального партнерства городской власти и населения, тем не менее, в последние несколько лет происходят положительные изменения, связанные именно с фактором активизации гражданского общества. Наиболее очевидные свидетельства таких изменений – рост доли горожан, выражающих желание и готовность участвовать в решении вопросов местного самоуправления; рост социальной активности среди молодежи<sup>143</sup>; консолидация населения не только в виртуальном пространстве, но и выход образовавшихся интернет-сообществ в реальное пространство<sup>144</sup>; консолидация сообществ на уровне микролокального городского пространства – микрорайона, улицы, двора, многоквартирного дома<sup>145</sup>; активизация протестной активности против нежелательной застройки, реконструкции или сноса объектов, уничтожения рекреационных пространств<sup>146</sup>.

Весьма характерная тенденция трансформации гражданской активности, проявляющаяся в переориентации населения с формальных, закрепленных на законодательном уровне способов участия в городском самоуправлении, на менее формальные активистские практики<sup>147</sup> (например,

---

<sup>142</sup> Антипов К.А. Социальный потенциал самоорганизации местных сообществ. // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2015. № 2. С. 30; Гладарев Б.С. Градозащитные движения Петербурга накануне «зимней революции» 2011–2012 г.: анализ из перспективы французской прагматической социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 4(110). С. 41.

<sup>143</sup> См.: Волков Д., Гончаров С., Снеговая М. Гражданский активизм российской молодежи. Аналитический отчет. ЛЕВАДА-ЦЕНТР. URL.: [https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/10/Youth\\_RU-publikatsiya-blank.pdf](https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/10/Youth_RU-publikatsiya-blank.pdf)

<sup>144</sup> Заборова Е.Н. Власть и население: аспекты взаимодействия на муниципальном уровне // Вопросы управления. 2014. № 1. С. 45; Заборова Е.Н. Инновационные процессы в городской среде / Региональная экономика: вызовы, приоритеты, стратегические ориентиры / под ред. Я.П. Силина. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2017. С. 106.

<sup>145</sup> Запорожец О., Багина Я. Власть надежд: отстаивание инфраструктуры в новых городских районах // Журнал исследований социальной политики. 2021. Том 19. № 2. С. 269–284.

<sup>146</sup> Семенов А.В. Корни травы: паттерны низовой городской мобилизации в России // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 29–37.

<sup>147</sup> См.: Желнина А.А., Тыканова Е.В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Том. 22. № 1. С. 162–192; Королева М.Н., Чернова М.А. Городской активизм:

краудфандинг, сетевые районные сообщества, DIY-инициативы), является своеобразным компенсаторным «ответом» на слабость формальных институтов и их неспособность интегрировать горожан с высокими мобилизационными ресурсами. На основе аналитического обзора исследований, посвященных российскому локальному активизму, А.А. Желнина и Е.В. Тыканова заключают, что неформальные активистские практики в современной России развиваются с высокой степенью интенсивности, «обгоняя» традиционные формы гражданского участия. Вместе с тем активное гражданское вовлечение «гасится» отсутствием полноценных интерактивных арен для «состыковки» формальных и неформальных гражданских инфраструктур<sup>148</sup>.

В свою очередь В.В. Петухов, отмечая наметившуюся с 2016-2017 гг. тенденцию возрастания потенциала гражданского участия, подчеркивает, что значимость такого участия в текущем периоде определяется не его массовым характером, а способностью активных граждан «производить» новые практики общественного участия в условиях кризиса доверия институтам власти и представительной демократии<sup>149</sup>. В современной России «живое творчество» населения развивается не как производная от совершенствования публичных институтов, но, наоборот, как следствие «блокировки» легальными институтами возможностей социального и политического активизма<sup>150</sup>.

Ряд исследователей, наряду с фиксацией роста качественного разнообразия практик гражданского участия, отмечают доминирование кратковременных акционных практик-действий, ориентированных на «решение одной проблемы», над длительными устойчивыми практиками

---

управленческие практики как ресурс и барьер развития городских проектов // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 93–101.

<sup>148</sup> Желнина А.А., Тыканова Е.В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Том. 22. № 1. С. 177–178.

<sup>149</sup> Петухов В.В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. 2019. Том 45. № 12. С. 3.

<sup>150</sup> Там же. С. 4.

«отношений» населения и власти<sup>151</sup>. Важной особенностью «нового» гражданского активизма становится снижение его политически ориентированной компоненты в силу закрытости, контролируемости и рискованности данного пространства участия. Д. Волков и А. Колесников, анализируя процессы самоорганизации гражданского общества в крупнейшем мегаполисе страны – Москве, выделяют в связи с этим еще одну характерную особенность: городской гражданский активизм развивается в условиях осознания невозможности принципиально изменить политический порядок в стране (или хотя бы сменить градоначальника демократическим путем), поэтому действия городских активистов становятся все более прагматичными и реалистичными, адаптированными к правилам игры, не требующими невозможного. Освоенные практические навыки в отстаивании своего права на город (сбор подписей, подготовка петиций и жалоб, «подключение» депутатов разных уровней, быстрая мобилизация горожан до официального принятия решений) реализуются не в целях принципиального изменения институциональной матрицы, а преимущественно в целях восстановления справедливости на уровне конкретных ситуаций городской повседневности. Прагматизм городского гражданского активизма проявляется не только в поиске наиболее действенных средств влияния на власть в каждой конкретной ситуации, но и в выборе максимально благоприятных моментов (как, например, грядущие выборы, обостряющие чувствительность власти к запросам населения) для мобилизации ресурсов и выдвижения требований<sup>152</sup>.

Таким образом, основываясь на данных социологических исследований последних 5–7 лет, мы приходим к выводу о довольно значительном, но пока нереализованном в полной мере потенциале гражданской активности в сфере

---

<sup>151</sup> См.: Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. 2017. № 6. С. 43–60; Скалабан И.А., Сепенсер С.Б. Общественное участие в современной России: особенности социального конструирования. Доклад на заседании секции N “Местное самоуправление и гражданская самоорганизация” XVIII Апрельской международной конференции НИУ-ВШЭ-2017. URL: <https://conf.hse.ru/2017/program#N>

<sup>152</sup> Волков Д., Колесников А. Самоорганизация гражданского общества в Москве. Мотивы, возможности и пределы политизации. М.: Московский Центр Карнеги, 2016. С. 7.

местного самоуправления. Усиление курса на «централизацию», нестабильность законодательной базы, с одной стороны, являются очевидными препятствиями для развития городского активизма, но, с другой стороны, не соответствующие общественным запросам процессы «сжимания» местного самоуправления «сверху», стимулируют его развитие «снизу» – со стороны общества – через разнообразные гражданские инициативы населения. Мы разделяем позицию Л.И. Никовской и И.А. Скалабан о том, что гражданский активизм в современной России имеет потенциал роста во многом благодаря тому, что основная социальная база его формирования – молодые, образованные, профессионально успешные, мобильные и «урбанизированные» группы населения<sup>153</sup>.

Логика становления нового городского активизма (преимущественно неполитического и внеинституционального<sup>154</sup>) позволяет утверждать, что наиболее перспективным «полем» для превращения потенциальной активности населения в реальное участие выступает локальное территориальное пространство (район, микрорайон, улица проживания), в рамках которого формируется специфический «рисунок» городской среды – в том числе как результат усилий отдельных активистов и «солидаризации» местных сообществ. Проблемы, непосредственно связанные с качеством повседневной среды жизнедеятельности, воспринимаются населением сквозь призму высокой личностной значимости. В силу этого непосредственная среда обитания, на наш взгляд, выступает сегодня главной сферой приложения разного рода гражданских инициатив в пространстве «шаговой доступности» и обретения первоначального опыта самоорганизации,

---

<sup>153</sup> Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. 2017. № 6. С. 54.

<sup>154</sup> Исследования созидательного активизма, связанного с преобразованием городской среды, акцентируют внимание на возрастающей значимости различных неформальных (официально не зарегистрированных) гражданских объединений, сообществ, движений и практик. См.: Королева М. Н., Чернова М. А. Городской активизм: управленческие практики как ресурс и барьер развития городских проектов // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 93–94.

который впоследствии может стимулировать интерес к более масштабным и формализованным видам участия на общегородском уровне.

Фактор дифференциации структуры управления в мегаполисах, а именно наличие районных администраций, в данном случае «работает» на сокращение дистанции между властью и населением, стимулируя делиберативные процессы на уровне внутригородских микротерриторий. Образование внутри мегаполиса «микрокоалиций», включающих чиновников районных администраций, представителей некоммерческих и бизнес-организаций, а также групп общественности, в определенном смысле может выступить триггером для формирования общегородских режимов прогрессивной направленности, базирующихся на механизмах партиципации – соучастия местного сообщества в управлении развитием города.

Отталкиваясь от теоретического конструкта «городского режима» как кросс-секторального партнерства для производства социально значимых результатов в управлении городским развитием, мы полагаем, что применительно к мегаполису вполне правомочным будет введение дополнительного понятия – «микрлокальный режим». В отличие от общегородского режима, в значительной степени детерминированного общенациональным вектором институциональной модернизации и имеющего выраженную политическую повестку, микрлокальные режимы в большей степени ориентированы на повседневную, аполитичную повестку – решение вопросов обеспечения качества и комфортности среды жизнедеятельности на уровне внутригородских территорий. Данные режимы мы определяем как взаимодействие администрации городских районов и широкого спектра организационных и индивидуальных акторов, непосредственно заинтересованных в развитии конкретных внутригородских территорий. Последнее обстоятельство, а именно прямая заинтересованность жителей и территориально «привязанных» коммерческих компаний, общественных организаций (ТОС, ТСЖ) и прочих НКО, на наш взгляд, является ключевым

для трансформации потенциала гражданского общества в реальное участие – соуправление на микролокальном городском уровне.

Микролокальные режимы, безусловно, складываются либо не складываются в общем институциональном контексте управления мегаполисом, являясь отражением и продолжением общегородских целевых приоритетов. Вместе с тем данные режимы проявляют себя в широком диапазоне вариативности, зависящем от социально-исторических, пространственно-территориальных, культурных, экономических, инфраструктурных особенностей формирования и развития городских районов (микрорайонов), социально-демографических и ценностно-мотивационных характеристик резидентов, определяющих, в свою очередь, уровень и формы гражданского участия в решении вопросов развития внутригородских территорий. При этом на микролокальном уровне наиболее выражено проявляются эффекты социальной солидарности, интеграции резидентов в сообщества (образуемые как на базе инициативной деятельности по благоустройству среды обитания, так и по поводу отстаивания своих прав на определенное использование городского пространства), а также значительно расширяется репертуар неформальных активистских практик, в рамках которых горожане становятся полноправными субъектами конструирования социально значимых результатов в развитии внутригородских территорий.

Использованная нами теоретическая рамка городских режимов в проекции современных российских реалий (институционально-правовых, иерархически властных, низовых – гражданских) позволяет смоделировать систему управления мегаполисом, отражающую, во-первых, уровневый характер управления сверхкрупными городскими системами – его дифференцированность; во-вторых, специфику городского управления как мультисубъектного местного самоуправления; в-третьих, горизонтальную природу городского управленческого процесса – с возрастанием

интенсивности субъект-субъектных отношений по мере движения от общегородского к микролокальным режимам (рисунок 2).



Рисунок 2. Модель системы управления современным российским мегаполисом

Представленная на рисунке 2 модель показывает специфику управления современным российским мегаполисом, с одной стороны, обусловленную внешним административно-политическим влиянием (формальным и неформальным – со стороны федеральной и региональной власти), но, с другой стороны – на внутреннем уровне формирования общегородского и микролокальных режимов – воплощающую принципы горизонтального сетевого взаимодействия. Поскольку современной формой городского управления выступает местное самоуправление, основанное на принципах самоактивности резидентных организаций, институтов и населения, то объектно-субъектная связь не имеет здесь однозначного маркирования. Горожане и существующие в городе организации, общественные и коммерческие структуры, сообщества могут выступать



объектом управленческого воздействия со стороны муниципальной власти, испытывать на себе последствия принятых и воплощенных решений, но эти же объекты могут выступать и субъектами, участвующими непосредственно в процессах городского управления, используя доступный и освоенный репертуар формальных и неформальных инструментов гражданского участия. Помимо этого, собственно управленческое воздействие в системе городского управления может осуществляться не на «человеческие» объекты (местные сообщества, группы, индивиды) непосредственно, но и опосредовано – через воздействие на условия жизнедеятельности «объектов» в соответствии с их потребностями и запросами.

Резюмируя проведенный анализ системы управления современным российским мегаполисом, сформулируем следующие выводы.

1. Эволюция теоретических подходов к анализу городского управления – от элитистских к плюралистическим – обусловлена сложностью и многогранностью социальных, экономических, политических, культурных процессов, протекающих в современных городах. Современное видение системы городского управления формируется в рамках теории городских режимов:

- во-первых, рассматривающей процесс управления сквозь призму кросс-секторального партнерства как эффективного способа «производства» значимых результатов;

- во-вторых, акцентирующей внимание на многосубъектности участников управления (не только власти и бизнеса, но и иных стейкхолдеров), которая, с одной стороны, обеспечивает привлечение достаточного объема потенциалов/ресурсов для достижения поставленных целей, но, с другой стороны, значительно усложняет процесс согласования интересов;

- в-третьих, постулирующей многообразие и вариативность приоритетов городского развития (поддержание статус-кво, экономический

рост и развитие, сохранение и привлечение человеческого капитала, улучшение качества городской среды и пр.).

2. Российские современные реалии (общенациональный курс на укрепление вертикали власти; двойное «давление» на муниципалитеты со стороны федеральной и региональной власти; постоянные изменения и противоречивость законодательства, создающего институционально-правовые барьеры для реализации местного самоуправления) требуют «гибкости» в адаптации американских и европейских версий городских режимов к специфическому российскому контексту их становления и развития. Российские локальные режимы не отличаются устойчивостью, стабильностью и автономностью, они в значительной степени зависят от формального и неформального контроля со стороны вышестоящих структур власти, нежели от внутренней конкуренции между участниками городской «авансены». «Производство» значимых для городского развития результатов находится в прямой зависимости от привлечения внешних средств (из федерального и регионального бюджетов), что ограничивает финансовую и административно-политическую состоятельность, самостоятельность местной власти.

3. Формирующиеся в российских мегаполисах режимы характеризуются комплексом противоречий для достижения соглашений и координации усилий как внутри групп, формально наделенных властью, так и между властными субъектами и бизнес-акторами, а также иными участниками (градозащитные, экологические организации, иные НКО и местные сообщества), представляющими альтернативные интересы в городской политике. Процессы трансформации и коммерциализации городского пространства (происходящие в мегаполисах в связи с их глобальными амбициями, строительным бумом, ростом розничного и сервисного секторов в городской экономике) обуславливают проявление в наиболее явном виде режимов экономического роста («машин городского роста»), основанных на коалиционных союзах между

региональной/муниципальной властью и бизнесом. С другой стороны, именно в мегаполисах как местах концентрации среднего класса – главного носителя прогрессивной идеологии и «ядерного» протестного потенциала – наиболее ярко заявляют о себе общественные движения и гражданские инициативы, противостоящие безудержному росту и выступающие за повышение качества городской среды, социальные и экологические приоритеты в городском развитии.

4. Главными факторами, сохраняющими перспективы вариативности и относительной независимости режимов в российских мегаполисах (даже в условиях политико-административной централизации), выступают сегодня глобальные экономические и социокультурные взаимосвязи (расширяющие внешние макрогоризонты в привлечении разного рода ресурсов и капиталов для городского развития), а также «низовые» процессы, проявляющиеся в различных формах гражданского активизма как определенного компенсаторного ответа на «урезание» местной автономии/самоуправления со стороны федерального центра и слабую способность муниципальной власти противостоять этому давлению.

5. Рост потенциала гражданского участия (подтверждаемый результатами общероссийских исследований последних 5–7 лет), особенно среди молодых россиян, на наш взгляд, отражает «живое» противоречие между усилением централизации и актуализацией общественного запроса на повышение эффективности локального управления, в том числе путем расширения возможностей участия гражданского общества в местном самоуправлении. Наиболее высокий уровень соответствия потенциальной готовности населения участвовать в местном самоуправлении реальному проявлению гражданского активизма наблюдается на уровне микролокального пространства мегаполиса.

6. Территориальный масштаб и дифференциация уровней управления в мегаполисах, наряду с активизацией формальных и неформальных практик участия резидентов в развитии своих территорий, позволяют рассматривать

мегаполис не только в проекции единого общегородского режима, но и в проекции множественности внутригородских микролокальных режимов. Введенное нами понятие микролокального режима (как взаимодействия районных администраций с организационными и индивидуальными акторами-резидентами, а также взаимодействия последних друг с другом), с одной стороны, основывается на общих конституирующих признаках городского режима, но, с другой стороны, раскрывается через специфические, характерные только для него атрибутивные признаки. Микролокальные режимы, в отличие от общегородского, проявляют себя как режимы:

- аполитичного типа, ориентированные преимущественно на повседневную повестку – обеспечение качества среды жизнедеятельности внутригородских территорий;

- с широким диапазоном вариативности, зависящим от характерных особенностей конкретных районов и их резидентов;

- с высоким уровнем вовлечения населения и развертыванием делиберативных процессов, субъектности, социальной солидарности и интеграции резидентов в сообщества, а также интенсивным развитием неформальных активистских практик.

7. Микролокальные режимы, представляющие собой не имитационно-отчетные модели взаимодействия муниципальной власти и населения, а реальные практики самоорганизации и образования коалиционных сообществ по поводу улучшения непосредственной среды жизнедеятельности, на наш взгляд, могут стимулировать развитие общегородских режимов прогрессивной направленности.

### **1.3 Обоснование модели развития современного мегаполиса сквозь призму взаимосвязи приоритетов экологической, экономической и социальной устойчивости**

Долгая история существования городов накопила весьма внушительный опыт как проблем, так и способов их разрешения, воплощавшихся в определенных мировоззренческих позициях и соответствующих им концептуальных моделях организации городской жизни. С момента своего возникновения города находятся в постоянном процессе переосмысления и переустройства, с одной стороны, обнаруживая в себе признаки предыдущих представлений и практик (траекторий развития), но с другой – новые идеи и будущие «устремления».

Современные модели городского развития являются результатом длительной коэволюции взглядов ученых-теоретиков (социологов, экономистов, географов) и практиков (градостроителей, инженеров, архитекторов, управленцев), формировавшихся как ответ на возникающие экологические, технологические, экономические, социальные вызовы конкретного исторического этапа урбанизации. Мировой опыт демонстрирует широкий диапазон возможных моделей развития сверхкрупных городских систем – мегаполисов. Ряд из этих моделей находит воплощение не только в теоретических концептуализациях, но и в реальной внедренческой практике.

В отечественной и зарубежной научной литературе не существует универсальной системы классификации моделей городского развития<sup>155</sup>, как

---

<sup>155</sup> Чаще всего систематизация моделей городского развития проводится на основе хронологического критерия (временной последовательности возникновения той или иной модели), либо на основе ведущего фактора (экологического, технологического, информационного, экономического, социального, пространственного и пр.), определяющего ориентиры и траекторию городского развития. См.: Волошинская А.А. Эволюция зарубежных концепций городского развития: анализ основных тенденций // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 63. С. 99–115; Фролов Д.П., Соловьева И.А. Современные модели городского развития: от противопоставления к комбинированию // Пространственная экономика. 2016. С. 151–171; O'Sullivan A. Urban Economics. 8th ed. New York.: McGraw-Hill/Irwin, 2012; Longworth N. Learning Cities Dimensions. URL: <https://www.thersa.org/globalassets/pdfs/city-growth-commission/evidence/learning-city-dimensions.pdf>; Guide to City Development Strategies: Improving Urban

и универсальных названий, применяемых для описания схожих по своим характеристикам моделей. Так, например, для описания моделей, акцентирующих экологическую составляющую городов, используется ряд равнозначных названий (терминов) – «эко-города», «зеленые» города, «здоровые», «углерод-нейтральные» города. Для описания моделей, ориентированных на решение проблем социальной жизни, чаще всего используются такие термины, как «удобные», «комфортные», «социально-ориентированные», «дружественные человеку», «живые» города. Для описания моделей, в которых ведущим фактором выступает развитие инноваций и информационных технологий, характерны такие названия, как «самообучающийся», «учащийся», «интеллектуальный», «умный», «информационный», «цифровой», «виртуальный» город, «город, управляемый данными» «город знаний и технологий» и т.д.

Разнообразие существующих в теории и внедряемых на практике моделей городского развития не означает их принципиального антагонизма – невозможности сосуществования друг с другом. В актуальном урбанистическом дискурсе, охватываемом периодом со второй половины 20 века и по настоящее время, все четче обозначается тенденция перехода от альтернативного противопоставления вариантов городского развития к интегрированному синтезу стратегических ориентиров (приоритетов), одновременно акцентированных в нескольких моделях. Подобные интегрированные модели формируются в рамках подходов «нового урбанизма» и общемировой парадигмы городской устойчивости (sustainability), которая в последнее десятилетие дополнилась новым пониманием – resilience (буквально означающем «упругость», «жизнестойкость» – способность городов противостоять кризисам любого

рода, смягчать их последствия и подстраиваться под меняющиеся условия)<sup>156</sup>.

Согласно общенаучному определению, модель – это «абстрактное представление реальности в какой-либо форме (математической, физической, символической, графической или дескриптивной), предназначенное для отражения определенных аспектов этой реальности и позволяющее получить ответы на изучаемые вопросы»<sup>157</sup>. В соответствии с этим пониманием, несколько трансформируя трактовку Д.П. Фролова и И.А. Соловьевой, под моделью городского развития будем понимать концептуальное (в описательной форме) представление ориентиров и способов городского развития, позволяющее выделить его наиболее значимые характеристики и факторы<sup>158</sup>. Иными словами, в основе любой модели городского развития лежит концептуальное обоснование, выдвигающее определенный вариант организации городской жизни как наиболее оптимальный – способствующий устранению или снижению негативных эффектов и продуцирующий позитивные эффекты в будущем.

В соответствии с обозначенным определением, обратимся к анализу современных моделей городского развития, имеющих высокую степень «влиятельности» среди ученых и востребованность/применимость в реальной практике реализации программ развития прогрессивных мегаполисов. При этом выбор определенных моделей (безусловно, не исчерпывающий всех возможных составляющих городской жизни и соответствующих им дисциплинарных подходов), обусловлен, прежде всего, их методологической значимостью для реализации ключевой задачи нашего диссертационного исследования – анализа управления развитием мегаполиса как системы дифференцированных с точки зрения качества городской среды

---

<sup>156</sup> Kabisch S., Koch F., Gawel E., Haase A., Knapp S., Krellenberg K., Nivala J., Zehnsdorf A. *Urban Transformations: Sustainable Urban Development through Resource Efficiency, Quality of Life and Resilience*. Dordrecht: Springer, 2018.

<sup>157</sup> Глоссарий по информационному обществу / под общ. ред. Хохлова Ю.Е. М.: Институт развития информационного общества, 2009. С. 80.

<sup>158</sup> Фролов Д.П., Соловьева И.А. Современные модели городского развития: от противопоставления к комбинированию // *Пространственная экономика*. 2016. С. 152.

территориальных образований. На основе сравнительного анализа моделей, в которых средовой фактор является «сквозным», обоснуем перспективный вектор развития мегаполиса (как сети 15-минутных городов) в условиях нарастания рисков современности, требующих комплексного учета взаимозависимых факторов – пространственного, экологического, экономического, социального.

Высокие темпы урбанизации и бесконтрольное разрастание в размерах сверхкрупных городов индустриальной эпохи, породившие комплекс экологических, технологических, социальных проблем в их развитии, актуализировали научный поиск моделей городского устройства, снижающих негативное влияние на окружающий природный каркас и в то же время обеспечивающих качество среды жизнедеятельности населения. В этом ключе вопросы пространственно-средового развития мегаполисов явились одной из важнейших тем «нового урбанизма»<sup>159</sup> – научного и практико-ориентированного движения, соединяющего в себе комплекс идей по созданию комфортной городской среды (удовлетворяющей потребности горожан и не наносящей ущерба экологии) при сохранении эффективности города как «производителя» разного рода ресурсов<sup>160</sup>.

Новый урбанизм возникает на волне критического переосмысления модернистских принципов проектирования городов и организации городского пространства. Один из ведущих идеологов модернистской парадигмы градостроительства Ле Корбюзье<sup>161</sup>, отвергая преемственность как важнейшую характеристику городского развития, пропагандировал идею возведения нового «Лучезарного города» высотных жилых «башен», располагающихся в свободном порядке среди автомагистралей<sup>162</sup>. Градостроительная концепция Ле Корбюзье впоследствии небезосновательно получила название «радикальной», поскольку предполагала «безжалостное»

---

<sup>159</sup>«Новый урбанизм» как течение возник в 60-е годы XX века и окончательно оформился в 90-е годы XX века.

<sup>160</sup> См.: Иванькина Н.А., Перькова М.В. Концепция нового урбанизма: предпосылки развития и основные положения // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. 2018. №8. С. 75–84.

<sup>161</sup> См.: Curtis W. Modern Architecture since 1900. New York City: Phaidon Press, 1986.

<sup>162</sup> Глазычев В.Л. Урбанистика. Ч. 1. М.: Европа, 2008. С. 69.



разрушение предыдущего – снос «старых» строений и возведение на их месте новых.

Помимо многоэтажных свободно/широко располагающихся в пространстве жилых единиц, являющихся, по мнению Корбюзье, единственно верным типом домостроения, модернистская парадигма была ориентирована на обеспечение максимально быстрого движения (приспособление города к автомобилям) и утверждала «жесткое» функциональное зонирование – разделение городского пространства на жилые, промышленные, рекреационные зоны. Модернистские представления о многоквартирном доме как «машине для жилья» и городе как механизме, выполняющем четко запрограммированные функции, не учитывали многообразия происходящих (помимо воли планировщиков) в городской жизни процессов<sup>163</sup>. Как отмечает российский ученый В.Л. Глазычев, логика модернистского мышления «сверхкрупными планировочными масштабами» игнорировала городскую среду в ее человеческом измерении, работу с городскими «фрагментами» в тесном диалоге с самими горожанами<sup>164</sup>.

Начиная с 1960-х годов, во многих городах мира отчетливо проявляются негативные последствия<sup>165</sup> реализации модернистских градостроительных идей и, соответственно, возникает мощная волна социальной критики. С выхода в свет знаменитой и несколько раз переиздававшейся на многих языках книги канадско-американской

---

<sup>163</sup> Нагаева З. С. Межмидинов А. А. Градостроительные модели индустриальной эпохи // Символ науки. 2015. №4. С. 245.

<sup>164</sup> Глазычев В.Л. Урбанистика. Ч. 1. М.: Европа, 2008. С. 107–108.

<sup>165</sup> Негативным последствием создания монорайонов (спальных, деловых, промышленных, рекреационных), используемых только в определенное время суток, явился криминогенный «захват» окраинных микрорайонов днем и деловых ночью. Отсутствие «пересечения» различных видов деятельности в границах территориальной доступности приводило к значительным транспортным перемещениям горожан, прекращению «производства» разнообразия общественной, рекреационной и деловой активности (являющегося важнейшим механизмом социального «скрепления» города). Кроме этого, принцип свободного размещения многоквартирных домов привел к исчезновению границ общественных и частных пространств. Дворы превратились в общедоступные и небезопасные пространства, улицы в автодороги, лишённые пешеходов и поэтому непривлекательные для размещения магазинов и предприятий обслуживания. Наиболее яркими историческими примерами несостоятельности модернистской модели градостроительства явились провалы крупных девелоперских проектов в пригородах Парижа, районах «социального» жилья в Стокгольме или в американском городе Сент-Луис, превратившихся в криминогенные трущобы, население которых впоследствии выселили, а сами многоэтажные дома – взорвали.

урбанистки и борца за права горожан Дж. Джекобс («Смерть и жизнь больших американских городов», 1966 г.)<sup>166</sup> начинается «перезагрузка» урбанистических взглядов – так называемый социально-ориентированный поворот. Дж. Джекобс считала, что городское планирование не может осуществляться без вовлечения в этот процесс самих горожан. Городские планировщики и застройщики, поддерживаемые муниципальными властями, не могут быть выразителями потребностей горожан, равно как и города не могут быть построены «заново» исключительно волей «художника/архитектора», преследующего главным образом свои эгоистические профессиональные цели. Критикуя саму суть идеологии модернизма – веру в технический прогресс и возможность построить города заново, она утверждала, что города следует реконструировать, не разрушая, а улучшая то, что имеется. В противовес модернистским принципам низкой плотности заселения и обширных зон свободной планировки, Джекобс указывала на преимущества высокой плотности застройки и привлекательность небольших кварталов для обеспечения насыщенности городской среды и формирования городских сообществ (включая соседства). Отвергая принцип разделения города на функциональные зоны, она выступала за смешение функций в пределах одной территории (в том числе подчеркивая особую ценность гармоничного сосуществования «старого» и «нового»), увязывая физическое пространство с «организованной сложностью», которую производит городская жизнь. Генерация разнообразия во всех его формах (культурное, экономическое, социальное) как важнейшего атрибута «живого» города виделась ей лишь при максимально полном использовании городского пространства (днем и ночью) и тесном взаимодействии социально гетерогенных обитателей. При этом главным генератором активной городской жизни выступала улица, потерявшая в модернистских проектах свою значимость как общественное

---

<sup>166</sup> Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов / пер. с англ. Мотылева Л.М.: Новое издательство, 2011.

пространство (привлекательное для пешеходов и размещения торгово-сервисных объектов), постепенно превратившись в автодорогу. Несмотря на обвинения со стороны социологов-современников (например, Л. Мамфорда, Г. Ганса<sup>167</sup>) в излишнем «романтизме» и ностальгии по традиционному европейскому городу, а также игнорировании потребностей среднего класса (стремящегося к социально однородному окружению и не желающего проживать в «пестрых» районах), идеи Дж. Джекобс о смешанном использовании городского пространства, плотности застройки и насыщенности городской среды оказались весьма востребованными в дальнейших поисках оптимальных моделей городского развития.

Одной из таких моделей является модель «компактного города», возникшая в 1970-е годы под воздействием энергетического кризиса, обострившего вопросы сохранения/рационального использования ресурсов и снижения негативного воздействия деятельности городов на окружающую природную среду в связи с хаотичной и расползающейся застройкой. Понятие «компактный город» было введено в научный оборот Дж. Данцигом и Т. Саати<sup>168</sup>, которые рассматривали проблему бесконтрольного разрастания городов в тесной взаимосвязи с увеличением затрат энергии, материальных и временных ресурсов на перемещения людей, а также деградацией природной среды. Согласно их позиции, городское развитие должно идти не путем увеличения транспортных развязок и многоуровневых автомагистралей (порождающих и подпитывающих субурбию, которая выкачивает «жизненные силы» из самого города), но путем повышения эффективности использования внутренних городских территорий<sup>169</sup>.

Проект компактного города Данцига и Саати был детально обоснован с точки зрения проектно-строительных расчетов, геометрической формы

---

<sup>167</sup> Mumford L. Mother Jacobs' Home Remedies for Urban Cancer // The New Yorker. 1962. Dec.1; Gans H.J. Urban Vitality and the Fallacy of Physical Determinism (Review of Jane Jacob's book) // People, Plans and Policies: Essays on Poverty, Racism and Other National Urban Problems. New York: Columbia University Press, 1994. Pp. 30–40.

<sup>168</sup> Данциг Дж., Саати Т. Компактный город: проект организации городской среды: пер. с англ. Москва: Стройиздат, 1977.

<sup>169</sup> Там же. С. 12, 15, 18.

городских пространств, организации работы транспорта, технологий очистки воздуха и воды, вывоза мусора и переработки отходов, систем климатической защиты и пр. Многообразие функций, о которых писала Дж. Джекобс, технологически достигается в данной модели за счет применения гибких конструкций, позволяющих производить необходимые «трансформации» с целью приспособления объектов (зданий, пространств) к изменяющимся городским потребностям<sup>170</sup>. И хотя программа тотальной экономии ресурсов за счет смещения функций городской жизни во времени (а именно, круглосуточное использование всех городских служб, позволяющее устранить перегрузки и часы пик) выглядела весьма сомнительным футурологическим проектом, такие ключевые характеристики компактного городского развития, как смешанный режим использования городских пространств (их многофункциональность), контроль городских границ и потребления энергии в целях сокращения негативного влияния на экосистему, приоритет общественного транспорта над личными автомобилями явились важнейшими ориентирами в дальнейших концептуальных разработках, связанных с утверждением подходов устойчивого развития городов.

Конец 80-х начало 90-х гг. XX века ознаменовался обострением внимания к проблемам снижения вредных выбросов и потребления углерода городами, поиску альтернативных (возобновляемых) источников энергии, смягчению последствий изменения климата и стихийных бедствий. В контексте осмысления данных проблем модель компактного города, постепенно эволюционируя от узкой градостроительной концепции сдерживания городского расплзания в целях сохранения окружающего природного каркаса в «многосоставную» модель, направленную на достижение комплекса целей устойчивого городского развития<sup>171</sup>, приобретает высокую значимость на уровне международных организаций,

---

<sup>170</sup> Там же. С. 30, 76.

<sup>171</sup> Compact City Policies: A Comparative Assessment / OECD Green Growth Studies. OECD Publishing, 2012.

разрабатывающих и рекомендуемых национальным правительствам основные направления государственной политики в условиях экологических и ресурсодефицитных проблем современности. В развитых европейских странах – Голландии, Норвегии, Великобритании – она получает практическую востребованность и становится одним из центральных элементов государственной политики в области устойчивого городского развития<sup>172</sup>.

После доклада Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию (WCED) о будущем планеты (1987), в котором было определено понятие устойчивого развития как «развития, удовлетворяющего потребности настоящего времени, но не ставящее под угрозу возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»<sup>173</sup>, начинается эпоха «вовлечения» городов в программы достижения целей устойчивого развития – сбалансированного развития экологической, экономической и социальной составляющих в жизнедеятельности городов. Движение городов в данном направлении подкрепляется поддержкой глобальных институциональных структур – таких, как ООН-ХАБИТАТ, Всемирный банк, Организация экономического сотрудничества и развития.

В Ольборгской Хартии «Города Европы на пути к устойчивому развитию», принятой в 1994 году на Европейской конференции по устойчивому развитию, подчеркивается значимость городов как центров реализации принципов устойчивого развития<sup>174</sup>, предполагающих, по определению ООН, обеспечение благоприятных условий жизнедеятельности человека, рациональное использование ресурсов, ограничение негативного воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду, выстраивание систем горизонтального партнерства (основанного на

---

<sup>172</sup> The Compact City: A Sustainable Urban Form? / Edited by Jenks M., Burton E., Williams K. Oxford: E & FN Spon, 1996.

<sup>173</sup> Брундтланд Г.Х. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / под ред. Евтеева С.А., Перелета Р.А., М.: Прогресс, 1989. С. 5.

<sup>174</sup> Хартия "Города Европы на пути к устойчивому развитию" (Ольборгская хартия). Одобрена участниками Европейской Конференции по устойчивому развитию больших и малых городов Европы. Ольборг, Дания, 27 мая 1994 г. URL: <http://masters.donntu.org/2004/feht/lebedev/library/aalborgchapter.htm>

механизмах инклюзивности и партисипации гражданского общества) в локальном управлении.

Обновление повестки в области общемировой стратегии устойчивого развития на период до 2030 года (принятое Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 году<sup>175</sup>) и соответствующая ей новая 20-летняя программа развития городов (принятая саммитом НАВИТАТ III в 2016 году<sup>176</sup>) свидетельствуют о сохранении актуальности ориентиров устойчивого городского развития в XXI веке. Новая система целей (ЦУР), сменившая принятые в 2000 году цели развития тысячелетия (ЦРТ), при сохранении временного интервала действия 15 лет увеличилась более чем вдвое (с 8 до 17). Корректировка целей согласно актуальным проблемам текущего периода значительно расширила список программных задач и контрольных индикаторов, позволяющих измерить прогресс в их решении.

Новая городская повестка (НАВИТАТ III), сфокусированная на «обеспечении открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов» (ЦУР 11) включает в себя вопросы, непосредственно связанные с пространственно-средовым развитием – такие, как: сдерживание процесса разрастания городов и концентрацию усилий на обновлении, восстановлении и реконструкции городских районов при активном участии всех заинтересованных сторон и жителей; избегание периферийной и массовой застройки, оторванной от ключевых объектов городской инфраструктуры; предотвращение территориальной и социально-экономической сегрегации; обеспечение компактности и полицентризма за счет надлежащей плотности использования городской земли, взаимосвязанности и многоцелевого (смешанного) использования городского пространства в социальных и экономических целях<sup>177</sup>.

---

<sup>175</sup> Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. ГА ООН. Декларация от 25 сентября 2015 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420355765>

<sup>176</sup> Новая программа развития городов. НАВИТАТ III. КИТО 17-20 октября 2016. Конференция ООН по жилью и устойчивому городскому развитию. ООН, 2017. URL: <http://uploads.habitat3.org/hb3/NUA-Russian.pdf>

<sup>177</sup> Там же. С. 29, 32.

Таким образом, «компактность» как наиболее эффективная с точки зрения устойчивого развития пространственная организация мегаполисов позволяет достигать комплекс положительных эффектов – экологических, экономических, социальных. Экологические эффекты – уменьшение выбросов оксида углерода, улучшение качества воздуха, сохранение зеленого «пояса» в пригородах – проявляются в результате сокращения площади застроенной земли и снижения интенсивности использования личных автомобилей. Среди экономических эффектов наиболее очевидно проявляются такие, как: снижение эксплуатационных затрат на транспорт, дороги, логистику, энерго- и водоснабжение; повышение эффективности инвестиций в инфраструктуру (не достижимое для чрезмерно разросшихся «вширь» мегаполисов); стимулирование экономического роста за счет высокой концентрации и разнообразия городских активностей, интенсивности использования внутригородских территорий, а также их высокой связанности и проницаемости (транспортной, пешеходной). Положительные социальные эффекты проявляются, прежде всего, в улучшении качества жизни населения за счет повышения доступности городских услуг и сервисов, объектов досуга и мест приложения труда, сокращения транспортного времени на повседневные перемещения<sup>178</sup>.

Принципы компактного пространственного развития (или «умного городского роста»<sup>179</sup>) как важнейшего элемента городской «устойчивости» находят продолжение в моделях «транзит-ориентированного развития» (TOD) и «удобного для жизни города» (livable city). Обе модели формируются как альтернативы городским проектам, направленным на

---

<sup>178</sup> Короткова Е., Мокрушина К., Куричева Е., Журавлев С., Ирбитская И. Управление пространственно-экономическим развитием города: скрытые ресурсы. М.: Центр городских исследований бизнес-школы СКОЛКОВО, 2016. С. 38–39.

<sup>179</sup> Умный городской рост в противоположность безудержному росту (восприятию города как «машины роста») основывается на следующих приоритетах: регламентация городских границ; цикличность и безотходность функционирования городских систем; экономия городских ресурсов и энергии; высокая плотность застройки; многофункциональность в использовании городской земли; ориентация на общественный транспорт, пешеходный и велотрафик; разнообразие видов жилья; укрепление местных сообществ и локальной идентичности. Обе концепции («компактное развитие» / «умный рост») по своим содержательным характеристикам идентичны, различия в их названиях связаны скорее со спецификой момента и места их появления.

увеличение автострад и приспособление городов к автомобилям. Конец XX века со всей очевидностью продемонстрировал, что политика экстенсивного наращивания автомагистралей, не принимавшая в расчет их пагубного влияния на окружающую среду (выхлопные газы, шум, вибрация, пыль), в конечном счете не решила проблем транспортного хаоса. Опыт американских автомобилеориентированных городов (стоящих в тяжелых заторах именно на скоростных фривэях) явился доказательством несостоятельности конструкции «мобильный город – город машин». Сегодня приоритеты повсеместной автомобилизации и строительства больших автомагистралей сменяются задачами создания альтернативной городской мобильности, связанной с развитием общественного транспорта и «гуманитаризацией» городской среды.

Модель транзит-ориентированного развития, разработчиком которой является американский ученый Р. Серверо<sup>180</sup>, предполагает планирование городского пространства таким образом, чтобы достигалась максимальная концентрация разнообразия городской активности в пределах пешеходной доступности от остановок общественного транспорта. В своей работе «Транзитный мегаполис»<sup>181</sup> Серверо на примере различных по территориальной компактности типов мегаполисов показывает возможности создания эффективных систем общественного транспорта за счет их симбиотической связи с городской «формой». Главным принципом такой связи является расположение узловых остановок общественного транспорта в зонах максимальной плотности использования городского пространства в его различных функциональных срезах (жилом, деловом, рекреационном), тогда как зоны меньшей плотности могут быть «отодвинуты» от центральной остановки на более значительные расстояния.

Плотное и многофункциональное использование городского пространства в радиусе 400-800 м. от остановки общественного транспорта

---

<sup>180</sup> Ведущий мировой эксперт современности в области транспортной политики и городского планирования (по оценке 2016 г. журнала Planning)

<sup>181</sup> Cervero R. The Transit Metropolis: A Global Inquiry. Washington, Island Press, 1998.



естественным образом сокращает площадь территории, предназначенной для автомобилей, что приводит к увеличению пассажиропотока общественного транспорта, масштабов и комфорта пешеходных передвижений. Иными словами, реализация транзит-ориентированной модели, «увязывающей» плотность смешанного использования городского пространства и расположение узлов общественного транспорта, вносит существенный вклад в устойчивое развитие мегаполисов за счет сокращения использования личных автомобилей в повседневном транзите. Хотя позитивный эффект транзит-ориентированной модели, выражающийся в снижении интенсивности автомобильного трафика, находит подтверждение в исследуемых Серверо американских и европейских мегаполисах, ряд экспертов утверждает, что более важным для принятия решения об отказе от автомобилей в пользу общественного транспорта является качество самих транзитных услуг, нежели расположение транспортных узлов или городская плотность<sup>182</sup>. Вместе с тем, бесспорным как для российских, так и для зарубежных ученых-урбанистов остается факт позитивного влияния транзит-ориентированной модели на формирование качественной городской среды за счет создания условий для разнообразных форм социальной активности, более интенсивного использования общественного транспорта, трансформации парковочных пространств в рекреационные, интенсификации пешеходного и велосипедного передвижения в пределах зон плотной многофункциональной застройки, естественным образом ограничивающей возможности автомобильных поездок<sup>183</sup>.

Транспортная проблематика является центральной и в модели «удобного для жизни города» В. Вучика. Определяя «удобный для жизни город» сквозь призму взаимосвязи его экологического, экономического и

---

<sup>182</sup> См.: Mees P. A Very Public Solution: public transport in the dispersed city. Carlton South: Melbourne University Press, 2000.

<sup>183</sup> См.: Kamruzzaman M., Baker D., Turrell G. Do dissonants in transit oriented development adjust commuting travel behaviour? // *European Journal of Transport and Infrastructure Research*. 2015. Vol. 15. Iss.1. Pp. 66–77; Jabareen Y.R., Sustainable urban forms: Their typologies, models, and concepts // *Journal of planning education and research*. 2006. Vol. 26. Iss.1. Pp. 38–52; Аль-Джабери А.А.Х., Перькова М.В., Иванькина Н.А., Аль-Савафи М.Х. Типология транзитно-ориентированного развития // *Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова*. 2019. № 5. С. 120–130.

социального благополучия, он подчеркивает многогранное влияние транспортной системы на все аспекты городской жизни и на этом основании рассматривает ее как фундаментальный элемент создания удобного для жизни города – экологически здорового, экономически эффективного и жизнеспособного, социально-ориентированного<sup>184</sup>. Последний аспект (обозначаемый самим ученым в качестве центрального в его концепции) включает в себя формирование дружественной человеку среды через создание условий для проявления многообразных форм социальной активности, обеспечение возможностей для доступной, вариативной и комфортной мобильности, расширение привлекательных для пешеходных прогулок и социальных контактов общественных пространств<sup>185</sup>.

В отличие от более «радикальных» концепций (таких, например, как «город без машин»<sup>186</sup>, подразумевающий полный отказ от автотранспорта), Вучик ратует за интермодальную транспортную систему, интегрирующую различные виды транспорта для удобства передвижения горожан, включая создание условий для пешеходного и велосипедного движения, а также гибких перевозочных систем для маломобильных горожан<sup>187</sup>. Ключевые направления транспортной политики прогрессивных городов, ориентированных на максимизацию жизненных удобств, по мнению Вучика, должны основываться на сбалансированном сочетании личного и общественного транспорта. При этом эффективная система общественного транспорта должна включать в себя широкий спектр возможностей передвижения без абсолютизации и преимущественного развития какого-либо одного вида транспорта, обеспечивать «покрытие» всех городских районов и доступность услуг всем группам населения, обладать достаточными провозными возможностями, иметь сетевую координацию

---

<sup>184</sup> Вучик В.Р. Транспорт в городах, удобных для жизни / пер. с англ. А. Калинина под научн. ред. М. Блинкина. М.: Территория будущего. 2011. С. 306.

<sup>185</sup> Там же. С. 135, 306.

<sup>186</sup> См.: Crawford J.H. Carfree Cities. Utrecht: International Books, 2000.

<sup>187</sup> Вучик В.Р. Транспорт в городах, удобных для жизни / пер. с англ. А. Калинина под научн. ред. М. Блинкина. М.: Территория будущего. 2011.

магистральных и подвозящих маршрутов, расписаний, пересадочных узлов, сквозных тарифов и т.п.<sup>188</sup>

Обосновывая важность мер воздействия на транспортное поведение горожан в направлении «смещения точки равновесия от индивидуальных предпочтений к социальному оптимуму»<sup>189</sup>, Вучик исходит из практической невозможности принятия двух экстремальных позиций. Первая позиция заключается в полном отказе от использования личных автомобилей, вторая – наоборот, абсолютизирует идеологию перевода горожан на транспортное самообслуживание, рассматривая общественный транспорт лишь как социальный сервис для маломобильных или бедных слоев населения. Невозможность полного отказа от легковых автомобилей определяется их высокой ценностью на шкале жизненных стандартов и уникальной способностью обеспечивать индивидуальную мобильность. В то же время, приспособление города исключительно к автомобилям (строительство разветвленных сетей фривэев, наращивание инфраструктуры для автомобильных поездок) не является эффективным способом борьбы с типичными городскими проблемами (дорожными «пробками») и тем более не способствует обеспечению комфортности городской среды (фундаментальным компонентом которой является приятные глазу и безопасные пешеходные прогулки). Город, «подсаженный на иглу автомобильной зависимости», очень скоро становится неудобным для жизни. Негативное влияние автомобилей (без которых, признает Вучик, город окажется экономически нежизнеспособным) на «экологичность» и «гуманность» городской среды проявляется в результате их чрезмерного и безальтернативного использования. Поэтому разрешение противоречия между городом как ориентированной на человека средой и автомобилем видится им «в развитии сбалансированных интермодальных транспортных систем, а также ограничении использования автомобилей до уровня, при

---

<sup>188</sup> Там же. С. 307–308.

<sup>189</sup> Там же. С. 124.

котором их преимущества реализуются, а негативные внешние эффекты сводятся к минимуму»<sup>190</sup>.

В этом русле рассуждений особое значение придается двусторонним и координированным мерам воздействия на транспортное поведение горожан. С одной стороны, необходимы меры, стимулирующие использование общественного транспорта – такие, например, как повышение качества и надежности перевозок, обеспечение независимости маршрутных линий от уровня загрузки улично-дорожной сети (выделенные полосы, рельсовый транспорт), введение прогрессивных схем оплаты проезда, увеличение разнообразия видов транспорта и частоты предоставления транзитных услуг (сокращение интервалов ожидания). С другой стороны, одновременно должны внедряться дестимулирующие автовладельцев меры – ограничение уличных парковок и лимитирование мест в паркингах центральных деловых районов, введение платы за парковочные лоты и въезд на территорию<sup>191</sup>. Применение двусторонних мер воздействия позволяет добиться отказа определенной части горожан от нерациональных (по финансовым и временным затратам в определенном пространстве) автомобильных поездок и сдвига их предпочтений в сторону общественного транспорта, который, в случае его высокого уровня качества-разнообразия-координации, способствует, помимо выполнения основной функции перемещения, сохранению гуманитарно-ориентированной городской среды<sup>192</sup>.

Таким образом, модели «транзит-ориентированного развития» и «удобного для жизни города», построенные на «фундаменте» идей компактности, умного роста, устойчивости, акцентируют внимание на общественном транспорте как важнейшем элементе формирования качественной городской среды.

Городская среда в ее «человеческом масштабе» – безопасная, эстетически привлекательная, психологически комфортная, инклюзивная,

---

<sup>190</sup> Там же. С. 272.

<sup>191</sup> Там же. С 12–13, 25, 124.

<sup>192</sup> Там же. С. 149.

коммуникативная – выступает главным направлением исследовательской и проектной деятельности датского архитектора и урбаниста Я. Гейла. Его концепция «города для людей» формируется на базе критического осмысления модернистского наследия «широко раскинувшихся высотных городов, разрезанных скоростными магистралями» – ориентированных на сверхкрупные масштабы и «архитектуру скорости»<sup>193</sup>. Городское планирование с перспективы «птичьего полета», не учитывающее чувства человека и роль городского пространства как места встречи горожан («жизнь между зданиями»), по мнению датского ученого, представляет серьезную угрозу для формирования «живых, безопасных, устойчивых и здоровых городов»<sup>194</sup>.

Разделяя взгляды Дж. Джекобс о необходимости возвращения «жизни» в города, Я. Гейл рассматривает человека (пешехода) в качестве главного городского субъекта и универсальной отправной точки любых проектов трансформации городского пространства. Сквозной идеей всех его работ и реализованных под его консультационным руководством проектов городского переустройства является создание благоприятных условий для активизации пешеходного и велосипедного передвижения. Взгляд на город с позиций пешеходно-велосипедного передвижения, имеющего определенные (не автомобильные) скоростные параметры, подразумевает иные принципы организации городских пространств. Если скорость автомобильного движения требует больших пространств и нивелирует детали (поскольку на данной скорости их невозможно разглядеть), то пешеходной скорости, напротив, соответствуют небольшие пространства и объекты малого масштаба, множество деталей и, что особенно важно, присутствие других людей – возможность их видеть, слышать и вступать с ними в общение<sup>195</sup>. Прогулка в городе «автомобильного масштаба» – это отсутствие впечатлений и скука, тогда как «человеческий масштаб» (соразмерные человеческим

---

<sup>193</sup> Гейл Я. Города для людей. М.: Альпина Паблишер, 2012. С. 59.

<sup>194</sup> Там же. С. 6.

<sup>195</sup> Там же. С. 44.

пропорциям строения, архитектурный дизайн на уровне глаз, уютные общественные зоны, активные нижние этажи зданий, мягкие границы) означает наполненную событиями и социальными контактами городскую жизнь<sup>196</sup>.

Связывая организацию городского пространства с «социальной устойчивостью»<sup>197</sup> городов, Гейл выдвигает свою главную гипотезу – улучшение качества городского пространства приводит к повышению активности городской жизни. Три вида деятельности, протекающие «за пределами зданий», – обязательная, необязательная, социальная – в разной степени зависят от физической среды. Обязательная деятельность (учеба, работа, походы за покупками и т.п.) в малой степени подвержена воздействию физической среды. Она происходит при любых условиях, но при высоком качестве городского пространства длительность пребывания в нем пешеходов, выполняющих необходимые передвижения, значительно увеличивается. Необязательные виды деятельности (прогулки, развлечения, рекреация) происходят только при благоприятных погодных условиях и хорошо обустроенных общественных пространствах. К тому же спектр этих видов деятельности под воздействием хорошей окружающей обстановки значительно расширяется. Социальная деятельность (любые формы взаимодействия с другими людьми в общественных местах), являющаяся производной от двух других – обязательной и необязательной, соответственно, возникает и поддерживается при наилучших условиях для их реализации<sup>198</sup>.

---

<sup>196</sup> Там же. С. 44, 52–53.

<sup>197</sup> Социальную устойчивость Гейл связывает, прежде всего, с обеспечением равного доступа для всех социальных групп к городскому пространству и возможностям передвижения по городу. Равенство значительно возрастает, когда люди передвигаются пешком и на велосипедах в сочетании с общественным транспортом. Пешеходный и велосипедный город обретает таким образом демократическую функцию, обеспечивая знакомство людей с социальным разнообразием и понимание тех, с кем приходится делить общее городское пространство. Достижение социальной устойчивости не ограничивается только работой с физическим пространством, но включает в себя также широкий спектр институционально-культурных аспектов, противодействующих образованию закрытых сообществ и пропагандирующих идею города как доступного и привлекательного места для всех групп общества. См.: Гейл Я. Города для людей. М.: Альпина Паблицер, 2012. С. 109.

<sup>198</sup> Гейл Я. Жизнь среди зданий. М.: Альпина Паблицер, 2012. С. 9–13.

Многочисленные исследования поведения людей в общественных пространствах городов подтверждают гипотезу Гейла о прямой зависимости количества активностей, их интенсивности/длительности от качества физической среды. В свою очередь, имеет место и последующий возвратный положительный эффект: «спровоцированная» пространственно-архитектурными решениями активность городской жизни (социальные действия, взаимодействия, события и процессы) оказывает непосредственное влияние на последующее восприятие пространства как дружелюбного, гостеприимного, комфортного для пребывания.

В современном информационном обществе, характеризующемся высокой степенью личностной автономии, «гаджетизацией» и доминированием частной сферы в повседневной жизни, социальная функция города как места встреч и живого общения приобретает особенно важное значение. В связи с этим неотъемлемым элементом политики гуманистического городского развития, по мнению Я. Гейла и его соавтора Л. Гемзо, должно стать наращивание количества и качества общественных пространств, активизирующих разнообразные формы социальной активности<sup>199</sup>. Кроме этого, обустройство общественных пространств, создание условий для удобного пешеходного и велосипедного перемещений способствуют формированию здоровых городов. Поскольку передвижение пешком, на велосипеде (самокате, роликовых коньках), помимо существенного вклада в общее экологическое благополучие территории за счет сокращения автотрафика, оказывает положительное влияние на здоровье горожан, естественным образом сокращая их затраты на медицинские услуги, то велосипедно-пешеходная культура должна рассматриваться и как важный элемент политики городского здравоохранения.

Универсальный характер программы Гейла по отвоевыванию городского пространства у автомобилей и «очеловечиванию» городской

---

<sup>199</sup> Гейл Я., Гемзо Л. Новые городские пространства. 3-е изд. М.: Концерн «КРОСТ», 2012.

среды признается сегодня урбанистами всего мира. Бесспорная научно-практическая ценность его работ определяется не абстрактными идеями по поводу создания идеального города-утопии, но глубокими исследованиями восприятия и использования городского пространства, а также успешно реализованными при его непосредственном участии модернизационными проектами во многих крупных городах мира, среди которых – Копенгаген, Стокгольм, Мельбурн, Сидней, Нью-Йорк, Лондон, Москва. Начав исследовательскую деятельность и эксперименты по внедрению пешеходно-велосипедной культуры в своем родном городе Копенгаген, датский ученый, будучи убежденным сторонником здорового образа жизни, и по сей день является главным идеологом распространения гуманистического подхода к организации городского пространства и консультантом по превращению нездоровых автомобильных городов в жизнеутверждающую среду для людей. По мнению ученого, все мегаполисы мира должны уже сегодня озаботиться проблемой реновации городской среды и организации городской жизни, ориентируясь на неизбежную перспективу значительного удорожания топлива и наступления постнефтяной эпохи. Хотя в ближайшем будущем полностью избавиться от автомобилей в мегаполисе нереально, но вполне реально создать удобные условия для альтернативных видов персонального передвижения (включая интеллектуальные системы общественного транспорта, а также экологичное самодвижение) и снижения диктаторской роли автомобиля как личного транспорта для повседневных поездок<sup>200</sup>.

Определенной квинтэссенцией ориентиров «нового урбанизма» и устойчивого городского развития в микропространственном разрезе является концепция «15-минутного города», получившая обоснование в работах франко-колумбийского ученого К. Морено. В основе его концепции «15-минутного города» лежит идея децентрализации (полицентричности) городской жизни во всех ее проявлениях – иначе, сосредоточение всех

---

<sup>200</sup> Ян Гейл о велосипедах и будущем мегаполисов / Интервью Яна Гейла журналу The village. URL: <https://www.the-village.ru/city/public-space/110699-interview-jan-gehl>



жизненных процессов в пространствах (внутригородских структурах микромасштаба), соразмерных человеку, вместо их «разбрасывания» по огромным площадям<sup>201</sup>.

Ключевые положения концепции «15-минутного города» формулируются в перспективе «хроно-урбанизма»<sup>202</sup>, согласно которой качество городской жизни рассматривается как величина, обратно пропорциональная количеству времени, потраченному на повседневные перемещения<sup>203</sup>. С позиций «хроно-урбанизма» ценность городского пространства раскрывается только в сочетании с временным измерением<sup>204</sup>, которое, согласно Морено, может быть эффективно сокращено за счет согласования предложения городских удобств и спроса на них в диапазоне четверти часа<sup>205</sup>.

Город четверти часа представляет собой мозаику городских районов, внутри которых сконцентрированы все необходимые городские функции, услуги и сервисы. То есть все необходимое для жизни сосредоточено на расстоянии «гиперблизости» – пешеходной и/или велосипедной доступности. Морено выделяет 6 основных городских функций, которые должны быть обеспечены в пределах 15-минутной досягаемости: проживание (жилье), работа (рабочие места), розничная торговля, здравоохранение, образование, досуг. Для обеспечения этих функций пространство современных мегаполисов подлежит переосмыслению с точки зрения комбинации параметров плотности, близости, разнообразия и повсеместности<sup>206</sup>.

<sup>201</sup> Moreno C. Droit de cité, de la “ville-monde” à la “ville du quart d’heure”. Editions de l’Observatoire, 2020.

<sup>202</sup> «Хроно-урбанизм» вытекает из темы «хронотопии» - взаимосвязи пространственных и временных отношений. Через эту линзу город рассматривается с помощью индикатора, основанного на расстоянии, что, в свою очередь, приводит к представлению о городе, основанном на времени.

<sup>203</sup> Moreno C., Allam Z., Chabaud, D., Gall C., Pralong F. Introducing the “15-Minute City”: Sustainability, Resilience and Place Identity in Future Post-Pandemic Cities // Smart Cities. 2021. Iss. 4. P. 100

<sup>204</sup> См.: Muliček O., Osman, R., Seidenglanz D. Urban rhythms: A chronotopic approach to urban timespace // Time & Society. 2015. Vol. 24. Iss. 3. Pp. 304–325; Neuhaus F. Urban rhythms. In: Emergent Spatio-Temporal Dimensions of the City: Habitus and Urban Rhythms. Springer International Publishing: Cham, Switzerland. 2015. Pp. 1–11.

<sup>205</sup> Moreno C. La Ville du Quart D’heure: Pour un Nouveau Chrono-Urbanisme. URL: <https://www.latribune.fr/regions/smart-cities/la-tribune-de-carlos-moreno/la-ville-du-quart-d-heure-pour-un-nouveau-chrono-urbanisme-604358.html>

<sup>206</sup> Moreno C. Droit de cité, de la “ville-monde” à la “ville du quart d’heure”, Editions de l’Observatoire, 2020. Pp. 20–31.

Плотность, являющаяся важнейшим измерением города, рассматривается в урбанистике в двух проекциях – как плотность застройки и как плотность населения. Эти два взгляда не являются тождественными, хотя в определенной степени взаимозависимы. В концепции «15-минутного города» плотность рассматривается с точки зрения оптимального количества людей (на кв. км), которое может «обслужить» конкретный район без ущерба для комфортности жизни и экономии потребления ресурсов. Параметр близости представляет собой временно-пространственное измерение, означающее, с одной стороны, близость в пространстве жизненно важных удобств, учреждений, объектов, с другой стороны – как следствие близости расстояний между ними – сокращение времени, затрачиваемого на транзит. Разнообразие в контексте вышеприведенного фрейма плотности и близости возникает как результат смещения городских функций в пределах территории пешеходной/велосипедной доступности. При этом эффект разнообразия в «смешанных» районах имеет весьма широкий диапазон проявления – разнообразие людей, социальных практик, культурного опыта, экономических структур, типов жилья и пр. Достижение разнообразия во всех его проявлениях стимулирует рост экономической активности, локального бизнеса и занятости, повышает качество жизненной среды и ее инклюзивность, обогащает опыт жителей района, формирует локальную идентичность, способствует образованию сетей взаимодействия, тем самым увеличивая объемы социального капитала локальных резидентов<sup>207</sup>. Повсеместность (ubiquity) – параметр минимизации территориального неравенства, отражающий доступность городских удобств/услуг в любое время и для жителей всех городских районов (не только центральных).

15-минутный городской темпо-ритм, основанный на гиперблизости-доступности ключевых услуг и соответствующей ей микромобильности,

---

<sup>207</sup> См.: DeLisle J.R., Grissom, T.V. An empirical study of the efficacy of mixed-use development: The Seattle experience // *Journal of Real Estate Literature*. 2013. Vol. 21. Iss. 1. Pp. 25–57; Brookfield K. Residents' preferences for walkable neighbourhoods // *Journal of Urban Design*. 2017. Vol.22. Iss. 1. Pp. 44–58; Nabil N.A., Eldayem G.E.A. Influence of mixed land-use on realizing the social capital // *HBRC Journal*. 2014. Vol. 52. Iss.2. Pp. 285–298.

приводит не только к сокращению времени, потерянного на дорогу каждым горожанином, но и к сокращению неблагоприятных экологических и экономических последствий для города в целом (по причине утраты необходимости в дальних перемещениях и неизбежных при ежедневных поездках, особенно на личных автомобилях, финансовых расходах, затратах энергии и ресурсов окружающей среды)<sup>208</sup>. Сокращенное за счет «мягкой» мобильности время транзита перераспределяется в экономически эффективное рабочее время, а также время, которое может быть потрачено горожанином на досуг и рекреацию (в том числе оздоровительные пешеходные практики, которые рассматриваются рядом ученых как положительный «побочный» продукт 15-минутного города<sup>209</sup>). Последнее – увеличение времени на досуг и рекреацию, как показывают многочисленные зарубежные и отечественные исследования, является важным показателем качества жизни, субъективного благополучия, ощущения счастья. Кроме этого, «подстройка» городской инфраструктуры под человека (а не машины) способна стимулировать и наращивать социальные связи (не менее значимый элемент качества жизни/благополучия), за приоритетность которых в проектировании городских районов/кварталов ратовали пионеры «нового урбанизма» – Дж. Джекобс<sup>210</sup>, Л. Крие<sup>211</sup>, А. Дуэни и Э. Платер-Зибек<sup>212</sup>. Представленность ключевых городских функций (включая рабочие места) в «гиперблизких районах» в конечном итоге рождает более здоровые в экологическом, экономическом и социальном аспектах города.

В более поздней модифицированной версии концепции «15-минутного города» К. Морено и его соавторы З. Аллам, Д. Шабо, К. Галл и Ф. Пратлонг

<sup>208</sup> См.: Marquet O., Miralles-Guasch C. The walkable city and the importance of the proximity environments for Barcelona's everyday mobility // *Cities* 2015. Vol. 42. Pp. 258–266.

<sup>209</sup> Weng M., Ding N., Li J., Jin X., Xiao H., He Z., Su S. The 15-minute walkable neighborhoods: Measurement, social inequalities and implications for building healthy communities in urban China // *Journal of Transport & Health*. 2019. Vol. 13. Pp. 259–273.

<sup>210</sup> Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов / пер. с англ. Л. Мотылева. М.: Новое издательство, 2011.

<sup>211</sup> Krier L. *Architecture of Community*. Washington D.C.: Island Press, 2009.

<sup>212</sup> Duany A., Plater-Zyberk E., Speck J. *Suburban Nation: The Rise of Sprawl and the Decline of the American Dream*. North Point Press: New York, 2000.

вводят дополнительный параметр – цифровизацию<sup>213</sup>. Данный параметр соотносится с наметившимся курсом перехода от технологической модели «умного города» (Smart City – SC) к модели «антропо-ориентированного умного города» (Human Smart City – HSC)<sup>214</sup>. Характерной особенностью умного города, ориентированного на человека, является отказ от жесткого технологического детерминизма и перенос акцентов на предоставлении именно тех услуг (цифровых платформ), которые востребованы жителями. В HSC-модели на первый план выдвигается качество жизни и городской среды, а технологические решения в такой системе приоритизации выступают лишь инструментом поддержания/повышения этого качества. Ключевыми вопросами антропо-ориентированных смарт-трансформаций выступают вопросы вовлечения горожан в процессы изменения своих городов (со-проектирование преобразований городской среды), расширение возможностей их участия в управлении (принятии стратегически важных для города решений) через цифровые платформы и интерактивные сервисы<sup>215</sup>. При этом особое внимание уделяется устранению «разрывов» в процессе внедрения «умной» городской инфраструктуры, обеспечению социальной инклюзии, преодолению цифрового неравенства и сегрегации «неоцифрованных» групп населения<sup>216</sup>.

---

<sup>213</sup> Moreno C., Allam Z., Chabaud D., Gall C., Pratlong F. Introducing the “15-Minute City”: Sustainability, Resilience and Place Identity in Future Post-Pandemic Cities // *Smart Cities*. 2021. Iss. 4. P.103.

<sup>214</sup> См.: Колодий Н.А., Иванова В.С., Гончарова Н.А. Умный город: особенности концепции, специфика адаптации к российским реалиям // *Социологический журнал*. 2020. Том 26. № 2. С. 102–123.

<sup>215</sup> Fredericks J., Hespanhol L., Parker C., Zhou D., Tomitsch M. Blending Pop-Up Urbanism and Participatory Technologies: Challenges and Opportunities for Inclusive City Making // *City, Culture and Society*. 2018. Vol. 12. Pp. 44–53.

<sup>216</sup> См.: Oliveira A. Human Smart Cities. A Vision for world-wide Urban Living Lab collaboration. Amsterdam, 2014. URL: <https://livinglabdays2014.files.wordpress.com/2014/09/human-smart-cities-a-vision-for-world-wide-urban-living-lab-collaboration.pdf>; Albino V., Berardi U., Dangelico R.M. Smart cities: Definitions, dimensions, performance and initiatives // *Journal of Urban Technology*. 2015. Vol. 22. Iss. 1. Pp. 3–21; Concilio G., Marsh J., Molinari F., Rizzo F. Human Smart Cities: A New Vision for Redesigning Urban Community and Citizen’s Life // *Knowledge, Information and Creativity Support Systems: Recent Trends, Advances and Solutions. Advances in Intelligent Systems and Computing*. Eds.: Skulimowski A., Kacprzyk J. Springer, Cham, 2016. Vol 364. Pp. 269–278; Колодий Н.А., Иванова В.С., Гончарова Н.А. Умный город: особенности концепции, специфика адаптации к российским реалиям // *Социологический журнал*. 2020. Том 26. № 2. С. 102–123.

Таким образом, концепция «15-минутного города», охватываемая измерениями плотности, близости, разнообразия, повсеместности и цифровизации, отвечает комплексу целей реализации новой городской повестки в области устойчивого развития, ориентированной, в том числе, на эффективное превентивное «противостояние» неожиданным рискам – шокowym воздействиям. Значимость гиперблизость-доступности ключевых городских функций особенно остро проявилась в период пандемии COVID-19, когда жители городов, испытавшие на себе все тяготы карантина, были вынуждены довольствоваться короткими прогулками до магазинов и аптек в непосредственной близости от мест проживания.

В связи с необходимостью соблюдения медицинских протоколов (самоизоляции, социального дистанцирования, а в ряде мегаполисов ограничительных мер на передвижения с помощью автомобилей и общественного транспорта) стало очевидным, что близость ключевых удобств во многих городских районах была явно недостаточной. Жителям «депривированных» районов, помимо психологических проблем, связанных с разрывом социальных контактов, приходилось мириться с временной недоступностью жизненно важных объектов. Умные городские технологии, предоставляющие возможности удаленной работы из дома, интернет-заказов, платежей, виртуальных форм образования, досуга и медицинского обслуживания лишь отчасти решили проблему «выживаемости» в новых условиях. Тогда как, например, потребности многих городских жителей в элементарном поддержании психо-физического здоровья не могли быть удовлетворены в виду отсутствия в непосредственной близости прогулочных зон, велосипедных дорожек, зеленых пространств, «карманных» районных парков.

Проблемы, порожденные пандемией, и ее будущие социально-экономические последствия (которые, по предварительным прогнозам ученых, будут иметь затяжной характер), вызвали широкое обсуждение концепции 15-минутного города в политическом дискурсе, а также средствах

массовой информации во многих странах. Введение режимов «локдауна» по всему миру в значительной степени «подстегнуло» осознание необходимости переосмысления городов с точки зрения «апгрейта» локальных (районных) условий жизнедеятельности, включая принятие оперативных мер по созданию временных инфраструктурных удобств (которые впоследствии можно превратить в постоянные). Международные организации – такие, как Организация по климатическим изменениям, включающая 40 крупных городов планеты (C 40 Cities), ООН-Хабитат, Организация экономического сотрудничества и развития – включили положения концепции 15-минутного города в рекомендательные документы («послания»), направленные на поддержание качества жизни в период пандемии COVID-19 и после ее окончания<sup>217</sup>.

Первым мегаполисом, принявшим концепцию «15-минутного города» на политическом уровне и начавшем ее практическую реализацию, стал Париж, в котором Анна Идальго была переизбрана в 2020 году на пост мэра с программой “Paris en Commun”, основанной на предложенной Морено концепции – “La Ville du 1/4 d’Heure”<sup>218</sup>. Весьма примечательно, что горожане «пораженного» пандемией мегаполиса выбрали программу, ориентированную на улучшение качества городской среды и ее пригодности для жизни, а не ориентацию на «чистый» экономический рост. В рамках этой программы улучшения качества жизни в микролокальном пространственном измерении, коррелирующей с долгосрочной стратегией превращения Парижа в углерод-нейтральный город к 2050 году, началось масштабное строительство пешеходных и велосипедных дорожек, увеличение офисных

<sup>217</sup> См.: Cities, Coronavirus (COVID-19) and a Green Recovery. A Green and Just Recovery. The C40 Knowledge Hub. C40 Cities Climate Leadership Group. URL: [https://www.c40knowledgehub.org/s/cities-and-coronavirus-covid-19?language=en\\_US](https://www.c40knowledgehub.org/s/cities-and-coronavirus-covid-19?language=en_US); How to Build Back Better with a 15-Minute City. The C40 Knowledge Hub. C40 Cities Climate Leadership Group. URL: [https://www.c40knowledgehub.org/s/article/How-to-build-back-better-with-a-15-minute-city?language=en\\_US](https://www.c40knowledgehub.org/s/article/How-to-build-back-better-with-a-15-minute-city?language=en_US); UN-Habitat Key Message on Covid-19 and Public Space. UN-Habitat: Nairobi, Kenya, 2020. URL: [https://unhabitat.org/sites/default/files/2020/05/unh\\_covid-19\\_ps\\_key\\_message.pdf](https://unhabitat.org/sites/default/files/2020/05/unh_covid-19_ps_key_message.pdf); OECD Policy Responses to Coronavirus (Covid-19): Cities Policy Responses. OECD: Paris, France, 2020. URL: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/cities-policy-responses-fd1053ff/>

<sup>218</sup> Paris en Commun. Le programme d’Anne Hidalgo URL: <https://annehidalgo2020.com/le-programme/>; Reid C. Anne Hidalgo Re-elected as Mayor of Paris Vowing to Remove Cars and Boost Bicycling and Walking. URL: <https://www.forbes.com/sites/carltonreid/2020/06/28/anne-hidalgo-re-elected-as-mayor-of-paris-vowing-to-remove-cars-and-boost-bicycling-and-walking/?sh=226d0d251c85>

площадей и коворкингов в жилых районах, создание небольших «карманных» парков, расширение многоцелевого использования имеющейся инфраструктуры (как, например, открытие школьных площадок в нерабочее время для местных жителей, испытывающих недостаток зеленых пространств в районе проживания).

Помимо Парижа, многие мегаполисы различного масштаба и географического положения – как, например, Берлин, Эдинбург, Сиэтл, Сан-Франциско, Нью-Йорк, Милан, Мадрид, Богота, Шанхай – аналогично отреагировали на новообретенный спрос на локальный образ жизни и микромобильность расширением велосипедной и пешеходной инфраструктуры, созданием коворкинг-пространств по соседству, диверсификацией розничной торговли (в том числе организацией локальных микрорынков, снижающих «скученность» людей в крупных супермаркетах)<sup>219</sup>. Основываясь на успешном опыте Барселоны по внедрению системы суперблоков, модифицирующих участки дорог вблизи многоквартирных домов в общественные пространства без автомобилей, в 2020 году Мадрид объявил о планах скопировать суперблочный подход в рамках своего перехода к модели города 15-ти минут как способа возрождения после пандемии. О принятии такой же стратегии заявили власти Милана, планируя временные велосипедные дорожки и тротуары превратить в постоянные после окончания пандемии. Создание пешеходных улиц, помимо сдерживания всплеска автомобильных поездок после снятия «блокады», позволило магазинам, ресторанам и барам использовать уличное пространство (менее рискованное с точки зрения медицинской безопасности по сравнению с внутренним пространством) для обслуживания клиентов<sup>220</sup>.

Ряд городов – Копенгаген, Ванкувер, Портленд, – являющихся «старейшими» участниками движения «нового урбанизма», в рамках своих программ по сокращению вредных выбросов в атмосферу и борьбы с

---

<sup>219</sup> The '15 Minute City': Fantasy or Reality? // Apolitical. The global learning platform for government. URL: [https://apolitical.co/en/solution\\_article/the-15-minute-city-fantasy-or-reality](https://apolitical.co/en/solution_article/the-15-minute-city-fantasy-or-reality)

<sup>220</sup> Там же.

климатическими изменениями (глобальным потеплением) продолжают наращивать усилия по ограничению городского роста и созданию доступной городской среды. Столица Канады Оттава, основываясь на успешном опыте «велосипедизации» Копенгагена, приступила в 2019 году к внедрению плана по созданию общегородской сети 15-минутных кварталов<sup>221</sup>. Аналогичный план «20-минутных кварталов-соседств» разработан и внедряется в австралийском Мельбурне<sup>222</sup>. Эти города представляют собой примеры постепенного перехода от устаревшей модели мегаполисной жизни (с постоянными преодолениями расстояний, сопровождающимися негативными экологическими, психологическими, социальными, экономическими последствиями) к принципиально новому качеству жизни.

Мировая пандемия COVID-19, показавшая уязвимость городов в их нынешнем состоянии, явилась неожиданным «толчком» для поиска эффективных решений в достижении городской устойчивости (sustainability) и жизнестойкости (resilience) в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Поэтому идея организации городской жизни в «более мелком масштабе» оказалась весьма актуальной и востребованной во многих мегаполисах мира, наиболее прогрессивные из которых уже начали активно внедрять теоретический конструкт «15-минутного города» в реальный городской опыт. В настоящее время все больше городов принимают эту модель не только в краткосрочной перспективе – чтобы оправиться от «посттравматического» шока и поддержать постпандемическое восстановление, но и в долгосрочной – для формирования более локального, экологичного и здорового образа жизни.

Стоит отметить, что предложенный Морено хроно-принцип 15-ти минут не является жестким по своей природе и может быть адаптирован к

---

<sup>221</sup> Welcome to the 15-minute neighbourhood: Intensification key to city's official plan. Ottawa. August 23, 2019. URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/ottawa/ottawa-first-glimpse-official-plan-1.5256386>

<sup>222</sup> Victoria State Government. 20-minute neighbourhoods. 20-minute neighbourhoods. Create more inclusive, vibrant and healthy neighbourhoods. URL: <https://www.planning.vic.gov.au/policy-and-strategy/planning-for-melbourne/plan-melbourne/20-minute-neighbourhoods#:~:text=Hallmarks%20of%2020%2Dminute%20neighbourhoods&text=Work%20undertaken%20in%20partnership%20with,cyclists%20to%20optimise%20active%20transport>



отдельным городам согласно их морфологии, специфическим особенностям конкретных районов и потребностям их жителей. В научной литературе существуют аналогичные концепции, основанные на несколько иных временных индикаторах расстояния – как, например, 20-ти<sup>223</sup> или 30-минутные<sup>224</sup> города. Но содержательная суть всех этих концепций весьма схожая – пространственная близость городских удобств рассматривается в качестве главного фактора поддержания качества жизни населения, снижения зависимости от автомобилей, достижения экологической, экономической и социальной устойчивости городов. Кроме этого, некоторая произвольность в определении времени досягаемости городских удобств/услуг объясняется тем, что в концепциях хроно-урбанизма рассматривается «обобщенная» близость – как для пешеходов, так и для велосипедистов. Однако, очевидно, что за 15, 20 или 30 минут велосипедист преодолевает более значительные расстояния по сравнению с пешеходами. Поэтому измерение близости для велосипедистов определяется иначе, чем для тех, кто выбирает пешую прогулку.

Таким образом, 15-минутный город представляет собой гибкую модель, которую муниципалитеты могут адаптировать к условиям своего города, его масштабам, количественным и качественным характеристикам внутригородских территорий, и, что особенно важно, реализовывать эту модель в режиме реагирования на конкретные местные потребности. Вовлечение жителей в разработку и отбор проектов, которые будут реализованы на их собственной территории, как показывает «инклюзивный опыт» городов, реализующих стратегию смешения городских функций и их гиперблизости, играет важную роль в достижении целей по созданию качественной и доступной городской среды, формированию устойчивых и социально взаимосвязанных сообществ.

---

<sup>223</sup> Capasso Da Silva D., King D.A., Lemar S. Accessibility in Practice: 20-minute City as a Sustainability Planning Goal // Sustainability. 2020. Vol. 12. Iss. 1. Article Number: 129.

<sup>224</sup> Levinson David V. The 30-minute City: Designing for Access. Publisher: Network Design Lab, 2019.

Если многие европейские города (по большей части изначально компактные, спроектированные классическими кварталами с мелкой сеткой улиц до наступления эры автомобильного бума) довольно быстро и естественно для своей морфологии восприняли «пешеходную» модель и начали внедрять ее на практике, то перспективы реализации 15-минутной модели для целого ряда более молодых, разросшихся городов (например, американских или австралийских, в которых автомобили остаются приоритетной формой транзита) не так очевидны.

Возможности реализации модели «15-минутного города» в российских мегаполисах только начинают обсуждаться на урбанистических форумах, совместных масс-медиа и исследовательских площадках (как, например, совместный круглый стол ТАСС-ВЦИОМ, сентябрь, 2020). Проблемы трансформации российских мегаполисов в мозаику 15-минутных городов (точнее – взаимосвязанную сеть 15-минутных городов) связаны с высоким уровнем неравномерности в распределении инфраструктуры и сервисов между центральными (и приближенными к центру районами) и спальными жилыми микрорайонами, которые по степени функциональной насыщенности значительно беднее первых. Хотя советские строительные нормативы, в соответствии с которыми проектировались жилые микрорайоны (ими застроена большая часть российских городов), включали в себя регламентацию максимального расстояния (от 300 до 1000 метров) от жилых домов до ближайших детского сада, школы, поликлиники, аптеки, продовольственного магазина<sup>225</sup>, все же в полной мере эти нормативы не отвечают современному пониманию качества городской среды в микропространственном измерении. Главное отличие современных представлений о качестве городской среды заключается в увеличении разнообразия доступных в пределах пешеходной досягаемости городских функций, включая досуг и работу (места проведения досуга и приложения

---

<sup>225</sup> СНиП 2.07.01-89. Строительные нормы и правила. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. URL: <http://docs.cntd.ru/document/5200163>

труда). Второе важное отличие состоит в том, что сервисная инфраструктура в микрорайонах советской застройки создавалась директивно. Она была привязана к нормативным идеологическим представлениям о том, что нужно человеку для «полноценной» жизни, но не к реальным потребностям жителей, которые в силу запрета на социологию попросту не изучались. При доминирующей роли крупного города как сосредоточения промышленного производства необходимость сервисных функций определялась задачами воспроизводства рабочей силы в соответствии с весьма скудными нормативами первичной инфраструктуры обслуживания, создававшейся зачастую «асинхронно» – с существенным запаздыванием относительно ввода в эксплуатацию жилых многоэтажных зданий. В условиях рыночной экономики возникновение сервисов регулируется не государством, а спросом, который формируется благодаря плотности пешеходных потоков, являющейся, в свою очередь, главной предпосылкой «закрепления» сервисных объектов в жилых районах и их последующей экономической окупаемости.

Актуализация стратегических планов многих российских городов, происходящая в последние годы, свидетельствует о том, что целевые приоритеты в области их комплексного развития формулируются в соответствии с принципами прогрессивного урбанизма. Однако, зачастую эти принципы имеют декларативный характер. Отдельные проекты передового реновационного развития районов внутри мегаполисов (с разными типами застройки и форматами жилья, созданием гибкого многофункционального пространства, привлекающего разнообразные социально-демографические и профессиональные группы) скорее являются яркими исключениями (особо видимыми на контрастном фоне других районов), нежели повсеместной практикой. Тогда как продолжающиеся процессы городского расползания (в форме безликих многоэтажных микрорайонов) в совокупности с нерешенностью транспортных проблем приводят к изолированности периферийных районов, жители которых оказываются «оторванными» от

социальной инфраструктуры и благ городской жизни. Формирование новых пространственных неравенств, связанных с ограничениями в доступе к городским благам и инфраструктуре, усиливающейся дифференциацией качества и насыщенности городской среды, транспортной депривацией ряда районов, выступает сегодня одной из значимых проблем, решение которой требует разработки комплексных программ по реорганизации городского пространства и формированию насыщенной, благоустроенной среды на уровне микролокальных территорий.

Отражением назревшей необходимости в утверждении подходов долгосрочной стратегической перспективы к развитию российских городов (в противоположность сугубо утилитарному подходу краткосрочной перспективы – введению в эксплуатацию квадратных метров жилья, а не формированию качественной среды), выступает разработанный Минстроем России совместно с ДОМ.РФ и КБ «Стрелка» «Стандарт комплексного развития территорий», представляющий собой методическое руководство по развитию застроенных территорий и освоению новых (2019 г.)<sup>226</sup>. В основу данного стандарта, помимо сугубо строительных нормативов (которые выступают основой для усовершенствования нормативно-правовой базы в области градорегулирования и архитектурного проектирования), заложены согласующиеся с основными принципами 15-минутного города целевые критерии качества городской среды: компактная и плотная застройка, учитывающая человеческий масштаб; функциональное разнообразие в районах, совмещающих жилые, офисные и сервисные функции, развитый стрит-ритейл; доступные общественные пространства и пешеходные зоны; разнообразие маршрутов и баланс видов перемещений и др. Конечная цель Нового стандарта – внедрение в практику преобразования российских городов комплексных решений, направленных на повышение качества

---

<sup>226</sup> Стандарт комплексного развития территорий. URL: <https://дом.рф/urban/standards/printsipy-kompleksnogo-razvitiya-territoriy/>

городской среды, отвечающей современным социальным и экономическим условиям, интересам жителей, бизнеса и городских властей.

Наметившийся тренд на повышение интереса к модели «15-минутного города» со стороны девелоперов, городских проектировщиков, государственных и муниципальных властей, актуализирует не только вопросы принципиальной реконструкции городов или нового строительства в них, но и, в не меньшей степени, вопросы поиска возможностей совершенствования имеющихся условий на основе исследований исходного состояния качества городской среды, текущих и перспективных потребностей жителей в разрезе отдельных городских территорий (микрорайонов).

Проведенный анализ современных моделей городского развития, формирующихся со второй половины 20 столетия и по настоящее время, приводит нас к следующим выводам:

1. Современные модели городского развития формируются на базе критического переосмысления модернистского наследия промышленных городов с их сверхкрупными планировочными масштабами, приспособленных к автомобилям, разделенных на функциональные зоны, игнорирующих социальную роль общественных пространств и городскую среду в ее человеческом измерении.

2. Ключевые характеристики моделей городского развития, акцентированные в рамках научного движения «нового урбанизма» и утвердившихся на уровне общемировой идеологии подходов устойчивого в экологическом, экономическом и социальном аспектах городского развития, во многом являются схожими и когерентными. Многообразие современных моделей городского развития и их терминологических описаний скорее отражает выбор ключевого фактора – организующего принципа городского развития, нежели альтернативное противопоставление моделей друг другу.

3. Фокус обоснования ключевых ориентиров в моделях городского развития последних десятилетий все больше смещается от узкой

экономической и/или технологической приоритезации к широкой системе гуманных принципов – антропоцентричности, «экологизации», социальной ориентированности. Повышение качества жизни населения / качества городской среды выступает главной целью городского развития, основанного на принципах «нового урбанизма» и идеологии городской устойчивости/жизнестойкости.

4. Устойчивые модели развития современных мегаполисов «строятся» на фундаменте идей децентрализации городской жизни, смещения городских функций в каждом городском районе (интеграции жилых, рабочих и коммерческих пространств), транспортной/пешеходной связанности внутригородских районов, компактности и плотности застройки, близости, доступности и разнообразия городских услуг/удобств, цифровизации и «умной» городской инфраструктуры.

5. Интегрированный синтез положений компактного, полицентричного, ориентированного на человека, инклюзивного, экологически, экономически и социально устойчивого городского развития в микропространственном разрезе выражает модель «15-минутного города», добавляющая временное измерение качества городской среды. Данная модель, акцентирующая внимание на гиперблизости всех необходимых для жизни городских функций и удобств и соответствующей этой гиперблизости «мягкой» мобильности, аккумулирует комплекс положительных эффектов – таких, как: снижение зависимости от автомобилей (сохранение ресурсов окружающей среды), экономия времени и финансовых расходов на транзит (перераспределение времени и затрат на другие виды деятельности), рост локальных бизнесов за счет наращивания пешеходных пространств (экономический эффект), повышение локального качества жизни (разнообразие во всех его проявлениях на уровне внутригородских районов), «воссоединение» жителей с их местными районами и формирование локальной идентичности (укрепление социальной «ткани» городской жизни).

6. Модель «15-минутного города», в наибольшей степени отвечающая новейшим рискам современности (неожиданным «шоковым» воздействиям), имеет высокие ресурсы адаптателности к территориально-пространственным особенностям конкретных городов и потребностям их жителей. Принятие модели «15-минутного города» на уровне международных организаций и глобальных городов, актуализированное мировой пандемией COVID-19 и ее последствиями, стимулирует проявление интереса к ней и в России. Практическая реализация данной модели в российских мегаполисах высвечивает необходимость разработки комплексной методологии исследования дифференциации качества городской среды в микропространственном разрезе, обоснованию которой посвящена вторая глава диссертации.

## **ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ КАЧЕСТВА СРЕДЫ МЕГАПОЛИСА**

### **2.1 Территориальная дифференциация мегаполиса в аспекте взаимосвязи морфологического, социально-функционального и средового принципов**

Мегаполис как сложноорганизованная система характеризуется дифференцированным внутренним пространством территорий. Весьма широкое понятие «дифференциация», отражающее разного рода различия, применительно к городским территориям маркирует, во-первых, административно-территориальную структуру города (его разделение на округа, районы, микрорайоны, кварталы); во-вторых, функциональную структуру городской территории (разделение на промышленные, складские зоны, зоны оптовой торговли, жилые районы, пригороды и пр.); в-третьих, неоднородность и неравномерность развития городских территорий (условий, ресурсов, возможностей для жизнедеятельности населения); в-четвертых, социальную неоднородность (распределение различных социальных групп в городском пространстве).

Базовые положения о городе как системе дифференцированных территорий, формируются в рамках различных наук – прежде всего, географии, архитектуре, урбанистике, градостроительстве в силу приоритетности самой категории «территория», относящейся непосредственно к объекту исследования указанных научных дисциплин. В связи с этим исходной методологической базой анализа территориальных внутригородских различий выступает морфологический подход, который в самом общем виде предполагает изучение структуры и формы городского пространства в их взаимосвязи.

В социальной и экономической географии морфологические территориальные различия раскрываются сквозь призму анализа демографических (численность и плотность расселения), природных и



антропогенных (распределение объектов природного и искусственного происхождения, элементов ландшафта территории), экономических (расположение хозяйственных объектов), инфраструктурных (расположение транспортных, дорожных, инженерных, коммуникационных сетей, физически «скрепляющих» городское пространство и обеспечивающих условия для жизнедеятельности) факторов<sup>227</sup>. Иными словами морфологические особенности определяются распределением, размещением различных артефактов в городском пространстве. По определению Г.М. Лаппо, «с точки зрения географии город представляет совокупность трех основных подсистем: население, экономическая база, сфера жизнеобеспечения». «Каждая из этих подсистем имеет свою специфическую территориальную организацию, а все они формируют общегородскую планировочную структуру»<sup>228</sup>.

В рамках градостроительной теории, урбанистики и архитектуры морфология городского пространства характеризует его дифференциацию по типам и плотности застройки, архитектурным стилям, планировке городских ансамблей (улиц, районов, кварталов, площадей, бульваров, мостов, парков и пр.), дорожных и инфраструктурных сетей<sup>229</sup>.

В социологии же дифференциация городских территорий традиционно рассматривается в проекции социально-пространственных неравенств/сегрегации<sup>230</sup>. Условно такой подход может быть обозначен как социоструктурный (фундаментально обоснованный П. Бурдьё через взаимосвязь физического и социального пространства)<sup>231</sup>. Однако очевидно,

---

<sup>227</sup> См.: Лаппо Г.М. География городов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997; Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012; Любовный В.Я. Города России: альтернативы развития и управления. М.: Экон-информ, 2013; Полян П.М. Территориальные структуры – урбанизация – расселение: теоретические подходы и методы изучения. М.: Новый хронограф, 2014.

<sup>228</sup> Лаппо Г.М. География городов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. С. 18.

<sup>229</sup> См.: Глазычев В.Л. Урбанистика. Ч.2. М.: Европа, 2008; Глазычев В.Л. Город без границ М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011.

<sup>230</sup> Безусловно, поле исследования городских различий значительно шире – это и культурные различия, и поведенческие практики освоения/восприятия городского пространства.

<sup>231</sup> Объединение множества разных теорий и исследовательских стратегий в «социоструктурный подход», на наш взгляд, возможно в силу общей методологической рамки – «наложение» социальной структуры на пространственную организацию города. Фундаментальное обоснование идея взаимосвязи между пространственными и социальными структурами получает у П. Бурдьё, интерпретирующего физическое

что его реализация невозможна без совмещения с объективной городской морфологией, функциональным предназначением внутригородских территорий. Анализ распределения социальных групп и слоев в физическом пространстве города требует определения исходных структурных единиц (городских районов, кварталов) и их границ, учета сложившихся функциональных особенностей конкретных территорий, плотности населения, характера застройки и планировки, цен на недвижимость и пр.

Городская морфология, по сути, является физической матрицей, организующей жизнедеятельность населения определенным образом и задающей объективные параметры социальным взаимодействиям и процессам. С другой стороны, сами социальные процессы, протекающие на определенной территории, предопределяют распределение и перераспределение физических артефактов в городском пространстве. Иными словами, когерентность оснований дифференциации высвечивает очевидные методологические пересечения различных подходов и их неразрывную связь.

С самого начала зарождения городской социологии проблема внутригородских территориальных различий, включая различные формы неравенства и пространственной сегрегации, явилась важнейшей темой урбанистических исследований<sup>232</sup>. Один из первых исследователей городских различий Ч. Бут картографировал территориальные районы Лондона, населенные различными социальными слоями. Используя критерий социально-экономического неравенства, он выделил такие районы в городском пространстве, как: социальное дно, бедные районы, районы

---

пространство как «социальную конструкцию и проекцию социального пространства, социальную структуру в объективированном состоянии..., объективацию и натурализацию прошлых и настоящих социальных отношений». Структура же самого социального пространства (порядок позиций индивидуальных агентов и групп) определяется неравномерным распределением различных видов капитала – экономического, социального, культурного, символического. См.: Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. Теоретическая рамка, предложенная П. Бурдьё, оказалась созвучна идеям неомарксиста А. Лефевра о городском пространстве как «продукте» социальных (производственных) отношений и одновременно производителе этих отношений. См.: Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. М.: Strelka Press, 2015.

<sup>232</sup> Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 356–399; Short J. R. Urban Theory: A Critical Assessment. 2nd Edition. Red Global Press, 2014. Pp. 121–149.

смешанного населения, весьма благополучные районы, районы проживания среднего класса, районы проживания богатого высшего класса<sup>233</sup>. По существу Бутом были заложены методологические и методические каноны (в частности, техника картографирования) изучения городского «организма» и социально-территориальной структуры города, оказавшие непосредственное влияние на становление Чикагской школы социальной экологии и предвосхитившие одну из наиболее известных (равно как и дискуссионных) моделей концентрического городского зонирования Э. Берджесса.

Модель концентрических зон Берджесса<sup>234</sup> отражала функциональное разделение городского пространства, организованного вокруг делового центра, за которым следуют промышленная зона, транзитная зона ветхого жилья, жилые районы рабочего класса, спальные районы среднего класса, пригородная зона наиболее комфортабельного жилья (многоквартирные и частные дома наиболее обеспеченных горожан). Выделенные функциональные зоны отличались друг от друга по ряду объективных критериев – прежде всего, ценой на землю. «Закрепленность» определенных участков города за конкретными социальными слоями (с возрастанием комфортабельности жилья от центра к пригородам) служила воплощением в пространстве города социальной иерархии. В зависимости от дохода и социального статуса люди селились в трущобах, этнических анклавах, квартирах или домах. Очевидно, что в модели Берджесса учитывается не только функциональный признак, но и собственно социальный (социальная организация городского пространства), поскольку выделенные зоны характеризуются как «естественные ареалы обитания»<sup>235</sup> представителей определенного класса.

---

<sup>233</sup> Booth Ch. Life and labour of the people in London. London, New York: Macmillan, 1902. URL: <https://archive.org/details/lifelabourofpeop07bootiala/page/194/mode/2up>; Poverty Maps of London // Charles Booth Online Archive. URL: <http://booth.lse.ac.uk/static/a/4.html>

<sup>234</sup> Бёрджесс Э.У. Рост города: Введение в исследовательский проект / Чикагская социология: Сб. переводов. М. РАН. ИНИОН, 2015. С. 20–34; Burgess E.W. Residential Segregation in American Cities // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1928. Vol. 140. Pp. 105–115.

<sup>235</sup> Термин «естественные ареалы обитания» трактуется в общем духе Чикагской школы социальной экологии как результат биотического соревнования, борьбы различных групп за ресурсы. В результате роста города и численности населения постоянно происходит «вторжение» новых групп на уже занятые

Принцип концентрических кругов в описании структурно-функциональной организации города, предложенный Берджессом, впоследствии был неоднократно оспорен в силу его неуниверсальности. Секторальная модель организации городского пространства Х. Хойта<sup>236</sup>, многоядерная модель Ч. Харриса и Э. Ульмана<sup>237</sup> показывали иные возможные структурные формы организации городского пространства. Так, Х. Хойт на примере более 140 американских городов доказал неочевидность концепции концентрических зон. Зоны городского пространства необязательно образуют следующие друг за другом окружности, городское пространство формируют секторы, располагающиеся относительно делового центра в различных конфигурациях – полукругом, веером. Кроме этого, промышленные зоны зачастую располагаются вдоль транспортных артерий (железных и автомобильных дорог, рек) и преимущественно на окраинах, а не окружая центр (как утверждалось в модели Берджесса). Несмотря на различие в исходном морфологическом принципе (круг/сектор), обе модели строятся вокруг единой доминанты – центра города.

Ч. Харрис и Э. Ульман предложили многоядерную модель организации городского пространства, обратив внимание на то, что городское пространство необязательно организовано вокруг единого центра. Помимо центрального делового района существуют и другие центры ядер, выступающих потенциальными точками роста. Такая модель в большей мере соответствовала новым тенденциям развития американских городов второй половины XX века – а именно, возрастанию значимости сферы услуг, сопровождающейся появлением во внутригородском пространстве новых деловых (отдаленных бизнес-районов) и сервисных субцентров. Появление

---

территории и «вытеснение» старых резидентов, которым приходится искать новые места обитания. Так происходит очередной виток установления экологического равновесия – закрепление участков территории за определенными группами горожан. См.: Парк Р. Город: предложения по изучению человеческого поведения в городской среде // Избранные очерки. Сост. и пер. Николаев В.Г.; Отв.ред. Ефременко Д.В. М.: ИНИОР РАН, 2011. С. 19–57.

<sup>236</sup> Hoyt H. The Structure of American Cities in the Post-War Era // American Journal of Sociology. 1943. Vol. 48. No. 4. Pp. 475–481.

<sup>237</sup> Harris C.D., Ullman E.L. The Nature of Cities // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1945. Vol. 242. Pp. 7–17.

новых ядер вне зоны центра объясняется не только высокими ценами на землю в центральном районе города, но и дополнительными преимуществами от размещения определенных видов деятельности вне зоны центра (в частности, большие свободные территории, близость крупных транспортных узлов). Формирование нескольких ядер (субцентров) внутри города детерминируется наличием в каждом ядре соответствующей его типу инфраструктуры, а усиливающаяся специализация городских районов способствует увеличению общего количества внутригородских ядер. В целом дифференциация городского пространства в модели Харриса-Ульмана определяется сочетанием исторически сложившихся условий жизнедеятельности, типов бизнес-активности и географических характеристик городской территории. Так, наличие определенной инфраструктуры определяет возможности для размещения конкретных хозяйственных объектов и реализации конкретных видов деятельности. Для промышленных зон необходимы большие участки территории и транспортное сообщение, зоны торговли располагаются, как правило, в местах оптимального транспортного доступа из разных точек города. Похожие и взаимозависимые типы деятельности концентрируются на одной территории, получая выгоды от развития общей необходимой инфраструктуры и услуг. В свою очередь, несовместимость некоторых функциональных зон (например, промышленные зоны и районы элитного жилья; розничная и оптовая торговля; земельные участки с высокой арендной платой и складские помещения, а также низкобюджетное жилье) способствует их «разнесению» в городском территориальном пространстве.

Сформировавшаяся в конце XX века Лос-Анджелесская школа урбанистики воплощала в своих идеях переход от исследований города эпохи модерна (явившегося объектом рефлексии чикагцев) к исследованию постмодернистского города<sup>238</sup>. Принципиальным отличием двух школ

---

<sup>238</sup> См.: Soja E.W. Taking Los Angeles Apart: Some Fragments of a Critical Human Geography // Environment and Planning D: Society and Space. 1986. Vol. 4. Issue 3. Pp. 255–272.

выступала проблематизация городской формы как соотношения центра и периферии. В работах представителей Лос-Анджелесской школы понятие городского центра (или центров внутри города) утрачивает свое значение. Центр больше не является организующим звеном, тогда как периферия формирует новые организующие структуры и оттягивает на себя традиционные функции, выполнявшиеся ранее деловым центральным районом. В концепции окраинных городов Дж. Гарро основное «место» отводится пригородам, в которых все чаще располагаются офисы и торговые центры, увеличивается количество рабочих мест и соответственно людских потоков<sup>239</sup>. Пригороды больше не являются спальными, в них формируются новые центры деловой активности. При этом «окраинный город» непрерывно трансформируется, меняет свои границы, представляя собой определенную сложность для его морфологического описания.

Другой представитель Лос-Анджелесской школы Э. Соья для описания новых урбанистических форм использует понятие «постметрополис», характеризуемый размытостью пространственных границ между городом и пригородом<sup>240</sup>. Процессы деиндустриализации и реиндустриализации экономики превращают «метрополисы» в города-регионы, для описания особенностей которых возникает множество новых терминов – технопригороды, технопарки, метроплексы и т.п.<sup>241</sup> Увеличение плотности населения и концентрации ресурсов в пригородах (отмечаемое Э. Соья в качестве ключевого морфологического изменения), в свою очередь, сопровождается диффузией в пригороды традиционных городских проблем – таких, как углубление неравенств и эксклюзии в доступе к социальным благам, рост преступности, ухудшение экологии, гетоизация и прочие патологии, приводящие к деградации городской среды<sup>242</sup>.

---

<sup>239</sup> Garreau J. *Edge City: Life on the New Frontier*. New York: Knopf Doubleday Publishing Group, 1991.

<sup>240</sup> Soja E. *Postmetropolis*. *Critical studies of cities and regions*. Malden, 2007. Pp. 147–148.

<sup>241</sup> Соья Э. как писать о городе с точки зрения пространства // *Логос*. 2008. № 3 (66). С. 139.

<sup>242</sup> Soja E. *Regional urbanization and the end of the Metropolis era* // *The New Blackwell Companion to the City*. Ed. by Bridge G., Watson S. Oxford, 2011. Pp. 683–684.

В целом «схваченная» Лос-Анджелесской школой тенденция усложнения, реструктуризации и конфликтности городских форм, а также урбанизации пригородов является характерной не только для Лос-Анджелесса (который, безусловно, для его исследователей являлся прототипом полиядерного города-региона будущего), подобные трансформации с разной степенью интенсивности происходят во всем мире.

Вместе с тем, далеко не всегда урбанистическое пространство когерентно и стремится к агломерационной полиядерной структуре с отсутствием выраженного центра. Процессы урбанизации в значительной степени отличаются как на уровне стран, регионов, так и на уровне конкретных городов. Так, российские мегаполисы в значительной степени «центрированы», даже при явных агломерационных «движениях». При этом, такая особенность, как концентрация в центральных районах мигрантов, вытесняющих местное благополучное население и бизнес из центра, не является характерной чертой российских мегаполисов. Центр в российских мегаполисах (как, впрочем, и в ряде европейских городов) был и остается достаточно плотно населенным, насыщенным активностями и гетерогенным, более того – привлекательным для образованных профессионалов и высокодоходных групп населения в силу концентрации экономических ресурсов и культурных благ.

Очевидно, что методологический императив Лос-Анджелесской школы – «невозможность анализа города без учета происходящего за его пределами» – применим в большей степени для анализа агломераций, регионов, нежели внутригородских территориально-пространственных структур. По мнению И.Я. Вершининой и Н.Л. Поляковой, пожалуй, лишь «Большая Москва» имеет ряд общих черт (главная – это уровень дифференциации) с Лос-Анджелесским урбанистическим регионом и поэтому воззрения Лос-Анджелесской школы имеют эвристическую

ценность для исследования Московской агломерации<sup>243</sup>. Однако «децентрированность» как таковая (в смысле отсутствия доминирующего влияния из «центра» и равнозначности составляющих урбанистическое пространство образований) представляется нам весьма спорным теоретическим постулатом для анализа российских реалий.

Возвращаясь к классическим моделям городского пространства (концентрическая модель Э. Берджесса, секторальная модель Х. Хойта, многоядерная модель Ч. Харриса и Э. Ульмана) с целью выявления их объяснительного потенциала в анализе российских мегаполисов, отметим, что они внесли значительный вклад в развитие представлений о структурно-функциональной организации американских городов конца XIX – начала XX века, сформировавшихся под сильным давлением спонтанных процессов самоорганизации населения и ориентированной на бизнес политики. Однако эти модели (равно как и более поздние модели Лос-Анджелесской школы) не вполне применимы для анализа специфики российских крупных городов, формировавшихся в советский период (либо «испытывших» на себе преобразования и последствия этого периода) в условиях плановой экономики и градостроительных проектов.

Для прояснения особенностей структурной организации современных российских мегаполисов необходимо обратиться к советскому градостроительному наследию и проследить последствия его влияния, а затем обозначить новые векторы развития, обусловленные действием рыночных сил. Социально-территориальная структура советских городов (в отличие от зарубежных капиталистических, в которых действовал рынок жилья, и район проживания являлся показателем социального статуса и дохода) не определялась четким соответствием «жилищного» и социального статусов. Явно выделенных зон, секторов с социально-однородным «наполнением» в советском городе не было.

---

<sup>243</sup> Вершинина И.А., Полякова Н.Л. Теоретические и методологические проблемы современной социологической урбанистики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 83



Исследователи советских городов отмечали, что «при неоднородности застройки в разных районах и наличии по соседству жилищ разной престижности, социальная сегрегация по районам была недостаточно выраженной»<sup>244</sup>. Пожалуй, наиболее значимым резидентным разделением в советских городах было проживание в центральном районе, поскольку центр всегда имел более качественную инфраструктуру и жилье, историческую ценность, насыщенную образовательную и культурную среду и, соответственно, более высокий престиж в городском пространстве<sup>245</sup>. Ретроспективное исследование престижности центрального района Москвы, осуществленное О.Е. Трущенко, показывало наивысшую концентрацию социальных групп, обладающих административным (партийная номенклатура, функционеры городских и районных органов управления) и культурным (художники, композиторы, писатели, артисты) капиталом в пределах Садового кольца<sup>246</sup>. По существу, это было одно из редких исследований, акцентировавших внимание на формировании и динамике социально-профессионального состава населения конкретного городского района и выполненных в теоретической рамке западных концепций (П. Бурдьё). В основном же городская территориальная дифференциация в исследованиях советского периода объяснялась не в русле западных концепций социального неравенства, а с точки зрения демографических характеристик населения, давности освоения территории и ее ландшафтно-природных условий, типа застройки, размещения мест приложения труда, развитости сферы услуг, качества жилищных условий и прочих факторов, не связанных непосредственно с процессами социального неравенства в городском пространстве<sup>247</sup>.

---

<sup>244</sup> Герасимов К., Чуйкина С. Символические границы и «потребление» городского пространства (Ленинград, 1930-е годы) // Российское городское пространство: попытка осмысления / отв. ред. Вагин В.В. Сер. «Научные доклады». Вып. 116. М., 2000. С. 128.

<sup>245</sup> Портнов Б. А. Городская среда – феномен престижности // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 70.

<sup>246</sup> Трущенко О.Е. Престиж Центра: Городская социальная сегрегация в Москве. М.: Socio-Logos, 1995. С. 112.

<sup>247</sup> См.: Рукавишников В.О. Население города (социальный состав, расселение, оценка городской среды). М.: Статистика, 1983; Трушков В.В. Население города и пригорода. М: Финансы и статистика, 1983;

Идеология советского планирования была направлена на унификацию жизненных условий, искоренение социального неравенства и «смешение» социальных слоев. Поэтому «непопулярность» темы дифференциации городского пространства (в аспектах социального неравенства и сегрегации) во многом была обусловлена идеологическими установками советского периода, препятствующими научным изысканиям в этой сфере. Вместе с тем, нельзя не согласиться с утверждением А. Антипина о том, что в действительности «идеологические интенции к построению социально-однородного общества спровоцировали пространственную близость представителей различных социальных групп»<sup>248</sup>. Эта пространственная близость, явившаяся результатом эгалитарной государственной жилищной и социальной политики, минимизировала сегрегационные процессы в городском пространстве. Отсутствие рынка жилья как такового и получение квартир от государства приводило к тому, что в одном микрорайоне, доме, подъезде соседствовали представители разных социальных слоев, люди разного уровня образования и дохода. Ведомственное строительство жилья и административный характер его распределения приводили к тому, что «в одну и ту же новостройку въезжали как руководители предприятий, так и простые рабочие»<sup>249</sup>. Компактное проживание работников определенных предприятий (ярким примером могут служить заводские «поселки» внутри крупных городов) характеризовало преимущественно горизонтальное, не стратификационное распределение населения.

В силу объективной инерционности городских пространственных структур, смешанное проживание в многоэтажных домах сохранилось на долгие годы и в постсоветский период. Можно утверждать, что проживание значительной части населения в жилье, полученном в советские годы, в

---

Барбаш Н.Б. Методика изучения территориальной дифференциации городской среды. М.: Институт географии АН СССР, 1986.

<sup>248</sup> Антипин А. Особенности социального зонирования городского пространства Перми // Российское городское пространство: попытка осмысления / отв. ред. Вагин В.В. Сер. «Научные доклады». Вып. 116. М., 2000. С. 79.

<sup>249</sup> Шишигин А.В. Формирование новых городских центров в современном российском городе как средство реализации человеческого потенциала // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 95.

определенной степени замедляет выраженность сегрегационных процессов в современных российских мегаполисах.

Достаточно низкий потенциал жилищной мобильности российского населения внутри города (смена одного района на другой) выступает фактором, сдерживающим уровень пространственной сегрегации. Связь социальной позиции и места жительства в современном городском пространстве оказывается не столь линейной. Увеличение доходов и повышение статуса не всегда влекут за собой смену менее престижного на более престижный район. Возможности большей части российского населения в плане покупки жилья, «соответствующего» занимаемой социальной, профессиональной позиции, продолжают оставаться низкими даже для жителей современных мегаполисов. Этот эффект экономисты называют эффектом «пузыря» на рынке недвижимости и, как ни парадоксально, именно этим эффектом объясняют отсутствие явно выраженной пространственной сегрегации в современных российских мегаполисах. Т. Михайлова, анализируя беспрецедентный рост цен на московское жилье в 2004-2008 г.г., отмечает, что «даже весьма обеспеченным горожанам не хватало денег на покупку квартиры в хороших районах, обеспеченные профессионалы селились в относительно непрестижных районах вроде Выхина или Марьино и даже переезжали за МКАД»<sup>250</sup>. В свою очередь, И.О. Вендина, А.Н. Панин и В.С. Тикунов отмечают, что улучшение жилищных условий для москвичей не являлось прямым следствием высоких доходов, но определялось иными факторами – в частности, длительностью проживания в Москве и аккумуляцией ресурсов недвижимости в виде наследства в руках последующих поколений москвичей<sup>251</sup>.

Поскольку рынок жилья характеризуется высокой чувствительностью к экономическим кризисам, условиям государственной/корпоративной

---

<sup>250</sup> Михайлова Т. Завод в центре: искривление советской географии / Стимулы, парадоксы, провалы. Город глазами экономистов (сборник). М.: «Strelka Press», 2016. С. 24.

<sup>251</sup> Вендина И.О., Панин А.Н., Тикунов В.С. Социальное пространство Москвы: особенности и структура // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 6. С. 11–12.

поддержки, ставкам ипотечного кредитования, реализация потребностей в смене жилищных условий в нестабильные периоды имеет для большей части горожан отсроченный характер<sup>252</sup>. В итоге финансовая малодоступность нового жилья замедляет массовый отток среднего класса из типовых многоэтажек в районы более качественного жилья, тем самым «консервируя» на некоторое время конструкт смешанного проживания. Однако старение жилищного фонда, снижение престижа советских индустриальных районов и их «ветшание», а также стремление наиболее состоятельных групп к отгораживанию (в том числе прямому физическому) в перспективе будут способствовать увеличению выраженности сегрегационных процессов в городском пространстве.

Таким образом, уникальность морфологии советских городов (признаваемая как отечественными, так и зарубежными учеными<sup>253</sup>) значительным образом повлияла на структуру современного городского пространства, в некотором смысле сдерживая, замедляя сегрегацию (и тем более ее радикальную разновидность – гетто). Например, отсутствие ярко выраженных этнических и мигрантских районов (с доминирующей долей соответствующего населения в структуре всего населения района) – характерная черта многих российских мегаполисов<sup>254</sup>. Вместе с тем, ряд исследователей фиксирует специфический российский паттерн –

---

<sup>252</sup> Косарева Н.В., Пузанов А.С., Полиди Т.Д. Основные тенденции жилищной экономики городов // Городские исследования и практики. 2015. Т.1. №1. С. 33–54; Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Ипотечное кредитование в Санкт-Петербурге в условиях нестабильного рынка труда // Социальные и пространственные измерения современного мегаполиса: материалы IX социологических чтений памяти В.Б. Голофаства, 3–5 апреля 2017 г. СПб.: Норма, 2017. С. 207–214.

<sup>253</sup> Павлюк С.Г. Методика дифференциации городского пространства (на примерах городов России, Западной Европы и США // Региональные исследования. 2015. № 3 (48). С. 27; Чешкова А. Методологические подходы к изучению городской пространственной сегрегации // Российское городское пространство: попытка осмысления / отв. ред. Вагин В.В. Сер. «Научные доклады». Вып. 116. М., 2000. С. 17; Yanitsky O. Urbanization in the USSR: theory tendencies and policy // International Journal of Urban and Regional Research. 1986. № 10. Pp. 265–287; Smith D.M. Urban Inequalities under Socialism: Case Studies from Eastern Europe and the Soviet Union: Cambridge University Press, 1989. P. 5, 31.

<sup>254</sup> См.: Вандышев М.Н. Территориальный принцип размещения трудовых мигрантов в большом городе // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ / отв. ред. Татаркин А.И., Кузьмин А.И. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2016. С. 331–337; Вендина О.И. Мигранты в Москве. Грозит ли российской столице этническая сегрегация? М.: Центр миграционных исследований, 2015; Непреенко И. Сегрегация в России: социальная, этническая, транспортная. Участники экспертного опроса А. Махрова, К. Пузанов, М. Ларуэль, О. Вендина, Е. Деминцева // Разногласия. Журнал общественной и художественной критики. 2016. № 9. С. 170.

резидентную концентрацию мигрантов вокруг крупных оптовых рынков (кластера мигрантских рабочих мест, расположенных, как правило, на городской периферии)<sup>255</sup>. Наибольшая концентрация мигрантов проявляется в домах, примыкающих к рынку, но даже в них доля мигрантов, составляющих свыше 50%, – большая редкость<sup>256</sup>. Очевидно, что данный паттерн мало напоминает концентрированные модели расселения в европейских и американских городах<sup>257</sup>, однако тенденция роста уровня этнической сегрегации в российских мегаполисах будет нарастать в ближайшем будущем<sup>258</sup>.

Видимые физические границы постепенно приобретает и социально-экономическая сегрегация<sup>259</sup>. Локализация качественного дорогого жилья и концентрация высокодоходных групп в определенных районах российских мегаполисов (прежде всего, это кварталы новых жилищных комплексов, коттеджные поселки и таунхаусы в черте города) – один из наиболее ярких фактов зарождения точечной сегрегации, обусловленной имущественным расслоением населения и рыночной логикой городского развития.

В последние десятилетия структура городского пространства в современной России, еще в некоторых аспектах сохраняя эгалитарные черты прошлого, видоизменяется под влиянием рыночных механизмов

<sup>255</sup> Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н., Ермакова М. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2. С. 225–253.

<sup>256</sup> Там же. С. 241.

<sup>257</sup> См.: Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир. М.: Издательство института экономической политики Е.Т. Гайдара, 2016.

<sup>258</sup> Бедрина Е.Б., Панышина Д.А. Этнические анклав на картах современных мегаполисов: причины формирования и последствия // Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты: материалы 5-го Тюменского международного социологического Форума. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та 2017. С. 553–557.

<sup>259</sup> См.: Алексеева М.С., Галиндабаева В.В. Формирование конструкторов элитарности в контексте процессов социальной сегрегации городского пространства (на примере проспекта Победы в г. Улан Удэ) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 3. С. 20–32; Корнев Н.Р. Где живет элита в Петербурге // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. № 1. С. 92–116; Корнев Н.Р. Жилищная стратификация в центре Санкт-Петербурга // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 77–85; Сидорова О.С., Мосиенко Н.Л. Роль социально-пространственной сегрегации в формировании городских сообществ (на примере рынка жилой недвижимости Новосибирска) С. 52–64; Муфтахова А.Н. Социальная стратификация современного мегаполиса в жилищной сфере (на примере Санкт-Петербурга) // Социальные и пространственные измерения современного мегаполиса: мат-лы IX социологических чтений памяти В.Б. Голофаства. СПб.: Норма, 2017. С. 184–198; Строкова Е.Л. Социально-пространственная сегрегация города: проблемы определения и исследования // Городской альманах. Вып. 3. М.: Фонд «Институт экономики города», 2008. С. 237–245.

регулирования стоимости жилья, девелопмента городских территорий и их коммерческой капитализации, а также процессов самоорганизации населения. Механизмы структурирования городского пространства определяются идеологией неолиберального урбанизма<sup>260</sup>, в рамках которой рыночные интересы городских экономических элит (в том числе коалиции городской власти и бизнеса<sup>261</sup>) зачастую доминируют над публичными интересами горожан в развитии городских территорий. Неолиберальная идеология (сформировавшаяся в 1980-х гг. на Западе и определившая с 2000-х гг. повестку городского развития в России) ставит во главу угла принцип эффективности и монетизации любых ресурсов, поэтому неолиберальные города превращаются в города для бизнеса/предпринимателей, а не для жителей<sup>262</sup>. Бизнес-подходы к городскому развитию, основанные на идее города как машины экономического роста, воплощаются в стратегиях бустеризма (быстрого развития любой ценой) и проектах реструктуризации (джентрификации) «малоэффективных» городских территорий. Результаты реализации этих стратегий, инициируемых и продвигаемых союзами сити-менеджеров, предпринимателей, владельцев недвижимости, не всегда оказываются общественным благом – выгодой для всех горожан. Реконструкция, в особенности центральных районов, зачастую становится фактором, провоцирующим социальную напряженность и конфликты между различными группами горожан, отстаивающими свое право на город. Активно продвигаемый средствами маркетинга витринный образ города «для бизнеса» с его отелями, представительствами глобальных компаний резко контрастирует с монотонными спальными районами, в которых «доживает» свой век советское обустройство и часть из которых оказывается в статусе

---

<sup>260</sup> См.: Büdenbender M., Zupan D. The Evolution of Neoliberal Urbanism in Moscow, 1992–2015 // *Antipod*. 2017. Vol. 49. Iss. 2. Pp. 294–313.

<sup>261</sup> См.: Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство // *Журнал исследований социальной политики*. 2015. № 2. С. 241–256.

<sup>262</sup> Смирнов Н. Зомби-манифест неолиберального урбанизма // *Разногласия. Журнал общественной и художественной критики*. 2016. № 9. С. 78.

депрессивных, «отлученных» от «сверкающих» фасадов нового городского пространства<sup>263</sup>.

Автор метафоры «город – машина роста» социолог Х. Молоч, описывая схожие процессы, происходившие в 1970–80-е годы в американских городах, анализировал их в критической риторике, развенчивая продвигаемую властной элитой, масс-медиа и местными интеллектуалами идею о том, что стратегии роста и масштабные девелоперские проекты в конечном итоге оказываются выгодны для всех горожан<sup>264</sup>. Машина роста (в виде коалиции элит и процессов лоббирования их интересов) нацелена исключительно на извлечение прибыли от использования городской земли. При этом безудержный рост негативно влияет на качество городской среды обитания, портит эстетический облик местности, уничтожает открытые пространства, способствует увеличению социальных неравенств в городе<sup>265</sup>.

Как отмечает Е.Г. Трубина, «большинство российских городов успешно превращены в машины роста»<sup>266</sup>. Агрессивное коммерческое «освоение» внутригородских территорий, формирование рынка жилья и нарастание разницы в стоимости городской земли (и располагающейся на ней недвижимости) в различных частях города приводят к формированию новых пространственных неравенств, связанных с ограничениями в доступе к городским благам и инфраструктуре, усиливающейся дифференциацией качества и насыщенности городской среды, транспортной депривацией ряда районов. Процессы городского расползания (в форме безликих многоэтажных микрорайонов) в совокупности с нерешенностью транспортных проблем в крупных городах-мегаполисах приводят к изолированности определенных городских районов, жители которых

---

<sup>263</sup> Вендина И.О., Панин А.Н., Тикунов В.С. Социальное пространство Москвы: особенности и структура // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 6. С.3–4.

<sup>264</sup> См.: Molotch H. The city as growth machine: toward a political economy of place // American Journal of Sociology. 1976. Vol. 82. No. 2. Pp. 309–332.

<sup>265</sup> Logan J.R., Molotch H.R. Urban Fortunes: The Political Economy of Place. Berkeley: University of California Press, 1987. P. 293.

<sup>266</sup> Трубина Е. Джунгли, базар, организм и машина: классические метафоры города и российская современность // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70). С. 240.

оказываются «оторванными» от социальной инфраструктуры и благ городской жизни.

Возводимые в целях коммерческой выгоды объекты на ресурсно-ограниченных территориях и высотная точечная застройка зачастую нарушают сложившийся облик городских районов, снижают качество и комфортность жизни горожан<sup>267</sup>. Коммерческое строительство элитных жилых комплексов с символическими и реальными физическими границами доступа приводит к формированию своеобразных престижных микроанклавов, резко контрастирующих с качеством и благоустроенностью городской среды периферийных районов.

Таким образом, особенности социопространственной структуры современных российских мегаполисов определяются разнонаправленным влиянием наследия советской эпохи и новых тенденций социально-экономического развития. С одной стороны, в силу исторически сложившихся структурных моделей и их инерционности, пока еще сохраняются такие характерные признаки советских городов, как отсутствие ярко выраженной социальной, либо этнической сегрегации. Распределение социальных групп в городском пространстве имеет преимущественно диффузный характер. Жесткое «закрепление» социально однородных групп за определенными городскими районами отсутствует. Точечное «внедрение» элитных жилых комплексов в структуру городских районов показывает микрообособление высокодоходных групп в физическом пространстве. Однако это обособление-отделение по большей части не охватывает территорию всего района. Поэтому, в одном городском районе по-прежнему соседствуют социально разнородные группы.

С другой стороны, рыночные механизмы оказывают значимое нарастающее влияние на процессы структурирования городского пространства. Разница в стоимости недвижимости в различных частях

---

<sup>267</sup> Социальное пространство большого города: монография / под ред. Еремичевой Г.В. СПб.: СИ РАН, филиал ФНИСЦ РАН, 2018. С. 116.



города; девелоперские проекты строительства нового жилья, обеспеченного комплексной инфраструктурой и ориентированного на определенные социально-демографические группы и группы по доходам; коммерциализация общественных пространств и их потребительская доминанта; нарастание диспропорций во внутренних различиях качества городской среды (насыщенность инфраструктуры, комфортность окружающей среды) выступают новыми значимыми факторами, дифференцирующими городские территории.

Проникновение идей «нового урбанизма»<sup>268</sup> в отечественную науку и практику городского управления способствовало критическому переосмыслению и дискредитации предпринимательской модели городского развития. После двух постсоветских десятилетий жесткого «экономизма» и превращения российских городов в машины роста происходит определенный социальный поворот, основанный на концепциях комфортного, удобного, пригодного для жизни города (*livable city*)<sup>269</sup>. Новая урбанистическая повестка переносит акцент с экономической эффективности (извлечение доходов из городской земли) на общественные функции города и качество жизни горожан.

Признание ценностей доступности городской среды, ее открытости и инклюзивности<sup>270</sup>, развития общественных пространств<sup>271</sup> и реализации

<sup>268</sup> См.: Лефевр А. Идеи для концепции нового урбанизма // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 19–26; Katz Р. *The New Urbanism: Toward an Architecture of Community*. New York: McGraw Hill, 1994.

<sup>269</sup> См.: Гейл Я. *Города для людей*. М.: Альпина Паблишер, 2012; Вучик В.Р. *Транспорт в городах, удобных для жизни* / пер. с англ. А. Калинина под научн. ред. М. Блинкина. М.: Территория будущего, 2011.

<sup>270</sup> См.: Mitchell D. *The right to the city: social justice and the fight for public space*. 2003. New York: Guildford press; Вендина О.И. Частное и общественное в городском пространстве: от теории к московским реалиям // Известия РАН. Серия географическая. 2009. № 2. С. 28–38; Наберушкина Э. К., Дороднова М.А. Кому удобны российские города // Регионология. 2012. № 2. С. 140–148; Наберушкина Э.К., Сорокина Н.В. Картографирование доступности городской среды: аспекты социального неравенства // Журнал исследований социальной политики. 2012. № 1. С. 27–42; Лободанова Д. Новые форматы коммуникационных площадок в городах // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 2. С. 174–192.

<sup>271</sup> См.: Loughran K. *Parks for Profit: The High Line, Growth Machines, and the Uneven Development of Urban Public Spaces* // *City & Community*. 2014. Vol. 13. No. 1. P. 49–68; Масталерж Н.А. Формирование концепции общественного пространства как структурного элемента городской среды // *Архитектон: известия вузов*. 2013. № 43. С. 61–73; Пучков М.В. Город и горожане: общественные пространства как модератор поведения людей // *Архитектон: известия вузов*. 2014. № 45. С. 34–43; Капков С.А. Развитие городских общественных пространств: социально-философские аспекты // *Общество: философия, история, культура*. 2016. № 11. С. 58–63; Касаткина С.С. Соучаствующее проектирование в развитии пространств городов России (философский анализ) // *Градостроительное право*. 2020. № 1. С. 43–45.

права на город для каждого жителя актуализировало необходимость научного поиска методологических оснований исследования территориальной дифференциации российских мегаполисов с учетом их особой специфики – разнонаправленного влияния остаточных «эффектов» советской эпохи и новых рыночных интервенций в городское пространство.

В связи с тем, что российские мегаполисы находятся в процессе формирования дифференцированной структуры (в том числе разного рода неравенств), возникает необходимость изучения различий в условиях жизнедеятельности и качестве городской среды в разрезе территориальных образований. Не будет преувеличением утверждать, что изменения, происходящие в материально-предметном обустройстве (непрерывные реконструкции, перепланировки, экспансия новых объектов и вытеснение старых и пр.), в некотором смысле опережают формирование устойчивых социально-территориальных общностей, «закрепленных» в конкретных городских районах. Поэтому исследование территориальной неоднородности мегаполиса в аспекте неравноценности условий жизнедеятельности и качества городской среды представляется нам особенно важным с точки зрения выявления зарождающихся трендов и возможных вариантов развития той или иной территории, обнаружения депривированных мест.

Кроме этого, практическое воплощение идей нового урбанизма в российских мегаполисах имеет преимущественно «характер массивированной административной интервенции в городское благоустройство»<sup>272</sup>. Осуществляемые «сверху» новые проекты изменения городской среды (в том числе – имеющие вполне социальную ориентированность) реализуются зачастую без учета потребностей и представлений горожан. Соответствие проводимой политики городского развития «низовым» социальным процессам – один из острых вопросов, требующих как научного осмысления, так и практического решения. Насколько меняющаяся физическая среда

---

<sup>272</sup> Вендина И.О., Панин А.Н., Тикуннов В.С. Социальное пространство Москвы: особенности и структура // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 6. С. 4.

соответствует запросам населения, насколько востребованы/реализованы те или иные городские «функции» в определенных местах, в какой мере проявляются процессы формирования и закрепления пространственных неравенств? Ответы на эти вопросы требуют разработки методологических оснований исследования дифференциации городского территориального пространства. Мы считаем, что современная методология исследования должна опираться на синтез подходов, разработанных в рамках различных наук о городе – как сугубо теоретических, так и имеющих практическую доминанту (в частности, градостроительство, урбанистическое проектирование).

Предлагаемый автором подход является своеобразным междисциплинарным синтезом, вместе с тем, позволяющим исследовать территориальную дифференциацию качества городской среды современных российских мегаполисов в рамках ее социологического анализа. Методологически важными для нас выступают следующие ключевые положения: во-первых, базовые положения о городской морфологии (морфологический принцип); во-вторых, положения о функциональном зонировании городских территорий (функциональный принцип); в-третьих, положения о городе как среде жизнедеятельности (средовый принцип). Однако, мы предлагаем несколько иное «преломление» этих принципов в соответствии со спецификой их современного социологического применения.

Морфологический принцип мы используем для выделения структурных единиц территориальной организации мегаполиса, имеющих непосредственную значимость для социологического анализа. В качестве таких единиц рассматриваются исключительно селитебные зоны – территории, предназначенные для размещения жилых, общественных, культурно-образовательных, деловых, рекреационных и прочих объектов (улицы, дороги, площади, бульвары, парки, сады и т.д.). Иными словами, селитебные зоны охватывают территории, на которых собственно протекают

процессы жизнедеятельности населения – проживание, работа, досуг, транзит (повседневные мобильности).

Преобладание микрорайонного морфотипа в российских мегаполисах естественным образом предопределяет исследовательскую фокусировку с целью анализа территориальной дифференциации. Несмотря на то, что современная градостроительная теория критически переосмысливает модернистскую индустриальную парадигму микрорайонного строительства<sup>273</sup> (от которой Западная Европа начала отказываться с 1960-х гг., тогда как именно с этого времени в советских городах, наоборот, модернистские принципы стали активно применяться в градостроительной практике), в российских мегаполисах именно микрорайоны (а не кварталы) по-прежнему остаются доминирующей городской формой, представляя собой определенное «дежавю» советской индустриальной эпохи, но уже с новым комплексом проблем. Наряду с построенными в советское время микрорайонами, на окраинах мегаполисов (наиболее явным примером является Москва) возводятся новые спальные микрорайоны с более высокой этажностью застройки, огромными неблагоустроенными пустырями и отсутствием полноценной среды жизнедеятельности.

Исследователи городских морфотипов отмечают, что постсоветская микрорайонная застройка в условиях роста численности населения мегаполисов, безусловно, позволила удовлетворить массовый спрос на жилье. Однако, ориентация исключительно на количественные показатели привела к «потерям» в качественных характеристиках городской среды.

---

<sup>273</sup> См.: Нагаева З. С., Межмидинов А. А. Градостроительные модели индустриальной эпохи // Символ науки. 2015. № 4. С. 240–247; Катаева Ю.В., Лобанова И.Л. Территориальная организация крупного города как фактор его развития (на примере г. Перми) // Проблемы современной экономики. 2013. №13. С. 76–82; Ромашова М.Н. Современный подход к квартальной застройке. Принципы и особенности // Университетская наука. 2015. №2. С. 77–79; Лазарев М.П. Микрорайонная застройка: pro et contra // Актуальные проблемы социально-гуманитарных знаний: сборник статей. 2015. С. 18-21; Иванченко Е.А., Косилов М.С. Проблемы микрорайонной застройки в современном градостроительстве // Молодой исследователь Дона. 2018. № 6 (15). С. 96–103; Бирюков А.С., Рябуха В.П. Сравнение принципов планировки городской территории на примере микрорайонной и периметральной квартальной систем. Проблемы застройки города Перми и пути решения // Современные технологии в строительстве. Теория и практика. 2019. Т. 1. С. 256 –261; Иванченко Е.А. Комфортная городская среда. Основные проблемы придомовых территорий многоквартирных жилых домов // Строительство и архитектура-2017: материалы науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону, 2017. С. 31–34.

Гигантские масштабы монотонной застройки и архитектуры, отсутствие ориентиров в разделении пространств на частные и общественные (как результат – «неработающие» большие пространства между зданиями, занятые преимущественно беспорядочной парковкой), дефицит инфраструктур и благоустройства, низкая связанность с центром выступают сегодня главными направлениями улучшения качества среды жизнедеятельности и поиска возможностей для гибкого саморазвития (реновации) территорий с учетом ее специфических характеристик (плотности застройки, этажности зданий, атрибутов местной идентичности, предпочтений жителей, потенциала малого девелопмента и локальной самоорганизации собственников и пр.)<sup>274</sup>.

Живучесть микрорайонной парадигмы в России объясняется как инерционностью градостроительных нормативов (по-прежнему ориентированных на микрорайонную планировку с жесткими стандартами расстояний между домами, световой инсоляции, пожарной безопасности и пр.), так и экономической целесообразностью для застройщиков (девелоперам выгоднее продавать «чистые» квадратные метры, а не качественную среду). Кроме этого, регулярные кризисы, ведущие к банкротству застройщиков, способствуют тиражированию хотя и устаревших, но работающих (финансово окупаемых за короткий срок) моделей. Поскольку архитектура и урбанистика пока еще не является ключевым ориентиром для российского градостроительства (исключения составляют лишь отдельные проекты внутри мегаполисов), то микрорайонная городская форма в ближайшие десятилетия будет оставаться доминирующей.

По этой причине в качестве элементарной единицы организации селитебного городского пространства, оптимально подходящей для целей сравнительного анализа, вполне обоснованным будет выбор микрорайона как

---

<sup>274</sup> Голубева Я.А., Веретенников Д.И., Коротыч В.И., Крутенко Л.В., Малышев Г.Н., Низамутдинова Г.Р. Нестоличная реновация // Городские исследования и практики. 2019. Т. 4. № 2. С. 116–117.

территории, обладающей внутренней средовой и функциональной гомогенностью и имеющей административно установленные границы. Безусловно, специфика пространственного развития ряда мегаполисов может внести коррективы в выбор структурных единиц, наиболее адекватных существующему территориальному делению и задачам сравнительного анализа. Такими единицами могут выступить более крупные образования – административные районы, округа, или же, наоборот, более мелкие – например, кварталы. На наш взгляд, выбор более крупных единиц для сопоставительного анализа не является лучшим решением, поскольку в пределах одного района средовые и функциональные различия могут быть весьма существенными, не позволяющими выявить специфические характеристики данной территории, отличающие ее от других аналогичных крупных форм. В перспективе с ростом периметрального квартального строительства в российских мегаполисах вполне вероятна тенденция смешения городских морфотипов, однако количественное преимущество микрорайонной планировки по суммарной площади застройки вряд ли исчезнет в ближайшем обозримом будущем. Кроме того, даже новые жилищные комплексы с квартальной европейской застройкой зачастую сохраняют старое наименование – «микрорайон». В любом случае градостроительные терминологические различия в социологическом аспекте значимы лишь для установления территориальных единиц, являющихся морфологическим основанием дифференциации.

Логическим следствием выбора селитебных зон (микрорайонов) в качестве объектов сопоставительного анализа является иное «преломление» функционального принципа, использованного в классических моделях городского зонирования Чикагской школы социологии, а также работах американских экономических географов и урбанистов (Х. Хойта, Ч. Харриса и Э. Ульмана). Разделение городского пространства на жилые (спальные), промышленные, складские, деловые, рекреационные и прочие зоны оказывается не релевантным задачам исследования внутригородских

территориальных различий в аспекте анализа ключевых процессов жизнедеятельности населения. Значимым оказывается рассмотрение селитебных территорий (микрорайонов) с точки зрения обеспечения ключевых функций жизнедеятельности населения – проживания, труда, досуговой деятельности. При этом принципиальным для социологической оптики исследования территориальных различий оказывается объединение (комплексная реализация) этих функций в пределах одной городской территории.

Процессы социально-экономической трансформации постсоветских десятилетий оказали существенное влияние на структуру и перераспределение рабочих мест в городском пространстве. Снижение доли занятых в промышленном производстве и увеличение рабочих мест в сфере торговли и услуг способствовали «устареванию» модели жесткого территориального разграничения между местами проживания и местами работы. Объединение резидентных и трудовых функций на одной территории (в одном районе, микрорайоне) является свидетельством усложнения пространственных структур, их многомерности. Размывание пространственно-временных границ между различными сферами жизнедеятельности и наличие (либо отсутствие) средовых условий для реализации спектра потребностей в пределах одной территории дают основание для построения иерархии городских микрорайонов в аспекте их функциональной «насыщенности». Эта иерархическая «насыщенность» определяется нами через понятия моно-, поли-, мульти- функциональности городской территории, обеспечивающей возможность реализации функций проживания, приложения труда и досуга в разных сочетаниях. Мы полагаем, что подобное «переосмысление» традиционного функционального принципа к зонированию городских территорий в наибольшей степени отвечает современным реалиям и практическим задачам развития российских мегаполисов в аспекте достижения ими экологической, экономической и социальной устойчивости.

Стратегическая значимость принципа «смещения» функций для достижения городской устойчивости была обоснована на примере западных урбанистических концепций в третьем параграфе первой главы. При разработке исследовательской методологии мы опираемся также на концепции отечественной градостроительной науки (А.Б. Гутнов) и урбанистики (А.А. Высоковский), описывающие структурно-функциональную организацию городских систем. Эти концепции созвучны идеям «нового урбанизма», одним из значимых положений которого является отказ от жесткого функционального зонинга.

А.Б. Гутнов, критикуя функциональный принцип разделения города на зону жилья, зону приложения труда и зону отдыха, предлагает зонирование на основе концентрации и интенсивности протекающих на территории процессов. Ключевыми понятиями его теории выступает понятие «градостроительной системы», которая представляет собой «относительно обособленную, функционально связанную область организованной человеком пространственной среды, в пределах которой реализуется комплекс основных видов социальной активности населения»<sup>275</sup>. Главным и наиболее устойчивым структурообразующим элементом градостроительной системы выступает «каркас» – зона концентрации основных процессов жизнедеятельности населения<sup>276</sup>. Каркасные элементы градостроительной системы, как правило, расположены рядом с главными узлами транспортной сети и, поэтому, за счет транспортной доступности осваиваются наиболее интенсивно. Остальные компоненты градостроительной системы обозначаются А.Б. Гутновым как городская «ткань» – материальный субстрат (деловые и жилые здания, рекреационные объекты и пр.), заполняющий ячейки каркаса. Соотношение каркаса и ткани определяет особенности и тенденции городского развития. Выявление наиболее

---

<sup>275</sup> Гутнов А.Э. Системный подход в изучении города: основания и контуры теории городского развития / Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1985. М.: Издательство «Наука», 1986. С. 214.

<sup>276</sup> Там же. С. 215.



существенных элементов системы (каркасных зон) и управление их формированием обеспечивает возможности эффективного влияния на все остальные компоненты градостроительной системы. Таким образом, предложенная А.Б. Гутновым каркасно-тканевая модель городской системы «позволяет отказаться от зонирования городской территории по типу протекающих на ней функциональных процессов и перейти к зонированию по интенсивности протекания (и соответственно пространственной концентрации) этих процессов»<sup>277</sup>.

В неравномерно-районированной концепции городской структуры, разработанной А.А. Высоковским<sup>278</sup>, для нас методологически важными являются два положения. Во-первых, неравномерность использования городской территории, ведущая к формированию узловых (с наивысшим объемом функциональных ядер) и однородных монофункциональных районов. Во-вторых, изменение метрики интенсивности использования территории по мере движения от центра к периферии (как в общегородском масштабе, так и в масштабе рассмотрения отдельного района – от его ядра к периферии). Неравномерно-районированная модель предусматривает возникновение разного рода неравномерностей, связанных с распределением материальных, инфраструктурных объектов и типов активности в городском пространстве. Центральный узловой район характеризуется максимальным уровнем концентрации различных объектов и типов активности. Рядовые узловые районы формируются на базе одного значимого объекта и обладают более низким уровнем структурной развитости и меньшим числом активностей. Кроме узловых районов в городском пространстве выделяются однородные неструктурированные территории, не связанные ни с одним из ядер какого-либо узлового района. К таким территориям относятся районы

---

<sup>277</sup> Там же. С. 216.

<sup>278</sup> См.: Высоковский А.А. Правила землепользования и застройки: руководство по разработке. Опыт введения правового зонирования в Кыргызстане. Бишкек: «Ега-Басма», 2005. С. 91–102; Высоковский А.А. Сочинения в 3 т. Т. 3. Public. М.: Grey Matter, 2015.

индивидуальной жилой застройки, либо промышленные площадки, вынесенные на периферию города.

Центральное место в концепции А.А. Высоковского отводится поведению горожан, структурирующих пространство вокруг себя определенным образом. Люди упорядочивают свое поведение в городе с помощью особых точек отсчета – пространственных ориентиров. Результатом такого упорядочивания является формирование пространственных структур – узловых районов. По мнению А.А. Высоковского, именно поведение людей выступает движущей силой развития городских пространственных структур.

На наш взгляд, обе теории, хотя и различаются в терминологическом плане, имеют очевидные пересечения и общие методологические основания. Так, узловые районы (в неравномерно-районированной модели) соответствуют каркасу (в каркасно-тканевой модели). Неструктурированные и монофункциональные территории внутри узловых районов соответствуют «ткани». Интенсивность протекающих на территории процессов (у А.Б. Гутнова) и поведенческая активность (у А.А. Высоковского) являются, по сути, идентичными методологическими основаниями структурирования городского пространства.

Таким образом, применяя положения каркасно-тканевой и неравномерно-районированной теорий, мы трансформируем функциональный принцип в его классическом понимании (как четкое разграничение городских зон по отдельным функциям) и предлагаем рассматривать городские территории с точки зрения насыщенности разными функциями (от моно- к мультифункциональности). Переход от типа функциональности к социально-функциональной интенсивности/насыщенности позволяет анализировать дифференциацию территорий в иерархической плоскости – то есть перейти от горизонтального территориального измерения к ранжированному, показывающему положение

(ранг) территории в пространстве основных процессов жизнедеятельности населения.

Синтез морфологического и социально-функционального принципов находит свое органичное завершение в средовом. Введение в теоретическую модель анализа территориальной дифференциации элемента «городской среды» как совокупности взаимосвязанных условий, в которых протекают процессы жизнеобеспечения и жизнедеятельности населения, обеспечивает методологическую «связку» морфологической формы, социально-функционального содержания и средового «окружения».

Феномен городской среды (равно как и сам город) является чрезвычайно многослойным, в силу этого имеющим множество трактовок и аспектов рассмотрения в рамках различных наук о городе.

Для архитекторов, городских планировщиков городская среда – это, прежде всего, материально-вещный субстрат, определяющий специфику предметно-пространственной организации города (конфигурация улиц и кварталов, здания, дома, сооружения, транспортные, инфраструктурные, коммуникационные сети и т.д.)<sup>279</sup>. Городская среда в рамках географического и экологического предметного поля – это природно-естественные условия, составляющие экосистему города<sup>280</sup>. К ним относятся ландшафтно-рельефные особенности территории, структура почвы, наличие или отсутствие водоемов, качество воздуха, воды, атмосферное давление и иные абиогенные и биогенные свойства<sup>281</sup>.

---

<sup>279</sup> См.: Яровая В.А. Влияние архитектуры городской среды на психологию поведения человека // Вестник Харьковской государственной академии дизайна и искусств. 2009. № 5; Герцберг Л.Я. Качество городской среды: проблемы проектирования и реализации // Градостроительство. 2013. № 1(23). С. 28–32, №2(24). С. 29–33; Перельгин Ю.А. Городская среда и общество // Управление развитием территории. 2010. № 2. URL: <http://www.gisa.ru/74190.html>

<sup>280</sup> См.: Макаров В.З., Новаковский Б.А., Чумаченко А.Н. Эколого-географическое картографирование городов. М.: Научный мир, 2002; Тетиор А.Н. Городская экология. М.: Издательский центр «Академия», 2008.; Хомич В.А. Экология городской среды. Омск: Изд-во СибАДИ, 2002; Субботина Т.В. Структура социально-экологического пространства // Географический вестник. 2008. № 2(8); Маршалкович А.С. Экология городской среды: М.: НИУ МГСУ, 2016.

<sup>281</sup> Мьякинников С.П. Экологическая экспликация пространства городской культуры // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2008. № 1. С. 111.

Экономическая трактовка материально-предметной городской среды связана с ее рассмотрением как капитала, имеющего оценочную стоимость и финансовых результатов<sup>282</sup>. Инвестиции в строительство и реконструкцию зданий, создание инфраструктурных объектов, благоустройство (beautification) деловых и жилых территорий должны обеспечивать получение максимальной ренты с определенного участка городской земли. По мнению А. Новикова, между концепцией комфорта городской среды и концепцией городской среды как капитала нет противоречий, поскольку максимизация ренты с определенного участка земли, определяющая эффективность капиталовложений, в конечном счете наращивает качество жизни на определенной городской территории и приводит к более масштабному эффекту – развитию города в целом. «Соединение» комфортности и экономической ценности городской среды происходит за счет эффекта взаимообусловленности – максимальная рента с участка городской земли может быть получена именно тогда, когда достигается максимальный уровень комфорта населения. При этом объединение разных функций и соответственно пространств – жилых, деловых, частных, общественных – в пределах одной микротерритории способствует производству продуктивных потоков (людей, бизнесов, инфраструктуры). Таким образом, комфортность и доступность городской среды определяются формированием мультифункционального каркаса территории, который, в свою очередь, создает потоки – экономическую основу среды<sup>283</sup>.

Главные акценты социологической интерпретации городской среды находятся в социокультурной плоскости ее рассмотрения<sup>284</sup>. Как

---

<sup>282</sup> Сарченко В.И., Хиревич С.А. Детерминация экономической сущности формирования качественной городской среды // Проблемы современной экономики. 2016. № 2 (58). URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=5800>; А. Новиков Человек и город. Кем и как создается городская среда / Лекция Фонда Е. Гайдара URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3594351>

<sup>283</sup> Новиков А. Человек и город. Кем и как создается городская среда / Лекция Фонда Е. Гайдара URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3594351>

<sup>284</sup> См.: Пузанов К.А. Городская среда и культурное пространство мегаполиса: сравнительное исследование социальных барьеров городского развития. М.: ФГБОУ ВПО «Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации», 2015; Социальное пространство большого города / под. ред. Еремичевой Г.В. СПб.: СИ РАН, филиал ФНИСЦ РАН, 2018; Порозов Р.Ю. Культурно-образовательное пространство большого города. Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2016.

подчеркивает Е.Н. Заборова, сам город может быть определен как специфическая искусственно созданная человеком жизненная среда, а также «система взаимодействия различных сред»<sup>285</sup> – «социальных, экономических, политических, национальных, культурных....»<sup>286</sup>.

В городской среде, включающей как материальную, так и нематериальную составляющую (ценности, нормы, правила, символы), реализуются многообразные потребности и практики горожан – повседневные рутинные, потребительские, культурно-образовательные, познавательные, коммуникативные, развлекательные, рекреационные, эстетические, созерцательные и пр.

Городская среда насыщена разнообразными взаимодействиями индивидов, общностей, групп. Эти взаимодействия происходят в различных сферах – экономической (трудовая деятельность); политической (взаимодействия власти и населения); социокультурной (взаимодействия в сфере образования, культуры и досуга); коммуникационной (повседневные взаимодействия жителей друг с другом)<sup>287</sup>. В таком ключе городская среда может рассматриваться и «как интерференция интересов различных групп населения и способов организации их жизнедеятельности в материально-экономических, социально-институциональных и ценностно-смысловых аспектах»<sup>288</sup>. При этом сами горожане (индивиды, группы, сообщества) выступают, во-первых, «пользователями» среды, во-вторых, частью (элементом) самой среды и, в-третьих, ее «со-здателями».

Проводя условные границы в трактовках городской среды с точки зрения различных наук, необходимо отметить, что современное урбанистическое знание (частью которого является и социология) идет по пути движения к междисциплинарным альянсам, осознания

---

<sup>285</sup> Заборова Е. Н. Горожанин в городе. Екатеринбург, 1996. С. 8.

<sup>286</sup> Заборова Е.Н. Феномен города с точки зрения социального пространства Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, вып. 5. 2006. № 2 (57).С. 191.

<sup>287</sup> Социальное пространство современного города / под. ред. Кораблевой Г.Б., Меренкова А.В. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 23–24.

<sup>288</sup> Пирогов С.В. Парадигма диагностики городской среды / Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. Тихонов А.В. М.: КРАСАНД, 2015. С. 208.

непродуктивности оппозиций между естественными, гуманитарными, техническими науками. Так, взаимовлияние социального и несоциального (природного, физического, геохимического, энергетического, техногенного, технологического) в интерпретации городской среды не только не оспаривается современными социологами, но и признается важнейшим методологическим императивом социального познания.

Современные теории вещиности, олицетворяющие поворот к материальному в социальных науках<sup>289</sup>, в значительной степени способствовали утверждению методологической «синестезии». Так, в акторно-сетевой (ANT) концепции Б. Латура<sup>290</sup>, обращенной к анализу «материального», предлагается отказ от узкой оптики «социальности» и признание того факта, что не только индивиды выступают акторами, но и материальные объекты, вещи, предметы, существа («актанты») являются активными и равноправными участниками взаимодействий, определяя и репрезентируя жизненную среду. «Гибридность» социального мира (и большинства объектов, изучаемых наукой) выступает предпосылкой рефлексии проблематичности анализа сложных сетевых комбинаций («ассамбляжей») человеческих и не-человеческих агентов/актантов в границах какого-либо одного методологического поля.

В современной отечественной науке идеи взаимосвязи и взаимообусловленности окружающей среды и социума находят отражение в концепции социально-экологического городского метаболизма, предложенной О.Н. Яницким. Данная концепция основана на понимании города как « сетевого метаболического организма, непрерывно осуществляющего трансформацию одних его субстанций (вещественных, энергетических, информационных) в другие; в конечном счете, эти

---

<sup>289</sup> См.: Социология вещей. Сборник статей / под ред. Вахштайна В. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006; Вахштайн В.С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4. № 1. С. 94–115.

<sup>290</sup> См.: Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014; Latour B. When things strike back: a possible contribution of «science studies» to the social sciences // British Journal of sociology. Vol.51, Iss. 1. Pp.107–123.

трансформации изменяют социально-функциональную структуру города и его среды обитания»<sup>291</sup>. «Превращение не-социальных субстанций в социальные» составляет суть социально-экологического метаболизма<sup>292</sup>.

Ключевым тезисом концепции социально-экологического метаболизма выступает аксиома включенности человеческих сообществ, групп, организаций, институтов в процессы энергетического, информационного, био-физико-химического обмена. Эти процессы опосредуют и делают сложнзависимыми взаимодействия между социальными формами жизни и окружающей средой<sup>293</sup>. Таким образом, для понимания социальных процессов недостаточно узких рамок объяснения «социальных фактов только социальными» (Э. Дюркгейм), необходимым является изучение взаимодействий человека, человеческих сообществ с природными факторами (физико-химическими, биологическими), «в контексте которых данные процессы осуществляются и под воздействием которых они изменяются»<sup>294</sup>. Варианты такого взаимодействия-воздействия могут быть самыми разными – непосредственное или опосредованное влияние природных аномалий, физико-химических веществ, электромагнитных излучений и иных техногенных влияний на физическое и психологическое здоровье, сознание, социальное поведение человека; одномоментное или метаболическое (длительное) воздействие, приводящее к необратимым изменениям в физическом состоянии, структурах сознания, поведения, деятельности индивидов и групп<sup>295</sup>.

Понятие метаболизма, заимствованное из естественных наук, используется и в экоантропоцентрической (человеко-средовой) методологии социального познания, разработанной Т.М. Дридзе, которая рассматривает обменные процессы как первооснову самоорганизации и воспроизводства социальности. «Непрерывно происходящий метаболизм (обмен веществом,

---

<sup>291</sup> Яницкий О.Н. Метаболическая концепция современного города // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 16.

<sup>292</sup> Там же. С. 16.

<sup>293</sup> Там же. С. 21.

<sup>294</sup> Там же. С. 16–17.

<sup>295</sup> Там же. С. 17.

энергией и информацией) между человеком и средой» переносит фокус исследовательского внимания с человека и/или среды в их обособленности на обменные (метаболические) процессы, которые происходят между ними<sup>296</sup>. При этом понятие метаболизма у Дридзе включено в более широкий контекст: оно рассматривается не только как интерактивный обмен человека с природной средой, но также и «с его культурным и социальным окружением»<sup>297</sup>. Таким образом, эоантропоцентрическая методологическая позиция предполагает анализ процессов взаимодействия людей со всеми элементами их жизненной среды – природным (флора, фауна, вода, атмосферный воздух), «рукотворным» (плоды технико-технологической цивилизации), информационным (потoki знаков и символов, транслируемые в связывающие людей друг с другом коммуникационные сети), социопсихоантропологическим (другие люди с их менталитетом, образом и стилем жизни)<sup>298</sup>.

Архитектурно-градостроительные науки, в свою очередь, активно «вторгаются» в поле социологических категорий, рассматривая социальные процессы, человека и его поведение в городе как необходимое «звено» формирования целостного урбанистического знания, а также информационную основу для материально-предметного обустройства городской среды<sup>299</sup>. Один из основателей российской школы урбанологии и социально-градостроительных исследований, Л.Б. Коган обосновывает важность расширения границ средового подхода, включая в его плоскость «не только архитектурно-градостроительную, пространственную, но и

---

<sup>296</sup> Дридзе Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в эоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: В 2 кн. / отв. ред. Т.М. Дридзе. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2000. Кн. 1. С. 10.

<sup>297</sup> Там же. С. 11.

<sup>298</sup> Дридзе Т.М. Человек и городская среда в прогнозном социальном проектировании // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 134–135.

<sup>299</sup> См.: Кияненко К.В. Социальные основы архитектурного формирования жилой среды. М.: Стройиздат, 2015; Высоковский А.А. Сочинения: в 3 т. Том 1. Theory. Том 2. Practice. Том 3. Public. М.: Gray Matter. 2015; Крашенинников А.В. Когнитивные модели городской среды. М.: Курс. 2020; Крашенинников А.В. Когнитивная урбанистика: архетипы и прототипы городской среды. М.: КУРС, 2020; Иконников А.В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. М.: КомКнига. 2006; Коган Л.Б. Урбанология: от городского сознания к знанию // Городское управление. 2010. № 11. С. 2–4.



социально-функциональную составляющую»<sup>300</sup>. По его мнению, представление о городе как социально-пространственном феномене в архитектурно-градостроительной сфере проявилось с не меньшей, а может быть даже большей очевидностью, чем в гуманитарном знании, поскольку специалистов архитектурно-градостроительного профиля характеризует развитое пространственное мышление и связанный с ним интерес к исследованиям такого рода<sup>301</sup>.

Социально-градостроительные исследования отталкиваются от признания тезиса равнозначности, равноправности двух взаимосвязанных единиц – человека и среды. «Но для того, чтобы обе эти составляющие были действительно осознаны как равновесомые, сами социологи должны осознать себя и тех, кого они изучают, как продукт, результат этой среды, их не просто социального, но и пространственного, физического окружения, той застройки, тех домов, той территории, тех объемов, тех дорог, разрывов между домами, той степени плотности строений, того времени и истории складывания своего окружения, в котором они живут»<sup>302</sup>.

Разработанный отечественной социально-градостроительной школой средовой подход основывается на понимании города как системы взаимодействия пространственного и социального, их взаимного влияния, единства социокультурных процессов и их пространственной оболочки. При этом городское физическое пространство не просто «сопровождает или обрамляет социальную реальность, оно активно включено в нее»<sup>303</sup>. Поэтому средовой подход связывается «не только с пространством, но и с теми процессами, с той деятельностью, которые в этом пространстве протекают»<sup>304</sup>.

В.Л. Глазычев, отмечая смысловую двойственность самого понятия «среда» (то, что «окружает» – внешнее окружение / то, что «заполняет» –

---

<sup>300</sup> Коган Л.Б. Урбанология и городская политика: от осознания к знанию. Москва, 2010. URL: <http://emsu.ru/kogan/> С. 23.

<sup>301</sup> Там же. С. 26.

<sup>302</sup> Там же. С. 29.

<sup>303</sup> Там же. С. 33.

<sup>304</sup> Там же. С. 33.

внутренне наполнение), характеризует городскую среду как взаимосвязь (сопряженность, соотнесенность) предметно-пространственного окружения, обстановки и поведения, взаимодействия людей в этой предметно-пространственной обстановке. Различные варианты сочетаний планировочного и предметного каркаса «города-тела», социоантропогенного и природного ландшафта определяют специфический «рисунок» городской среды, тогда как гармоничная уравновешенность между социоантропогенным, предметно-пространственным и природным контекстом определяет ее качество<sup>305</sup>.

Поскольку крупный город и как опредмеченное пространство, и как социум, и как природная среда обитания не представляет собой гомогенного целого, соответственно в одном городе существуют множество «соотношений» указанных элементов, то есть множество городских сред. С особой очевидностью дифференцированность городской среды проявляется в мегаполисах, представляющих собой крупные по площади городские образования, включающие в свой состав территориальные единицы, значимо различающиеся между собой по ряду параметров, в том числе и по качеству среды.

Проведенный анализ трактовок городской среды и сущностных особенностей средового подхода (как целостности различных областей урбанистического знания) позволяет сформулировать ряд значимых для нашего исследования заключений. Во-первых, понимание городской среды как исключительно материально-предметного окружения, либо, наоборот, дематериализованного феномена является методологически непродуктивным. Позиция методологической синестезии предполагает определение городской среды как комплекса взаимосвязанных условий (естественно-природных и искусственно созданных, материальных и нематериальных, вещных и не-вещных), оказывающих прямое или

---

<sup>305</sup> Глазычев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. М.: Наука, 1984. URL: [http://www.glazychev.ru/books/soc\\_ecolog/soc\\_ecolog\\_3.htm](http://www.glazychev.ru/books/soc_ecolog/soc_ecolog_3.htm)

опосредованное влияние на процессы жизнеобеспечения и жизнедеятельности населения в границах определенной территории. Во-вторых, городская среда в совокупности, а точнее интерференции составляющих ее элементов предстает как среда для реализации разнообразных потребностей населения. Возможности реализации жизнеобеспечивающих (физическое существование и воспроизводство, сохранение здоровья, безопасность и пр.) и жизнедеятельностных (работа, коммуникация, образование, культурное развитие, отдых и пр.) потребностей характеризуют определенное качество городской среды. В-третьих, качество городской среды в масштабе мегаполиса не является однородным, что предопределяет необходимость его исследования в разрезе территориальных структур.

Таким образом, предлагаемая нами теоретическая модель анализа мегаполиса как системы дифференцированных территорий предполагает последовательный синтез морфологического, социально-функционального и средового принципов (рисунок 3).

С позиций морфологического принципа обосновывается выбор исходных структурных единиц анализа – селитебных («социально» наполненных) территорий. Элементарной единицей организации селитебного городского пространства, оптимальной для сравнительного анализа, выступают микрорайоны – территории, имеющие установленные границы и обладающие функциональной и средовой однородностью. В соответствии с выбором исходной структурной единицы нами предлагается иная трактовка функционального принципа, а именно, переход от типа функциональности к социально-функциональной насыщенности в аспекте ключевых процессов жизнедеятельности населения – проживания, труда, проведения досуга. Позиция каждого микрорайона в городском пространстве определяется сочетанием различных функций (от моно- к мультифункциональности) и связанных с разнообразием этих функций качеством городской среды для

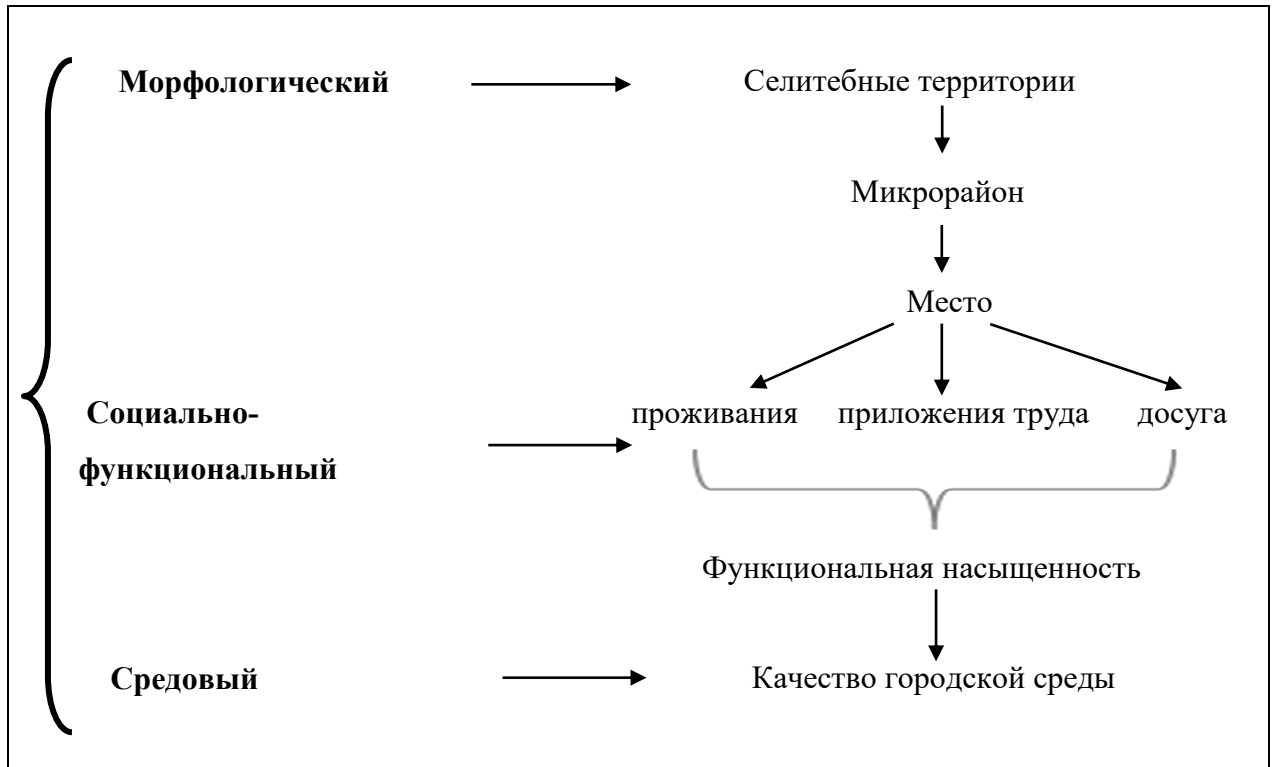


Рисунок 3. Теоретическая модель анализа территориальной дифференциации качества среды мегаполиса

реализации спектра потребностей резидентов в пределах рассматриваемой территории.

В соответствии с предложенной нами теоретической моделью анализа территориальной дифференциации среды мегаполиса в следующих параграфах мы обоснуем методический подход к измерению ее качества.

## **2.2 Композитные индексы как инструмент анализа качества городской среды в контексте утверждения концепции качества жизни населения**

В современной отечественной и зарубежной практике городских исследований существуют различные подходы к измерению качества жизни населения и качества городской среды. Оценочные методики определяются типами исходной информации (статистические данные, экспертные оценки, опросы населения) и способами агрегирования и интеграции данных (панели монопоказателей, оценочные экспертные баллы, композитные индексы). С целью разработки авторской методики измерения качества городской среды в разрезе микротерриториальных образований выберем следующую логику изложения: сначала обратимся к методическому опыту исследований качества жизни и, как важной составляющей этих исследований, качеству городской среды (вне ее территориальной дифференциации), затем проанализируем существующие методики исследования внутригородской территориальной дифференциации и, наконец, на основе представленного в предыдущих параграфах концептуального видения устойчивой стратегии развития мегаполиса и теоретической модели анализа его средовой дифференциации предложим эмпирическую модель оценки территориальной дифференциации качества городской среды с использованием композитных индексов.

Вопросы измерения качества городской среды в контексте утверждения концепции «качества жизни населения», пришедшей на смену сугубо экономическому подходу к оценке общественного развития по показателю материального благосостояния/ВВП на душу населения, сегодня становятся не только предметом научной рефлексии, но и приобретают практическую значимость для администрации любого города, озабоченного привлечением и сохранением человеческого капитала.

Многообразие существующих в отечественной и зарубежной исследовательской практике методик измерения качества жизни населения

определяется как многоаспектностью самой категории «качество жизни», так и связанной с ней широкой вариативностью выбора измеряемых показателей. Анализ качества жизни исключительно с точки зрения критериев экономического роста признается сегодня большинством исследователей недостаточным, равно как и сама теория экономического благосостояния, утверждающая, что по мере роста материального благополучия жизнь становится лучше, уже не объясняет сложные зависимости между опосредующими факторами. Сформулированный Р. Истерлином парадокс («Easterlin Paradox») – более высокий уровень дохода не всегда ведет к более высокому уровню удовлетворенности жизнью (экономически благополучные страны с высокими доходами населения – не самые счастливые), и, наоборот, более низкий уровень дохода не означает низких показателей удовлетворенности жизнью (страны с низкими доходами – не самые несчастные)<sup>306</sup> – является доказательством сложной нелинейной зависимости между факторами экономического и неэкономического порядка. Сравнительные исследования, проведенные в различных странах, показывают, что увеличение ВВП на душу населения ведет к росту уровня счастья только в том случае, если оно не сопровождается ростом неравенства в доходах<sup>307</sup>. Ограниченность показателя ВВП, таким образом, проявляется в том, что он не учитывает характер распределения экономических благ среди населения (уровень неравенства), равно как и структуру национальных расходов – области преимущественных инвестиционных затрат. Кроме этого, исследования, оспаривающие прямое положительное влияние национального богатства/доходов населения на субъективные оценки качества жизни, обнаружили и иные опосредующие объяснительные факторы. Помимо фактора неравенства доказано значительное влияние гедонистической адаптации к лучшим стандартам жизни (теория

---

<sup>306</sup> Easterlin R.A. Building a Better Theory of Well-Being // IZA Discussion. 2003. Paper No. 742. URL: <https://ssrn.com/abstract=392043>

<sup>307</sup> Oishi S., Kesebir S. Income Inequality Explains Why Economic Growth does not Always Translate to an Increase in Happiness // Psychological Science. 2015. Vol. 26. 10. Pp. 1630–1638.

«гедонистической беговой дорожки»<sup>308</sup>), а также эффекта социального сравнения – сравнения собственного дохода/уровня жизни с доходом/уровнем жизни референтных групп, который во многом определяет удовлетворенность жизнью, ощущение счастья либо, наоборот, несчастья<sup>309</sup>.

Эмпирические подтверждения отсутствия прямой зависимости между величиной ВВП, доходами граждан и прогрессом в развитии стран, регионов, городов, а также субъективным ощущением благополучия, счастья, удовлетворенности жизнью, стимулировали развитие более «сензитивных» подходов, учитывающих как собственно экономические, так и неэкономические показатели. Эти подходы формируются на базе концепции «человеческого развития», акцентирующей внимание на социальных аспектах жизни – образовании, здравоохранении, условиях труда, политических и гражданских правах/свободах<sup>310</sup>. Таким образом, «качество жизни» как комплексная категория, позволяющая преодолеть ограниченный потенциал ВВП в оценке прогресса общества, выступает сегодня главной мерой развития общества и его отдельных сфер, а также способом оценки эффективности государственной, региональной и городской политики по управлению социально-экономическим развитием территорий.

С точки зрения методических решений сложилось два альтернативных направления в измерениях качества жизни: объективное (объективистское) и субъективное (субъективистское). В рамках первого направления качество жизни измеряется показателями официальной статистики, отражающими состояние различных сфер жизнедеятельности общества и развития в них человеческого потенциала. Второе направление является прерогативой

---

<sup>308</sup> Главный тезис теории «гедонистической беговой дорожки» (или погони за радостями жизни) – увеличение доходов приводит к росту стандартов качества жизни, которые, в свою очередь, приводят к еще большему увеличению потребностей и требований к условиям жизни. При отсутствии постоянного роста доходов и, соответственно, жизненных «удовольствий» возникает ощущение неудовлетворенности/несчастья.

<sup>309</sup> Luttmer EFP. Neighbors as Negatives: Relative Earnings and Well-being // *Quarterly Journal of Economics*. 2005. Vol. 120. Iss. 3. Pp. 963–1002; Ferrer-i-Carbonell A. Income and Well-being: an Empirical Analysis of the Comparison Income Effect // *Journal of Public Economics*. 2005. Vol. 89. Iss. 5–6. Pp. 997–1019.

<sup>310</sup> См.: Кислицына О.А. Измерение качества жизни / благополучия: международный опыт. М.: Институт экономики РАН, 2016; Лебедева Л.С. «Качество жизни»: ключевые подходы и структура понятия // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2018. № 4. С. 68–80.

социологических и психологических измерений – здесь качество жизни определяется как субъективно ощущаемое (воспринимаемое). При этом социологические исследования в большей степени фокусируются на измерении рациональных когнитивных оценок и связаны с выявлением степени удовлетворенности населения различными аспектами жизни. Тогда как в психологических исследованиях фокус внимания сосредоточен в большей мере на эмоциональных аспектах восприятия жизни (ощущение радости, счастья или беспокойства, тревоги). Для субъективного подхода в целом характерно сближение понятий «качество жизни» и «благополучие»<sup>311</sup>.

Необходимо отметить, что «жесткость» проведенного разграничения методических подходов по линии объективных/субъективных показателей в современных исследовательских практиках постепенно нивелируется. После выхода в 2009 году доклада Нобелевских лауреатов Джозефа Стиглица, Амартия Сена и профессора Жан-Поля Фитусси для Европейской Комиссии по измерению экономических показателей и социального прогресса (СМЕРСП) в зарубежной и отечественной научной литературе формируется исследовательский стандарт, определяющий ключевые направления измерения качества жизни и утверждающий необходимость комбинирования объективных показателей и субъективных оценок качества жизни.

Определяя качество жизни через соотнесение объективных условий с возможностями в этих условиях реализовать спектр человеческих потребностей, авторы доклада выделяют 8 ключевых направлений измерения качества жизни: материальные условия, здоровье, образование, личная деятельность (включая работу); политический голос и управление

<sup>311</sup> См.: Diener E., Eunkook S. Measuring Quality of Life: Economic, Social, and Subjective Indicators // *Social Indicators Research*. 1997. Vol. 40. Iss. 1. Pp. 189–216; Diener, E., Lucas, R.E., & Oishi, S. Advances and Open Questions in the Science of Subjective Well-Being // *Collabra: Psychology*. 2018. Vol.4. Iss. 1. Pp. 2–49; Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 1. С. 14–37; Овсянникова Т.Ю., Преображенская М.Н. Индексный подход к оценке качества жизни населения и уровня развития урбанизированных территорий // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2014. № 1 (25). С. 31; Easterlin R.A. Building a Better Theory of Well-Being // *IZA Discussion*. 2003. Paper No. 742. URL: <https://ssrn.com/abstract=392043>; Medvedev, O.N., Landhuis C.E. Exploring Constructs of Well-being, Happiness and Quality of life // *PEERJ*. 2018. № 6. URL: [file:///C:/Users/8934~1/AppData/Local/Temp/MedvedevLandhuis\\_2018\\_ExploringWell\\_being.pdf](file:///C:/Users/8934~1/AppData/Local/Temp/MedvedevLandhuis_2018_ExploringWell_being.pdf); Ballas D. What Makes a 'Happy City'? // *Cities*. 2013. 32(SI). Pp. 39–50.



(гражданские права); социальные связи и отношения; окружающая среда (настоящие и будущие условия); физическая и экономическая безопасность<sup>312</sup>. В рамках обозначенных направлений (блоков) должны быть учтены как объективные, так и субъективные аспекты. Так, например, в блоке материальных условий жизни объединяются как объективные статистические показатели (уровень заработной платы, уровень потребления, располагаемый доход, степень неравенства в распределении доходов домохозяйств, жилищные условия, уровень бедности и др.), так и субъективная удовлетворенность людей своим финансовым положением и прочими материальными условиями жизни. Направление «здоровье» как составляющая качества жизни интегрирует не только фиксируемые статистикой показатели по ожидаемой продолжительности жизни, уровню смертности и заболеваемости, но и субъективные оценки населением состояния своего здоровья, а также поведенческие практики здорового и нездорового образа жизни, включая вредные привычки. Блок «образование» может оцениваться не только через формальные показатели количества выпускников образовательных учреждений и долю людей, имеющих определенный уровень образования, но и через объективные и субъективные оценки доступности, качества образования, а также владение дополнительными навыками и компетенциями (в частности, владение иностранными языками). По направлению «личная деятельность и работа» качество жизни может быть оценено как через статистические индикаторы рынка труда (уровень безработицы и занятости, доля временно неработающих и работающих по временному контракту), так и через субъективную удовлетворенность работой, соотношением рабочего и свободного времени, социальными гарантиями. «Гражданские права» как элемент качества жизни предполагает широкий диапазон возможных

---

<sup>312</sup> Stiglitz Joseph E. Pr., Sen Amartya Pr., Fitoussi Jean-Paul Pr. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. 2009. [https://ec.europa.eu/environment/beyond\\_gdp/download/CEEPSP-final-report.pdf](https://ec.europa.eu/environment/beyond_gdp/download/CEEPSP-final-report.pdf). Pp. 14–15, 58.

объективных и субъективных измерений – электоральная активность, наличие независимых судебной системы, СМИ и гражданских организаций, а также уровень доверия населения к различным политическим и гражданским институтам. «Социальные связи и отношения» характеризуют как обобщенный уровень социального (институционального) доверия, так и групповые, межличностные аспекты взаимодействий (практики участия в общественных организациях, отношения с коллегами, друзьями, семьей), включая оценку удовлетворенности социальными контактами и помощью окружающих. «Физическая безопасность», с одной стороны, определяется объективными показателями криминогенной обстановки (количеством и видами преступлений), с другой стороны – субъективным восприятием уровня безопасности в стране, городе, районе проживания, возможностью чувствовать себя защищенным на улицах (в том числе в ночное время суток). И последнее направление – окружающая среда, – помимо данных о качестве воды, воздуха на основе нормативных критериев допустимой концентрации вредных веществ и уровня загрязнения жилых, производственных объектов, требует оценки экологической ситуации с точки зрения жителей (общее субъективное восприятие комфортности окружающей среды, уровня шума, загрязнения атмосферы, удовлетворенность «зеленой» инфраструктурой).

Рассматривая возможный список измеряемых показателей, Стиглиц, Сена, Фитусси указывают на то, что диапазон выбираемых характеристик, влияющих на качество жизни, во-первых, неизбежно основывается на оценочных суждениях, во-вторых, зависит от целей и масштабов конкретного исследования – проводится ли оценка в пределах национальных государств или же сравниваются условия в разных странах. Последний тип измерений может быть ограничен отсутствием унифицированной (межстрановой) системы статистического учета ряда показателей. Вместе с тем, авторы доклада подчеркивают, что существует определенный консенсус в отношении ключевых направлений – оценочных блоков. Вариативность индикаторов в рамках структурных составляющих «качества жизни»,

обусловленная целями исследования и объемом доступной релевантной информации, не отменяет общего видения того, что качество жизни зависит от здоровья и образования людей, их повседневной деятельности, экономического благосостояния, безопасности, участия в политическом процессе, условий социальной и природной среды. Для измерения всех этих направлений (характеристик) качества жизни требуются как объективные, так и субъективные данные<sup>313</sup>.

Одним из прочно утвердившихся в современной исследовательской практике универсальных инструментов агрегирования большого массива как объективных, так и субъективных данных по отдельным направлениям качества жизни выступают композитные индексы. Преимущества композитных индексов заключаются в возможности сведения большого массива данных, различающихся количественными мерами (единицами измерения), в единый показатель, позволяющий получить целостное представление о качестве жизни населения определенной территории и обеспечить техническое удобство для межстранового, межрегионального или межгородского сопоставления полученных интегральных значений. Помимо интеграции комплекса индикаторов в единую стандартизованную количественную величину, индексный подход дает возможности для анализа отдельных составляющих (и их индикаторов) качества жизни на основе конструирования субиндексов. Иными словами, композитные индексы позволяют анализировать качество жизни в двух проекциях – как целостный либо структурированный по отдельным параметрам феномен. Последнее нам представляется особенно важным для выявления вклада каждого параметра в общую картину качества жизни и выявления на этой основе наиболее проблемных областей, требующих мер целенаправленной социальной политики. А.Ю. Рыкун, Д.В. Черникова, Е.В. Сухушина, А.Ю. Березкин, наряду с универсальностью индексов как измерительных инструментов, особо заостряют внимание на их коммуникативной функции в инициации

---

<sup>313</sup> Там же. С. 44, 58.

проектов по улучшению качества жизни. Индексы как наглядная, удобная, сопоставимая, доступная для восприятия различными адресатами информация – это не только инструмент исследовательского мониторинга в целях формирования доказательной базы социальной политики, но и коммуникативный инструмент взаимодействия между органами власти, экспертными группами и населением<sup>314</sup>.

На сегодняшний день существуют несколько десятков индексов глобального и национального уровня, которые используются как информационная база для построения сравнительных рейтингов стран, регионов, городов по качеству жизни, благополучия, процветания, прогресса и т.д. Пожалуй, самым известным и, безусловно, базовым (выступающим концептуально-методической матрицей для построения многих других индексов) является Индекс человеческого развития ПРООН (Human Development Index, UNDP). Теоретической основой конструирования данного композитного индекса является концепция развития человеческого потенциала (главный интеллектуальный продукт ПРООН), воплощающая собой отказ от целеориентации на экономический рост как главный критерий общественного прогресса и перенос акцентов на качество человеческой жизни, измеряемое через достижения стран в области обеспечения прав и возможностей человека прожить долгую и здоровую жизнь, получить образование, иметь достойный уровень дохода. Информационной базой для расчета Индекса человеческого развития являются официальные данные, публикуемые национальными статистическими организациями<sup>315</sup>. В связи с недостаточной информативностью усредненных национальных показателей (не отражающих асимметричность распределения благ и реального положения дел в ряде исследуемых стран) после 2010 года исследования качества жизни с точки зрения развития человеческого потенциала дополнились новыми индикаторами, учитывающими аспекты

---

<sup>314</sup> Рыкун А.Ю., Черникова Д.В., Сухушина Е.В., Березкин А.Ю. Измерение качества жизни в городах: возможности индексного подхода // Журнал исследований социальной политики. Т. 18. № 2. С. 290, 294.

<sup>315</sup> United Nations Development Programme (UNDP). Human Development Reports. URL: [hdr.undp.org](http://hdr.undp.org).

внутристранового неравенства. Соответственно Индекс человеческого развития был скорректирован с учетом субиндексов социально-экономического и гендерного неравенства, а также индекса многомерной бедности<sup>316</sup>.

Среди других авторитетных (чаще других цитируемых в зарубежных и российских наукометрических базах) наднациональных композитных индексов, нацеленных на комплексное измерение качества жизни в странах мира, необходимо отметить такие, как: Индекс качества жизни Британского исследовательского центра «The Economist Intelligence Unit» (The Quality of Life Index, EIU), Индекс лучшей жизни Организации экономического сотрудничества и развития (Better Life Index, OECD), Индекс процветания Британского аналитического центра «The Legatum Institute» (Prosperity Index, LPI), Индекс социального прогресса Международного исследовательского проекта «The Social Progress Imperative» под руководством Майкла Портера (Social Progress Index), Всемирный индекс счастья Британского исследовательского центра «New Economic Foundation» (Happy Planet Index, NEF), Глобальный индекс благополучия института Гэллапа в коллаборации с организацией «Healthways» (Global Well-Being Index, Gallup-Healthways). Ряд из этих индексов основывается только на статистической информации, другие – исключительно на результатах опросов, третьи – на комбинации тех и других данных (таблица 1).

В целом указанные индексы имеют схожую структуру, обусловленную обозначенной нами выше общемировой тенденцией повышения внимания научно-исследовательских организаций к социальным индикаторам в противовес узкому экономическому подходу к оценке качества жизни. Характерно, что в некоторых индексах (Всемирный индекс счастья, Индекс социального прогресса) экономические показатели не учитываются вовсе.

---

<sup>316</sup> Индекс человеческого развития / Гуманитарная энциклопедия: Исследования. Центр гуманитарных технологий, 2006–2021 (последняя редакция: 12.02.2021). URL: <https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index>; Доклад о человеческом развитии 2019. За рамками уровня доходов и средних показателей сегодняшнего дня: неравенство в человеческом развитии в XXI веке. UNDP, 2019. URL: [http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr\\_2019\\_ru.pdf](http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2019_ru.pdf)

## Композитные индексы качества жизни на национальном уровне\*

Название индекса	Разработчик	Источники информации	Измеряемые области (группы индикаторов)	Диапазон значений / Процедура взвешивания субиндексов
Индекс человеческого развития	United Nations Development Programme (UNDP)	Статистические данные	здоровье и долголетие • образование • благосостояние (ВНД на душу населения)	0–1, одинаковые веса
Индекс качества жизни	The Economist Intelligence Unit (EIU)	Статистические данные, опросы населения	материальное благополучие • здоровье • политическая стабильность и безопасность • семейная жизнь • общественная жизнь (жизнь в сообществах) • климат и география • гарантии занятости (уровень безработицы) • политические/гражданские свободы • гендерное равенство	1–10, шкала взвешивания определяется исследователями на основе опросов экспертов
Индекс лучшей жизни	Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD)	Статистические данные, опросы населения (данные всемирного опроса Gallupa)	Жилищные условия и расходы • доход • работа • сообщества • образование • окружающая среда • гражданские права/участие • здоровье • удовлетворенность жизнью • безопасность • баланс между работой и личной жизнью	0–1, исходные одинаковые веса заданы всем аспектам по умолчанию, пользователи Интернет платформы могут оценить важность каждого аспекта на основе предлагаемой шкалы от 0 до 5, в соответствии с выставленными оценками приваиваются веса и формируется уникальный индекс
Индекс процветания	The Legatum Institute	Статистические данные, опросы населения, экспертные оценки	экономика • бизнес (предпринимательство) • управление • образование • здравоохранение • безопасность • личные свободы • социальный капитал	1–100, веса отдельных переменных (составляющих индикаторную группу) выявляются с помощью регрессионного анализа, веса итоговых 8 субиндексов принимаются равными
Индекс социального прогресса	The Social Progress Imperative	Статистические данные, опросы населения, экспертные оценки	основные потребности (питание и базовое медицинское обслуживание, жилье, вода и санитарные условия, безопасность) • основы благополучия (здоровье, экология, доступность образования, доступность информации и коммуникаций) • возможности развития человека (личные права, свободы и выбор, толерантность, доступность расширения образования)	0–100, комбинированные статистические процедуры взвешивания
Всемирный индекс счастья	New Economics Foundation (NEF)	Статистические данные, опросы населения (данные всемирного опроса Gallupa)	опыт благополучия (общая удовлетворенность жизнью) • ожидаемая продолжительность жизни • неравенство результатов (неравенство между людьми с точки зрения продолжительности жизни и удовлетворенности жизнью) • экологический след (среднее воздействие каждого жителя на окружающую среду)	1–100, равные веса с учетом статистической корректировки (поправки на неравенство)
Глобальный индекс благополучия	Global Well-Being Index, Gallup-Healthways	Опросы населения	Цели и мотивация • социальное благополучие (поддержка семьи и друзей) • финансовое благополучие • общественное благополучие (сообщества принадлежности) • физическое благополучие (здоровье и жизненная энергия)	Доля процветающих – 0–100%. Детальная методика расчета (присвоение весов отдельным переменным) в открытом доступе отсутствует. Сравнительный анализ стран проводится на основе двухшаговой группировки: 1) распределение респондентов по трем категориям («процветающие», «борющиеся», «страдающие») для каждого из 5-ти измеряемых аспектов; 2) распределение стран на группы согласно доли «процветающих» по трем или более аспектам благополучия.

\* Источники: Составлено автором на основе информационно-аналитических отчетов, методических изданий и репозит, опубликованных на официальных сайтах указанных исследовательских организаций

Принципиальные отличия между индексами заключаются даже не столько в наборе фиксируемых референтов (диапазон их вариативности в рамках любого направления и индикатора качества жизни, с одной стороны, может быть сколь угодно широким, с другой – имеет методические ограничения, связанные с объемом доступной и валидной информации), сколько в способах комбинирования исходных данных (статистика, опросы населения, экспертные оценки), а также процедурах агрегации, стандартизации и взвешивания отдельных компонентов индекса. Процедуры взвешивания, как отмечает О.А. Кислицина, представляют собой одну из главных дискуссионных тем в работах по методологии построения композитных индексов<sup>317</sup>. В базовом справочнике по конструированию композитных индексов, составленном Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), наиболее полно представлены различные статистические процедуры получения весовых значений – регрессионный, факторный анализ, метод главных компонент и др.<sup>318</sup> Однако, статистическими методами присвоение весовых значений не исчерпывается. Распространенным подходом является присвоение равных весов всем субиндексам, либо их назначение в соответствии с экспертной оценкой важности/значимости отдельных индикаторов и компонент. Весьма оригинальный подход использует при построении Индекса лучшей жизни (который рассчитывается с 2011 г. для стран Европейского союза и ряда неевропейских стран, включая Россию) сама ОЭСР. Индекс включает 11 измеряемых областей – жилищные условия и расходы, доходы, работа, сообщества (качество социальной поддержки), образование, окружающая среда, гражданские права и участие/активность, здоровье, удовлетворенность жизнью, безопасность, баланс между работой и личной жизнью (таблица 1).

---

<sup>317</sup> Кислицина О.А. Подходы к измерению прогресса и качества жизни (благополучия) // Экономический анализ: теория и практика. 2016. № 10 (457). С. 32–33.

<sup>318</sup> Handbook on Constructing Composite Indicators. Methodology and User Guide, OECD. 2008. URL:<https://www.oecd.org/std/42495745.pdf>

Для каждой области, измеряемой совокупностью индикаторов (как объективных, так и субъективных), могут быть заданы весовые коэффициенты непосредственно пользователями Интернет-платформы<sup>319</sup>. То есть помимо публикации стандартных отчетов о качестве жизни в различных странах (How's Life?), инициатива ОЭСР по изучению лучшей жизни (Better Life Initiative) представляет собой аналитический интерактивный инструмент с возможностью проводить вторичный анализ данных в соответствии с персональными предпочтениями и задачами. Кроме этого, привлечение общественного мнения в форме он-лайн опросов пользователей платформы по поводу их представлений о ключевых «определителях» хорошей жизни позволяет постоянно совершенствовать информационную базу и измерительные методики.

В общем русле заданного международной исследовательской практикой методического вектора развиваются национальные подходы к оценке качества жизни. Измерения качества жизни на национальном уровне – в пределах одного государства – осуществляются, прежде всего, с целью выявления диспропорций регионального развития. Так, например, в рамках региональной программы Независимого института социальной политики под руководством Н.В. Зубаревич проводятся сравнительные исследования регионов и городов России по уровню социально-экономического развития<sup>320</sup>.

Для оценки социально-экономического развития российских регионов Н.В. Зубаревич были разработаны два композитных индекса – кризисный индекс качества жизни и «полный» индекс качества жизни. Первый индекс рассчитывается с учетом следующих четырех групп показателей: отношение денежных доходов к прожиточному минимуму; доля населения с доходами выше прожиточного минимума; доля занятых (от экономически активного

---

<sup>319</sup> OECD Better Life Index. URL: <http://www.oecdbetterlifeindex.org>

<sup>320</sup> Зубаревич Н.В. Мониторинг кризиса и посткризисного развития регионов России // Социальный атлас российских регионов: мониторинг Независимого Института Социальной политики. URL: [http://www.socpol.ru/atlas/overviews/social\\_sphere/kris.shtml](http://www.socpol.ru/atlas/overviews/social_sphere/kris.shtml); Зубаревич Н.В. Крупные города России: лидеры и аутсайдеры // Демоскоп Weekly. 2013. № 551–552. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0551/demoscope551.pdf>



населения); ожидаемая продолжительность жизни и младенческая смертность (составляющие индекс здоровья). Второй индекс, помимо измерения доходов, уровня неравенства, занятости и здоровья, включает в себя оценку образования (число учащихся начальных, средних профессиональных учебных заведений и вузов на 10 тыс. населения), доступности базовых услуг (обеспеченность врачами на 10 тыс. населения, обеспеченность жильем, доля жилого фонда, обеспеченного канализацией), безопасности жизни (число убийств на 100 тыс. населения). Если «кризисный» индекс позволяет оценить региональные различия в важнейших, наиболее проблемных аспектах жизнедеятельности и может быть использован для экспресс-диагностики, то «полный» индекс охватывает более широкий круг фиксируемых официальной статистикой наиболее репрезентативных и достоверных для каждого компонента качества жизни показателей<sup>321</sup>.

Разработанный Центральным экономико-математическим институтом Российской академии наук (ЦЭМИ РАН) под руководством С.А. Айвазяна эконометрический подход к измерению качества жизни также основывается на теоретическом базисе «развития человеческого потенциала» и включает в себя, помимо собственно экономических, широкий спектр социальных, демографических и природно-экологических индикаторов. Качество жизни, являясь многоаспектной синтетической категорией (согласно дефиниции С.А. Айвазяна), может быть измерено путем сведения совокупности индикаторов в единый (сводный) показатель (индекс), пригодный для проведения межрегиональных сравнений с учетом доступных статистических данных при минимизации роли субъективных экспертных оценок<sup>322</sup>. Интегральный показатель качества жизни, согласно методике ЦЭМИ РАН, формируют 5 базовых синтетических компонент – качество населения,

---

<sup>321</sup> Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: Проблемы и тенденции переходного периода. Изд. 7-е. М.: ЛЕНАНД, 2020. С. 81–94.

<sup>322</sup> Айвазян С.А. К методологии измерения синтетических категорий качества жизни населения // Экономика и математические методы. 2003. Т. 39. № 2. С. 38–53.

уровень материального благосостояния, качество социальной сферы, качество экологической ниши, природно-климатические условия. Каждая из этих синтетических компонент, в свою очередь, может быть представлена совокупностью стандартных статистических показателей. «Качество населения» оценивается через ожидаемую продолжительность жизни, рождаемость, смертность, брачность, уровень образования и квалификации. «Материальное благосостояние» (уровень жизни) формируют такие показатели, как доходы, расходы (уровень потребления), обеспеченность жильем, собственностью, инфраструктурой. «Качество социальной сферы» измеряется условиями труда, социальной защиты, физической и имущественной безопасности, социально-политическим «здоровьем» общества (социальные и политические свободы). «Качество экологической ниши» включает в себя показатели уровня загрязнения воздуха, почвы, воды. «Природно-климатические условия» характеризуются показателями наличия и объема природно-сырьевых ресурсов, климатическими условиями, частотой и типами форс-мажорных природных катаклизмов<sup>323</sup>.

Крупнейшие российские социологические организации в соответствии со своим предназначением исследуют качество жизни исключительно с точки зрения субъективных оценок – общественного мнения. Так, ВЦИОМ на основе ежемесячных экспресс-опросов по общероссийской репрезентативной выборке рассчитывает комплекс индексов общественных настроений, среди которых индекс удовлетворенности жизнью, индекс социального оптимизма, индекс материального положения, индекс экономического положения страны, индекс политической обстановки, индекс общего вектора развития страны<sup>324</sup>. Указанные индексы не являются композитными, поскольку рассчитываются на основе монопоказателя –

---

<sup>323</sup> Айвазян С.А., Степанов В.С., Козлова М.И. Измерение синтетических категорий качества жизни населения региона и выявление ключевых направлений совершенствования социально-экономической политики (на примере Самарской области и ее муниципальных образований) // Прикладная эконометрика. 2006. №2. С. 49–50.

<sup>324</sup> ВЦИОМ. Индексы социального самочувствия (социальных настроений). URL: <https://wciom.ru/ratings/indeksy-socialnogo-samochuvstvija>

одного вопроса, разность положительных и отрицательных ответов на который составляет значение индекса. Левада-Центр также в режиме мониторинга рассчитывает Индекс социальных настроений, который является композитным и включает в себя 4 частных индекса: текущего положения семьи, текущего положения страны, ожиданий по поводу личного будущего и будущего страны, оценки (одобрения/неодобрения) власти. Частные индексы рассчитываются по методике, аналогичной ВЦИОМ, однако основу для расчета каждого субиндекса формирует пул вопросов – от 2-х до 5-ти, что, на наш взгляд, значительно углубляет информативность и «чувствительность» к изменениям каждого индекса<sup>325</sup>. Общественные настроения, оцененные либо с помощью панели индексов, либо единым сводным показателем, помимо информации о динамике субъективных оценок качества жизни, позволяют прогнозировать уровень социальной напряженности и протестный потенциал населения.

Комплексный подход, интегрирующий в единый показатель объективные статистические данные и субъективные оценки (результаты опросов и специальных обследований домохозяйств), разработан О.А. Кислициной – заведующей сектором проблем измерения качества жизни Института экономики РАН. Предложенный О.А. Кислициной национальный индекс качества жизни охватывает 10 ключевых аспектов (здравоохранение и здоровье, образование и обучение, доходы, жилье, работа, безопасность, семья, культура и отдых, управление, окружающая среда), репрезентируемых 82 индикаторами<sup>326</sup>. Как отмечает сам автор, выбор основных областей (аспектов) для измерения качества жизни и соответствующих им индикаторов осуществлялся на основе обобщения международного и российского опыта исследовательских групп/отдельных

---

<sup>325</sup> Левада-Центр. Обновленная методика измерения индекса социальных настроений. URL: <https://www.levada.ru/obnovlennaya-metodika-izmereniya-indeksa-sotsialnykh-nastroenii-isn/>

<sup>326</sup> Кислицина О.А. Национальный индекс качества жизни (благополучия) как инструмент мониторинга эффективности социально-экономической политики в России // Журнал исследований социальной политики. 2017. Том 15. № 4. С. 547–558; Электронное приложение к статье «Аспекты национального индекса качества жизни (благополучия) в России и индикаторы их измеряющие» URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/7301/8179>

исследователей (отраженного в научных и методических публикациях), а также определялся фактической доступностью индикаторов (прежде всего, в отечественной системе статистического учета). Хотя, по признанию автора, разработанный подход и проведенное на его основе исследование выступают пробной версией (не лишенной ограничений в силу отсутствия ряда показателей в отечественной статистике) создания национального индекса качества жизни в России, на наш взгляд, именно эта версия на сегодняшний день представляет собой попытку максимально полного охвата доступных для наблюдения характеристик, релевантных национальной специфике и интегрированных в единый сводный показатель в соответствии с современными методическими трендами построения композитных индексов.

В общем ряду межстрановых, региональных, национальных измерений качества жизни особое место занимают исследования качества жизни городского населения. Высокий уровень урбанизации современного мира<sup>327</sup> предопределяет ключевую роль городов как центров аккумуляции человеческого капитала и локомотивов социально-экономического развития регионов и стран. Именно поэтому качество жизни городского населения, на наш взгляд, правомерно выделять в отдельную область исследований, в рамках которой значительное внимание уделяется качеству городской среды как неотъемлемому компоненту общего качества жизни/благополучия горожан. В настоящее время международные и национальные исследовательские организации, разрабатывающие методики измерения качества жизни горожан и проводящие сравнительные исследования городов на регулярной основе, включают различные средовые параметры в интегральный индекс качества жизни.

---

<sup>327</sup> По оценкам ООН в 2019 году 56% населения мира проживало в городах, к 2030 году доля городского населения достигнет 60%, к 2050 году около двух третей населения мира (68%) будет проживать в городах. По мере роста численности городского населения во всем мире растет число городов самых разных размеров. См.: Мировые демографические тенденции. Доклад Генерального секретаря. Комиссия по народонаселению и развитию ООН. Экономический и Социальный совет. 16 января 2020. С. 19–20 URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/E/CN.9/2020/5>

В России эксперты ООН прогнозируют рост городского населения с 74,4% до 83,3%, при этом население самого крупного мегаполиса Москвы будет расти более медленными темпами. См.: United Nations. World Urbanization Prospects 2018. Country Profiles. URL: <https://population.un.org/wup/Country-Profiles/>

Процесс вовлечения городов в программы достижения целей устойчивого развития (начавшийся в XX веке и продолжающийся в настоящее время) актуализировал потребность в проведении исследований, направленных на отслеживание достигнутых результатов. Существующие практики оценки достижений городов в этой области осуществляются с учетом рекомендаций глобальных институциональных структур содействия устойчивому развитию. Так, в частности, организация ООН-Хабитат для отслеживания прогресса в достижении целей устойчивого городского развития с 2012 года использует Индекс процветания городов (City Prosperity Index, UN Habitat). Этот индекс, рассчитываемый на основе статистических данных, охватывает следующие измеряемые области и соответствующие им субиндексы:

- продуктивность (измеряемая городским производством товаров и услуг, объемами инвестиций);
- состояние городской инфраструктуры (измеряемое доступностью для всех жителей жилья, услуг водоснабжения и санитарии, транспорта, информационно-коммуникационных технологий – Интернета);
- качество жизни (измеряемое через доступность услуг социальной сферы – образования, здравоохранения, а также безопасность проживания, наличие общественных пространств);
- социальное равенство и инклюзивность (измеряемые уровнем бедности, показателями разрыва в доходах, защитой прав экономически уязвимых групп и различных меньшинств, наличием возможностей либо барьеров для реализации потенциала гражданского участия всех без исключения групп – особенно молодежи, людей пожилого возраста, инвалидов, женщин);
- экологическая устойчивость (измеряемая уровнем загрязнения окружающей среды и уровнем городского шума, внедрением ресурсоэффективных технологий, возобновляемых источников энергии, стандартов «зеленого» строительства с использованием энергосберегающих

материалов, систем переработки твердых отходов, реализацией городскими властями мер экологической политики)<sup>328</sup>.

Несколько иной подход к оценке городской устойчивости был разработан компанией McKinsey совместно с Колумбийским университетом и Школой государственной политики и управления Университета Цинхуа (Китай). Индекс устойчивого городского развития (Urban Sustainability Index, McKinsey&Company), первоначально апробированный в исследовании китайских городов, включал в себя следующие 5 ключевых измеряемых областей и соответствующих им индикаторов:

- удовлетворение базовых потребностей населения (доступность воды, медицинского обслуживания – по количеству врачей на душу населения, начального образования – по соотношению учеников и учителей в начальной школе, обеспеченность жильем – кв. м жилой площади на душу населения);

- ресурсная эффективность (объемы потребляемой воды в литрах на душу населения, объемы потребления электроэнергии в кВт/ч/ВВП, доля переработанных и утилизированных промышленных отходов, доля ВВП тяжелой промышленности в общем объеме ВВП);

- экологическая чистота (уровень загрязнения атмосферы – концентрация в воздухе оксидов серы, азота и твердых частиц, мг/ куб.м, объемы промышленных выбросов диоксида серы/ед. ВВП, доля очищенных сточных вод, объемы вывозимых бытовых отходов в тоннах на душу населения);

- градостроительная среда (плотность городского населения – человек на кв. км городской территории, интенсивность использования общественного транспорта, площадь озеленения общественных пространств в кв. м на душу населения, энергоэффективность зданий – эффективность отопления зданий);

---

<sup>328</sup> State of the World's Cities 2012/2013. Prosperity of Cities UN-Habitat. New York: United Nations, 2013. URL: <https://unhabitat.org/sites/default/files/download-manager-files/State%20of%20the%20World%20Cities%2020122013.pdf>

- ориентация на устойчивое развитие в будущем («зеленые» рабочие места – количество работников экологически чистых производств в расчете на душу населения, объемы затрат на охрану окружающей среды /ВВП)<sup>329</sup>.

Ряд используемых индикаторов для измерения городской устойчивости в рамках обозначенных областей идентичен методическому подходу ООН-Хабитат (Индексу процветания городов). Однако, Индекс устойчивого городского развития McKinsey, помимо стандартных областей оценки устойчивости – экономической, социальной, экологической, – включает в себя показатели градостроительной среды, которые определяют устойчивые модели городского пространственного развития – компактную, транзит-ориентированную. Другое принципиальное отличие заключается в том, что Индекс устойчивого городского развития McKinsey в меньшей степени ориентирован на репрезентацию проблем неравенства и, соответственно, не охватывает измеряющих данную область социально-экономических индикаторов. В целом структура показателей, используемых ООН-Хабитат и McKinsey при расчете композитных индексов качества жизни городского населения, корреспондирует с целями устойчивого развития, достижение которых количественно оценивается с помощью данных индексов.

В отечественной науке проблемы адаптации международных индикаторов оценки устойчивого развития к специфике российских регионов и городов (с учетом возможностей российской статистики) являлись предметом исследований ряда российских ученых – С.Н. Бобылева, С.В. Соловьевой, О.В. Кудрявцевой, Н.В. Зубаревич, Ю.С. Власова, Б.Н. Порфирьева<sup>330</sup>. Основываясь на опыте собственного участия в проектах Всемирного Банка, Программы развития ООН, Минэкономразвития и ряда

---

<sup>329</sup> The Urban Sustainability Index: A New Tool for Measuring China's Cities. The Urban China Initiative. A joint initiative of Columbia University, Tsinghua University, and McKinsey & Company. November, 2010. С. 10 URL: [file:///C:/Users/8934~1/AppData/Local/Temp/the\\_urban\\_sustainability\\_index.pdf](file:///C:/Users/8934~1/AppData/Local/Temp/the_urban_sustainability_index.pdf)

<sup>330</sup> Бобылев С.Н., Зубаревич Н.В., Соловьева С.В., Власов Ю.С. Устойчивое развитие. Методология и методики измерения. М.: Экономика, 2011; Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2013 год. Устойчивое развитие. Вызовы Рио / под ред. Бобылева С.Н. М.: ПРООН, 2013; Бобылев С.Н., Кудрявцева О.В., Соловьева С.В. Индикаторы устойчивого развития городов // Экономика региона. 2014. № 3. С. 101–110.; Порфирьев Б.Н., Бобылев С.Н. Города и мегаполисы: проблема дефиниций и индикаторы устойчивого развития // Проблемы прогнозирования. 2018. № 2. С. 14–23.

региональных проектов, С.Н. Бобылев, О.В. Кудрявцева, С.В. Соловьева предлагают рассчитывать композитный индекс устойчивости российских городов с учетом трех составляющих: валовые накопления основного капитала, расходы бюджета на развитие человеческого капитала (образование, здравоохранение, физическая культура и спорт), ущерб от загрязнения окружающей среды (ущерб от загрязнения воздуха и выбросов углекислого газа). Каждый элемент (субиндекс) берется в процентном отношении к ВРП (или его статистическому аналогу для городов). Интегральный индекс представляет собой сумму значений первого и второго субиндекса, из которой вычитается значение третьего (ущерб от загрязнения окружающей среды). Веса отдельных составляющих (субиндексов) берутся равные. Как отмечают сами авторы-разработчики индекса, возможно присвоение различных весов в зависимости от приоритетов (значимости экономических, социальных, экологических проблем) конкретного этапа городского развития. Кроме этого, значимость отдельных аспектов устойчивости может быть усилена за счет увеличения количества репрезентирующих их характеристик (индикаторов)<sup>331</sup>.

Помимо базового индекса городской устойчивости С.Н. Бобылевым, О.В. Кудрявцевой, С.В. Соловьевым разработана система индикаторов устойчивого развития мегаполисов, включающая в себя 9 групп: экономические индикаторы, социальные и институциональные индикаторы, энергоэффективность, транспорт, особо охраняемые природные территории, воздух и климат, водные ресурсы, отходы, шумовое воздействие<sup>332</sup>. В целом предлагаемая авторами система индикаторов в полной мере соотносится с утвердившейся на международном уровне триединой структурой устойчивости, элементы которой (социальный, экономический, экологический) количественно верифицируются доступными статистическими показателями. Главное отличие разработки российских

---

<sup>331</sup> Бобылев С.Н., Кудрявцева О.В., Соловьева С.В. Индикаторы устойчивого развития городов // Экономика региона. 2014. № 3. С. 105.

<sup>332</sup> Там же. С. 107–108.



ученых от аналогичных систем оценивания городской устойчивости заключается в использовании ряда индикаторов, отражающих специфические проблемы российских мегаполисов. Так, например, среди индикаторов группы «Транспорт» предлагаются такие, как «удельный вес транспортных средств с возрастом свыше 10 лет», «объем конечного потребления различных видов моторного топлива по экологическим классам». В ряд экологических индикаторов оценки устойчивого развития мегаполисов авторы считают необходимым включить такие, например, как «доля населения, проживающего на территориях с высоким и очень высоким загрязнением воздуха», «доля населения, проживающего в зонах шумового воздействия». Наряду со стандартным, используемым практически во всех оценочных системах индикатором «площадь озелененных территорий на душу населения», авторы предлагают дополнительно использовать индикаторы «площадь особо охраняемых природных территорий на душу населения» и «доля этой площади в общей площади городской территории»<sup>333</sup>.

Помимо систем индикаторов и конструируемых на их основе индексов, ориентированных на оценку достижений городов в области устойчивого развития (которая, безусловно, тесно связана с качеством жизни резидентов как таковым), научно-исследовательские и бизнес-консалтинговые организации международного и национального уровня разрабатывают интегральные индексы, измеряющие качество городской жизни/городской среды с целью построения различных рейтингов городов – пригодных для жизни населения и его отдельных социальных групп, перспективных для ведения бизнеса и вложения инвестиций, привлекательных для туристов и бизнес-эспатриантов.

Одна из крупнейших международных консалтинговых групп, специализирующихся в области подбора персонала для международного бизнеса, – Mercer Human Resource Consulting – ежегодно рассчитывает

---

<sup>333</sup> Там же. С. 107–108.

индекс качества жизни в крупнейших городах мира, учитывая следующие группы показателей:

- экономическая среда (правила обмена валют, банковские услуги);
- политическая и социальная среда (политическая стабильность, уровень преступности, обеспечение правопорядка);
- социо-культурная среда (доступность СМИ, наличие цензуры и ограничений личных свобод);
- медицина и здравоохранение (медицинские услуги и лекарственные препараты, инфекционные заболевания, сточные воды, утилизация отходов, загрязнение атмосферы);
- школы и образование (стандарты и наличие международных школ);
- коммунальные услуги и транспорт (электричество, вода, общественный транспорт, загруженность трафика);
- жилищные условия (стоимость аренды жилья, сервисные услуги, бытовая техника, мебель);
- потребительские товары (продукты питания, товары повседневного спроса, автомобили);
- отдых и развлечения (рестораны, кинотеатры, спортивные объекты и пр.);
- природная среда (климат, вероятность стихийных бедствий)<sup>334</sup>.

Поскольку данный индекс преимущественно построен на оценке различных средовых условий жизнедеятельности в городах и не включает в себя оценку факторов персонального благополучия резидентов (финансового, социального, психологического), то он по совокупности оцениваемых областей максимально схож с индексом качества городской среды как таковой. Составляемый Mercer на основе расчета композитного индекса рейтинг городов мира по качеству жизни, включающий на момент 2020 года более 500 локаций<sup>335</sup>, ориентирован, прежде всего, на содействие

<sup>334</sup> Mercer. Quality of Living Reports URL: <https://mobilityexchange.mercer.com/quality-of-living-reports>

<sup>335</sup> Среди российских городов в этот рейтинг с 2020 года включены Москва, Санкт-Петербург, Казань, Новосибирск, Волгоград, Владивосток, Южно-Сахалинск. См.: Mercer. Quality of Living Reports. Locations.

крупным международным корпорациям в поиске наилучших мест для размещения инвестиций и кадров. Специфичность целевого предназначения данного рейтинга, позволяющего проводить сравнительный анализ городов с точки зрения благоприятности условий для экспансии бизнес-структур и работающего в международных компаниях персонала, по мнению ряда ученых, не позволяет рассматривать его как достаточную доказательную базу для разработки стратегий развития городов<sup>336</sup> (и – добавим – принятия управленческих решений, направленных на улучшение качества жизни локальных резидентов). Хотя, справедливости ради, необходимо отметить, что в сравнении с другими, более узко ориентированными бизнес-рейтингами (например, рейтинги инвестиционной привлекательности, конкурентоспособности, динамичности, репутации городов) рейтинг Mercer отличается наиболее широким кругом показателей, выходящих за пределы собственно бизнес-критериев и охватывающих факторы среды жизнедеятельности.

С аналогичными целями разработан Индекс качества жизни Международного сетевого сообщества InterNations, объединяющего проживающих и работающих за границей людей – экспатриантов. В отличие от Индекса качества жизни Mercer Индекс качества жизни InterNations (рассчитываемый как для стран, так и для городов) основывается исключительно на субъективных оценках, получаемых в ходе опроса экспатриантов. С 2017 года InterNations ежегодно опрашивает более 20 000 экспатриантов по всему миру, представляющих 182 национальности и проживающих в 187 разных странах. При этом условием «попадания» конкретного города в этот индекс является наличие в нем не менее 50 респондентов-экспатриантов<sup>337</sup>. Основанием для построения Индекса (и рейтингования на его основе городов) выступает удовлетворенность

---

URL: <https://mobilityexchange.mercer.com/Portals/0/Content/Coverage/Global-Mobility-Reports-Coverage-QOL-%20reports-update.pdf?ver=2020-05-15-053837-160>

<sup>336</sup> Рыкун А.Ю., Черникова Д.В., Сухушина Е. В., Березкин А.Ю. Измерение качества жизни в городах: возможности индексного подхода // Журнал исследований социальной политики. 2020. Том. 18. № 2. С. 293.

<sup>337</sup> InterNations. The Best & Worst Cities for Expats in 2019. Methodology. URL: <https://www.internations.org/expat-insider/2019/the-best-and-worst-cities-for-expats-39894>

респондентов различными аспектами жизни за границей, охватывающая 4 измеряемые области и соответствующие им группы вопросов:

- общая «жизнепригодность» (общая удовлетворенность жизнью за границей, удовлетворенность климатом, окружающей средой, вариантами досуга, местным транспортом, безопасностью и политической обстановкой, услугами здравоохранения);

- легкость поселения (оценка дружелюбия и «чувства радушия» местных жителей, наличие друзей и общения, языковые трудности);

- городская трудовая жизнь (удовлетворенность имеющейся работой и местными возможностями карьерного роста, состоянием местной экономики, надежностью работы, рабочим временем и балансом между работой и личной жизнью);

- финансы и жилищные условия (удовлетворенность личным финансовым положением и достаточностью располагаемого дохода для покрытия затрат повседневной жизни, доступностью и легкостью поиска жилья для эмигрантов, стоимостью жизни в городе)<sup>338</sup>.

Узкая целевая направленность Индекса качества жизни InterNations, репрезентирующего взгляд «извне», но все же, отметим, в некотором смысле инсайдерский взгляд, не позволяет считать его достаточным инструментом оценивания резидентного качества жизни. Вместе с тем, этот индекс может выступать весьма полезным дополнением (например, в части оценки городской толерантности) к стандартному набору оценочных показателей.

В несколько ином (более широком) ракурсе ежегодно оценивает качество городской жизни одно из самых авторитетных (по признанию Forbes<sup>339</sup>) lifestyle-изданий в мире – Monocle. Индекс самых жизнепригодных городов (Most Liveable Cities Index, Monocle) охватывает комплекс постоянно

<sup>338</sup> InterNations. Expat City Ranking 2019. URL: [https://cms-internationsgmbh.netdna-ssl.com/sites/default/files/2019-12/Expat-Insider-2019\\_Expat-City-Ranking\\_0.pdf](https://cms-internationsgmbh.netdna-ssl.com/sites/default/files/2019-12/Expat-Insider-2019_Expat-City-Ranking_0.pdf)

<sup>339</sup> 25 лучших городов земли: кто вошел в ежегодный рейтинг журнала Monocle. Редакция Forbes Life. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife-photogallery/380577-25-luchshih-gorodov-zemli-kto-voshel-v-ezhegodnyy-reyting-zhurnala?photo=25>

обновляемых показателей – от стандартных до весьма специфичных<sup>340</sup>, измеряющих уровень комфортности городской жизни как для местного населения, так и для туристов. Информационную базу исследования составляют открытые статистические данные, а также данные, получаемые по официальным запросам от муниципалитетов. Составляемые Monocle рейтинги городов основываются, прежде всего, на гедонистических критериях, соответственно, верхние строчки рейтинга занимают города со спокойным, комфортным ритмом и образом жизни, развитой инфраструктурой, удобной мобильностью (включая ее экологичные виды), качественным городским дизайном, обилием рекреационных зеленых пространств, культурных учреждений, кафе, ресторанов и пр.<sup>341</sup> В целом подход Monocle воплощает собой измерение «антропоориентированности» и экологичности города с точки зрения достижения «урбанистического идеала», поэтому многие экономически успешные, динамично развивающиеся города мира в этот список, к своему недовольству, не попадают.

Обобщая рассмотренные интегральные индексы качества городской жизни, мы приходим к выводу о том, что в рамках международного исследовательского опыта сложился определенный стандарт урбанистических критериев – областей оценивания. Поэтому существующие индексы качества жизни городского населения во многом имеют «пересекающиеся» структурные элементы, охватывающие факторы социального, культурного, экономического, экологического, политико-правового порядка. Вместе с тем, внутри каждого фактора наблюдается

---

<sup>340</sup> Наряду со стандартными показателями, измеряющими качество городской жизни (безопасность, экология, климат, образование, здравоохранение, транспортная инфраструктура, условия для бизнеса, международные контакты, толерантность и пр.), Monocle использует множество специфических параметров, раскрывающих уровень комфортности жизни – от удобства и скорости достижения аэропорта до количества солнечных дней в году, стоимости чашки кофе/бокала вина в баре и возможности без труда найти бар, открытый до 3-х часов ночи. Кроме этого, значительное внимание уделяется безопасности и удобству передвижения по городу в любое время суток, количеству культурно-развлекательных заведений на душу населения, числу новых бизнесов, обновлению старых промышленных зон, росту цен на жилье и способам решения этой проблемы городскими властями.

<sup>341</sup> Monocle Most Liveable Cities Index™. In: Michalos A.C. (eds) Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research. Dordrecht: Springer, 2014.

высокая вариативность репрезентирующих его показателей, обусловленная целевой ориентацией исследования и/или используемыми источниками информации.

Практика рейтингования городов по качеству/комфортности жизни на основе расчета интегральных индексов (или баллов) в последнее десятилетие приобретает устойчивый характер и в России – как среди научно-исследовательских коллективов, так и среди консалтинговых компаний. Наиболее масштабные (охватывающие большое количество городов) исследования в этой области были проведены Высшей школой урбанистики НИУ ВШЭ, Финансовым университетом при Правительстве РФ, Институтом территориального планирования «Урбаника», Консалтинговой компанией в сфере городского планирования и комплексного исследования городов КБ «Стрелка»/Минстроем России, Рейтинговым агентством «РИА Рейтинг» медиагруппы МИА «Россия сегодня», журналом «Русский репортер», бизнес-изданием «Коммерсантъ. Секрет Фирмы».

Среди современных российских исследований качества городской жизни важное методическое значение для нас имеют исследования, акцентирующие внимание на показателях качества городской среды. Отметим, что при широкой распространенности в международной и с недавнего времени российской практике индексного метода в построении различных рейтингов городов (по качеству жизни, экологическому благополучию, туристической привлекательности и пр.), наблюдается дефицит исследований с использованием композитных индексов, посвященных полностью городской среде. Так, непосредственно качество городской среды при помощи композитных индексов измеряет Институт территориального планирования «Урбаника» и консалтинговая компания в сфере городского планирования и комплексного исследования городов КБ «Стрелка» совместно с Минстроем России.

Интегральный рейтинг крупнейших городов России, составляемый Институтом территориального планирования «Урбаника», включает в себя 2

группы показателей – собственно качество городской среды и стоимость жизни в городе. Качество городской среды репрезентируют такие индикаторы, как: обеспеченность жильем на человека, наличие современных форматов потребления, уровень загруженности дорог, уровень преступности, освещенность города, внешняя транспортная доступность, уровень городского благоустройства, степень благоприятности природных условий, уровень экологического загрязнения. Стоимость городской жизни оценивается через возможности приобретения жилья и аренды однокомнатной квартиры, уровень расходов на потребительские товары первой необходимости и оплату ЖКХ, а также покупательскую способность населения<sup>342</sup>. Информационную базу для расчета интегрального значения рейтинга (с максимально возможным значением в 100 баллов) составляют данные статистики и переписи населения, а также данные риэлтерских компаний о ценах на рынке недвижимости.

Познавательный потенциал данного рейтинга, оценивающего город как «товар/услугу», потребляемую каждым жителем, составители связывают с возможностью проведения сравнительного анализа городов как по отдельным параметрам, так и по интегральному баллу. Рейтинг «Урбаники», охватывающий наиболее актуальные для резидентов повседневные жизненные проблемы (квартирный вопрос, безопасность, транспорт, расходы на продукты и ЖКХ) позволяет оценивать эффективность «конвертации» экономических преимуществ конкретных городов в качество/стоимость жизни населения. Однако, на наш взгляд, разработанная «Урбаникой» методика вызывает определенные сомнения по ряду причин. Во-первых, в ней отсутствует обоснование выбора оцениваемых структурных компонентов городской среды, равно как и принципа (теоретического основания) их группировки. Во-вторых, как следствие первой причины, перечень выбираемых для оценивания элементов городской среды, охватывающий

---

<sup>342</sup> Интегральный рейтинг крупнейших городов России. Институт территориального планирования «Урбаника» URL: <http://urbanica.spb.ru/wp-content/uploads/2019/12/Rejting-gorodov-2019.pdf>

весьма ограниченный круг показателей (но, как отмечают сами разработчики – наиболее важных), не выстроен в тематические («направленческие») блоки, что не позволяет получить структурированный по укрупненным урбанистическим параметрам (блокам) срез городской среды. В-третьих, весьма произвольной (не имеющей обоснования) выглядит система присвоения баллов отдельным компонентам городской среды. Если в группе показателей «стоимость жизни» (с максимально возможной оценкой в 50 баллов) каждый компонент оценивается в идентичных балльных системах (по 10 максимально возможных баллов для каждого), то компоненты «качества городской среды» (также с максимально возможной интегральной оценкой в 50 баллов) оцениваются неравнозначно. Так, например, обеспеченность жильем на человека оценивается максимально в 10 баллов, наличие современных форматов потребления – максимально в 7,5 баллов, уровень загруженности дорог – 7,5 баллов, уровень преступности – 1 балл, освещенность города – 5 баллов, внешняя транспортная доступность – 6 баллов, уровень городского благоустройства – 5 баллов, степень благоприятности природных условий – 5 баллов, уровень экологического загрязнения – 3 балла<sup>343</sup>. В данном случае субъективное «занижение» значимости одного компонента и «повышение» значимости другого требуют какого-либо обоснования. В целом, отсутствие методической «прозрачности» в построении Интегрального рейтинга «Урбаники» не позволяет рассматривать его как научно-обоснованный и доказательный инструмент анализа качества городской среды.

Первый в России национальный индекс качества городской среды, призванный отслеживать в режиме ежегодного мониторинга достижение целей Федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» приоритетного национального проекта «Жилье и городская среда», был разработан КБ «Стрелка» совместно с Финансовым институтом развития в жилищной сфере России (ДОМ.РФ) и одобрен Министерством строительства

---

<sup>343</sup> Там же.



и жилищно-коммунального хозяйства РФ в 2017 г. В марте 2019 г. распоряжением Правительством РФ утверждена методика формирования индекса качества городской среды, согласно которой Минстрой России ежегодно представляет значения индекса для всех российских городов<sup>344</sup>.

При разработке индекса учитывались 6 типов городских пространств (с которыми горожане взаимодействуют чаще всего), оцениваемых на основе 6 критериев (отражающих ключевые потребности жителей) – рисунок 4.



Рисунок 4. Национальный индекс качества городской среды российских городов<sup>345</sup>

Для каждого типа пространства в соответствии с оценочным критерием выбирается один ключевой (наиболее представительный) индикатор. Например, «жилье» по критерию безопасности оценивается через долю площади многоквартирных домов, признанных аварийными, в общей площади многоквартирных домов. Безопасность улично-дорожной сети репрезентирует индикатор доли погибших в дорожно-транспортных происшествиях. Принцип выбора одного ключевого индикатора для каждой группы «пространство-критерий», безусловно, не исчерпывает всего списка возможных определителей-характеристик городской среды в рамках

<sup>344</sup> Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 марта 2019 года № 510-р. Об утверждении методики формирования индекса качества городской среды URL: <http://static.government.ru/media/files/wbRiqrDYKeKbPh9FzCHUwWoturf2Ud0G.pdf>

<sup>345</sup> Индекс качества городской среды. Методика. Правительство РФ. Минстрой России. Дом. РФ. STRELKA КБ. URL: <https://индекс-городов.рф/#/methodology>

заявленных оценочных направлений. Однако, как обоснованно отмечают авторы-разработчики, наиболее сильные индикаторы выбирались с учетом доступности данных для единовременной и релевантной оценки качества среды всех городов России<sup>346</sup>. Источниками информации для расчета исходных значений индикаторов выступают только объективные данные – данные государственной статистики, данные геоинформационных систем и дистанционного зондирования территорий. Субъективные данные – мнения жителей, экспертов – при расчете данного индекса не используются.

В соответствии с матрицей пространства/критерии (6x6) сводный индекс качества городской среды формируют 36 индикаторов, каждый из которых получает оценку по шкале от 0 до 10 баллов. Сумма баллов по всем индикаторам составляет значение интегрального индекса (от 0 до 360 баллов). В зависимости от итогового балла качество городской среды признается как неблагоприятное (значение индекса находится в диапазоне от 0 до 180 баллов) либо благоприятное (от 181 до 360 баллов).

С целью повышения корректности получаемых выводов и возможностей сопоставления определенных типов городов, в методике формирования индекса качества городской среды все города поделены на размерные (по численности населения) и климатические (условно комфортного климата и тяжелых климатических условий) группы. Для ряда индикаторов при определении баллов учитывается фактор влияния климатических особенностей. Например, такой индикатор, как «доля детей в возрасте от 1-6 лет, ожидающих место в детском саду», не зависит от климата, тогда как индикатор «уровня озеленения общественных пространств» зависит, поэтому учитывается в климатических группах. Или: такой индикатор, как «уровень освещенности улиц», требует разных шкал оценки для городов разной размерности, поскольку 50%-ая освещенность для малого города – это высокий уровень (оцениваемый соответственно большим количеством баллов), но тот же уровень освещенности для мегаполиса – это

---

<sup>346</sup> Там же.

весьма низкий уровень (соответственно оценивается меньшим количеством баллов). Таким образом, внутри каждой размерно-климатической группы устанавливаются индивидуальные максимальные и минимальные значения индикаторов, соответствующие определенному баллу. То есть для каждой размерно-климатической группы конструируется своя оценочная шкала. Помимо возможностей дифференцированного анализа различных типов городов по качеству среды жизнедеятельности, методика позволяет анализировать качество городской среды в субъектах РФ. Индекс качества городской среды субъекта РФ рассчитывается как среднее значение индексов городов соответствующего субъекта РФ<sup>347</sup>.

Разработанный КБ «Стрелка»-Минстроем-ДОМ.РФ Индекс качества городской среды и уже реализованный в 2019 и 2020 гг. Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства на его основе «скрининг» российских городов представляют собой первый в России масштабный проект, охватывающий все без исключения города с целью комплексной оценки состояния городской среды. Главное отличие рассматриваемой методики от существующих в России городских индексов, помимо максимально полного и подробного обоснования используемых показателей и основания их группировки, заключается в ее открытости и доступности для общественности. Наряду с официальными документами открытого доступа (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 марта 2019 года № 510-р. Об утверждении методики формирования индекса качества городской среды, Руководство Минстроя/Дом.Рф по определению первоочередных направлений развития городской среды с помощью индекса качества городской среды) создан специальный сайт (индекс-городов.рф), позволяющий пользователям ознакомиться с методикой построения индекса и результатами значений интегрального и структурированного по отдельным параметрам индекса городов (включая сравнительные карты по размерно-климатическим группам).

---

<sup>347</sup> Там же.

Как подчеркивают эксперты КБ «Стрелка», созданный Индекс нацелен в большей степени на выявление «болевых» точек каждого города (определяющих приоритетные направления работы властей по улучшению среды жизнедеятельности), нежели на построение рейтингов в целях сравнения городов друг с другом (вне учета объективных размерно-климатических особенностей). В этом ключе разработанный Индекс выступает инструментом «работы каждого города над собственными проблемами»<sup>348</sup>. Прямая «привязка» Индекса качества городской среды к целям национального проекта «Жилье и городская среда» (в его рамках проекта «Формирование комфортной городской среды»)<sup>349</sup> определяет его практико-управленческую ценность для администрации каждого города, региона, представителей федеральной власти. В распоряжении Правительства РФ от 23 марта 2019 г № 510-р указывается, что «значения индексов субъектов Российской Федерации учитываются при определении размера субсидии из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку государственных программ субъектов Российской Федерации и муниципальных программ формирования современной городской среды, реализуемых в рамках национального проекта»<sup>350</sup>. В Указе Президента Российской Федерации от 25.04.2019 г. № 193 среди перечня показателей оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации называется «доля городов с благоприятной городской средой» (определяемая

<sup>348</sup> Погорельцева О. Объясняем, зачем измерять качество городской среды URL: <https://strelkamag.com/ru/article/indeks-ne-panaceya-i-ne-spasyot-vsuyu-rossiyu-zachem-izmeryat-kachestvo-gorodskoi-sredy>

<sup>349</sup> В соответствии с Указами президента РФ («О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года») поставлены цели повышения среднего значения индекса по стране на 30% к 2024 году, повышения среднего значения индекса по стране в 1,5 раза и сокращения в 2 раза количества городов с неблагоприятной средой к 2030 году.

<sup>350</sup> Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 марта 2019 года № 510-р. Об утверждении методики формирования индекса качества городской среды URL: <http://static.government.ru/media/files/wbRiqrDYKeKbPh9FzCHUwWoturf2Ud0G.pdf>

на основе Индекса качества городской среды)<sup>351</sup>. В Руководстве Минстроя/Дом.Рф по определению первоочередных направлений развития городской среды указывается: «Индекс – не повод для соревнования между регионами, это не рейтинг городов, не основание для того, чтобы объявлять победителей и проигравших. Его задача – помочь определить приоритеты развития в ходе принятия управленческих решений»<sup>352</sup>. Среди других практико-ориентированных целей индекса отмечается «формирование открытого механизма для наблюдения за работой органов власти», «вовлечение граждан и представителей бизнеса в работу по улучшению городской среды»<sup>353</sup>.

Признавая безусловную высокую практическую значимость Индекса качества городской среды, разработанного КБ «Стрелка»-Минстроем-Дом.РФ, вместе с тем, необходимо отметить, что данный индекс ориентирован, прежде всего, на решение масштабных задач в рамках реализации приоритетных национальных проектов России. Охват всех без исключения российских городов, оцениваемых с точки зрения качества городской среды, предопределяет необходимость использования исключительно объективных, доступных для единовременного мониторинга наиболее «сильных» показателей, репрезентирующих качество городской среды. Полученная «картина» состояния среды российских городов в определенном смысле отражает некую «среднюю городскую температуру», которая, без сомнения, важна, поскольку позволяет, помимо интегральной оценки, выявить общегородские преимущества и наиболее актуальные проблемы, требующие оперативных целенаправленных мер управленческого реагирования. Но, вместе с тем, для целей управления развитием городов наиболее крупного масштаба – мегаполисов – «общегородская температура»

---

<sup>351</sup> Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2019 г. № 193. Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201904260005?index=3&rangeSize=1>

<sup>352</sup> Руководство Минстроя/Дом.Рф по определению первоочередных направлений развития городской среды с помощью индекса качества городской среды. Минстрой/ДОМ.РФ. С. 8. URL: [https://minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/133/rukovodstvo\\_index\\_compressed.pdf](https://minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/133/rukovodstvo_index_compressed.pdf)

<sup>353</sup> Там же. С. 9.

не является достаточно информативной. В этой связи разработка композитных индексов территориальной дифференциации качества городской среды представляется нам важной научно-методической задачей, имеющей к тому же высокую практическую значимость для разработки дифференцированных программ развития внутригородских территорий.

Проведенный анализ существующих в международной и российской исследовательской практике композитных индексов качества городской жизни/городской среды позволяет нам сформулировать ряд выводов, имеющих важное методическое значение для представления авторской эмпирической модели оценки территориальной дифференциации качества городской среды с использованием композитных индексов.

1. Композитные индексы выступают универсальным, прочно утвердившимся на международном и национальном уровнях исследовательским инструментом агрегирования большого массива данных. Для построения композитных индексов применяется широкая система показателей (как объективных, так и субъективных), отражающая различные аспекты жизни в городах.

2. Преимущества композитных индексов как измерительных инструментов заключаются в следующем: 1) возможность сведения большого массива данных, различающихся количественными мерами (единицами измерения), в единый стандартизированный показатель; 2) получение целостного представления о качестве жизни населения определенной территории (выраженного единым сводным показателем); 3) обеспечение технического удобства для межгородского сопоставления полученных интегральных значений; 4) возможность дифференцированного анализа отдельных составляющих (элементов) качества жизни на основе конструирования субиндексов; 5) выявление «вклада» каждого индикатора в общую «картину» качества жизни и, соответственно, обнаружение наиболее проблемных областей, требующих целенаправленных мер социальной политики.

3. Главные дискуссионные вопросы индексного метода связаны со способами комбинирования исходных данных (статистика, опросы населения, экспертные оценки), процедурами стандартизации показателей и взвешивания отдельных компонентов индекса.

4. Стандарт урбанистических критериев оценки качества городской среды, охватывающий экономические, социальные, культурные, экологические, политико-правовые факторы, формируется в рамках более широкого направления исследований – измерения качества жизни населения, основанного на концепции «человеческого развития». Внутри каждого фактора (области) оценки качества городской среды наблюдается высокая вариативность репрезентирующих его индикаторов, обусловленная целевой ориентацией исследования и/или используемыми источниками информации.

5. Существующие композитные индексы измерения качества городской среды ориентированы на измерение «средней городской температуры» (общей картины) с преимущественным использованием доступных статистических данных, позволяющих одновременно обеспечить массовый охват городов в целях их рейтингования. Тогда как совершенно свободной остается научная ниша разработки методик исследования территориальной дифференциации качества городской среды (в том числе с учетом субъективных оценок населением внутригородских территорий). Для повышения эффективности управления развитием мегаполисов (включая управление развитием отдельных районов, микрорайонов) в условиях значительных территориальных дисбалансов необходима разработка научно-обоснованной методики построения композитных индексов, позволяющих оценивать качество среды на уровне городских микротерриторий.

### **2.3 Эмпирическая модель оценки территориальной дифференциации качества городской среды с использованием композитных индексов**

Проблема исследования внутригородской дифференциации, как было показано в параграфе 2.1, имеет достаточно длительную историю в социально-экономической географии и социологии. Эта проблема была поднята еще классиками урбанистической теории и городского планирования в конце XIX-начале XX вв. Современные подходы к анализу дифференциации и различных видов неравенств территориальных единиц внутри города привнесли в классические модели новые акценты, связанные с изучением инфраструктурной насыщенности городских районов, концентрации объектов тяготения жителей, интенсивности использования территорий, связанности/«проницаемости» городской «ткани» (транспортной, пешеходной), ее «подвижности» (поиска возможностей «апгрейда»)<sup>354</sup>. Важнейшая роль в новых урбанистических исследованиях отводится оценкам и поведенческим практикам горожан; эти оценки и практики рассматриваются как необходимая информационная основа городского проектирования и переустройства.

Вместе с тем, в отечественной науке проблема исследования именно внутригородских средовых различий, предполагающих целостный охват всех без исключения городских территориальных микроединиц (микрорайонов), пока не нашла достаточного освещения. Существующие методики исследования городской территориальной дифференциации, «покрывающие» весь объем городского пространства, базируются в основном на объективных данных (статистика, данные геоинформационных систем) либо субъективных данных (мнениях горожан, экспертов), полученных при «интенсивном», глубинном изучении отдельных городских районов (не позволяющем, в свою очередь, обеспечить целостный охват всех городских территорий). С целью

---

<sup>354</sup> См.: Гостев М.В. Об эвристической природе моделей эволюционного городского развития // Городские исследования и практики. 2018. Т. 3. № 1. С. 7–22; Шляхова А.А., Дохов Р.А. Двороулица: перезапуск периферии постсоциалистического города // Городские исследования и практики. 2018. Т. 3. № 1. С. 40–62.



представления авторской эмпирической модели оценки территориальной дифференциации качества городской среды на основе конструирования композитных индексов проанализируем современные методики исследования внутригородской дифференциации, выделив их научно-познавательный потенциал и методические ограничения. Фокус нашего анализа будет сосредоточен исключительно на методиках исследования внутригородской дифференциации, которые в той или иной степени охватывают аспекты/элементы городской среды.

Значительный объем современных эмпирических исследований внутригородской территориальной дифференциации реализуется в рамках изучения полицентричности городов сверхкрупного масштаба, поскольку именно с реализацией модели полицентричности ученые-урбанисты связывают потенциал устойчивого развития мегаполисов. При многообразии определений «полицентричности» и методов ее выявления большинство исследователей выделяют в качестве главной характеристики полицентричного города наличие нескольких центров притяжения/активности. Такими центрами (субцентрами) притяжения, согласно классическому подходу экономической географии (М. Фудзита, Х. Огава), выступают городские территории концентрации мест приложения труда<sup>355</sup>. Исследователи, описывающие постиндустриальный город, в качестве центров «притяжения» рассматривают, прежде всего, торговые, сервисные, культурные, досуговые объекты<sup>356</sup>. Именно они концентрируют массовые потоки людей (значительно превышающие потоки в местах

<sup>355</sup> Fujita M., Ogawa H. Multiple equilibria and structural transition of non-monocentric urban configurations // *Regional Science and Urban Economics*. 1982. Vol. 12. Iss. 2. Pp. 161–196.

<sup>356</sup> См.: Batty M. Polynucleated urban landscapes // *Urban Studies*. 2001. Vol. 38. Iss. 4. Pp. 635–655; De Goei B., Burger M.J., van Oort F.G, and Kitson M. Functional Polycentrism and Urban Network Development in the Greater South East, United Kingdom: Evidence from Commuting Patterns, 1981-2001 // *Regional Studies*. 2013. Vol. 44. Iss. 9. Pp.1149–1170; Гайкова Л.В. Полицентризм как парадигма развития российских городов // *Архитектон: известия вузов*. 2015. № 2(50). С.69–81; Поморов С.Б., Жуковский Р.С. Ретроспектива развития городского полицентризма и теоретических представлений о нем // *Архитектон: Известия вузов*. 2015. № 4(52). С. 13–36; Поморов С.Б. Жуковский Р.С. Анализ современных представлений о полицентрической структуре города // *Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета*. 2016. № 1(54). С. 67–79.

приложения труда), превращая эти объекты – объекты «добровольного» посещения – в активные городские субцентры.

На основе второго (доминирующего в работах современных отечественных и зарубежных урбанистов) подхода к определению центров «притяжения» исследовательским коллективом Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ разработана и реализована на примере Москвы методика изучения полицентрической структуры мегаполиса. Центры притяжения, согласно ключевому определению авторов, выступающему базисом для выбора конкретных объектов «фиксации» в эмпирическом исследовании, – это «места сосредоточения связей между различными субъектами городской жизни – жителями, предпринимателями, городскими властями. Проявлением этих связей являются «потoki» различной природы (людские, финансовые), которые в большинстве случаев привязаны к конкретным объектам обслуживания и которые могут считаться основными индикаторами для выделения и характеристики центров притяжения»<sup>357</sup>.

Для выявления центров «притяжения» в пространственной структуре мегаполиса использовались расчетные данные о занимаемой объектами обслуживания площади. Подобное методическое решение основывается на допущении, что посещаемость объектов обслуживания находится в прямой зависимости от их площади. Общая база данных включала в себя 18 типов объектов обслуживания, по которым определялась суммарная занимаемая площадь, это: организации, учреждения муниципального и государственного управления; кредитно-финансовые учреждения; учреждения образования; учреждения здравоохранения; аптеки; спортивные и спортивно-зрелищные объекты; физкультурно-оздоровительные, досуговые объекты; учреждения культуры и искусства; профессиональные объекты; учреждения сферы социального обслуживания; учреждения туризма, санаторно-курортные и

---

<sup>357</sup> Новиков А., Котов Е., Гончаров Р., Никогосян К., Городничев А. Москва: курс на полицентричность. Оценка эффектов градостроительных проектов на полицентрическое развитие Москвы. Краткое изложение результатов исследования для Московского урбанистического форума 2016. М.: Высшая школа урбанистики НИУ ВШЭ, 2016. С. 5.

оздоровительные учреждения; предприятия торговли; предприятия питания; бытовые услуги; сервисные услуги населению и бизнесу; предприятия связи; объекты ритуального назначения; объекты транспортных узлов<sup>358</sup>.

Список объектов, учитываемых при идентификации центров «притяжения», охватывает практически весь спектр ключевых городских сервисов и является релевантным поставленной исследователями задаче в рамках заявленного понимания центра «притяжения». Главной отличительной особенностью методики выявления центров притяжения, расширяющей ее познавательный потенциал и выделяющей ее из ряда других родственных по ключевой задаче методик анализа дифференциации городского пространства, является учет фактора гипертрофированности центра города. Вне учета данного фактора большинство крупных российских городов, обладая ярко выраженным по степени насыщенности объектами обслуживания центральным ядром<sup>359</sup>, будут ошибочно отнесены к типу пространственной структуры слабой полицентричности. Тогда как авторы рассматриваемой методики, основываясь на неравномерно-районированной модели городской структуры А.А. Высоковского<sup>360</sup>, для выделения потенциальных центров притяжения используют алгоритм пространственного анализа (моделирование сглаженной поверхности распределения признака с учетом его значений в ближайшем радиусе)<sup>361</sup>, позволяющий анализировать распределение объектов в городском пространстве в зависимости от их общегородской либо локальной значимости. Результатом моделирования «сетки» концентрации объектов обслуживания является иерархическая система центров притяжения, состоящая, согласно классификации авторов, из центров первого, второго и

---

<sup>358</sup> Там же. С. 9.

<sup>359</sup> В случае использования расчетного показателя «отношение площадей объектов к площади территории их расположения» насыщенность центральной части города объектами обслуживания будет настолько велика, что на ее фоне полностью «теряются» центры притяжения иных городских территорий – полупериферии и периферии.

<sup>360</sup> Основные положения неравномерно-районированной модели А.А. Высоковского, значимые для предлагаемой нами методологии исследования территориальной дифференциации среды мегаполиса, были освещены в параграфе 2.1.

<sup>361</sup> Пространственный аналог скользящей средней.

третьего (ранней стадии развития) уровней. Наиболее стабильные и значимые центры – центры первого уровня – как правило, располагаются в зонах наилучшей транспортной доступности.

Разработанная Высшей школой урбанистики НИУ ВШЭ методика основана исключительно на расчетных данных о концентрации в городском пространстве различных объектов, рассматриваемых в динамике за несколько лет. Ретроспективный анализ пространственной структуры, охватывающий происходящие в разные годы изменения, позволяет оценивать влияние реализованных градостроительных проектов на изменение «статуса» либо стабильность отдельных центров притяжения в общегородской иерархии, а также перспективы формирования новых центров и причины исчезновения старых. Однако, методика генерализации большого массива данных о распределении площадей объектов обслуживания в городском пространстве<sup>362</sup> ориентирована на выявление лишь одного аспекта средовой дифференциации, связанного с идентификацией центров притяжения и, к тому же, не предполагает собственно социологической оптики изучения – анализа поведенческих практик пользования объектами и их восприятия горожанами. Кроме этого, базовое допущение о взаимосвязи физической площади объекта и его посещаемости (предопределяющей, в свою очередь, идентификацию уровня «активности-притягательности» территории) не всегда находит подтверждение в городской реальности. Генерация людских (как следствие, финансовых) потоков, привязанных к различным объектам обслуживания, зависит не только от площади объектов/зданий, но и от ряда других значимых факторов – например, диапазона функций, одновременно «выполняемых» тем или иным объектом (его многофункциональности), имиджа места расположения объекта, сформированного и транслируемого жителями, и пр. Таким образом, экономико-статистическая методика

---

<sup>362</sup> Технология генерализации данных не предполагает анализа отдельных объектов (зданий). Весь массив объектов распределяется по ячейкам фиксированной, заранее определенной стандартизированной сетки, которая выступает исходной для моделирования сглаженной поверхности.

выявления центров притяжения позволяет отразить объективный срез распределения объектов обслуживания в городском пространстве в различные временные периоды, но не решает задач комплексного исследования внутригородской средовой дифференциации.

Реализованные в последние годы исследования территориальной дифференциации среды ряда российских городов – Перми, Владивостока, Томска (включающие ее различные элементы – экономические объекты, социальную, жилищную, транспортную инфраструктуру и т.д.)<sup>363</sup> – также, как и исследования Москвы, проводимые Высшей школой урбанистики НИУ ВШЭ, основываются на общеметодологическом базисе неравномерно-районированной модели А.А. Высоковского. Характерная технологическая черта современных городских исследований – это использование «больших данных» – как специально собранных баз данных муниципальных ГИС, так и автоматически генерируемых открытых данных он-лайн сервисов свободного доступа, среди которых наиболее востребованы сегодня Google Maps (включающий приложение Google Places), Foursquare, социальная сеть Instagram. Помимо картографической информации и спутниковых снимков сервис Google позволяет получить актуальную информацию о физических местах и объектах (Google Places) и их точных координатах. На основе данных сервиса Foursquare о количестве зарегистрированных в нем посещениях объектов (отметок “check-in”) и выставленных пользователями оценок и отзывов собирается информация о популярности и посещаемости городских мест. Аналогичные задачи (выявление наиболее привлекательных городских локаций) решаются с помощью социальной сети Instagram, в которой пользователи оставляют «следы» (геолокационную привязку, вербальную (пост) либо визуальную (фото) отметку) в наиболее популярных

---

<sup>363</sup> См., например: Потапенко А.А. Построение неравномерно-районированной модели (на примере г. Владивостока) // *Architecture and Modern Information Technologies (AMIT)*. 2018. № 4 (45). С. 402–415; Аношкин П.А. Пространственная модель современного города // *Проблемы современной экономики*. 2011. № 4 (40). С. 259–264; Ремарчук С.М. Оценка эффективности использования внутригородских территорий // *Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета*. 2015. № 5 (52). С. 33–40.

и значимых для них городских мест/объектах. Совокупное использование источников о фактическом распределении тех или иных объектов по территории города (Google Places) и их поведенческо-оценочной характеристике (Foursquare, Instagram) позволяет получать достаточно обширный срез информации об «активных точках» городского пространства – центрах притяжения горожан. Однако, стоит отметить, что данные Foursquare, Instagram, отражая поведение и оценки наиболее активных «пользователей» городского пространства, не могут считаться репрезентативными для всего городского населения, поскольку выборка значительно смещена в сторону молодых возрастных групп.

Таким образом, общемировой тренд «технологизации» сбора данных в урбанистических исследованиях, с одной стороны, не может быть проигнорирован исследователями «социальной ориентации». С другой же стороны – необходим критический анализ ограничений данных методов в плане экстраполяции информации на широкие слои городского населения, мнения и оценки которых имеют не менее важное значение для принятия управленческих решений о развитии тех или иных городских территорий.

Наиболее крупным российским big data-проектом по изучению среды современного мегаполиса, получившим большой медиа и экспертный резонанс, является исследование «Археология периферии»<sup>364</sup>, результаты которого были представлены на Московском урбанистическом форуме 2013. Посвященное изучению периферийных районов Москвы исследование<sup>365</sup> основывалось на междисциплинарном взаимодействии ученых различных областей наук (SPACED<sup>366</sup>) и использовании большого массива данных – геоинформационных данных о динамике транспортных потоков, данных

<sup>364</sup> Археология периферии: Исследование для Московского урбанистического форума 2013 «Мегаполисы: развитие за пределами центра». Команда ПРОЕКТ МЕГАНОМ; Институт медиа, архитектуры и дизайна СТРЕЛКА. Москва, 2013.

<sup>365</sup> Главной целью исследования выступало выявление потенциалов и скрытых ценностей самого большого по площади и численности населения пространства Москвы (так называемой внутренней периферии или «панельного бублика» – районов, расположенных за пределами Садового кольца между ТТК и МКАД).

<sup>366</sup> Аббревиатурой SPACED (по первым буквам английских слов Sociology, Politics, Architecture, Culture, Economics, Data) в рамках данного исследования обозначалось участие специалистов различных научных направлений и соответствующие каждому направлению разделы указанной работы.

операторов сотовой связи, данных социальных сетей Вконтакте, Twitter, Foursquare.

Как отмечают участники исследовательского коллектива В. Богоров, А. Новиков, Е. Серова, гигантские объемы информации (как автоматически генерируемые в режиме реального времени смарт-датчиками, терминалами, сенсорами, так и создаваемые пользователями социальных сетей семантические потоки информации) – это не просто виртуальное отражение процессов, происходящих в жизни современного города, но, собственно и сама жизнь, сам город, в котором каждую секунду происходит взаимодействие «живых» и «неживых» объектов: помимо горожан субъектами повседневного производства и потребления больших информационных потоков становятся мобильные приложения, «умные» элементы инфраструктуры и транспортной системы<sup>367</sup>. Этот непрерывный процесс производства, потребления и обмена большими данными, составляющий весьма внушительный и значимый пласт современной городской жизни, открывает, в том числе, и новые технологические возможности для исследователей, порождает новые методы сбора информации.

Так, в упомянутом исследовании «Археология периферии...» с целью изучения закономерностей повседневных мобильностей горожан использовались данные оператора сотовой связи «Мегафон». Как отмечают сами авторы, такой подход – «сигналы мобильных телефонов вместо пассажиров» – оказывается значительно надежнее и дешевле в сравнении с трудоемкими опросами населения или анализом записей с камер наблюдения<sup>368</sup>. Безусловно, с точки зрения удобства и скорости организации процесса сбора первичной информации, преимущества технологического подхода (в данном случае получение информации от провайдера мобильной связи) неоспоримы. С другой стороны, нарастающая тенденция «технологизации» в способах сбора информации ставит перед

---

<sup>367</sup> Богоров В., Новиков А., Серова Е. Самопознание города // Археология периферии: Исследование для Московского урбанистического форума 2013 «Мегаполисы: развитие за пределами центра». Раздел D «Данные». М.: 2013. С. 383–384.

<sup>368</sup> Там же. С. 385.

исследователями множество вопросов методического характера, касающихся систематизации гигантских объемов автоматически генерируемой информации, которые в условиях роста городской цифровизации год от года только увеличиваются, оценки погрешностей и «смещений» больших массивов данных (в частности, данных социальных медиа). Нельзя не согласиться с замечанием К. Глазкова о том, что абсолютизация «технологической метафоры» влечет за собой упущение из виду множества фрагментов социальной реальности, которые по ряду объективных причин остаются «несхваченными»<sup>369</sup>. Например, передвижения без мобильных телефонов, курьерские передвижения исключительно по веткам метро (с совпадением точки «погружения» и «всплытия») либо противоположные ситуации, связанные с необходимостью «вычищения» из базы «ложных» мобильностей, требуют тщательного анализа ограничений базового методического допущения о «равенстве сигналов мобильного телефона и перемещений людей». Аналогичная оценка погрешностей и систематических смещений в больших данных необходима и для использованной в «Археологии периферии...» методики семантического анализа информационных потоков социальных медиа (Вконтакте, Twitter, Foursquare). Помимо отмеченного нами ранее фактора возрастного смещения выборки горожан-пользователей социальных сетей, возникают вопросы «качественного» характера: Каковы причины и контекст упоминания тех или иных городских мест, объектов, событий? Какова доля ангажированных и свободных упоминаний? Эти и многие другие вопросы, возникающие при реализации любого big data-проекта, нисколько не умаляют значимость и очевидные достоинства исследований подобного рода (междисциплинарность, масштаб охвата городских данных, комплексность источников информации), но, вместе с тем, заостряют внимание на объективных ограничениях сугубо «технологического» подхода.

---

<sup>369</sup> Глазков К. От Археологии периферии к Археологии смыслов // Социология власти. 2014. № 2. С. 251.



Наряду с трендом «технологизации» (поднявшим на повестку вопрос о необходимости тесного взаимодействия исследователей города с IT-специалистами при работе с «big data») наблюдается определенный поворот в сторону «микродетальной» оптики полевых исследований. Сторонники объединения технологических методов фиксации данных и качественных полевых наблюдений в урбанистических исследованиях отмечают, что традиционные источники информации (доступная статистика) не всегда могут обеспечить полное «покрытие» задач исследования, особенно при изучении городского пространства, относящегося к микрогеографическим объектам<sup>370</sup>. Поскольку в городской реальности всегда присутствуют объекты, выпадающие из «поля зрения» не только официальной статистики, но и интернет-источников, полевые фото-наблюдения в комплексных исследованиях городской среды позволяют компенсировать информационные «пробелы»<sup>371</sup>. Так, в частности, для различных направлений исследований в социально-экономической географии (включая изучение различных объектов городской среды), отечественными учеными Р.В. Гончаровым, П.М. Сапановым, А.Д. Яшунским разработана методика полевого исследования с применением технологии «Фото-GPS» – пространственной привязки фотографируемых объектов с последующей компьютерной обработкой данных и их итоговым представлением в визуально-картографическом виде. Посредством данной технологии «массив географически привязанных фотографических данных» трансформируется в «геоинформационные статистические данные, характеризующие исследуемое явление»<sup>372</sup>. Составление на предварительном этапе классификатора фотографируемых объектов и правил их фотографирования позволяют получить достаточно подробную картину фрагментов городской реальности (например, уровня благоустройства городских территорий),

<sup>370</sup> Гончаров Р.В., Сапанов П.М., Яшунский А.Д. Технология сбора пространственных данных в полевых городских исследованиях // Социология власти. 2013. № 3. С. 57.

<sup>371</sup> Сапанов П.М., Гончаров Р.В. Решение локационной задачи как способ комплексного исследования города // Городские исследования и практики. 2017. Том. 2. № 2. С. 81.

<sup>372</sup> Гончаров Р. В., Сапанов П.М., Яшунский А.Д. Технология сбора пространственных данных в полевых городских исследованиях // Социология власти. 2013. № 3. С. 59.

наглядно отображенную на картах с помощью инструментария ГИС. Тем не менее, при высокой скорости обработки полевых данных (достигаемой за счет автоматической синхронизации массива собранных фотографий с их пространственной локализацией) собственно процесс сбора фотографических данных в случае комплексного исследования городской среды микротерриторий, включая все ее составляющие, представляется нам весьма трудоемкой задачей. Выборочный принцип фотографирования в данном случае приведет к «огрублению» итоговой картины распределения исследуемых объектов. Как подчеркивают сами авторы-разработчики, несмотря на то, что технология «Фото-GPS» ориентирована на сбор больших массивов данных об объектах, распределенных в городском пространстве достаточно дисперсно, все же для ряда задач – например, составления карт архитектурного зонирования, – использование данной технологии нецелесообразно, поскольку сопряжено с весьма трудоемким и утомительным процессом фотографирования всех без исключения строений<sup>373</sup>. Помимо указанных ограничений, методика «Фото-GPS» позволяет фиксировать лишь распределение физических объектов в городском пространстве, дополненное исследовательскими оценками уровня проявления того или иного изучаемого свойства среды (например, высокая либо низкая степень озеленения, загрязненности, благоустройства городских территорий). Тогда как собственно нематериальные составляющие городской среды (например, экологическая ситуация, социальный климат, безопасность) и субъективное восприятие жителями их территорий находятся за пределами познавательных возможностей данной методики.

Одной из многократно апробированных в ходе научных экспедиций на примере городов России, Европы и США комплексных методик изучения внутригородской дифференциации является методика, разработанная на кафедре социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ. Эта методика, обозначаемая авторами как

---

<sup>373</sup> Там же. С. 66, 67.

«методика дифференциации городского пространства (ДГП) – полевого изучения неоднородности городской среды» – ориентирована на изучение «сложившейся на территории города системы разнообразных объектов и явлений и их взаимосвязей, а также факторов, влияющих на их развитие»<sup>374</sup>. Реализованные на базе методики ДГП исследования городов проводились с использованием доступных из открытых источников статистических данных, публикаций о городе в местных периодических и исторических изданиях, картографического материала, а также визуальных наблюдений (в том числе с использованием технологии «Фото-GPS»), «точечных» опросов населения и экспертов и охватывали 5 видов дифференциации городского пространства – рельефно-планировочную, функциональную, архитектурную, социально-экономическую, ментальную (восприятие жителями внутригородской структуры, характеристик территории). В рамках последнего вида дифференциации ключевое значение уделялось выявлению вернакулярных районов – районов, ментально «конструируемых» самими горожанами. Эти районы, имеющие специфические топонимы и не обязательно совпадающие с официально существующими районами и их административными границами, определялись на основе опросов жителей.

Главным достоинством методики ДГП является охват различных видов дифференциации городского пространства и комбинирование источников информации, позволяющих представить «мозаику» городской дифференциации в ее различных срезах – рельефно-планировочную, архитектурную, функциональную, социально-экономическую. Вместе с тем, данная методика репрезентирует отдельные виды городской дифференциации (визуально отображаемые с помощью метода картографирования) и не предполагает возможности сведения большого массива данных, различающихся количественными мерами, в единый стандартизированный показатель (индекс). Кроме этого, собственно

---

<sup>374</sup> Павлюк С.Г. Методика дифференциации городского пространства (на примерах городов России, Западной Европы и США // Региональные исследования. 2015. № 3 (48). С. 27.

показатели, характеризующие неоднородность городской среды селитебных зон (именуемые авторами-разработчиками как показатели социально-экономической ДГП) и выступающие основой для построения типологии городских районов (депрессивные, неблагополучные, благополучные, престижные, элитные), оцениваются исследователями с определенной долей субъективизма (в баллах, которые усредняются для получения показателя социально-экономического развития каждого района). Балльная оценка осуществляется по 10 категориям, отражающим социально-экономическую дифференциацию городских районов. Среди них – «транспортная обеспеченность, социальная инфраструктура, фактор соседства, преступность, внешний вид зданий, экологическая обстановка, цены на недвижимость, состояние ЖКХ, благоустройство территории, социальный климат»<sup>375</sup>. Для каждой категории разрабатывалась специальная шкала, позволяющая снизить долю субъективизма, но не исключить его полностью в связи с использованием для целого ряда анализируемых признаков «визуальных» референтов, фиксируемых непосредственно самим исследователем.

Так, например, баллы в шкале оценки внешнего вида зданий выставляются согласно визуальным наблюдениям, предполагающим следующие оценочные категоризации: свежестроенные, отремонтированные дома без внешних эффектов (4 балла); отдельные дефекты отделки домов (3 балла); существенные дефекты домов, следы самостроя, саморемонта, подтеки на стенах, жалобы на состояние ЖКХ (2 балла); преобладающая часть зданий имеет необратимые дефекты построек (1 балл); преобладающая часть зданий «под снос» (0 баллов)<sup>376</sup>. Или: социальный климат районов по ряду критериев оценивается на основе однозначно определяемых признаков-референтов, например: «закрытая для посторонних территория» – элитные кварталы (4 балла); «видимая

---

<sup>375</sup> Там же. С. 30.

<sup>376</sup> Там же. С. 30.

общественная дворовая жизнь» – оживленные районы центра города или спальные районы (3 балла); «наличие грязи, мусора, признаков вандализма, люмпенов, алкоголиков» – маргинальные кварталы (0 баллов). Тогда как по ряду других признаков, определяющих уровень благополучия социального климата и соответствующий ему тип района, используются весьма «размытые» референты – референты «ощущения», например, «умеренные признаки социальной деградации – «типовой район» (2 балла); «наличие превалирующих *по ощущениям* признаков социальной деградации» (1 балл)<sup>377</sup>.

В целом методика изучения различных видов внутригородской дифференциации, разработанная на кафедре социально-экономической географии зарубежных стран МГУ, ориентирована на оперативный сбор информации о любом городе мира, даже в условиях отсутствия доступа к муниципальной статистике и информационной поддержке местных властей. Поэтому большая часть информации собирается посредством городских маршрутов (наблюдений) и опросных методов. Кабинетное исследование (сбор предварительной статистической, картографической, медийной информации) используется как для стартового ознакомления, так и для сравнения и анализа полученных полевых данных. С точки зрения скорости, гибкости (возможности замены полевых индикаторов согласно особенностям конкретного города), воспроизводимости (возможности полного или частичного применения методики в любом городе мира), относительной независимости от наличия официальной статистической информации и установления контактов с муниципальной властью данная методика представляет собой универсальный инструмент городских исследований, позволяющий в достаточно короткие сроки получить дифференцированную картину внутригородского разнообразия и типологизировать городские районы в зависимости от их ключевых характеристик, наблюдаемых исследователем-оценщиком и/или артикулируемых самими горожанами-

---

<sup>377</sup> Там же. С. 34.

участниками опроса. Однако, данная методика, охватывая многообразие видов дифференциации, тем не менее, не сфокусирована непосредственно на полноте охвата показателей качества городской среды и их количественной верификации, необходимой для построения композитных индексов и получаемой на их основе позиционной иерархии городских районов по качеству городской среды.

Среди исследований территориальной дифференциации городской среды, выполненных на базе собственно социологического инструментария и «низовом» уровне сбора данных, особенно стоит отметить проект Московского института социально-культурных программ по изучению уникальных характеристик территорий Москвы. Реализованное под руководством К.А. Пузанова и П.М. Степанцова в рамках этого проекта исследование «Механика Москвы. Исследование городской среды» основывалось на синергии статистических и социологических данных, которые собирались на уровне городских районов (муниципальных округов) в противовес широко распространенной практике сбора данных на уровне более крупных единиц – административных округов Москвы<sup>378</sup>. Подход, основанный на объединении статистических и социологических данных, соответствует современным стандартам измерения качества городской среды: статистические данные используются для оценки обеспеченности / насыщенности городских территорий разнообразными объектами инфраструктуры, тогда как социологические позволяют оценить реальные практики «пользования» инфраструктурой, а также соответствие предлагаемых благ/услуг потребностям жителей – субъективную удовлетворенность.

Измерение качества городской среды в методике К.А. Пузанова, П.М. Степанцова охватывает 7 ключевых сфер, которые воспроизводят сложившиеся в международной исследовательской практике критерии

---

<sup>378</sup> Пузанов К.А., Степанцов П.М. Механика Москвы. Исследование городской среды. М.: Издание Московского института социально-культурных программ, 2014.

оценки качества городской среды, – это: безопасность среды, жилищные условия, образование, здравоохранение, экологическая ситуация, транспортная ситуация, культурная жизнь<sup>379</sup>. Каждая из семи сфер, в свою очередь, представлена несколькими показателями – как объективными, так и субъективными. Общая матрица оцениваемых показателей включает в себя более 100 позиций, нормированных по шкале от 0 до 100. На основе совокупности показателей, характеризующих развитие определенной сферы городской жизни, конструировались индексы, показывающие рейтинги районов по отдельным компонентам городской среды. Редуцирование переменных к индексу осуществлялось на основе факторного анализа, позволяющего выявить устойчивые корреляции (связанные друг с другом показатели качества городской среды) и определить значимость каждого показателя в итоговом параметре. Как отмечают сами авторы-разработчики, использование статистически обоснованной процедуры объединения переменных в индексы является отличительной особенностью методики, выделяющей ее из ряда других индексных методик оценки качества городской среды, в которых веса переменным назначаются произвольно<sup>380</sup> – согласно исследовательским либо экспертным представлениям о значимости признака. Другим важным отличием данной методики является отказ от построения интегрального рейтинга, комплексно характеризующего среду городских районов по всем выделенным сферам. По мнению авторов-разработчиков, выступающих против иерархического принципа сравнения территорий города, ранжирование функционально различающихся районов (например, центральных и спальных) на основе единой «мерки» является «пагубной стратегией» (в отличие от типологии, показывающей уникальные характеристики районов – типы городской среды)<sup>381</sup>. Но в то же самое время авторы считают возможным строить рейтинги (иерархию районов) по отдельным параметрам развития городской среды и утверждают среди

---

<sup>379</sup> Там же. С. 17.

<sup>380</sup> Там же. С. 15.

<sup>381</sup> Там же. С. 10.

определяющих методологических принципов своего исследования «комплексность охвата всех аспектов городской жизни»<sup>382</sup>. На наш взгляд, эти два тезиса – невозможность единого основания для сравнения различных городских территорий и необходимость рассматривать городскую среду как взаимосвязанный конгломерат составляющих ее элементов – в некотором смысле противоречат друг другу. Кроме этого, спектр инфраструктурных удобств, благ, услуг городской повседневности в современных мегаполисах в значительной степени является универсальным набором параметров, по которым вполне правомерно оценивать уровень средового благополучия любого района города. То есть выбор единого критерия (критериев) для сравнения территорий города, на наш взгляд, не представляет столь значимую методическую проблему, разрешение которой авторы видят в использовании типологии вместо рейтингов.

Главным результатом исследования «Механика Москвы...», предопределенным его целью – выявлением уникальных черт районов – явилось построение типологии районов, отражающей преимущественный функционал территории, ее средовые преимущества и недостатки. Для выделения групп районов, схожих по параметрам развития городской среды, применялся кластерный анализ. Описание полученных кластеров осуществлялось путем сравнения среднего значения каждого параметра в кластере с его общегородским средним значением. Были выделены такие типы городских районов, как локальные центры, офисно-туристические территории, комфортная Москва, семейные районы, периферия, молодая Москва, переходные территории, соседские территории, исключенные территории.

В целом разработанная К.А. Пузановым, П.М. Степанцовым методика исследования территориальной дифференциации городской среды и проведенное на ее основе исследование районов Москвы представляют собой пример детального анализа специфических характеристик всего массива

---

<sup>382</sup> Там же. С. 11.



районов мегаполиса. Признавая безусловно высокий познавательный потенциал данной методики, позволяющий выявить распределение всего массива районов мегаполиса по типам городской среды, тем не менее, отметим, что предложенный авторами типологический подход по большей мере воспроизводит теоретическую модель функционального позиционирования, в рамках которой определяются ключевые средовые характеристики районов, отнесенных к той или иной группе.

Предлагаемый нами подход не опровергает важности фиксации существующей картины распределения районов по типам выполняемых функций и соответствующих им средовым характеристикам, однако, в соответствии с прогрессивным урбанистическим видением (мультифункциональность городских районов, концепция «15-минутного города»), на наш взгляд, необходим анализ каждого городского района с точки зрения возможностей и перспектив «вмещения» спектра функций, реализуемых на территории шаговой доступности.

Таким образом, проведенный анализ достоинств и ограничений существующих в современной отечественной науке методик исследования территориальной дифференциации городской среды позволяет нам с учетом заявленного в предыдущих параграфах концептуального видения стратегии развития современного мегаполиса и теоретической модели анализа его средовой дифференциации предложить эмпирическую модель оценки территориальной дифференциации качества среды мегаполиса с использованием композитных индексов. Архитектура нашей эмпирической модели базируется на следующих ключевых принципах:

1. Комбинация статистических (объективных) и социологических (субъективных) данных, полученных в ходе опроса городского населения. Первые позволяют оценить городскую среду с точки зрения формального обеспечения горожан необходимыми благами, тогда как вторые – с позиций реальных практик «пользования» городскими благами, а также

удовлетворенности горожан различными составляющими городской среды и предоставляемым спектром услуг.

2. «Резидентный детерминизм». Используя в общем массиве как объективные, так и субъективные данные, главенствующую роль мы отводим последним. Взгляд на городскую среду с позиций ее главных субъектов – резидентов – позволяет выявить, насколько объективные условия жизни соответствуют реальным потребностям горожан. Ведь в конечном счете достоверная оценка качества городской среды определяется не показателями формального наличия культурных, образовательных, деловых, жилых, развлекательных и прочих инфраструктурных объектов, а «конвертацией» достигнутых показателей в качество жизни и благополучие жителей – с точки зрения их собственного восприятия, удовлетворенности.

3. Микромасштабный (максимально детальный) уровень сбора данных. Поскольку данные, собранные в целом по мегаполису и даже на уровне его крупных территориальных единиц (например, административных районов), не могут с высокой степенью детальности отражать существующую дифференциацию средовых условий и служить достаточным основанием для принятия управленческих решений по развитию локальных территорий, мы собирали данные на максимально возможном детальном уровне – на уровне городских микрорайонов.

4. Комплексный охват показателей, характеризующих качество среды микрорайонов города как целостности взаимосвязанных условий, в которых протекают процессы жизнеобеспечения и жизнедеятельности населения. Выбор оценочных направлений и соответствующих им показателей качества городской среды определялся с учетом сложившихся в мировой практике стандартных урбанистических критериев – областей оценивания (параграф 2.2), а также с учетом реализации задачи выявления социально-функциональной насыщенности городских территорий, позволяющей охарактеризовать микрорайоны как по отдельным функциям (резидентная,

трудова́я, рекреационно-досуговая), так и по сочетанной реализации всех функций (мультифункциональность – параграф 2.1).

Общая схема предлагаемой эмпирической модели оценки качества среды городских микрорайонов представлена на рисунке 5.

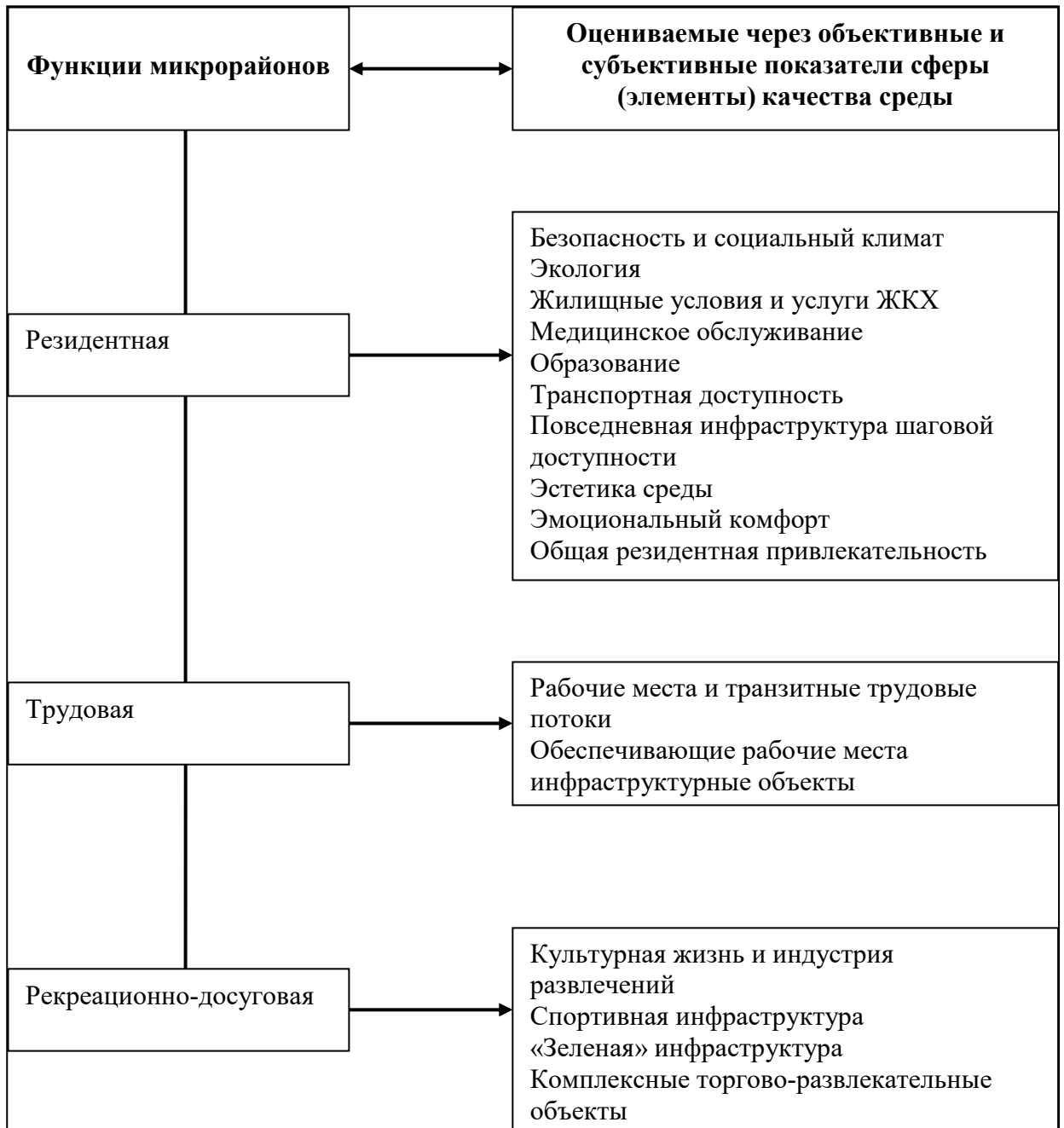


Рисунок 5. Эмпирическая модель оценки качества среды городских микрорайонов

Полный перечень использованных объективных и субъективных показателей для оценки отдельных составляющих качества городской среды приведен в приложении 1 (таблица 1). Общая база данных включала в себя более 80 показателей, распределенных по сферам и соответствующим им функциям. Для ряда оцениваемых сфер (таких, как: эмоциональный комфорт, эстетические характеристики среды, обобщенная резидентная привлекательность – выбор микрорайона с идеальными условиями жизни) в силу проблематичности-дискуссионности отбора точных объективных референтов использовались только субъективные оценки населения.

5. Расчет индексов, позволяющих получить как интегральную оценку качества среды в микрорайонах города («вбирающую» в себя весь массив объективных и субъективных данных), так и детализированную оценку по отдельным средовым параметрам в 3D-функциональной проекции.

Процедура расчета композитного индекса качества среды микрорайонов мегаполиса включала несколько этапов:

1) Стандартизация значений всех показателей – их приведение в единую шкалу от 0 до 1. При этом значение 0 присваивалось минимальному показателю, значение 1 – максимальному. В случаях, когда минимальное значение показателя свидетельствовало о более выраженном качестве среды (например, загрязненность атмосферного воздуха; удельный вес жителей, проживающих в неблагоприятных условиях по шуму; количество дефицитных благ и сервисов пешеходной доступности и пр. – чем ниже показатель, тем выше качество среды), присвоение значений было обратным (0 – максимальное значение, 1 – минимальное значение исходного показателя). Соответственно, для стандартизации значений показателей использовалась одна из следующих формул:

$$i_j = \frac{x_j - x_{min}}{x_{max} - x_{min}} \quad (1),$$

$$i_j = 1 - \frac{x_j - x_{min}}{x_{max} - x_{min}} \quad (2),$$

где

$i_j$  – стандартизированное значение показателя по  $j$ -му микрорайону;

$x_j$  – исходное значение показателя по  $j$ -му микрорайону;

$x_{\min}$  – минимальное из исходных значений показателя;

$x_{\max}$  – максимальное из исходных значений показателя.

2) Расчет по формулам средней арифметической индексов микрорайонов по оцениваемым сферам (элементам) качества среды и соответствующим им функциям.

3) Расчет композитного индекса качества среды микрорайонов мегаполиса. Он строился на основе трех индексов микрорайона по реализуемым им функциям:

$$I_i = a_1 i_{1i} + a_2 i_{2i} + a_3 i_{3i} \quad (3)$$

$I_i$  – композитный индекс  $i$ -го микрорайона;

$a_1$  – вес функционального индекса  $i$ -го микрорайона по резидентной функции;

$i_{1i}$  – функциональный индекс  $i$ -го микрорайона по резидентной функции;

$a_2$  – вес функционального индекса  $i$ -го микрорайона по трудовой функции;

$i_{2i}$  – функциональный индекс  $i$ -го микрорайона по трудовой функции;

$a_3$  – вес функционального индекса  $i$ -го микрорайона по рекреационно-досуговой функции;

$i_{3i}$  – функциональный индекс  $i$ -го микрорайона по рекреационно-досуговой функции.

Веса всех функций были признаны равными, поскольку согласно прогрессивным урбанистическим моделям достижение устойчивого городского развития обеспечивается при условии гармоничного сочетания различных функций в пределах каждого района/микрорайона.

4) Расчет субиндексов микрорайонов по объективным и субъективным показателям. Эти субиндексы были рассчитаны дополнительно для

возможности сопоставительного анализа оценок микрорайонов по официальным статистическим данным и субъективным оценкам населения по формулам (4), (5):

$$I_{j_o} = \frac{\sum_{n=1}^k i_{n_{j_o}}}{k} \quad (4),$$

$$I_{j_s} = \frac{\sum_{n=1}^l i_{n_{j_s}}}{l} \quad (5),$$

где

$I_{j_o}$  – субиндекс  $j$ -го микрорайона по объективным показателям;

$k$  – количество объективных показателей;

$i_{n_{j_o}}$  – объективный индекс  $j$ -го микрорайона по показателю  $n$ ;

$I_{j_s}$  – субиндекс  $j$ -го микрорайона по субъективным показателям;

$l$  – количество субъективных показателей;

$i_{n_{j_s}}$  – субъективный индекс  $j$ -го микрорайона по показателю  $n$ .

Таким образом, разработанная нами эмпирическая модель оценки территориальной дифференциации среды мегаполиса построена на теоретическом базисе современных урбанистических идей (мультифункциональность городских территорий, компактность и полицентричность городского развития, антропоцентричность и доступность городской среды и, как следствие, обеспечение экологической, экономической, социальной городской устойчивости) и инструментальной платформе индексного метода, позволяющего агрегировать большой массив объективных и субъективных данных, характеризующих различные аспекты городской жизни в проекции функциональной насыщенности микрорайонов.

Данная методика обладает гибкостью в адаптации к особенностям конкретных объектов исследования (городов): при сохранении общего концептуального «каркаса» (видения устойчивого городского развития сквозь призму мультифункциональности городских территорий и шаговой доступности ключевых городских сервисов и благ) она достаточно

вариативна в выборе перечня показателей, репрезентирующих те или иные сферы городской жизни. Подчеркнем, что намеренное исключение в нашей методике ряда показателей для оцениваемых сфер «образование» и «культурная жизнь» продиктовано необходимостью «снять» фактор гипертрофированности центра города с точки зрения его обеспеченности учреждениями высшего профессионального образования и культурными институциями общегородского значения (театры, музеи, галереи, выставочные залы и пр.). Очевидно, что в любом мегаполисе (даже высокой степени полицентричности) каждый район/микрорайон не может иметь свой вуз, театр или музей. Тогда как иные объекты, сервисы и условия, связанные с реализацией витальных, повседневных рутинных, коммуникативных, потребительских, локальных культурно-рекреационных и образовательных потребностей и практик, непременно должны включаться в оценку микрорайонной среды. К анализу результатов эмпирического исследования территориальной дифференциации качества среды мегаполиса (на примере исследования микрорайонов Екатеринбурга) мы переходим в следующем параграфе.

### ГЛАВА 3. СОУПРАВЛЕНИЕ НА УРОВНЕ ГОРОДСКИХ МИКРОРАЙОНОВ: ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ

#### **3.1 Территориальная дифференциация качества среды мегаполиса как информационно-аналитическая база для разработки программ развития городских микрорайонов: на материалах исследования Екатеринбурга**

Разработанная нами методология и методика исследования территориальной дифференциации городской среды мегаполиса была апробирована на примере мегаполиса Екатеринбург. Источниками информации для расчета индексов качества городской среды микрорайонов Екатеринбурга стали: 1) данные официальной муниципальной статистики о состоянии отдельных сфер в каждом микрорайоне, предоставленные городской администрацией; 2) данные опроса населения в возрасте от 15 лет всех городских микрорайонов ( $n = 3570$ )<sup>383</sup>.

В таблице 2 приведен фрагмент рассчитанных индексов для 10 микрорайонов-лидеров по интегральному качеству городской среды – композитному индексу (позиционная картограмма и расчетные данные по всем городским микрорайонам представлены в приложении 1: рисунок 1, таблица 2). Значения индексов качества городской среды микрорайонов-лидеров свидетельствуют о том, что ни один микрорайон из лидерского списка не «дотягивает» до максимально возможного, идеального уровня с максимально высокими показателями по всем исследуемым сферам

---

<sup>383</sup> Статистические данные характеризуют состояние городской среды за 2016 г. Опрос жителей Екатеринбурга был проведен в ноябре-декабре 2016 г. Опрос проходил в два этапа: 1) онлайн-опрос на основе потоковой выборки с использованием совокупности сайтов, обеспечивающих репрезентацию широких слоев населения (анкета была размещена на ведущем информационном портале города – e1.ru; сайте городской администрации; во всех виртуальных сообществах в социальных сетях, посвященных Екатеринбургу; в тематических группах городских активистов, лидеров общественного мнения, чья деятельность направлена на улучшение городской среды обитания). 2) добор респондентов из слабо представленных возрастных групп (от 55 лет) для традиционного анкетного опроса в местах концентрации жителей старшего возраста (поликлиники, продуктовые супермаркеты и магазины шаговой доступности во время дневных скидок для пенсионеров). На завершающем этапе формирования выборки была использована весовая калибровочная корректировка с помощью процедур частотного выравнивания – постстратификации по признакам пола, возраста, микрорайона проживания.



## Значения индексов качества среды микрорайонов-лидеров г. Екатеринбурга

Микрорайон	Резидентная функция										Трудовая функция		Рекреационно-досуговая функция				Индексы и субиндексы					
	Безопасность и социальный климат	Экологическая ситуация	Жилищные условия и услуги ЖКХ	Медицинское обслуживание	Образование	Транспортная ситуация	Повседневная инфраструктура шаговой доступности	Эстетические визуальные характеристики среды	Эмоциональный комфорт	Общая резидентная привлекательность	Рабочие места и транзитные трудовые потоки	Обеспечивающие рабочие места инфраструктурные объекты	Культурная жизнь и индустрия развлечений	Спортивная инфраструктура	«Зеленая» инфраструктура	Комплексные торгово-развлекательные объекты	Композитный	Объективный	Субъективный	По функциям		
																				Резидентная	Трудовая	Рекреационно-досуговая
Центральный	0,737	0,298	0,852	0,463	0,636	0,813	0,701	0,708	0,621	1,000	0,819	0,468	0,647	0,402	0,820	0,938	0,683	0,587	0,746	0,683	0,643	0,702
Юго-Западный	0,721	0,494	0,824	0,453	0,662	0,705	0,757	0,685	0,666	0,436	0,301	0,593	0,495	0,361	0,377	0,735	0,579	0,449	0,654	0,640	0,447	0,492
ВИЗ	0,701	0,595	0,813	0,430	0,564	0,745	0,765	0,648	0,639	0,244	0,228	0,594	0,483	0,405	0,153	0,783	0,549	0,431	0,621	0,614	0,411	0,456
Пионерский	0,649	0,526	0,783	0,414	0,675	0,829	0,758	0,608	0,610	0,236	0,280	0,594	0,442	0,267	0,384	0,559	0,538	0,440	0,607	0,609	0,437	0,413
Втузгородок	0,754	0,503	0,792	0,419	0,689	0,832	0,686	0,697	0,672	0,224	0,389	0,544	0,542	0,479	0,220	0,142	0,537	0,472	0,571	0,627	0,467	0,346
ЖБИ	0,634	0,588	0,756	0,416	0,715	0,688	0,731	0,635	0,601	0,080	0,185	0,586	0,435	0,368	0,525	0,468	0,526	0,428	0,603	0,584	0,385	0,449
Ботанический	0,805	0,272	0,818	0,225	0,732	0,804	0,626	0,722	0,648	0,344	0,219	0,268	0,447	0,347	0,513	0,578	0,523	0,278	0,670	0,600	0,243	0,471
Академический	0,890	0,667	0,953	0,450	0,537	0,568	0,490	0,918	0,697	0,360	0,184	0,073	0,487	0,364	0,215	0,192	0,503	0,264	0,620	0,653	0,129	0,314
Автовазгал	0,702	0,324	0,874	0,412	0,639	0,858	0,647	0,682	0,611	0,096	0,281	0,388	0,472	0,220	0,203	0,626	0,502	0,356	0,605	0,584	0,335	0,380
Парковый	0,752	0,672	0,791	0,464	0,512	0,833	0,427	0,722	0,701	0,080	0,215	0,079	0,360	0,282	0,934	0,147	0,498	0,299	0,616	0,595	0,147	0,431

и соответствующим им функциям (то есть значений индексов, максимально близких к 1). Среди микрорайонов-лидеров, характеризующихся наиболее высоким значением композитного индекса, оказываются не только микрорайоны с длительной историей наращивания инфраструктурно-функциональных потенциалов и устойчивым бэкграундом, формировавшимся еще в досоветский и/или советский периоды (Центральный, ВИЗ, Пионерский, Втузгородок, Парковый, Автовокзал, Юго-Западный, ЖБИ), но также и самые молодые, активно развивающиеся в последние годы микрорайоны – это Ботанический и Академический, начавшие застраиваться с 1987 и 2005 г. соответственно.

Очевидное первенство Центрального микрорайона обусловлено тем, что аналогично центральным районам многих европейских и российских городов, он несет на себе печать нескольких эпох, каждая из которых оставила свой культурно-исторический, архитектурно-градостроительный, социально-экономический, ментальный «слой», составляющий наряду с постоянно происходящими современными реновациями функционально-насыщенную среду. Это единственный микрорайон, который выдерживает лидерские позиции абсолютно по всем индексам – композитному, объективному, субъективному, резидентному, трудовому, рекреационно-досуговому. Главным преимуществом Центра является близость доступа ко всем ключевым городским сервисам и благам, включая рабочие места, развитость торгово-развлекательной инфраструктуры и насыщенность культурной жизни. Тогда как очевидным недостатком, в сравнении с другими топ-микрорайонами, является экологическая ситуация.

Наряду с ярко выраженным центром, Екатеринбург отличается наличием характерных районов, каждый из которых имеет свои специфические атрибуты-достоинства, способствующие формированию позиций центров второго порядка. Например, привлекательность Пионерского преимущественно обусловлена близостью к центру и высокой транспортной доступностью, а также наличием локальных точек сервисной и

торговой активности. Также имеющий хорошую связанность с центром Втузгородок, получивший свое название как городок высших технических учебных заведений, вокруг которого с 1929 года возводились студенческие общежития и дома профессорско-преподавательского состава, несмотря на современную многоэтажную застройку внутри микрорайона, сохранил особый облик преобладающей камерной атмосферы четырех-пятиэтажных зданий в стиле сталинского ампира и устойчивую репутацию района «обитания» творческой интеллигенции и студенческой молодежи. Кроме этого, сегодняшний Втузгородок активно развивается как место приложения труда, занимая второе место после центра по «трудовой функции». Юго-Западный и ВИЗ, формировавшиеся в 1960-е – 1970-е гг. как крупные жилые районы, в настоящее время развиваются как полифункциональные с новыми центрами занятости и культурной активности. Один из самых компактных по застройке микрорайонов Автовокзал (в отличие от отдаленного компактного Академического), не имея ярко выраженной доминанты, во многом выигрывает за счет близости ко всем ключевым магистральным транспортным путям, разнообразию видов транспорта, обеспечивающего удобную и быструю связанность с другими городскими территориями и объектами транзита, включая 15-минутную досягаемость железнодорожного вокзала (на метро) и аэропорта (по объездной дороге). Главными преимуществами микрорайонов Парковый и ЖБИ выступают обширные зеленые пространства. На территории первого расположен Центральный парк культуры и отдыха – один из крупнейших парков в регионе Урала и Сибири, имеющий ценность для сегодняшних горожан не только по причине масштаба зеленой территории в черте города, но и по причине широких инфраструктурных возможностей для реализации досуговых практик времяпровождения. Привлекательность второго определяется близостью живописного геолого-археологического памятника природы Каменные палатки (гранитные скалы-останцы) и зоны отдыха озера Шарташ, повлиявшей на формирование различных спортивных, рекреационных и

сервисных объектов. Самые молодые городские микрорайоны – Ботанический и Академический – набирают «вес» за счет динамичного инфраструктурного наращивания и строительства новых объектов. В частности, открытие станции метро «Ботаническая» в 2011 г. серьезным образом изменило транспортную доступность микрорайона Ботаника и его связность с центром города и другими районами. Кроме этого, Академический и Ботанический микрорайоны отличаются на общегородском фоне высоким уровнем безопасности жизни. Так, в Академическом создана и успешно функционирует принципиально новая для Екатеринбурга система обеспечения безопасности жизнедеятельности, включающая в себя круглосуточное видеонаблюдение за территорией и расположенными на ней объектами как минимум с двух камер, патрулирование кварталов, тревожные кнопки связи жителей домов с диспетчерским пунктом быстрого реагирования, сервисы сопровождения детей, безопасную планировку пространства с пониженными бордюрами, современными покрытиями детских и спортивных площадок, отсутствием сквозных проездов внутри кварталов, выделенными велодорожками и специальными велосветофорами. Наряду с высоким уровнем безопасности жизни, объективно подтверждаемым отсутствием тяжких преступлений на территории микрорайона за весь период его существования, он характеризуется самым высоким качеством жилищных условий и услуг ЖКХ, эстетической визуальной привлекательностью, эмоциональным комфортом (разделяя первенство по последнему параметру с Парковым). Не случайно Академический, вошедший в число экспериментальных инвестиционных проектов комплексного освоения территории, включенных правительством РФ в программы государственной поддержки массового жилищного строительства, получил высокие оценки со стороны экспертного сообщества: его градостроительная концепция была удостоена «Серебряного диплома» XIV Международного фестиваля «Зодчество-2006», на котором были

представлены лучшие архитектурные произведения 2004-2006 годов<sup>384</sup>. Главным же недостатком Академического, обусловленным его территориальной удаленностью от городского ядра, является транспортная доступность.

Весьма показательным результатом нашего исследования, свидетельствующим о произошедших в последние два десятилетия трансформациях городской среды, выступает «переопределение» значимости отдельных микрорайонов в общегородском пространстве. Наиболее яркий пример утраты доминирующих в индустриальную эпоху позиций – микрорайон Уралмаш, который и сегодня находится на первом месте по численности населения (180,6 тыс. чел), на втором (после ВИЗа) – по занимаемой площади (33,5 км<sup>2</sup>), однако не попадает в топ наиболее привлекательных по качеству городской среды (композитному индексу) микрорайонов. Справедливости ради стоит отметить, что Уралмаш как наиболее крупный и знаковый объект советского периода, спроектированный по принципу соцгорода и «выросший» из рабочего поселка Уральского завода тяжелого машиностроения, в сравнении с другими рабочими поселками (сегодня микрорайонами), формирующимися вокруг одноименных заводов (Эльмаш, Химмаш, Вторчермет), более всего сохранил изначальную социальную инфраструктуру и специфический облик – самостоятельный «город в городе». По интегральному качеству городской среды он занимает 12-е место из 66 городских микрорайонов, по резидентной привлекательности 20-е, по трудовой и рекреационно-досуговой – 9-е. Вместе с тем, постсоветские процессы самоорганизации населения и бизнеса, определяющие полицентричность «нового» для Екатеринбурга типа<sup>385</sup>, связанную с формированием сервисных, торговых, рекреационных центров

---

<sup>384</sup> Академический стал лидером просмотров на портале поиска жилья в Екатеринбурге. ТАСС: Информационное агентство России. URL: <http://tass.ru/novosti-partnerov/3969726>

<sup>385</sup> Полицентричность «старого» типа определялась тем, что в советское время Екатеринбург (один из крупнейших промышленных городов России) формировался в условиях плановой экономики как конгломерат рабочих поселков – соцгородков с первичной инфраструктурой, создававшейся согласно директивным нормативам (но не реальным потребностям людей) и задачам воспроизводства рабочей силы.

активности, внесли существенные коррективы в «переопределение» позиций городских микрорайонов и их средовых доминант, что, собственно, и отражают результаты нашего исследования – а именно выявленные микрорайоны-лидеры. Сегодняшнее доминирование Центра и формирование новых (неиндустриальных) центров второго порядка можно рассматривать как определенный компенсаторный «ответ» на издержки плановой индустриализации, механизм преодоления «поселковости» городской среды.

В таблице 3 представлены показатели описательной статистики, характеризующие качество среды мегаполиса по каждому включенному в анализ параметру.

Таблица 3

## Показатели описательной статистики по качеству среды мегаполиса

Параметры	Статистические показатели		
	Средняя арифметическая	Медиана	Среднеквадратическое отклонение
<b>Сферы (элементы) качества городской среды</b>			
Безопасность и социальный климат	0,487	0,606	0,308
Экологическая ситуация	0,637	0,681	0,153
Жилищные условия и услуги ЖКХ	0,580	0,727	0,316
Медицинское обслуживание	0,366	0,366	0,104
Образование	0,442	0,500	0,214
Транспортная ситуация	0,498	0,618	0,311
Повседневная инфраструктура шаговой доступности	0,329	0,358	0,238
Эстетические визуальные характеристики среды	0,454	0,556	0,286
Эмоциональный комфорт	0,492	0,611	0,293
Общая резидентная привлекательность	0,061	0,004	0,150
Рабочие места и транзитные трудовые потоки	0,138	0,143	0,133
Обеспечивающие рабочие места объекты инфраструктуры	0,158	0,090	0,175
Культурная жизнь и индустрия развлечений	0,283	0,318	0,192
Спортивная инфраструктура	0,204	0,206	0,156
«Зеленая» инфраструктура	0,210	0,183	0,195
Комплексные торгово-развлекательные объекты (ТРЦ)	0,165	0,106	0,209
<b>Индексы</b>			
Композитный индекс	0,344	0,396	0,165
Функциональные индексы:			
- по резидентной функции	0,435	0,508	0,187
- по трудовой функции	0,148	0,114	0,141
- по рекреационно-досуговой функции	0,216	0,224	0,157
Субиндекс по объективным показателям	0,259	0,251	0,096
Субиндекс по субъективным показателям	0,388	0,456	0,214

Данные таблицы 3 (среднеквадратичные отклонения) свидетельствуют о высокой дифференциации значений отдельных средовых составляющих,

индексов и субиндексов. Следовательно, городские районы заметно отличаются друг от друга как по отдельным параметрам, так и по интегрированным оценкам. Кроме этого, различные сферы городской жизни развиты неодинаково. Сильно различающиеся средние значения отдельных параметров отражают характерные для современных городов сложности гармоничного, комплексного развития множества сфер, нередко вступающих в антагонизм друг с другом. Так, осуществляемые «сверху» проекты реновации территорий, уплотнительная застройка нарушают сложившийся облик городских районов, ведут к утрате символического значения мест, негативно влияют на комфортность жизни локальных резидентов. Внедрение новых объектов (в том числе – имеющих социально-культурную значимость, но вступающих в противоречие с представлениями жителей о предназначении тех или иных мест городского пространства) зачастую порождает острые конфликты между заинтересованными сторонами. Один из типичных примеров такого рода – получившие общероссийский медийный резонанс гражданские акции протеста в Екатеринбурге (2019 г.) против строительства храма Святой Екатерины в сквере около драматического театра<sup>386</sup>. Текущая повседневность практически каждого российского мегаполиса изобилует примерами сноса исторических зданий, вырубки зеленых насаждений, «ломки» архитектурного облика в угоду чаще всего коммерческим либо «презентационным» приоритетам. Поэтому соблюдение баланса в развитии отдельных сфер городской жизни – экономической, социальной, экологической – чрезвычайно сложная задача, требующая согласования интересов множества городских институций и стейкхолдеров.

Важно отметить, что при отсутствии максимально высоких значений всех индексов (даже среди микрорайонов-лидеров), 20 из 66 городских микрорайонов, в которых проживает 19,2 тыс. человек, имеют значение

---

<sup>386</sup> См.: Гирш А., Реутова А. Горожане отстояли в сквере // Коммерсант (Екатеринбург). № 82 от 16.05.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3968870> (дата обращения 20.07.2021.)

композитного индекса ниже среднего по мегаполису. 35 микрорайонов с численностью проживающего в них населения свыше 117 тыс. человек имеют объективный индекс ниже среднего общегородского и 23 микрорайона с численностью населения 45,6 тыс. человек имеют субъективный индекс ниже среднего значения по городу.

Количество микрорайонов и численность проживающего в них населения со значением индекса выше и ниже среднего общегородского по отдельным функциям представлены в таблице 4.

Таблица 4

Распределение населения по группам микрорайонов: функциональная дифференциация

Функции микрорайонов	Микрорайоны с индексами ниже средних по мегаполису			Микрорайоны с индексами выше средних по мегаполису		
	Число микрорайонов	Численность проживающего населения, тыс. чел.	Доля от общей численности населения, %	Число микрорайонов	Численность проживающего населения, тыс. чел.	Доля от общей численности населения, %
Резидентная	18	14,5	1,0	48	1463,8	99,0
Трудовая	40	169,6	11,5	26	1308,7	88,5
Рекреационно-досуговая	31	96,0	6,5	35	1382,3	93,5

Данные таблицы 4 показывают, что наиболее благополучная ситуация в целом по мегаполису складывается с реализацией микрорайонами резидентной функции, наименее благоприятная – с насыщенностью микрорайонов центрами занятости (реализацией трудовой функции). Подобная ситуация вполне ожидаема, поскольку для превращения изначально формировавшихся как «спальных» (монофункциональных) микрорайонов в поли- или мультифункциональные в процессе движения к прогрессивным моделям городского развития требуется достаточно длительный период. Драйвером этого процесса для «резидентных» микрорайонов является, прежде всего, развитие сервисно-ориентированных локальных бизнесов, главной предпосылкой «закрепления» которых в жилых районах является соответствие актуальным потребностям жителей – спросу на те или иные виды услуг.



Представленная в таблице 5 дифференциация микрорайонов по отдельным элементам качества городской среды, дополняя предыдущие данные, выявляет наиболее проблемные сферы, затрагивающие значительную численность проживающего в менее благополучных (в сравнении с общегородской ситуацией) микрорайонах.

Таблица 5

Распределение населения по группам микрорайонов: дифференциация по элементам качества городской среды

Сферы (элементы) качества городской среды	Микрорайоны с индексами ниже средних по мегаполису			Микрорайоны с индексами выше средних по мегаполису		
	Число микрорайонов	Численность проживающего населения	Доля от общей численности населения, %	Число микрорайонов	Численность проживающего населения	Доля от общей численности населения, %
Безопасность и социальный климат	22	151,4	10,2	44	1326,9	89,8
Экологическая ситуация	28	1314,2	88,9	38	164,1	11,1
Жилищные условия и услуги ЖКХ	22	39,8	2,7	44	1438,5	97,3
Медицинское обслуживание	33	329,6	22,3	33	1148,7	77,7
Образование	31	62,3	4,2	35	1416,0	95,8
Транспортная ситуация	22	30,9	2,1	44	1447,4	97,9
Повседневная инфраструктура шаговой доступности	29	59,4	4,0	37	1418,9	96,0
Эстетические визуальные характеристики среды	33	290,9	19,7	33	1187,3	80,3
Эмоциональный комфорт	20	67,5	4,5	46	1410,8	95,5
Общая резидентная привлекательность	51	470,8	31,9	15	1007,5	68,1
Рабочие места и транзитные трудовые потоки	31	62,5	4,2	35	1415,9	95,8
Обеспечивающие рабочие места объекты инфраструктуры	42	195,0	13,2	24	1283,3	86,8
Культурная жизнь и индустрия развлечений	26	45,3	3,1	40	1432,9	96,9
Спортивная инфраструктура	32	126,7	8,6	34	1351,6	91,4
«Зеленая» инфраструктура	41	358,6	24,2	25	1119,7	75,8
Комплексные торгово-развлекательные объекты (ТРЦ)	45	350,9	23,7	21	1127,3	76,3

Наиболее проблемными областями, «охватывающими» значительную часть населения (более 100 тыс. человек), выступают экологическая ситуация, общая резидентная привлекательность, обеспеченность зелеными пространствами и комплексными торгово-развлекательными объектами, медицинское обслуживание, эстетические визуальные характеристики среды, инфраструктурные объекты каждодневной востребованности в местах приложения труда, безопасность и социальный климат, а также насыщенность микрорайонов спортивной инфраструктурой. Именно эти области необходимо рассматривать как приоритетные направления разработки дифференцированных программ совершенствования качества среды «депривированных» по тем или иным параметрам городских микрорайонов.

Сравнение объективного и субъективного измерений городской среды позволяет выявить, насколько субъективные данные (оценки горожан) соотносятся с объективной статистической картинкой состояния городской среды. В целом полученное более высокое значение субъективного индекса качества городской среды в сравнении с объективным (таблицы 2, 3) обусловлено, прежде всего, более высокой вариацией объективных показателей. Средний коэффициент вариации показателей, входящих в расчет объективного индекса, оказался почти в два раза выше, чем средний коэффициент вариации субъективных показателей. Поэтому проявившееся в нашем исследовании общее доминирование субъективной «картины» над объективной не является прямым свидетельством более высокой лояльности горожан (их оценок) в сравнении с объективными статистическими характеристиками среды.

В объективном индексе более высокие значения имеют такие городские сферы, как экология (что обусловлено большим количеством экологически благоприятных «загородных» микрорайонов, но с незначительной численностью проживающего в них населения), жилищные условия и услуги ЖКХ (0,856 и 0,737 соответственно), более низкие –

обеспеченность микрорайонов спортивной инфраструктурой, комплексными торгово-развлекательными центрами, рабочими местами и культурно-досуговыми учреждениями (0,032; 0,042; 0,066; 0,089 соответственно). В субъективном индексе наиболее высокие значения характеризуют жилищную сферу, транспортную ситуацию и эмоциональный комфорт проживания (0,560; 0,498 и 0,491); наиболее низкие – обобщенную резидентную привлекательность (0,061), комплексные торгово-развлекательные центры (0,196) и «зеленую» инфраструктуру локального значения (0,206). Более критично в сравнении с объективными данными горожане оценивают экологию (0,491 и 0,856 соответственно), жилищные условия и услуги ЖКХ (0,560 и 0,737), а также «зеленую» инфраструктуру (0,206 и 0,226).

В ходе проведенного анализа выявлены достаточно сильные корреляции между объективными и субъективными показателями микрорайонов по отдельным сферам, оцененные с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена (см. приложение 2, таблица 1). Самые высокие значения коэффициентов корреляции зафиксированы между объективной и субъективной оценками комплексных торгово-развлекательных центров ( $r_s = 0,650$ ,  $\alpha = 0,000$ ), экологии ( $r_s = 0,622$ ,  $\alpha = 0,000$ ), сферы образования – дошкольного и школьного ( $r_s = 0,538$ ,  $\alpha = 0,000$ ), повседневной инфраструктуры шаговой доступности ( $r_s = 0,517$ ,  $\alpha = 0,000$ ). Из этого следует, что объективное состояние этих сфер городской жизни наиболее всего «зеркально» конвертируется в субъективную удовлетворенность либо неудовлетворенность горожан. Низкими или же незначимыми оказались взаимосвязи между субъективными оценками и объективными показателями лишь по трем сферам: обеспечивающие рабочие места инфраструктурные объекты, культурная жизнь и индустрия развлечений, медицинское обслуживание. Отсутствие выраженной корреляции между последними сферами по большей части предопределено тем, что их объективное измерение основывалось на нормативной

обеспеченности (например, обеспеченность местами в общепите, кинозалами, библиотеками, домами культуры, кинотеатрами на 1000 человек, мощность поликлиник и стационаров по количеству посещений в смену и больничных коек на 1000 человек и пр.), тогда как субъективное восприятие – в большей мере не на оценке количественной представленности сервисов в микрорайонах, а на удовлетворенности качеством предоставляемых услуг. Отметим, что в нашем исследовании не было выявлено описанного К. А. Пузановым и П. М. Степанцовым в ходе исследования Москвы парадоксального диссонанса (обратной корреляции) между объективной и субъективной оценками безопасности<sup>387</sup>: в частности, также как и центральные районы Москвы, центр Екатеринбурга – самый криминогенный (по количеству совершаемых преступлений), однако, если москвичи субъективно воспринимают свой центр как один из самых безопасных районов, то субъективные оценки екатеринбуржцев безопасности Центрального микрорайона (и иных наиболее криминогенных микрорайонов) в большей мере соотносятся с объективной действительностью.

Поскольку одним из заявленных в предыдущем параграфе методических принципов выступает «резидентный детерминизм» – взгляд на городскую среду с позиций горожан – необходимо более детально осветить те субъективные оценки, которые показывают обобщенное восприятие населением средовых условий в микрорайонах проживания и «старания» властей по улучшению этих условий. Наиболее «сильным» показателем, характеризующим обобщенную оценку средового благополучия (вбирающую в себя весь спектр условий), является выбор населением лучшего микрорайона – микрорайона с идеальными условиями жизни.

Распределение выборов горожан показано в таблице 6. Весьма показательно, что в списке предпочтений горожан оказывается довольно

---

<sup>387</sup> Пузанов К.А., Степанцов П.М. Механика Москвы. Исследование городской среды. Издание Московского института социально-культурных программ, Москва, 2014. С 21, 58.

## Выбор лучшего микрорайона (в % от числа ответивших)

Название микрорайона	% выборов
Центральный	25,0
Юго-Западный	10,9
Академический	9,0
Ботанический	8,6
ВИЗ	6,1
Пионерский	5,9
Втузгородок	5,6
Уралмаш	4,8
Заречный	2,5
Автовокзал	2,4
Южный	2,3
Эльмаш	2,3
ЖБИ	2,0
Парковый	2,0
Другие микрорайоны (не набравшие 2 %)	10,6
Итого	100

«узкий» (по статистически значимой доле) диапазон выборов. 10% горожан (доля неответивших на вопрос о лучшем микрорайоне) не имеют четко сформированных представлений об «идеальном» месте проживания, что является характерным для мегаполисов. Места проживания конкурируют между собой по множеству параметров и зачастую сложно выстроить приемлемый баланс характеристик территории – хорошая экология и близость к центру города, развитость торговой, развлекательной инфраструктуры и комфортная (спокойная) атмосфера и много других по своей природе противоречивых факторов.

Анализ выборов горожан в зависимости от микрорайона проживания показал, что наибольший процент совпадений реального места проживания и выбора идеального места проживания характерен для микрорайонов-лидеров по композитному индексу качества городской среды. Так, например, 57,7 % жителей Центрального района свой же район видят в качестве лучшего места проживания; в микрорайоне Академический таких жителей 51,9 %; Ботаническом – 50,6 %; Втузгородке – 45,7 %; Юго-Западном – 44,5 %; ВИЗ – 35,4 %; Пионерском – 35%. Очевидно, что в данном случае срабатывает не

только фактор «патриотизма» и привязанности к своему микрорайону, но и высокая степень удовлетворенности своим местом проживания, подтверждаемая выбором его в качестве идеального. Для микрорайонов с низким индексом качества городской среды характерна обратная тенденция: либо незначительное количество выборов своего района в качестве лучшего, либо отсутствие такого выбора. Так, например, ни один житель микрорайонов РТИ, Керамика, Шинный, Елизавет, Изоплит, Глубокое, Северка, Медный, не выбрал свой район в качестве лучшего места проживания. Аналогично и жители других районов не выбирали «низкостатусные» микрорайоны в качестве лучших мест для проживания.

Важной характеристикой, отражающей сервисно-инфраструктурную насыщенность микрорайонов и перспективные запросы населения, выступает оценка дефицитных благ/услуг в непосредственной близости к местам проживания (таблица 7).

Таблица 7

Доля горожан, испытывающих недостаток услуг определенного типа в микрорайонах проживания (в % от числа ответивших)

Дефицитные услуги/блага	Доля респондентов, %
Спортивные учреждения (бассейны, фитнес-центры, катки и пр.)	42,6
Парки, зоны отдыха	42,5
Кафе, рестораны	33,5
Торгово-развлекательные центры	29,5
Спортивные секции для детей	27,4
Кружки, центры развития для детей	24,7
Поликлиника	22,6
Почта	18,9
Бытовые услуги (химчистка, ремонтные мастерские и т.д.)	16,4
Продуктовые магазины	11,7
Детские сады, школы	11,6
Аптеки	8,6

Данные таблицы 7 показывают, что екатеринбуржцы испытывают наибольший дефицит в наполненности мест проживания услугами спортивной, релаксационной и потребительски-рекреационной инфраструктуры. Вторая по значимости группа дефицитных услуг связана с

недостаточной развитостью спортивной и образовательно-развивающей инфраструктуры для детей. Наименее дефицитные услуги – это продуктовые магазины, детские сады/школы, аптеки. Эти услуги достаточно представлены практически во всех микрорайонах города. Данные о наиболее дефицитных услугах в разрезе микрорайонов (см. приложение 2, таблица 2) демонстрируют, что при существующих различиях в возможностях реализации повседневно-рутинных и досуговых потребностей между крупными и небольшими, приближенными и отдаленными (особенно «загородными») от центра микрорайонами, для жителей практически всех микрорайонов, оценивших дефицитные услуги, характерна «острая» потребность в развитии спортивной инфраструктуры и «зеленых» пространств (локальных мест отдыха).

Выбор объектов, которых не хватает екатеринбуржцам в своих микрорайонах, оказался зависим от пола респондентов. Женщинам-жительницам города гораздо чаще, чем мужчинам, не хватает в пешей доступности продуктовых магазинов, аптек, кружков и центров развития для детей, спортивных учреждений, торгово-развлекательных центров, парков и зон отдыха. Скорее всего, это можно объяснить традиционным неравномерным разделением домашних и семейных обязанностей в российских семьях, когда обеспечение продуктами питания, лекарствами, занятия с детьми в первую очередь ложатся на плечи женщин. Кроме того, согласно официальным данным, около половины всех российских детей воспитывается в неполных (материнских) семьях. Следовательно, именно женщины, прежде всего, и видят проблемы городской среды, связанные с отсутствием в непосредственной близости мест для занятий с детьми и обеспечения необходимого уровня комфорта в организации повседневной жизнедеятельности.

Значимые статистические различия обнаружены в группах респондентов с разным родом занятий, отметивших нехватку в пешей доступности поликлиник. Так, 40,7% пенсионеров указали на недостаток

поликлиник, тогда как в других группах доли респондентов значительно ниже – аналогичный ответ выбрали 23,6% работающего населения; 19,9% неработающих; 13,7% студентов; 9,8% старшеклассников. Конечно же, это связано с большей востребованностью медицинских услуг людьми пенсионного возраста и их потребностью получать данные услуги в непосредственной близости от места проживания. Студентам чаще, чем всем остальным категориям населения, не хватает в пешей доступности торгово-развлекательных центров (это отметили 40,4% студентов и, например, всего 23,3% пенсионеров), кафе и ресторанов (40,4% студентов и 16,3% пенсионеров). Специфический образ жизни и потребности определенных социально-демографических групп населения объясняют и иные выявленные взаимосвязи: критерий Манна-Уитни показал прямую связь между возрастом респондентов и их мнением о нехватке в пешеходной доступности поликлиники, почты, бытовых услуг; обратную связь между возрастом и выбором в качестве дефицитных благ торгово-развлекательных центров, кафе, ресторанов (см. приложение 2, таблицы 3–7). Респонденты, имеющие детей дошкольного и школьного возраста, чаще говорят о том, что им не хватает в пешей доступности объектов детской инфраструктуры – детского сада, школы, кружков и центров развития, спортивных детских секций. Дефицит объектов для интеллектуального, физического, культурного развития детей отмечают около 40% родителей.

Результаты дополнительного опроса<sup>388</sup>, проведенного среди респондентов-родителей, имеющих детей дошкольного и школьного возраста, показали, что доля родителей, вынужденных пользоваться объектами детской инфраструктуры за пределами микрорайонов своего проживания, составляет от 21 до 43%. При этом самая высокая вынужденная мобильность наблюдается в сфере удовлетворения потребностей

---

<sup>388</sup> Опрос проводился в октябре-ноябре 2020 г., n = 1374. В опросе приняли участие 61,1 % женщин, 38,9 % мужчин. Медианный возраст опрошенных родителей составил 34 года.



интеллектуально-творческого (кружки, центры развития) и спортивного развития детей (спортивные секции) – таблица 8.

Таблица 8

Местонахождение инфраструктурных объектов для развития детей  
(в % от числа ответивших родителей)

Совпадение микрорайона проживания с микрорайоном расположения объекта детской инфраструктуры	Объекты детской инфраструктуры			
	Детский сад	Школа	Кружки, центры развития	Спортивные секции
Совпадает	78,6	76,6	66,9	56,9
Не совпадает	21,4	23,4	33,1	43,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Результаты глубинных интервью с матерями, имеющими детей дошкольного и школьного возраста<sup>389</sup>, выявили высокую значимость для родителей территориальной «привязки» как основных (школа, детский сад), так и неосновных объектов (кружки, центры развития, секции) детской инфраструктуры. Дефицит этих объектов прямо отражается на возможностях эффективного совмещения семейных и родительских ролей: *«Школа у нас находится далеко вато и очень неудобно. Приходится и до остановки от дома ему идти минут 15, потом ехать какое-то время, потом от остановки до самой школы тоже примерно столько же идти. Причем у нас такой маршрут автобуса, что он практически всегда заполнен. То есть мне было как-то некомфортно, болело мое материнское сердце – ну как у меня ребенок поедет один в автобусе, как доберется. Когда садик был, это вообще была особая история, потому что туда его привести надо было к 8. То есть это вообще было тяжело. И обратно тоже забрать. То есть пока ты поработаешь, пока до этого садика доедешь, пока обратно приедешь. Очень уставала я, выматывалась прям. Вообще приезжала домой, мне от жизни ничего не нужно было, сил больше ни на что не оставалось»* (Марина, 34 года, сыну 10 лет).

<sup>389</sup> Глубинные интервью с работающими матерями в возрасте от 18 до 45 лет были проведены в октябре-ноябре 2020 г. (N = 9).

Напротив, те информанты, у которых садик и школа находятся в зоне пешеходной досягаемости, оценивают этот факт как значимое преимущество: *«У нас садик сейчас рядом с домом, хотя сначала досталось место в районе Чапаева, это далеко от нас. Приходилось ездить, а там ужасная, вообще, просто ужасная дорога, в том плане, что обратно из-за грязи на дороге идет часовая пробка и обратно час возвращаешься. Мы неделю туда проходили и бросили это дело. И почти год он сидел дома. Мы ждали место в детском садике около дома. Сейчас совсем другое дело. Вот старший ребенок очень хочет младшего сам отводить и забирать, но нельзя, ему же не разрешат, только совершеннолетний может забирать. У нас школа через дом находится очень близко, поэтому тоже очень удобно, что ребенок сам везде ходит и буквально он в первом классе уже, наверное, недели 2 я его еще встречала, а потом уже он самостоятельно возвращаться начал домой. Я не представляю, как живут родители, которым нужно ездить в садик и в школу... это вообще кошмар. Вот Академический, к примеру, огромный район отстроили, там очень много людей переехало жить, и там очень большая проблема с детскими садиками... вот просто большая проблема. А когда есть территориальная привязка к садiku, это большой плюс»* (Юлия, 35 лет, детям 6 и 9 лет).

Для некоторых работающих женщин отсутствие муниципального садика около дома или невозможность в него попасть (либо частного садика с приемлемыми условиями) явились причиной принятия решения о приостановке карьеры, либо поиска другой работы: *«Сначала я работала горным инженером в одной частной компании, но потом мне пришлось уволиться. Моя дочка пошла в садик, а садик был далеко, поэтому пришлось делать выбор – либо уходить, либо искать частный садик. В итоге у меня на той работе все равно обострились отношения с работодателем, постоянно отпрашиваться надо было. Ну я и ушла. Потом я какое-то время дома сидела, искала работу, чтобы можно было и семье время уделить»* (Ольга, 35 лет, детям 7 и 9 лет); *«Я вообще до вот этой работы, получается,*

*работала в банке – Уральский банк реконструкции и развития, рабочая неделя была у меня с 8 до полвосьмого вечера, выходные были только один на неделе и воскресенье. И когда Софья пошла в сад, а Лиза – на подготовительные курсы перед первым классом, нужно было и одну и другую возить. Либо мы с супругом уезжаем вместе утром, везем младшую в сад, либо кто-то один, потом вечером забирает всех, Лизу бабушка на автобусе возит, когда получается. Тут проблема как все это состыковать, если все в разных концах. И у нас всего одна машина. Поэтому я не выдержала, я уволилась и ушла вот на эту работу торговым представителем, чтоб в любой момент я могла сорваться, забрать ребенка, увезти в бассейн, в больницу, еще куда-то, либо остаться с ней дома....» (Марина, 35 лет, детям 4 и 9 лет).*

Выбирая дополнительные виды образования и развития своих детей, работающие родители в условиях дефицита времени также ориентируются, прежде всего, на территориальную близость, позволяющую детям с определенного возраста самостоятельно добираться до нужных учреждений: *«Сын ходит на каратэ, на английский. Это все в соседнем доме. То есть вот куда он может ходить сам, он туда и ходит»* (Ольга, 35 лет, детям 7 и 10 лет); *«Старший ребенок ходит в музыкальную школу, но тоже, в музыкальную школу ходим, потому что она у нас рядышком находится и ребенок ходит самостоятельно туда. В первый год, в первом классе мы как-то его еще водили, а со второго класса он уже сам ходит, недалеко, ну и маршрут мы с ним проговаривали очень подробно. Ну и плюсом удобство в том, что мы живем в районе Шарташского рынка, там нет таких серьезных улиц, переходить в основном все через дворы, поэтому он ходит один. Также он ходит еще в школу развития, на робототехнику и на шахматы. Это тоже, буквально нам 2 двора пройти и поэтому он ходит самостоятельно»* (Юлия, 35 лет, дети 6 и 9 лет).

Подобная стратегия – «что есть поблизости, то и выбираем» – является рациональным механизмом минимизации родительских затрат на транзит,

однако в данном случае не всегда удастся обеспечить соответствие способностей, потребностей, желаний ребенка имеющимся поблизости институциям. Вопрос о том, компенсируется ли удаленность «необязательных» объектов для образования и развития детей их уникальным качеством / соответствием наклонностям ребенка, решается каждым родителем индивидуально в соответствии с наличием/отсутствием вспомогательных «ресурсов» (как, например, помощь бабушек, дедушек или иных субъектов, обеспечивающих транзитные функции). Однако, результаты наших интервью говорят о том, что и те, и другие в условиях мегаполиса ориентируются, в первую очередь, на услуги, доступные в непосредственной близости к местам проживания.

В ходе исследования нами зафиксирован перечень микрорайонов, семьи с детьми из которых вынуждены демонстрировать наиболее высокий уровень «вынужденной» мобильности, перемещаясь к местам детской инфраструктуры и обратно. На рисунке 6 представлено количество микрорайонов, семьи с детьми в которых депривированы по каждому из анализируемых параметров.

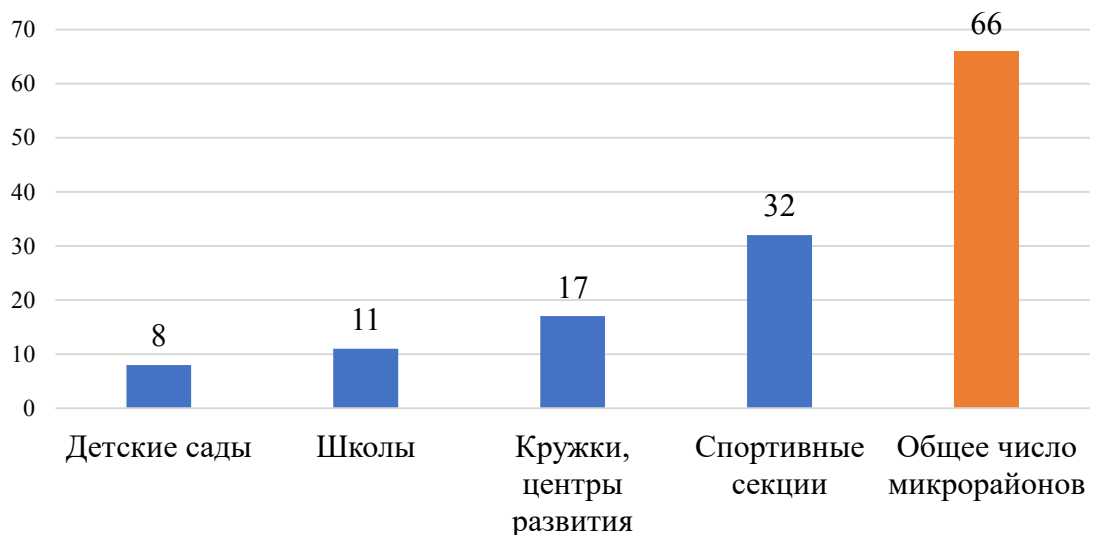


Рисунок 6. Количество микрорайонов Екатеринбурга, в которых проживающие семьи с детьми относятся к депривированным по территориальной близости объектов детской инфраструктуры

Из общего количества микрорайонов г. Екатеринбурга депривированы одновременно по всем четырем категориям объектов 3 городских микрорайона (Широкая речка, Совхозный, Южный), по трем объектам – 6 микрорайонов (Вокзальный, Шинный, Синие Камни, Шарташ, Парковый, Керамика), по двум объектам – 11 микрорайонов (Академический, Мичуринский, Заречный, Изоплит, Исток, Елизавет, РТИ, Шувакиш, Уктус, Новая Сортировка, Калиновский), по одному – 15 микрорайонов (Полеводство, Птицефабрика, Автовокзал, Вторчермет, Ботанический, Кольцово, Лечебный, Медный, Нижнее-Исетский, Пионерский, Сортировка, Центральный, Шарташский рынок, Эльмаш, Юго-западный).

Вполне закономерно, что информанты из инфраструктурно-«обездоленных» районов наиболее остро и эмоционально воспринимают проблему территориальной недоступности детских учреждений: *«Мы вот купили квартиру в отдаленном районе на Широкой речке. Здесь вообще садики нет. Ну нет их. И дали садик вообще далеко от дома. Один садик здесь есть. И мы туда не попали, конечно. Видимо, там очень большая очередь. И опять же мы просили, что мы два работника образования, мол, дайте нам поближе через какие-то связи. Но вот не получилось. Даже деньги не помогли. Вот пришлось далеко ездить. И только спустя год дали садик поближе. Ну и то это надо ехать на машине. Это не шаговая доступность. Когда мы писали обращение, спросили, мол, почему так мало садики запланировано на строительство? Грубо говоря, ответ прозвучал: «А вас никто не просил так далеко покупать квартиру». Ну то есть сами там купили, там и живите. Какие там парки, какие там садики? Это Широкая речка.... Никому мы здесь не нужны». (Екатерина, 29 лет, сыну 5 лет); *«Вот хлебнула всего вот этого с дочкой. Тяжело. Ни школы поблизости, ни садика. Мы купили квартиру в молодом спальном районе, в хорошем доме, но без всего. Вот ничего поблизости. Постоянно приходится как-то выкручиваться, кого-то просить. То подружка у меня, помню, морозы были, ездила, забирала моего ребенка из школы и приводила к себе**

*домой, потому что я работала тогда, не могла приехать. Хочется поддержки от государства. Ну вот почему вы у меня на районе не строите ни школу, ни садик? Спасибо государству, что я хоть в больницу хожу бесплатно. Спасибо и на этом» (Ольга, 33 года, детям 2 и 8 лет).*

В целом из 66 городских микрорайонов в статусе депривированных по тем или иным критериям (объектам детской инфраструктуры) оказывается более половины микрорайонов, при этом среди них – не только спальные новостройки или территориально удаленные от ядра культурно-образовательной жизни города, но и собственно центральные и приближенные к центру. Особое внимание со стороны властей, на наш взгляд, должно быть уделено инфраструктурному развитию микрорайонов, неблагоприятных одновременно по ряду критериев. В этих микрорайонах семьи с детьми оказываются в наихудших средовых условиях, вынуждающих их либо затрачивать непомерно высокие усилия для обеспечения потребностей развития своих детей, либо отказаться от неосновных (но значимых для их детей) услуг развивающего характера, поскольку им приходится ежедневно по несколько раз совершать внутригородские поездки, зачастую преодолевая всевозможные барьеры среды, включая неблагоприятные условия городского трафика.

Помимо оценки проблемных «зон» в насыщенности микрорайонов ключевыми сервисами и благами, важным показателем, раскрывающим динамические тенденции, выступает отношение населения к происходящим в городской среде изменениям (таблица 9).

В целом по массиву отношение горожан к происходящим изменениям не имеет тенденции тяготения к крайним полюсам оценки – исключительно позитивному либо негативному, при этом доля положительных оценок все же выше отрицательных (20% против 7%). Почти половина респондентов определяет динамику как неустойчивую – «что-то изменилось в лучшую сторону, что-то – в худшую». Для трети населения в плане совершенствования городской жизни ничего не изменилось.

Вектор произошедших за последние 3 года изменений по  
совершенствованию качества и комфортности городской среды  
(в % от числа ответивших)

Оценка	%
Многое поменялось в лучшую сторону	20,0
Что-то изменилось в лучшую сторону, что-то – в худшую	43,4
Произошедшие изменения в основном отрицательные	6,9
Ничего не изменилось	29,2
Итого:	100

В разрезе микрорайонов по количеству выборов позитивных оценок лидируют такие микрорайоны, как: УНЦ (62,5 % жителей этого микрорайона положительно оценивают происходящие изменения); Академический (48,3 % положительных оценок); Автовокзал (35,6 %), Сысертский (33,3 %), Южный (25,2 %), Синие камни (25%), Мичуринский (25%), Втузгородок (24,8 %), Заречный (22,5 %). Список выявленных микрорайонов лидеров по позитивным динамическим тенденциям показывает, что среди них оказываются не только микрорайоны с высоким композитным индексом качества городской среды, но и иные микрорайоны, в которых население, несмотря на ряд имеющихся недостатков, все же фиксирует положительную динамику. Наибольшее количество негативных оценок жителей получают микрорайоны Медный (50%), Шабровский (50%), Кольцово (25,7%), Семь ключей (25 %), Полеводство (22,2 %), Птицефабрика (16,7 %). Обращает на себя внимание, что в 33 городских микрорайонах значительная доля жителей (от 30% и выше) не отмечает каких-либо изменений (см. приложение 2, таблица 8).

В ходе анализа выявлена взаимосвязь оценок вектора изменений, происходящих в последние годы, с оценками населением своего материального положения. Более позитивные оценки произошедшим изменениям даются более состоятельными гражданами, и наоборот –

респонденты, считающие, что денег им не хватает даже на самое необходимое, чаще других говорят о том, что произошедшие изменения в основном негативные. Так, например, среди горожан с максимально благополучным материальным положением доля тех, кто считает, что «много поменялось в лучшую сторону», составляет 29 %, а доля тех, кто считает, что «произошедшие изменения в основном отрицательные», составляет 6 %. Тогда как среди горожан с максимально неблагополучным материальным положением доля положительных оценок составляет всего лишь 5 %, а доля отрицательных – 15 %. Доля тех, кто не заметил каких-либо изменений, не зависит от уровня дохода и составляет во всех группах около 30 % (см. приложение 2, таблица 9).

Оценка вектора изменений городской среды подвержена влиянию и других объективных факторов (см. приложение 2, таблица 10). Те, кто выше оценивают свои жилищные условия (одна из составляющих материального благополучия), более позитивно относятся и к происходящим в городской жизни изменениям. Более молодые респонденты чаще оценивают изменения городской среды как положительные, что связано с активным развитием в последние годы инфраструктурных объектов, предназначенных в большой степени для молодежи (развлекательные и торговые центры нового формата, культурные микс-площадки, технологическая модернизация кинотеатров и пр.). Те, кто живут в Екатеринбурге меньшее количество лет, скорее дают положительные оценки изменениям, чем старожилы. Обратная зависимость оценок от периода проживания объясняется, прежде всего, восприятием некоренными екатеринбуржцами изменений вне связи с историческим контекстом города и видением его исключительно как динамичного сервисно-ориентированного мегаполиса. Коренные екатеринбуржцы и те, кто живет здесь большее количество лет, более критично воспринимают изменения, особенно такие, которые разрушают культурно-исторический, архитектурный и экологический ландшафт города.



Стоит подчеркнуть, что среди выявленных социально-демографических детерминант восприятия городской жизни материальное положение выступает наиболее «сильной» характеристикой, влияющей как на описанную выше оценку происходящих изменений, так и на удовлетворенность текущим состоянием городской среды (чем выше материальный достаток, тем более горожане удовлетворены текущим состоянием городской среды – см. приложение 2, таблица 11). Прямая зависимость оценок от финансового статуса, на наш взгляд, объясняется наличием реальной возможности использования различных благ у материально обеспеченных групп горожан, что, в свою очередь, предопределяет более высокий уровень вовлечения в «потребление» городских услуг/сервисов и более позитивное к ним отношение. Тогда как для горожан с невысоким уровнем дохода значительная часть благ городской жизни (кафе, рестораны, торгово-развлекательные центры, рекреационные площадки и пр.) оказывается недоступной. Действует механизм социального исключения, когда в зоне депривации оказываются менее состоятельные группы населения. Данный факт порождает неудовлетворенность средовыми условиями и негативное восприятие изменений, которые приобретают статус «недостижимых».

Резюмируя результаты проведенного на основе комбинирования статистических и опросных данных исследования территориальной дифференциации качества городской среды, сформулируем его главные выводы. Несмотря на то, что Екатеринбург по результатам различных сравнительных исследований стабильно входит в десятку городов с высоким качеством жизни и комфортностью городской среды<sup>390</sup>, наше исследование, выполненное в микродетальной «оптике», показало более дифференцированную и, как следствие, менее «радужную» картину,

---

<sup>390</sup> См., например: Рейтинг городов по качеству городской среды Минстроя за 2018-2020 гг. URL: РФ <https://индекс-городов.рф/#/>; Исследование качества жизни в российских городах за 2020 г. Института социально-экономических исследований Финансового университета при Правительстве РФ. URL: [http://www.fa.ru/Documents/98\\_Life\\_Quality\\_2020.pdf](http://www.fa.ru/Documents/98_Life_Quality_2020.pdf)

позволяющую, в свою очередь, осмыслить «болевые» точки и необходимые направления для совершенствования отдельных средовых составляющих на уровне городских микрорайонов.

Реализованный индексный подход к оценке качества среды городских микрорайонов позволил выявить: 1) высокую дифференциацию микрорайонов как по отдельным средовым составляющим, так и по функциональным индексам при отсутствии максимальных значений индексов даже среди микрорайонов-лидеров; 2) проблемы реализации мультифункциональной модели развития для значительного количества городских микрорайонов и проживающего в них населения; 3) формирование полицентричности неиндустриального типа: укрепление лидерских позиций микрорайонов (как с длительной историей, так и молодых) – центров локальной сервисной, торговой, рекреационной активности – наряду со снижением резидентной привлекательности наиболее крупных микрорайонов промышленного периода развития Екатеринбурга.

Выявленные взаимосвязи между статистическими данными и результатами опроса населения свидетельствуют о том, что уровень удовлетворенности горожан качеством среды тесным образом связан с объективными характеристиками развития территорий (микрорайонов). Различия между объективным и субъективным показателями качества городской среды проявляются в более критичном в сравнении с объективными данными оценивании населением ряда сфер городской жизни – экологии, жилищных условий и услуг ЖКХ, обеспеченности «зелеными» пространствами. На основании мнений населения о сервисно-инфраструктурной насыщенности микрорайонов и недостатке определенных благ/услуг в непосредственной близости к местам проживания выявляется «острая» потребность жителей в развитии спортивной, релаксационно-рекреационной (прежде всего, «зеленой») инфраструктуры. Выявленная тенденция дефицита подобных благ характерна практически для всех микрорайонов города и отражает общее тяготение жителей мегаполисов в

направлении движения к более экологичному, комфортному и здоровому образу жизни.

Полученные результаты исследования могут быть использованы в качестве информационно-аналитической базы для разработки дифференцированных программ развития городских микрорайонов с учетом их средовых преимуществ и недостатков. Формированию «режимов» взаимодействия субъектов муниципального управления и городских стейкхолдеров в ходе разработки программ совершенствования качества среды микрорайонов и предотвращения негативных тенденций городского развития (поляризация городских территорий, неравенство в доступе к городским благам) будет посвящен заключительный параграф работы.

### **3.2 Социальная технология формирования микролокальных режимов взаимодействия субъектов муниципальной власти и городских стейкхолдеров в ходе разработки программ совершенствования качества среды микрорайонов**

Полученные нами результаты исследования территориальной дифференциации качества среды мегаполиса явились одним из этапов в достижении практико-ориентированной цели, соединяющей научно-исследовательскую работу с реальной практикой управления. Эта практико-ориентированная цель в «идеальном» виде может быть сформулирована следующим образом: разработка и реализация модели соуправления в российском мегаполисе на основе формирования микролокальных режимов взаимодействия субъектов муниципальной власти и широкого спектра организационных и индивидуальных акторов, непосредственно заинтересованных в развитии конкретных внутригородских территорий (микрорайонов).

В данном параграфе представим разработанную и апробированную на примере Екатеринбурга социальную технологию формирования

микролокальных режимов взаимодействия субъектов муниципальной власти и городских стейкхолдеров в ходе проектирования программ совершенствования качества среды микрорайонов и покажем ее принципиальные отличия от существующих в отечественной науке социально-проектных разработок.

Базовые основания для легитимизации термина «технология» применительно к социальным наукам были заложены К. Поппером, в концепции которого социальная технология рассматривается как способ осуществления социальных изменений (общества в целом либо его отдельных институтов), основанный на «внедрении» теоретических знаний, выводов в практическую деятельность<sup>391</sup>.

Разнообразие существующих в современных социально-гуманитарных науках интерпретативных версий термина «социальные технологии» по большей части связано с его применимостью к различным областям практической деятельности – так, в частности, речь может идти о политических, креативных, коммуникативных, масс-медиа, управленческих и иных технологиях, связанных с определенным воздействием (влиянием) на социальные объекты. Собственно сам «технологический» подход как некая алгоритмизация операций, являющийся альфа и омега инженерной мысли, применительно к социальным объектам предполагает несколько иную трактовку. С одной стороны, социальные технологии имеют «родовую» связь с технологиями, создаваемыми на базе естественно-научного и технического знания, поэтому им в равной степени присущи свойства технологий как таковых – стандартизованность, формализация, упорядоченность, воспроизводимость. Но, с другой стороны, специфика объекта «технологизации» – социальные процессы, деятельность, отношения и механизмы регуляции этих отношений – вносит определенную долю импровизации, непредсказуемости, творческого начала, интуиции, которые

---

<sup>391</sup> Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. М.: Феникс: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1. С. 54.

всегда присутствуют в «человекоразмерных объектах», следовательно, социальные технологии обладают меньшей инструментально-алгоритмической «жесткостью» и инвариантностью<sup>392</sup> в сравнении, например, с медицинскими, информационными, производственными и прочими технологиями. Свойства социальных объектов, таким образом, в значительной мере определяют специфику социальных технологий, обладающих, наряду с возможностями тиражирования инструментальных средств, приемов и методов в аналогичных обстоятельствах, большей гибкостью и адаптивностью к особенностям конкретной ситуации и включенным в процесс решения проблемы с помощью разработанной технологии взаимодействующим субъектам. Вариативность внедренческих результатов в значительной степени зависит от взаимодействующих в процессе создания и последующей реализации социальной технологии конкретных акторов, обладающих определенным компетентностным, социокультурным, коммуникативным «багажом».

Рассматривая вопрос об «ограниченной рациональности» в социальном управлении (проявляющейся, например, в распространенном феномене «хороших планов и их плохой реализации»), А.В. Тихонов указывает на сложное противоречивое единство физической, ментальной и социальной составляющих, присущих действующим и взаимодействующим субъектам: каждый субъект – «не только «физическое тело» и «ментальное тело», реальный набор знаний, умений, навыков «под рукой», а также чувств, верований, ценностей, но и «социальное тело» – реальный набор связей с другими субъектами, возникающих как в процессе жизнедеятельности, так и в процессе организации конкретного действия»<sup>393</sup>. В этом ключе рассуждений управление (в том числе и на инструментальной основе социальных технологий / – О.Н.) как рациональный способ регуляции

---

<sup>392</sup> Инвариантность в физике означает независимость физических закономерностей от конкретных ситуаций, в которых они устанавливаются, и от способа описания этих ситуаций. Для социальных объектов же, напротив, фундаментальным свойством выступает вариативность, зависимость от конкретных ситуаций и интерпретирующих их субъектов.

<sup>393</sup> Социология управления: стратегии, процедуры и результаты исследования / отв. ред. Тихонов А.В. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 40.

действий и взаимодействий людей можно «настроить» с разной степенью качества-эффективности, зависящей от способности, желания и готовности участников к конструктивному диалогу и самоорганизации<sup>394</sup>.

Проблематика социальных технологий применительно к сфере управления (рассматриваемой как в рамках широкой перспективы, так и узкой – как управления организацией и персоналом) начиная с конца 70-х гг. 20-го столетия получает осмысление в трудах В.Г. Афанасьева<sup>395</sup>, Н. Стефанова<sup>396</sup>, М. Маркова<sup>397</sup>, В.В. Щербины<sup>398</sup>, Ж.Т. Тощенко<sup>399</sup>, В.Н. Иванова и В.И. Патрушева<sup>400</sup>, Т.М. Дридзе<sup>401</sup> и ряда других специалистов (например, В.К. Тарасова<sup>402</sup>, Дудченко<sup>403</sup>, П.В. Журавлева, С.А. Карташева, Н.К. Маусова и Ю.Г. Одегова<sup>404</sup>), не занимающихся непосредственно вопросами теоретического обоснования термина «социальная технология», но по факту использующих его как средство и продукт социального проектирования в практике организационного управленческого консультирования. Последняя группа работ отражает по большей части прикладные разработки – технологии в сфере управления человеческими

<sup>394</sup> Тихонов А.В. Философские проблемы социологии: очерки. Приложение к журналу «Философские науки». Специальный выпуск «Основания социологии управления». Серия «Библиотека молодого ученого». М.: Гуманитарий, 2013. С. 5, 12.

<sup>395</sup> Афанасьев В.Г. Научное управление обществом: Опыт системного исследования. М.: Политиздат, 1973; Афанасьев В.Г. Системность и общество. М.: Политиздат, 1980; Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание, управление. М.: Политиздат, 1983.

<sup>396</sup> Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. Пер. с болг. М.: Прогресс, 1977.

<sup>397</sup> Марков М. Технология и эффективность социального управления. Пер. с болг. М.: Прогресс, 1982.

<sup>398</sup> Щербина В.В. Проблемы технологизации социоинженерной деятельности // Социологические исследования. 1990. № 8. С. 79–86; Щербина В.В. Социолого-диагностические технологии в управлении: теоретико-методологические аспекты развития и применения // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 30–42.

<sup>399</sup> Тощенко Ж.Т. Социология управления. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011. С. 136–157.

<sup>400</sup> Иванов В.Н., Патрушев В.И. Социальные технологии. М.: Изд-во МГСУ "Союз", 1999; Иванов В.Н., Патрушев В.И. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. М.: Изд-во «Экономика», 2001; Патрушев В.И. Основы общей теории социальных технологий. Российский государственный социальный университет. М.: Изд-во ИКАР, 2018.

<sup>401</sup> Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы / отв. ред. Дридзе Т.М. М.: Наука, 1994; Дридзе Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в экантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: В 2 кн. / отв. ред. Дридзе Т.М. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2000. Кн. 1. С. 5–42.

<sup>402</sup> Тарасов В.К. Персонал-технология. Отбор и подготовка менеджеров. Ленинград: Машиностроение, 1989.

<sup>403</sup> Дудченко В.С. Инновационные игры: Практика, методология и теория. Таллин: «Валгус», 1989.

<sup>404</sup> Журавлев П.В., Карташев С.А., Маусов Н.К., Одегов Ю.Г. Технологии управления персоналом. Настольная книга менеджера. М.: Экзамен, 2000.

ресурсами, направленные на решение задач подбора и аттестации персонала, разрешения конфликтных ситуаций на предприятиях, совершенствования системы адаптации сотрудников, преодоления сопротивляемости внедрению инноваций, повышения уровня управляемости организацией и т.д. Для решения поставленной в данном параграфе задачи мы, прежде всего, будем опираться на работы первой группы философов и социологов, в которых раскрываются существенные признаки социальных технологий и обосновывается их связь с практикой управления, базирующейся на положениях и методах социальных наук. Последнее замечание представляется нам особенно важным, поскольку существует точка зрения, согласно которой основой для разработки социальных технологий выступают не научные положения, а обыденное знание и повседневные практики. Технологии в этом ключе рассматриваются как закрепление и воспроизводство существующих практик либо проектирование социальных изменений на основе ценностей<sup>405</sup>.

Отечественный философ В.Г. Афанасьев, указывая на взаимосвязь социальных технологий с научным знанием, отмечает, что социальные технологии, будучи элементом системы управления, выступают средством перевода абстрактного языка науки, отражающей объективные законы развития общества, на конкретный язык практики – решений, нормативов, предписаний, регламентирующих деятельность людей и способствующих достижению поставленных целей<sup>406</sup>. В работах болгарских философов Николы Стефанова и Марко Маркова, в значительной степени повлиявших на внедрение термина в российский научный тезаурус и язык практикующих управленческих консультантов, социальная технология трактуется как разновидность/тип технологии (тем самым подчеркивается родовое сходство

---

<sup>405</sup> Этой точки зрения придерживаются В.И. Подшивалкина, Б.Г. Юдин, Л.А. Маркова. См.: Подшивалкина В.И. Социальные технологии: проблемы методологии и практики. Кишинев: Центральная типография, 1997; Маркова Л.А. Технологии в социальных и технических системах: социальный и гуманитарный анализ // Эпистемология и философия науки. 2012. № 1. С. 64–72; Юдин Б.Г. Социальные технологии, их производство и потребление // Эпистемология и философия науки. 2012. № 1. С. 55–64.

<sup>406</sup> Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание, управление. М.: Политиздат, 1983. С. 369.

со сложившимся в материально-технической сфере пониманием), а ее социальная специфика связывается с принадлежностью к сфере управления<sup>407</sup>. Социальная технология, выступая способом (инструментом) организации деятельности, предполагает предварительное определение ряда операций, направленных на достижение поставленной цели<sup>408</sup>. Ориентированность социальной технологии на активное и целенаправленное преобразование деятельности и протекающих в ее рамках социальных процессов подразумевает «расчленение» этой деятельности/процесса на серию последовательных и взаимосвязанных процедур, элементов (Стефанов), обязательное выполнение которых приводит к достижению поставленной цели – заданного результата (Марков).

Таким образом, главные признаки социальных технологий, сформулированные Н. Стефановым и М. Марковым и считающиеся на сегодняшний день сферой согласованных определений большинства ученых, – это предварительно заданные цели, связанные с изменением объекта, преобразованием деятельности, поведения, отношений, процессов; наличие взаимосвязанных между собой процедур (операций); скоординированность, поэтапность, однозначность и обязательность их выполнения.

В отечественной социологии указанную линию в понимании социальной технологии (как основанного на научных выводах и положениях универсального инструмента рационализации деятельности и достижения определенного результата) развивают В.В. Щербина и Ж.Т. Тощенко. Согласно мнению В.В. Щербины, социальная технология – это средство организации и рационализации управленческой деятельности, направленное на решение задач социальной регуляции в деловых организациях<sup>409</sup>. Ж.Т. Тощенко, также определяя предназначение социальной технологии

---

<sup>407</sup> См.: Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. Пер. с болг. М.: Прогресс, 1977; Марков М. Технология и эффективность социального управления. Пер. с болг. М.: Прогресс, 1982.

<sup>408</sup> Марков М. Технология и эффективность социального управления. Пер. с болг. М.: Прогресс, 1982. С. 57.

<sup>409</sup> См.: Щербина В.В. Проблемы технологизации социоинженерной деятельности // Социологические исследования. 1990. № 8. С. 79–86; Щербина В.В. Социолого-диагностические технологии в управлении: теоретико-методологические аспекты развития и применения // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 30–42.



через оптимизацию управленческого процесса посредством рационализации деятельности, вместе с тем, расширяет сферу применения данного понятия, «привязывая» его не только к управлению конкретными организациями, но и к управлению обществом в целом и любыми социальными объектами на разных уровнях организации общества<sup>410</sup>.

Для Т.М. Дридзе социальная технология выступает в качестве инструмента социально-проектной деятельности, направленного на выработку эффективных вариантов решения социальных проблем и повышение обоснованности принимаемых управленческих решений<sup>411</sup>.

В.Н. Иванов и В.И. Патрушев, рассматривая социальные технологии как важнейшую составляющую управления, акцентируют внимание на их инновационных функциях, призванных выявлять и использовать скрытые потенциалы системы и обеспечивать на этой основе получение общественно полезного результата с наименьшими затратами<sup>412</sup>. Ученые отмечают, что «социальная технология всегда детерминирована общественной потребностью и направлена на ее решение, вначале в процессе социодиагностики, затем – технологизации. Поэтому социальные технологии не могут быть абстрактными, их построение обычно исходит из логики самого социологического исследования, отражая суть конкретных явлений. Чем выше уровень этих совпадений, тем обычно эффективнее социальные технологии, которые призваны решать общественные проблемы адаптивными методами, воздействовать на процессы в соответствии с целями управления»<sup>413</sup>. Следовательно, социальные технологии выступают «своеобразным механизмом соединения знаний с условиями их реализации в

---

<sup>410</sup> Тощенко Ж.Т. Социология управления. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011. С. 136.

<sup>411</sup> См.: Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы / отв. ред. Дридзе Т.М. М.: Наука, 1994; Дридзе Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в эоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: В 2 кн. / отв. ред. Т.М. Дридзе. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2000.

<sup>412</sup> Иванов В.Н., Патрушев В.И. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. М.: Изд-во «Экономика», 2001. С. 4.

<sup>413</sup> Там же. С. 48–49.

управлении»<sup>414</sup>, переходным мостиком между социологической теорией и практикой управления, регулирования социальных процессов и отношений<sup>415</sup>.

При существующих особенностях социальных технологий в управлении объектами разного масштаба (общество, регион, город, территориальное сообщество, организация и др.) их объединяет общее «видение» главного предназначения – оптимизировать, рационализировать посредством создания алгоритма деятельности управленческий процесс с целью повышения эффективности принимаемых решений и достижения максимально возможного социального результата. Так или иначе, любые социальные технологии направлены на решение возникающих на различных уровнях организации общества и в его различных сферах проблем жизни людей.

Одной из остро востребованных областей для применения социальных технологий выступает сегодня городское управление. Противоречивый контекст его функционирования в современной России (общенациональный курс на централизацию управления; институционально-правовые барьеры для реализации местного самоуправления; слабо работающие механизмы вовлечения населения в решение проблем местного значения) требует поиска и апробации действенных инструментальных средств, направленных на достижение баланса между субъект-объектным властно-административным способом управленческой регуляции и субъект-субъектным механизмом самоорганизации городских сообществ<sup>416</sup>. На наш взгляд, наиболее реальные перспективы для достижения этого баланса возможны сегодня на микролокальном уровне городской жизни.

Для решения практико-ориентированной задачи нашей работы – создание социальной технологии формирования микролокальных режимов

---

<sup>414</sup> Там же. С. 27.

<sup>415</sup> Там же. С. 48–49.

<sup>416</sup> Именно достижение баланса и составляет собственно управленческий тип социальной регуляции, который в определении А.В. Тихонова занимает промежуточное положение между властно-административной регуляцией и спонтанной самоорганизацией через решение самими людьми своих жизненных проблем.

взаимодействия субъектов муниципальной власти и городских стейкхолдеров в ходе разработки программ совершенствования качества среды микрорайонов – мы опирались на общеметодологические положения Ж.Т. Тощенко о социальных технологиях как неотъемлемом элементе управленческого процесса, канонические принципы технологии социального участия П. Геддеса и проектно-технологические разработки межотраслевого научного коллектива под руководством Т.М. Дридзе, связанные непосредственно с реализацией модели социального участия в управлении развитием городской среды и принятии градостроительных решений.

Ж.Т. Тощенко, рассматривая социальную технологию как «важнейший элемент механизма управления» и как «средство перевода языка намерений на язык практики», определяет ее через «совокупность последовательных операций, процедур, направленных на реализацию намеченных планов, программ, проектов и получение оптимального социального результата»<sup>417</sup>. Социальная технология представляет собой «определенный способ достижения целей, состоящий из пооперационного осуществления деятельности»<sup>418</sup>. При этом «операционализация» деятельности осуществляется на основе научных знаний (положений и методов социальных наук, прежде всего, социологии) и с учетом специфики той сферы общественной жизни (экономической, социальной, политической, духовной), на которую направлена данная технология. Алгоритм, заложенный в основе любой технологии, дает возможность ее многократного использования (тиражирования) для решения сходных задач, применения в аналогичных обстоятельствах, но с учетом специфики конкретного объекта управления.

Важным для нас является замечание Ж.Т. Тощенко о том, что социальная технология выступает в двух формах. Во-первых, это проект – технологически оформленный программный продукт с прописанными

---

<sup>417</sup> Тощенко Ж.Т. Социология управления. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011. С. 141.

<sup>418</sup> Там же. С. 141.

этапами, процедурами, операциями. Однако, социальная технология – это не только разработка, это, во-вторых, еще и сама деятельность, построенная в соответствии с разработанным проектом и направленная на реализацию намеченной цели<sup>419</sup>. Такое понимание социальной технологии соединяет собственно проектную и практическую работу, направленную на апробацию/реализацию разработанной технологии. В соответствии с указанным пониманием процесс конструирования и реализации социальной технологии включает следующие этапы:

- теоретический этап (определение цели, объекта технологизации, разделение технологического процесса на составляющие элементы и выделение связей между ними);

- методический этап (выбор методов, средств получения информации, ее обработки, анализа, принципов ее трансформации в конкретные выводы и рекомендации);

- процедурный этап (организация практической деятельности по реализации требований социальной технологии)<sup>420</sup>.

Адаптируя данный алгоритм к поставленной практико-ориентированной задаче и специфике решаемой в рамках нашей работы проблемы (совершенствование качества городской среды), представим общую схему разработанной социальной технологии (рисунок 7), на основе которой далее подробно раскроем содержание этапов технологического процесса и составляющих его видов деятельности (таблица 10).

Резюмируя содержательные характеристики всех представленных в таблице 10 этапов технологического процесса, сформулируем ключевые принципы, на которых базировалась социальная технология формирования микролокальных режимов взаимодействия субъектов муниципальной власти и городских стейкхолдеров в ходе разработки программ совершенствования качества среды микрорайонов:

---

<sup>419</sup> Там же. С. 142.

<sup>420</sup> Там же. С. 145.



Рисунок 7. Общая схема разработки и реализации социальной технологии

1. Интеграция научно-теоретического знания, эмпирической работы и мультисубъектных «согласовательных» коммуникаций в практику выработки управленческих решений и программ, направленных на совершенствование качества городской среды.

2. Организация взаимодействия городских акторов в многоуровневом коммуникативном пространстве, включающем в себя прямые и обратновозвратные коммуникации между городской администрацией, районными администрациями, исследователями, экспертами, локальными резидентами (организациями и населением).

3. Использование комплекса взаимосвязанных преддиагностических, диагностических, согласовательно-коммуникативных и проектно-реализационных процедур (операций), позволяющих принимать обоснованные управленческие решения с учетом объективной и субъективной информации о качестве городской среды, а также с учетом

## Характеристика этапов технологического процесса

Этап	Виды деятельности	Участники	Результат
<b>Этапы исследовательской работы – диагностика качества среды городских микрорайонов</b>			
<b>Преддиагностический</b>	Выбор показателей оценки качества городской среды в соответствии с теоретическим обоснованием и актуальной версией Стратегического плана развития Екатеринбурга <sup>421</sup>	Исследователи, городская администрация	Программа и методика диагностического исследования качества среды городских микрорайонов
	Разработка методики и инструментария статистического и социологического скрининга качества среды микрорайонов	Исследователи	
	Представление и обсуждение разработанной методики и инструментария	Исследователи, городская администрация, эксперты	
	Модификация разработанной методики и инструментария в соответствии с заключением экспертов	Исследователи	
	Утверждение разработанной методики и инструментария	Исследователи, городская администрация	
<b>Диагностический</b>	Создание базы данных статистических параметров микрорайонов	Исследовательская группа (экономисты)	Объективные, субъективные и интегративные профили микрорайонов (таблицы, картограммы) Аналитический отчет по результатам исследования (сравнительный анализ микрорайонов по качеству среды)
	Проведение опроса населения, формирование базы данных субъективных оценок качества городской среды микрорайонов	Исследовательская группа (социологи)	
<b>Постдиагностические этапы – формирование режимов взаимодействия</b>			
<b>Коммуникативный</b>	Презентация и обсуждение результатов исследования территориальной дифференциации качества городской среды на общегородском уровне	Исследователи, городская администрация, эксперты	Отчет по итогам обсуждения результатов исследования
	Презентация и обсуждение результатов исследования качества среды микрорайонов на площадках районных городских администраций (сравнительный анализ каждого микрорайона в общей картине административного района и всего города)	Исследователи, районные администрации, жители микрорайонов, представители НКО, ТОС, бизнес-организаций, городские активисты	Постпрезентационная рассылка результатов исследования представителям бизнес-организаций, ТОС Отчет по итогам обсуждения результатов исследования в районных администрациях
	Проектирование структуры паспортов развития микрорайонов и выбор ключевых параметров	Общее собрание глав районов в городской администрации при участии исследователей	Структура паспортов развития микрорайонов как результат 2-х туров обсуждений
<b>Проектно-реализационный</b>	Разработка паспортов развития микрорайонов	Исследователи, городская администрация	Проекты паспортов развития городских микрорайонов
	Модернизация паспортов развития микрорайонов	Районные администрации, эксперты	Рабочие программы реализации
	Выбор, согласование с локальными резидентами и утверждение приоритетных направлений, мероприятий, градостроительных преобразований, направленных на улучшение качества среды микрорайонов <sup>422</sup>	Исследовательская группа, представители городской и районных администраций, локальные резиденты	комплексного развития микрорайонов

<sup>421</sup> Стратегический план развития Екатеринбурга. Раздел III. п. 7 Формирование комфортной, благополучной городской среды. Раздел IV. Стратегия пространственного развития URL: <https://екатеринбург.рф/официально/стратегия>

<sup>422</sup> Данный этап удалось реализовать в полной мере (через согласование с локальными резидентами) не во всех городских районах. В ряде районных администраций паспорта развития микрорайонов находятся в стадии корректировки.

постдиагностического сравнительного анализа и обсуждения средовых профилей микрорайонов.

4. Совмещение традиционных исследовательских функций (диагностических, аналитических) с модераторскими, консультативными, проектными, обеспечивающее реализацию «активистско-преобразовательной» стратегии участия исследовательской группы.

5. Самообучение участников взаимодействия в процессе реализации многоступенчатых коммуникаций, способствующее росту взаимной информированности и достижению на этой основе согласованных позиций.

Обозначенные принципы в целом согласуются с каноническими принципами технологии социального участия, сформулированными еще в первой половине XX в. английским социологом П. Геддесом в его работе «Города в эволюции: введение в городское планирование и изучение гражданского права»<sup>423</sup> и впоследствии воплощавшимися с той или иной степенью редакции в различных законодательно-правовых документах, хартиях, программах, посвященных вопросам организации городского самоуправления. Это принципы «двойного информирования» и «взаимодействия в проектировании». Первый принцип «провозглашает» необходимость двухстороннего информационного потока – со стороны властей осуществляется информирование населения о программах, проектах городского развития, со стороны населения – информирование (в том числе через посредников – исследователей) властей о ключевых проблемах городской жизни, актуальных потребностях и запросах горожан. Второй принцип подразумевает оценку жителями разработанных профессионалами проектов городского развития, а также внесение корректирующих либо альтернативных предложений. Таким образом, коммуникативные методы

---

<sup>423</sup> Geddes P. Cities in evolution: an introduction to the town planning movement and to the study of civics. London: Williams & Norgate, 1915. Internet Archive. URL: <https://archive.org/details/citiesinevolutio00gedduoft/page/n9/mode/2up>

выступают инструментальной основой социального участия, предполагающего реализацию двух указанных принципов, которые собственно и обеспечивают управление с обратной связью. Наше авторское «преломление» классических принципов технологии социального участия осуществлялось в соответствии со спецификой объекта «технологизации», этапами технологического процесса и охваченным в рамках каждого этапа коммуникативным «кругом» (спектром участников), а также расширенным функционалом исследовательской группы.

Новизна разработанной нами социальной технологии заключается в выстраивании многоступенчатых коммуникаций с учетом результатов предыдущих этапов работ и организации коммуникативного пространства для взаимодействия власти и городских стейкхолдеров не только на общегородском уровне (в данном случае физической площадкой для коммуникаций выступала «территория» городской администрации), но и на локальном микроуровне (в этом случае площадками для коммуникаций выступали «территории» районных администраций, в ведении которых находятся конкретные микрорайоны). На общегородском коммуникативном уровне осуществлялась серия прямых и опосредованных (в форме отчетов и «реакций» на них) взаимодействий городской администрации, исследовательской группы, экспертов, районных администраций. Эти взаимодействия «пронизывали» все этапы работы и являлись «точками сведения» промежуточных результатов – преддиагностических методических, исследовательских аналитических, локальных коммуникативных. На микрокоммуникативном уровне главными участниками взаимодействия выступали районные администрации, локальные резиденты (жители микрорайонов и территориально привязанные организации), исследователи. Эти взаимодействия осуществлялись на финальных этапах работ и были направлены на согласование приоритетных направлений совершенствования качества среды микрорайонов по итогам обсуждения представленных исследователями профилей микрорайонов.



Главным результатом реализации многоуровневых коммуникаций, последовательно выстраиваемых с учетом поставленных для каждого технологического этапа, задач выступили проекты паспортов развития микрорайонов.

Специфической отличительной чертой нашей социальной технологии явилась организация пред- и постдиагностической работы, а также роль исследовательской группы. Преддиагностическая работа реализовывалась в формате перманентной экспертизы – диалога с заказчиком (городской администрации) и привлеченными заказчиком экспертами. Так, выбор показателей оценки качества городской среды и разработка методики исследования проходили несколько стадий корректировки: согласование внутри междисциплинарной исследовательской группы, приведение в соответствие предложенного исследователями теоретического обоснования с актуальной версией Стратегического плана развития Екатеринбурга, модификация с учетом замечаний экспертов и предложений городской администрации.

Результаты исследования территориальной дифференциации качества городской среды не просто предоставлялись заказчику в форме аналитического отчета и сопровождающих его рекомендаций (что характеризует традиционный подход к иницилируемым властью социально-диагностическим исследованиям), но и обсуждались с целью выработки «согласовательных» решений на макро- и микроуровнях – в городской администрации и администрациях районов – с приглашением экспертов, представителей территориально привязанных коммерческих и некоммерческих организаций, населения (локальных резидентов). При этом обсуждение результатов осуществлялось на основе презентации средового профиля каждого микрорайона в общей картине административного района и всего города. Сравнение проводилось как по интегральным индексам качества городской среды, так и по субиндексам и отдельным средовым параметрам (параграфы 2.3; 3.1). Такой подход позволил, во-первых,

получить многомерное представление о качестве среды каждого микрорайона, во-вторых, увидеть позиции каждого микрорайона на общегородской карте и карте административного района (в сравнении с микрорайонами-соседями), в-третьих, с учетом выявленных позиций и имеющихся у администрации ресурсов сформулировать ключевые направления совершенствования качества среды микрорайонов. Особое внимание при обсуждении результатов исследования территориальной дифференциации качества среды уделялось тем сферам городской жизни, которые получили максимально низкие оценки со стороны локальных резидентов, а также дефицитным услугам/сервисам пешеходной доступности. Выявленные в ходе исследования потребности резидентов в определенных услугах явились предметом «фокусировки» не только непосредственно для районных администраций, но, в значительной степени, для представителей коммерческих организаций, участвующих в обсуждениях с целью выбора перспективных ниш для развития локальных, в том числе социально-ориентированных, бизнесов.

Важно отметить, что роль исследователей не ограничивалась исключительно диагностической, информирующей функциями (доведение результатов исследования до сведения властей и жителей), они в равной мере выполняли функции полноправных участников диалога (как локальные резиденты-жители конкретных микрорайонов) и координаторов-посредников коммуникативного процесса согласования потребностей жителей и возможностей властей, формируя промежуточные отчеты по результатам каждого тура обсуждения и информируя власть о «точках» напряжения, связанных с модернизацией тех или иных объектов и условий среды либо отсутствием планов такой модернизации.

Обозначенный дополнительный функционал исследовательской группы в значительной степени сближает реализованное исследование со стратегией «активного исследования», предполагающей включенность исследователя не только собственно в диагностическую работу, но и

проектный, коммуникативный виды деятельности, направленные на поиск путей решения социальных проблем, согласование позиций участников и нахождение компромиссов. Данная стратегия, воплощающая идеи активистской методологии (берущей начало с «социологии действия» А. Турена), нацелена на изменение, преобразование определенного «фрагмента» социальной реальности путем исследования, сопровождающего и предопределяющего действие. Ее характеризует тесное взаимодействие всех участников процесса «производства» действия (на основе организованной «обратной связи») и постоянная рефлексия относительно полученных результатов – диагностических и проектных. Стратегия «активного исследования» при разработке нашей технологии была реализована посредством сочетания диагностических, коммуникативных и проектных методов, нацеленных на получение положительных преобразований в сфере развития конструктивных коммуникаций власти и горожан по поводу совершенствования качества городской среды. Исследователь здесь – не объективный сторонний диагност или консультант, а непосредственный активный участник ситуации, ее организатор и проектант, к тому же имеющий как резидент (горожанин) непосредственную заинтересованность в полученных результатах взаимодействия.

В данном случае роль исследовательской группы не может быть отнесена ни к строгой объективистской традиции научного познания, ни к клиентоориентированной традиции управленческого консультирования (пришедшей в муниципальный консалтинг из системы бизнес- и менеджмент-консультирования). В первом случае исследователь-проектант ориентирован исключительно на согласование интересов участников, занимая объективную независимую позицию и не «работая» на достижение целей какой-либо стороны (например, власти, застройщика). Во втором случае, напротив, интересы заказчика предопределяют порядок действий, соответственно консультант решает путем «согласования интересов» исключительно задачи, поставленные перед ним заказчиком.

Наше самоопределение в роли городского исследователя-проектанта-коммуникативного модератора в большей мере созвучно идеям Т.М. Дридзе о социальном участии, которое строится на «коммуникациях с людьми и представляющими *их интересы* исследователями на всех этапах разработки и реализации программ развития территорий»<sup>424</sup>. Мы полагаем, что именно такой подход позволяет в полной мере реализовать принципы «социально-ориентированного управления» (термин Т.М. Дридзе), в котором исследователь не может оставаться полностью беспристрастным объективным диагностом или модератором диалога, он – его активный участник и, что особенно важно отметить, «проводник» интересов горожан. Несмотря на то, что в работах межотраслевого научного коллектива под руководством профессора Т.М. Дридзе обосновывается методический тезис о «независимости» исследовательской группы (тракуемой как ориентация на согласование интересов участников диалога, а не на достижение целей какой-либо одной из сторон), методологическая платформа «человекоориентированности», на которой последовательно выстраивается логика всей эмпирико-диагностической и последующей коммуникативной и проектно-технологической работы, позволяет судить о том, что именно защита прав населения (человека в его среде обитания) выступает главным этическим ориентиром для такого специфического многокомпонентного вида деятельности, как городской исследователь-коммуникативный консультант-проектант.

Риски утраты полностью «независимой позиции» так или иначе сопровождают весь проектно-технологический цикл. В одном случае, исследователь сталкивается с дилеммой узко понимаемой управленческой задачи – решение проблем заказчика (муниципальной власти, инвестора, застройщика), связанных с внедрением, сопровождением какого-либо проекта преобразования городской среды. В другом случае утрата

---

<sup>424</sup> Дридзе Т.М. Социальное управление и социальная коммуникация на рубеже XXI века: к преодолению парадигмального кризиса в социологии // В контексте конфликтологии: проблема коммуникации и управленческого консультирования. М.: ИС РАН, 1999. Вып. 2. С. 9.

независимой позиции происходит по причине абсолютизации правозащитных функций – здесь исследователь рискует превратиться в общественного деятеля, революционера, оппозиционера. Но если посмотреть на проблему шире, то конечным заказчиком программ городских преобразований выступает не власть или коалиция власти и бизнеса, а население, которое с разной степенью активности участвует в принятии решений по вопросам местного значения, в том числе способом делегирования своих прав в решении вопросов местной жизни органам местного самоуправления. Поэтому в любом случае исследователь выполняет социальный заказ, вопрос лишь в том, каким образом этот заказ интерпретируется с точки зрения его истинного субъекта (заказчика) и каким образом видится конечная цель социолого-диагностического и конструктивно-коммуникативного сопровождения принятия управленческих решений. Если взглянуть на проблему еще шире – с точки зрения самоопределения социально-гуманитарной науки (в частности, социологии) в управлении социально-территориальными объектами – то трансформация ее роли от объясняющей, обслуживающей к созидательно-преобразующей возможна лишь на основе принятия ученым-исследователем позиции подлинного «включенного» гражданского участия, обусловленного, прежде всего, насущными запросами и потребностями местного населения.

На наш взгляд, неизбежное «противоречие» между объективностью научного знания и субъектностью исследователя (живущего в городе и остро чувствующего его проблемы) здесь не может быть «снято» в полной мере, его «оправдывает» лишь то, что ученые – носители знания, являясь в определенном смысле посредниками между представителями власти и населением, взаимодействуя и с теми и с другими, имеют, как и все участники этого взаимодействия, такие же определенные законом права на участие в управлении территорией и решение вопросов местной жизни. Кроме этого, без соединения исследовательских, коммуникативных, проектных функций с «правозащитными» (в данном случае мы используем

этот термин в широком метафорическом смысле) невозможны в полной мере разработка, принятие и реализация «человекоориентированных» управленческих решений. «Гуманизация» любых преобразований городской среды предполагает не просто «внедрение» научного знания в управленческую практику, но активное многофункциональное участие исследователей в этом процессе – в качестве собственно исследователей (объективных диагностов, аналитиков), проектантов, посредников-коммуникаторов во взаимодействии городских стейкхолдеров и одновременно субъектов непосредственного социального участия в управлении развитием городской среды.

При отмеченных акцентах нашего «активистско-преобразовательного» понимания функционала исследовательской группы (который, подчеркнем, не лишен внутренней сложности и противоречивости) мы в полной мере разделяем сформулированные межотраслевым научным коллективом под руководством Т.М. Дридзе базовые целевые императивы проектно-технологической работы, направленной на сближение социального участия и социально-ориентированного управления. Среди этих императивов главными для нас выступили следующие: 1) предварительная диагностика социально значимых проблем; 2) выработка вариантов решения таких проблем на основе механизма конструктивной коммуникации заинтересованных сторон; 3) расширение коммуникативного круга путем включения в него максимально возможного количества стейкхолдеров; 4) целенаправленное обеспечение обратной диалогичной связи между взаимодействующими сторонами; 5) интеграция разных видов деятельности (исследовательской, проектной, коммуникативной, консультативной), расширяющая традиционные функции социологии в практике управления социально-территориальными объектами<sup>425</sup>.

---

<sup>425</sup> См.: Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы / отв. ред. Дридзе Т.М. М.: Наука, 1994.

Разработанная нами социальная технология (неотъемлемой частью которой является активная позиция исследовательской группы), также, как технология прогнозного социального проектирования Т.М. Дридзе, основана на использовании комплекса взаимосвязанных диагностических и коммуникативных процедур, направленных на предотвращение управленческих решений, имеющих негативное влияние на качество жизни горожан. Как отмечает сама Т.М. Дридзе, «цель прогнозного социального проектирования состоит не в том, чтобы предсказать, что будет там, за поворотом, а в том, чтобы предотвратить за поворотом возможную беду»<sup>426</sup> – имея в виду, прежде всего, градостроительные преобразования, «возмущающие» и разрушающие сложившуюся среду обитания людей. Иными словами, ключевая задача технологии прогнозного социального проектирования заключается не в прогнозе последствий неадекватных потребностям жителей управленческих решений, а в «профилактике» таких последствий – на этапе, предвещающем принятие управленческих решений.

Но в отличие от прогнозного социального проектирования, предусматривающего глубинное социально-диагностическое исследование локального «участка» городской действительности (в связи с реконструкцией, строительством определенных объектов в городских районах) и социально-проектное сопровождение планируемых преобразований (в виде согласования интересов сторон, устранения социальных напряжений и конфликтов, разработки пакета компенсационных мер для предотвращения возможных негативных последствий для жителей), разработанная нами технология предполагает несколько иной масштаб охвата и спектр решаемых задач. При микродетальном «скрининге» она охватывает все городское пространство в сравнительной перспективе, что позволяет, наряду с локальностью, «схватить» целостность территориально дифференцированной городской среды. Кроме этого, социальная технология

---

<sup>426</sup> Дридзе Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: В 2 кн. / отв. ред. Дридзе Т.М. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2000. Кн. 1. С. 20.

формирования микролокальных режимов взаимодействия субъектов муниципальной власти и городских стейкхолдеров нацелена на создание длительных, устойчивых коммуникативных практик, связанных не только с сопровождением (согласованием) уже запланированных градостроительных проектов, но и «вращиванием» и стимулированием участия горожан в разработке и реализации комплексных программ развития их микрорайонов.

Разработанная и апробированная на примере Екатеринбурга социальная технология, на наш взгляд, представляет собой работоспособное инструментальное средство реализации модели соуправления в российском мегаполисе на основе формирования микролокальных режимов взаимодействия широкого спектра городских акторов по поводу совершенствования качества среды локальных внутригородских территорий (микрорайонов). Данная технология, обладая универсальностью в части алгоритмики проектирования и гибкостью в части операционного наполнения, может быть применена для решения аналогичных проблем (связанных с вопросами качества городской среды) в рамках любого мегаполиса и крупного города. Мы полагаем, что «вращивание» микролокальных городских режимов, основанных на непосредственном и активном взаимодействии участников «по месту жительства», в конечном итоге будет способствовать успешному осуществлению разработанных в ходе этого взаимодействия программ развития городских микрорайонов. Кроме этого, «запущенный» на микролокальном уровне коммуникативный процесс, безусловно, не лишенный сложностей и противоречий в согласовании позиций городских стейкхолдеров, можно рассматривать как перспективный триггер для интенсификации процессов вовлечения различных групп общественности в решение проблем общегородского уровня.



## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное диссертационное исследование показало сложность, многоаспектность и междисциплинарный характер поставленной проблемы, требующий не только обращения к смежным областям научного знания, но и «встраивания» подходов и наработок ряда наук (прежде всего, урбанистики) в социологическую методологию. Цель диссертационного исследования состояла в том, чтобы разработать концептуальные основы исследования управления современным российским мегаполисом как дифференцированной по качеству городской среды социо-территориальной системы и определить возможности для реализации модели соуправления, направленной на совершенствование качества среды микролокальных городских территорий.

Для реализации цели и задач исследования была предложена авторская модификация теории городских режимов, позволившая исследовать систему управления мегаполисом с точки зрения различных уровней и субъектов (как внешних, так и внутренних), специфических российских условий (институционально-правовых барьеров), препятствующих формированию самостоятельных, независимых от федеральной и региональной политики городских режимов, но, вместе с тем, не исключающем полностью возможности для их возникновения. Эти возможности обусловлены, прежде всего, вовлеченностью мегаполисов в глобальные взаимосвязи, расширяющие орбиту ресурсов (интеллектуальных, информационных, культурных, экономических) для городского развития, и ростом городского гражданского активизма, оказывающего влияние на трансформацию городской повестки в направлении гуманистических ориентиров, требующих учета «низовых» инициатив и голоса горожан.

Введенное нами применительно к мегаполису понятие «микролокальный городской режим» показывает переход от жесткого режимного конструкта (коалиции между публичными и частными акторами – преимущественно бизнесом и властью, имеющей длительный, устойчивый

характер и набор целевых приоритетов, по которым достигнуто соглашение в ходе формальных и неформальных взаимодействий) к более гибкому, предполагающему «подвижную», эпизодически проявляющуюся, неустойчивую модель взаимодействия множества акторов и институций (субъектов разного уровня включенности, ресурсности, влияния и полномочий). Микролокальные режимы, проявляющие себя как режимы аполитичного типа, ориентированные преимущественно на повседневную повестку – обеспечение качества среды жизнедеятельности внутригородских территорий, в отличие от общегородского, характеризуются высоким уровнем вовлечения субъектов гражданского общества – организационных и индивидуальных резидентов, непосредственно заинтересованных в развитии своих территорий, среды обитания.

Интерпретируя городскую среду как комплекс взаимосвязанных условий, в которых протекают процессы жизнеобеспечения и жизнедеятельности населения, мы показали методологическую непродуктивность ее понимания как исключительно материально-предметного, либо, наоборот, дематериализованного феномена. Позиция методологической синестезии – целостности различных областей урбанистического знания – позволила нам выделить ключевые составляющие качества городской среды, обеспечивающие практические возможности для реализации спектра потребностей горожан – витальных, рутинных повседневных, потребительских, рекреационно-досуговых, культурно-образовательных, коммуникативных, эстетических и пр.

На основе анализа современных подходов к оценке качества городской жизни и среды как ее важнейшей составляющей мы доказали, что для целей управления развитием городов наиболее крупного масштаба – мегаполисов – «общегородская температура» не является достаточно информативной. В связи с этим нами была предложена методология исследования территориальной дифференциации среды мегаполиса, выстроенная на теоретическом базисе современных урбанистических идей

(мультифункциональность городских территорий, полицентричность и антропоориентированность городского развития, гиперблизость-доступность городских благ) и инструментальной платформе индексного метода, позволяющего агрегировать большой массив объективных и субъективных данных, характеризующих различные аспекты городской жизни в проекции социально-функциональной насыщенности микрорайонов.

По результатам апробации разработанной методологии и методики исследования территориальной дифференциации среды Екатеринбурга осуществлено позиционное картографирование всех городских микрорайонов по интегральному качеству среды, проведен сравнительный анализ микрорайонов по отдельным сферам и показателям, выявлена общая средовая панорама мегаполиса, показывающая проблемы реализации мультифункциональной модели развития для значительного количества городских микрорайонов и проживающего в них населения. Полученные результаты эмпирического исследования легли в основу создания информационно-аналитической базы для разработки дифференцированных программ развития городских микрорайонов с учетом их средовых преимуществ и недостатков.

Интегрируя теоретическое знание и полученные в ходе эмпирического исследования данные в практику выработки управленческих решений, мы предложили и апробировали на примере Екатеринбурга социальную технологию формирования микролокальных режимов взаимодействия субъектов муниципальной власти и городских стейкхолдеров в ходе разработки программ совершенствования качества среды городских микрорайонов. Данная технология выстраивалась на основе принципов организации многоуровневых и мультисубъектных коммуникаций городских акторов, постдиагностического обсуждения полученных в ходе исследования средовых профилей микрорайонов в общей картине административного района и всего города, расширения традиционных функций социологического сопровождения – от диагностических, информационных,

аналитических до «активистских». На наш взгляд, «вращивание» микролокальных режимов взаимодействия субъектов муниципальной власти и городских стейкхолдеров может стимулировать развитие общегородских режимов прогрессивной направленности, базирующихся на механизмах партиципации.

Представленная диссертация вносит значимый вклад в развитие теории и практики современного городского управления и тем самым может способствовать преодолению перманентного дисбаланса, характеризующего взаимодействие системы управления и общества, власти и населения. Вовлечение социологии и выработанного в ее рамках знания в информационно-аналитическое и социально-проектное обеспечение управленческой деятельности может выступать одним из путей преодоления обозначенного дисбаланса.

Дальнейшие направления исследований мы видим в изучении специфических паттернов взаимодействия городских стейкхолдеров и определяющих их факторов, выявлении препятствий в согласовании диспозиций власти, профессионалов (экспертов), исследователей, горожан. Важным исследовательским вопросом на перспективу нам представляется изучение вариативных особенностей микролокальных режимов мегаполиса, обусловленных специфическими характеристиками городских микрорайонов – пространственными, культурными, экономическими, инфраструктурными, а также социально-демографическими, ценностно-мотивационными характеристиками их резидентов. Исследовательский интерес представляет изучение уровня гражданской активности резидентов различных микрорайонов мегаполиса и создание на этой основе картограмм городского локального «активизма».

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**

1. Айвазян С.А. К методологии измерения синтетических категорий качества жизни населения // Экономика и математические методы. 2003. Т. 39. № 2. С. 38–53.
2. Айвазян С.А., Степанов В.С., Козлова М.И. Измерение синтетических категорий качества жизни населения региона и выявление ключевых направлений совершенствования социально-экономической политики (на примере Самарской области и ее муниципальных образований) // Прикладная эконометрика. 2006. №2. С. 18–84.
3. Алексеева М.С., Галиндабаева В.В. Формирование конструкторов элитарности в контексте процессов социальной сегрегации городского пространства (на примере проспекта Победы в г. Улан Удэ) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 3. С. 20–32.
4. Аль-Джабери А.А.Х., Перькова М.В., Иванькина Н.А., Аль-Савафи М.Х. Типология транзитно-ориентированного развития // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2019. № 5. С. 120–130.
5. Анимица Е.Г. Апикальная меристема городов-миллионников в экономическом ландшафте страны // Региональная экономика: вызовы, приоритеты, стратегические ориентиры / под ред. Силина Я.П. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2017. С. 66–77.
6. Анимица Е.Г. Крупнейшие города России в контексте глобальных урбанизационных процессов // ARS ADMINISTRANDI. Искусство управления. 2013. С. 82–96.
7. Аношкин П.А. Пространственная модель современного города // Проблемы современной экономики. 2011. № 4 (40). С. 259–264.
8. Антонова Н.Л., Абрамова С.Б. Городской активизм молодежи: практики и барьеры // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 2 (57). С. 96–103.

9. Антипин А. Особенности социального зонирования городского пространства Перми // Российское городское пространство: попытка осмысления / отв. ред. Вагин В.В. Сер. «Научные доклады». Вып. 116. М., 2000. С. 78–91.
10. Антипов К.А. Социальный потенциал самоорганизации местных сообществ // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2015. № 2. С. 22–31.
11. Антипов К.А., Лазукова Е.А., Разинский Г.В. Муниципальная власть и местные сообщества: особенности взаимодействий (к постановке из проблемы социологического исследования) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 2. С. 118–129.
12. Археология периферии: Исследование для Московского урбанистического форума 2013 «Мегаполисы: развитие за пределами центра». Команда ПРОЕКТ МЕГАНОМ; Институт медиа, архитектуры и дизайна СТРЕЛКА. Москва, 2013. 529 с.
13. Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание, управление. М.: Политиздат, 1983. 432 с.
14. Афанасьев В.Г. Научное управление обществом: Опыт системного исследования. М.: Политиздат, 1973. 391 с.
15. Афанасьев В.Г. Системность и общество. М.: Политиздат, 1980. 368 с.
16. Ахтариева Л.Г., Харичкова Л.И. Современные тенденции в развитии мегаполисов России // Фундаментальные исследования. 2016. № 7–1. С. 56–60.
17. Бабун Р.В. 2014 год в истории местного самоуправления России: вперед или назад // Местное право. 2015. № 1. С. 13–20.
18. Багирова А.П., Нотман О.В. Качество среды мегаполиса как элемент качества жизни населения: оценка территориальной дифференциации //

- Социальное пространство. 2021.Т. 7. № 4. С. 1–18. URL: [http://sa.vscs.ac.ru/article/29071/full?\\_lang=ru](http://sa.vscs.ac.ru/article/29071/full?_lang=ru)
- 19.Багирова А.П., Нотман О.В., Бледнова Н.Д. Городская среда как ресурс для совмещения профессиональных и родительских функций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 3. С. 126 – 141.
- 20.Барбаш Н.Б. Методика изучения территориальной дифференциации городской среды. М.: Институт географии АН СССР, 1986. 180 с.
- 21.Бедрина Е.Б., Паньшина Д.А. Этнические анклав на картах современных мегаполисов: причины формирования и последствия // Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты: материалы 5-го Тюменского международного социологического Форума / отв. ред. Акулич М.М. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2017. С. 553–557.
- 22.Бёрджесс Э.У. Рост города: Введение в исследовательский проект // Чикагская социология: Сб. переводов / сост. и пер. Николаев В.Г.; отв. ред. Ефременко Д.В. М.: РАН. ИНИОН. Центр социал. науч. информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии, 2015. 430 с.
- 23.Бирюков А.С., Рябуха В.П. Сравнение принципов планировки городской территории на примере микрорайонной и периметральной квартальной систем. Проблемы застройки города Перми и пути решения // Современные технологии в строительстве. Теория и практика. 2019. Т. 1. С. 256 –261.
- 24.Бобылев С.Н., Зубаревич Н.В., Соловьева С.В., Власов Ю.С. Устойчивое развитие. Методология и методики измерения. М.: Экономика, 2011. 358 с.
- 25.Бобылев С.Н., Кудрявцева О.В., Соловьева С.В. Индикаторы устойчивого развития городов // Экономика региона. 2014. № 3. С. 101–110.
- 26.Богоров В., Новиков А., Серова Е. Самопознание города // Археология периферии: Исследование для Московского урбанистического форума

- 2013 «Мегаполисы: развитие за пределами центра». Раздел D «Данные». М.: 2013. С. 383–384.
27. Брундтланд Г.Х. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / под ред. Евтеева С.А., Перелета Р.А., М.: Прогресс, 1989. 371 с.
28. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетея, 2007. 288 с.
29. Вавилина Н.Д., Паршукова Г.Б., Романников О.Д. Гражданское общество как субъект социального влияния (на примере Новосибирской области) // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 63–74.
30. Вандышев М.Н. Территориальный принцип размещения трудовых мигрантов в большом городе // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ / отв. ред. Татаркин А.И., Кузьмин А.И. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2016. С. 331–337.
31. Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н., Ермакова М. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2. С. 225–253.
32. Васильева Е.И., Гусельникова О.Ю. Проблемы развития местного самоуправления // Муниципалитет: экономика и управление. 2018. № 4 (25). С. 26–32.
33. Вахштайн В.С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4. № 1. С. 94–115.
34. Вахштайн В.С. От мегаполиса к гетерополису // Социология власти. 2014. № 2. С. 5–8.
35. Вебер М. Город. Пер. с нем. Левина М., научный ред. Левинсон К. М.: Strelka Press, 2017. 252 с.



36. Вендина И.О., Панин А.Н., Тикунов В.С. Социальное пространство Москвы: особенности и структура // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 6. С. 3–17.
37. Вендина О.И. Мигранты в Москве. Грозит ли российской столице этническая сегрегация? М.: Центр миграционных исследований, 2015. 90 с.
38. Вендина О.И. Частное и общественное в городском пространстве: от теории к московским реалиям // Известия РАН. Серия географическая. 2009. № 2. С. 28–38.
39. Вершинина И.А. Современные теории города: социологический анализ. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2019. 240 с.
40. Вершинина И.А., Гавриленко О.В. Драйверы развития мегаполиса: по итогам IV Московского урбанистического Форума // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. №2. С. 287–294.
41. Вершинина И.А., Полякова Н.Л. Теоретические и методологические проблемы современной социологической урбанистики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 60–84.
42. Вирт Л. Избранные работы по социологии. Сборник переводов. М.: ИНИОН, 2005. 244 с.
43. Вишневский Ю.Р., Вишневский С.Ю., Багирова Т.Б., Белова О.Р. Будущее как объект управления // Не расстанусь с молодежью, буду.... сборник научных статей к 80-летию профессора Ю.Р. Вишневского, под общей редакцией Вишневского Ю.Р., ответственный за выпуск Нархов Д.Ю. Екатеринбург, 2018. С. 121–128.
44. Вишневский Ю.Р., Нархов Д.Ю. Гражданская идентичность молодежи Свердловской области // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 31–39.

45. Волков Д., Колесников А. Самоорганизация гражданского общества в Москве. Мотивы, возможности и пределы политизации. М.: Московский Центр Карнеги, 2016. 33 с.
46. Волошинская А.А. Эволюция зарубежных концепций городского развития: анализ основных тенденций // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 63. С. 99–115.
47. Ворота в глобальную экономику / под ред. Андерссона О.Е. и Андерссона Д.Е.. Пер. с англ. М.: Фазис, 2001. 464 с.
48. Воронин Г.Л., Захаров В.Я., Козырева П.М. «Кому на Руси жить хорошо?» Мониторинг 1994–2013 гг. // Социологический журнал. 2016. № 1. С. 26–53.
49. Вучик В.Р. Транспорт в городах, удобных для жизни / пер. с англ. Калинина А., под научн. ред. Блинкина М. М.: Территория будущего, 2011. 413 с.
50. Высоковский А.А. Правила землепользования и застройки: руководство по разработке. Опыт введения правового зонирования в Кыргызстане. Бишкек: «Ега-Басма», 2005. 326 с.
51. Высоковский А.А. Сочинения: в 3 т. Том 1. Theory. Том 2. Practice. Том 3. Public. М.: Gray Matter, 2015. 1184 с.
52. Гайкова Л.В. Полицентризм как парадигма развития российских городов // Архитектон: известия вузов. 2015. № 2(50). С.69–81.
53. Гальченко В.В. Роль местного самоуправления в развитии социальной активности населения муниципального образования // Сервис Plus. 2012. № 4. С. 48–52.
54. Гейл Я. Города для людей. М.: Альпина Пабlishер, 2012. 276 с.
55. Гейл Я. Жизнь среди зданий. М.: Альпина Пабlishер, 2012. 200 с.
56. Гейл Я., Гемзо Л. Новые городские пространства. 3-е изд. М.: Концерн «КРОСТ», 2012. 263 с.
57. Гельман В. Власть, управление и локальные режимы в России: рамки анализа // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. URL:

[http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz\\_70/6491-vlast-upravlenie-i-lokalnye-rezhimy-v-rossii-ramki-analiza.html](http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_70/6491-vlast-upravlenie-i-lokalnye-rezhimy-v-rossii-ramki-analiza.html)

58. Гельман В. Возвращение Левиафана? Политика рецентрализации в современной России // Полис. 2006. № 2. С. 90–109.
59. Гельман В. Динамика субнационального авторитаризма: Россия в сравнительной перспективе // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 50–63.
60. Гельман В. От местного самоуправления – к вертикали власти // Pro et Contra. 2007. Том 11. № 1. С. 6–18.
61. Гельман В.Я. Рыженков С.И. Локальные режимы, городское управление и «Вертикаль власти» в современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6. № 4. С. 130–151.
62. Герасимов К., Чуйкина С. Символические границы и «потребление» городского пространства (Ленинград, 1930-е годы) // Российское городское пространство: попытка осмысления / отв. ред. Вагин В.В. Сер. «Научные доклады». Вып. 116. М., 2000. С. 127–165.
63. Герцберг Л.Я. Качество городской среды: проблемы проектирования и реализации // Градостроительство. 2013. № 1(23). С. 28–32, №2(24). С. 29–33.
64. Гладарев Б.С. Градозащитные движения Петербурга накануне «зимней революции» 2011–2012 г.: анализ из перспективы французской прагматической социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 4(110). С. 29–43.
65. Гладышев А.Г., Иванов В.Н., Патрушев В.И. Муниципальная наука: теория, методология, практика. М.: Муниципальный мир, 2003. 288 с.
66. Глазков К. От Археологии периферии к Археологии смыслов // Социология власти. 2014. № 2. С. 244–254.
67. Глазырин М.В. Муниципальная самоорганизация. М.: Наука, 2003. 159 с.
68. Глазычев В.Л. Город без границ. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. 400 с.

69. Глазычев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. М.: Наука, 1984. 180 с.
70. Глазычев В.Л. Урбанистика. М.: Европа, 2008. Ч.1. 220 с., Ч. 2. 218 с., Ч. 3. 172 с.
71. Глоссарий по информационному обществу / под общ. ред. Хохлова Ю.Е. М.: Институт развития информационного общества, 2009. 160 с.
72. Голубева Я.А., Веретенников Д.И., Коротыч В.И., Крутенко Л.В., Малышев Г.Н., Низамутдинова Г.Р. Нестоличная реновация // Городские исследования и практики. 2019. Т. 4. № 2. С. 104–128.
73. Гончаров Р.В., Сапанов П.М., Яшунский А.Д. Технология сбора пространственных данных в полевых городских исследованиях // Социология власти. 2013. № 3. С. 57–72.
74. Гостев М.В. Об эвристической природе моделей эволюционного городского развития // Городские исследования и практики. 2018. Т. 3. № 1. С. 7–22.
75. Гутнов А.Э. Системный подход в изучении города: основания и контуры теории городского развития // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1985. М.: Издательство «Наука», 1986. 360 с.
76. Данциг Дж., Саати Т. Компактный город: проект организации городской среды: пер. с англ. Москва: Стройиздат, 1977. 200 с.
77. Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов / пер. с англ. Мотылева Л.М.: Новое издательство, 2011. 460 с.
78. Довбыш Е.Г. Бизнес, городская власть и городское сообщество: к проблеме институционализации взаимоотношений // Социальные явления. 2012. № 1. С. 74–82.
79. Долгунова А.В. Мегалополис как современная форма организации социального пространства // Наука, образование и культура. 2016. №5 (8). С. 33–34.

80. Дридзе Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: В 2 кн. / отв. ред. Дридзе Т.М. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2000. Кн. 1. С. 5–42.
81. Дридзе Т.М. Социальное управление и социальная коммуникация на рубеже XXI века: к преодолению парадигмального кризиса в социологии // В контексте конфликтологии: проблема коммуникации и управленческого консультирования. М.: ИС РАН, 1999. Вып. 2. С. 20–28.
82. Дридзе Т.М. Человек и городская среда в прогнозном социальном проектировании // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 131–138.
83. Дудченко В.С. Инновационные игры: Практика, методология и теория. Таллин: «Валгус», 1989. 118 с.
84. Дулина Н.В., Каргаполова Е.В. Социальное самочувствие жителей как отражение эффективности управления в регионе: административно-правовой аспект (по итогам социологического исследования «Волгоградский ОМНИБУС» // Вестник Евразийской академии административных наук. 2017. № 1 (38). С. 89–96.
85. Дулина Н.В., Икингрин Е.Н. Города проведения спортивных мегасобытий как новые направления туристических маршрутов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4 (70). № 1. С. 166–171.
86. Дюргейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 575 с.
87. Дятлов А.В., Ковалев В.В. Трансформация института сити-менеджмента в муниципальном управлении юга России // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 66–77.
88. Желнина А.А., Тыканова Е.В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального

- активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Том. 22. № 1. 162–192.
89. Журавлев П.В., Карташев С.А., Маусов Н.К., Одегов Ю.Г. Технологии управления персоналом. Настольная книга менеджера. М.: Экзамен, 2000. 575 с.
90. Заборова Е.Н. Власть и население: аспекты взаимодействия на муниципальном уровне // Вопросы управления. 2014. № 1. С. 42–48.
91. Заборова Е.Н. Город на грани веков. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2007. 272 с.
92. Заборова Е.Н. Городское управление: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 296 с.
93. Заборова Е.Н. Дефиниция «город»: социологический анализ // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2016. № 2. URL: <https://sflk-mn.ru/PDF/05SFK216.pdf>
94. Заборова Е.Н. Инновационные процессы в городской среде // Региональная экономика: вызовы, приоритеты, стратегические ориентиры / под ред. Силина Я.П. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2017. С. 100–107.
95. Заборова Е.Н. Феномен города с точки зрения социального пространства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2006. Вып. 5. № 2 (57). С. 188–195.
96. Запорожец О., Багина Я. Власть надежд: отстаивание инфраструктуры в новых городских районах // Журнал исследований социальной политики. 2021. Том 19. № 2. С. 269–284.
97. Зборовский Г.Е. Роль социологии в научном управлении обществом // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 6 (27). С. 205–211.
98. Зборовский Г.Е., Амбарова П. А. Трансформация предметного поля социологии управления: новые вызовы // Социологические исследования. 2016. № 7. С. 48–57.

99. Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А., Амбарова П.А., Певная М.В., Кузьминчук А.А. Управление стратегиями поведения городских общностей: проблемы и возможности. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 200 с.
100. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4. С. 23–34.
101. Зубаревич Н.В. Крупные города России: лидеры и аутсайдеры // Демоскоп Weekly. 2013. № 551-552. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0551/demoscope551.pdf>
102. Зубаревич Н. Пришел, увидел, победил? Крупный бизнес и региональная власть // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 1. С. 107–120.
103. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: Проблемы и тенденции переходного периода. Изд. 7-е. М.: ЛЕНАНД, 2020. 264 с.
104. Иванов В.Н., Патрушев В.И. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. М.: Изд-во «Экономика», 2001. 324 с.
105. Иванов В.Н., Патрушев В.И. Социальные технологии. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 1999. 431 с.
106. Иванченко Е.А. Комфортная городская среда. Основные проблемы придомовых территорий многоквартирных жилых домов // Строительство и архитектура-2017: материалы науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону, 2017. С. 31–34.
107. Иванченко Е.А., Косилов М.С. Проблемы микрорайонной застройки в современном градостроительстве // Молодой исследователь Дона. 2018. № 6 (15). С. 96–103.
108. Иванькина Н.А., Перькова М.В. Концепция нового урбанизма: предпосылки развития и основные положения // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. 2018. №8. С. 75–84.

109. Ивашиненко Н.Н., Мигранова Л.А., Теодорович М.Л. Изучение качества жизни населения как основы социального управления // Народонаселение. 2014. № 1 (63). С. 101–118.
110. Иконников А.В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. М.: КомКнига, 2006. 349 с.
111. Капков С.А. Развитие городских общественных пространств: социально-философские аспекты // Общество: философия, история, культура. 2016. № 11. С. 58–63.
112. Карбаинов Н. Как владельцы (не) становятся частными собственниками: земельные конфликты в Улан-Удэ и Сочи // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Том 17. № 5. С. 85–108.
113. Карбаинов Н. Как изымают собственность в олимпийских столицах: Олимпиада в Сочи в сравнительной перспективе // Мир России. 2013. № 1. С. 106–129.
114. Касаткина С.С. Взаимосвязь человека и общества с городским пространством как принцип системности города (социально-философский контекст) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 3. С. 31–36.
115. Касаткина С.С. Проблемы социокультурной безопасности современного города (социально-философский подход) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9. № 2 (31). С. 205–212.
116. Касаткина С.С. Соучаствующее проектирование в развитии пространств городов России (философский анализ) // Градостроительное право. 2020. № 1. С. 43–45.
117. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / пер. с англ., под науч. ред. Шкаратана О. И. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
118. Катаева Ю.В., Лобанова И.Л. Территориальная организация крупного города как фактор его развития (на примере г. Перми) // Проблемы современной экономики. 2013. №13. С. 76–82.



119. Кислицина О.А. Национальный индекс качества жизни (благополучия) как инструмент мониторинга эффективности социально-экономической политики в России // Журнал исследований социальной политики. 2017. Том 15. № 4. С. 547–558.
120. Кислицина О.А. Измерение качества жизни / благополучия: международный опыт. М.: Институт экономики РАН, 2016. 62 с.
121. Кислицина О.А. Подходы к измерению прогресса и качества жизни (благополучия) // Экономический анализ: теория и практика. 2016. № 10 (457). С. 28–38.
122. Кияненко К.В. Социальные основы архитектурного формирования жилой среды. М.: Стройиздат, 2015. 208 с.
123. Коган Л.Б. Урбаноология и городская политика: от осознания к знанию. Москва, 2010. URL: <http://emsu.ru/kogan/>
124. Коган Л.Б. Урбаноология: от городского сознания к знанию // Городское управление. 2010. № 11. С. 2–4.
125. Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир. М.: Издательство института экономической политики Е.Т. Гайдара, 2016. 384 с.
126. Колодий Н.А., Иванова В.С., Гончарова Н.А. Умный город: особенности концепции, специфика адаптации к российским реалиям // Социологический журнал. 2020. Том 26. № 2. С. 102–123.
127. Корнев Н.Р. Где живет элита в Петербурге // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. № 1. С. 92–116.
128. Корнев Н.Р. Жилищная стратификация в центре Санкт-Петербурга // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 77–85.
129. Королева М.Н., Чернова М.А. Городской активизм: управленческие практики как ресурс и барьер развития городских проектов // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 93–101.
130. Короткова Е., Мокрушина К., Куричева Е., Журавлев С., Ирбитская И. Управление пространственно-экономическим развитием города: скрытые

- ресурсы. М.: Центр городских исследований бизнес-школы СКОЛКОВО, 2016. 212 с.
131. Корытникова Н.В. Оценка информационной наполненности интернет-представительств органов местного самоуправления в Луганской области (Украина) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 344–378.
132. Косарева Н.В., Пузанов А.С., Полиди Т.Д. Основные тенденции жилищной экономики городов // Городские исследования и практики. 2015. Т.1. №1. С. 33–54.
133. Костюков А.Н. Реформа в никуда... // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 58–63.
134. Крашенинников А.В. Когнитивная урбанистика: архетипы и прототипы городской среды. М.: КУРС, 2020. 208 с.
135. Крашенинников А.В. Когнитивные модели городской среды. М.: КУРС, 2020. 210 с.
136. Кудряшова Е.В., Максимов А.М., Ненашева М.В., Верещагин И.Ф., Шубина Т.Ф., Шубина П.В. Модели коммуникативного управления в контексте формирования комфортной городской среды (на примере городов Архангельской области) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 4. С. 191–213.
137. Кэмпбелл С. Идентичность и меняющаяся роль столиц в эпоху глобализации // Философско-литературный журнал «Логос». 2013. № 4 (94). С. 57–108.
138. Лазарев М.П. Микрорайонная застройка: pro et contra // Актуальные проблемы социально-гуманитарных знаний: сборник статей. 2015. С. 18–21.
139. Лаппо Г.М. География городов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. 480 с.
140. Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012. 504 с.

141. Латур Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2003. №3. С. 20–39.
142. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
143. Лебедева Л.С. «Качество жизни»: ключевые подходы и структура понятия // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 68–80.
144. Ледаев В. Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/izuchenie-vlasti-v-gorodskih-soobshhestvah-osnovnye-etapy-i-modeli-issledovaniya.html>
145. Ледаев В.Г. Опыт изучения власти в городских сообществах: российская проекция // Власть и элиты. 2015. Т. 2. С. 301–325.
146. Ледаев В.Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 472 с.
147. Ледаев В.Г. Социология власти: теория городских политических режимов // Социологический журнал. 2006. № 3/4. С. 46–68.
148. Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Мегаполисы и феномен мегаполисности в России // Регион: экономика и социология. 2017. № 1. С. 42–77.
149. Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 14–37.
150. Лефевр А. Идеи для концепции нового урбанизма // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 19–26.
151. Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
152. Лободанова Д. Новые форматы коммуникационных площадок в городах // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 2. С. 174–192.

153. Лолла А.М., Лолла У.А. От генплана к стратегическому программному развитию города и его агломерации // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2017. № 2. С. 19–24.
154. Лолла А.М., Меньшикова Е.П., Лолла У.А. Профессиональное городское и агломерационное управление в России: состояние и что делать // Градостроительство. 2011. № 3 (13). С. 56–64.
155. Любовный В.Я. Города России: альтернативы развития и управления. М.: Экон-информ, 2013. 614 с.
156. Майкова Э. Ю., Симонова Е. В. Местное самоуправление как объект анализа отечественной социологии последней трети XX – начала XXI в. // Социологические исследования. № 12. 2018. С. 73–83.
157. Майкова Э.Ю., Симонова Е.В. Гражданское участие населения как фактор развития местного самоуправления в российских муниципальных образованиях // Власть. 2014. № 1. С. 90–94.
158. Макаров В.З., Новаковский Б.А., Чумаченко А.Н. Эколого-географическое картографирование городов. М.: Научный мир, 2002. 176 с.
159. Максимов С.Н., Семененко В.В. Особенности и проблемы развития современных мегаполисов // Проблемы современной экономики. 2012. №2. С. 352–355.
160. Марков М. Технология и эффективность социального управления. Пер. с болг. М.: Прогресс, 1982. 267 с.
161. Маркова Л.А. Технологии в социальных и технических системах: социальный и гуманитарный анализ // Эпистемология и философия науки. 2012. № 1. С. 64–72.
162. Маркс К. Капитал: в 3-х т. М.: Политиздат, 1983. Т.1. 565 с.
163. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / Маркс К. Социология: сборник. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. 432 с.
164. Маршалкович А.С., Афолина М.И. Экология городской среды. М.: НИУ МГСУ, 2016. URL: <http://lib-04.gic.mgsu.ru/lib/Method%202016/35.pdf>

165. Масталерж Н.А. Формирование концепции общественного пространства как структурного элемента городской среды // Архитектон: известия вузов. 2013. № 43. С. 61–73.
166. Михайлова Т. Завод в центре: искривление советской географии // Стимулы, парадоксы, провалы. Город глазами экономистов (сборник). «Strelka Press», 2016. С. 36–53.
167. Моляренко О.А. Местное самоуправление в современной России, или Хроники крайней власти // Мир России. 2021. Т. 30. № 1. С. 8–28.
168. Москалева С.М., Тыканова Е.В. Социальные условия деятельности гражданских и экспертных групп по улучшению качества городской среды // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Том. 19. № 4. С. 103–120.
169. Муфтахова А.Н. Социальная стратификация современного мегаполиса в жилищной сфере (на примере Санкт-Петербурга) // Социальные и пространственные измерения современного мегаполиса: мат-лы IX социологических чтений памяти В.Б. Голофаства, 3–5 апреля 2017 г. СПб.: Норма, 2017. С. 184–198.
170. Мякинников С.П. Экологическая экспликация пространства городской культуры // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2008. № 1. С. 110–114.
171. Наберушкина Э.К., Дороднова М.А. Кому удобны российские города // Регионология. 2012. № 2. С. 140–148.
172. Наберушкина Э.К., Сорокина Н.В. Картографирование доступности городской среды: аспекты социального неравенства // Журнал исследований социальной политики. 2012. № 1. С. 27–42.
173. Нагаева З.С. Межмидинов А.А. Градостроительные модели индустриальной эпохи // Символ науки. 2015. №4. С. 240–247.
174. Невоструева К.Н. К вопросу о методологических подходах к изучению городского пространства // Технологос. 2009. С. 179–189.

175. Непреенко И. Сегрегация в России: социальная, этническая, транспортная. Участники экспертного опроса А. Махрова, К. Пузанов, М. Ларуэль, О. Вендина, Е. Деминцева // Разногласия. Журнал общественной и художественной критики. 2016. № 9. С. 69–86.
176. Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. 2017. № 6. С. 43–60.
177. Новиков А. Человек и город. Кем и как создается городская среда // Лекция Фонда Е. Гайдара. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3594351>
178. Новиков А., Котов Е., Гончаров Р., Никогосян К., Городничев А. Москва: курс на полицентричность. Оценка эффектов градостроительных проектов на полицентрическое развитие Москвы. Краткое изложение результатов исследования для Московского урбанистического форума 2016. М.: Высшая школа урбанистики НИУ ВШЭ, 2016. 32 с.
179. Новосельцева А.С. Ключевые функции мегаполисов в глобальной экономике: системность исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. 2011. Серия 9. Вып. 9. С. 71–77.
180. Нотман О.В. Концептуализация понятия «мегаполис»: формально-количественный, правовой, функциональный и системный подходы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология». 2021. Т. 21. Вып. 2. № 2. С. 143–149.
181. Нотман О.В. Методологические основания исследования территориальной дифференциации среды мегаполиса // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2020. № 4. С. 8–17.
182. Нотман О.В. Перспективы реализации модели со-управления в российских мегаполисах: новый гражданский активизм и микролокальные городские режимы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 2. С. 86-94
183. Овсянникова Т.Ю., Преображенская М.Н. Индексный подход к оценке качества жизни населения и уровня развития урбанизированных

- территорий // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2014. № 1 (25). С. 30–46.
184. Павлюк С.Г. Методика дифференциации городского пространства (на примерах городов России, Западной Европы и США // Региональные исследования. 2015. № 3 (48). С. 26–36.
185. Парамонова В.А., Дулина Н.В. Управление городом: старые задачи на новый лад // Актуальные проблемы социологии культуры, образования, молодежи и управления: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Екатеринбург, 24–25 февраля 2016 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 764–769.
186. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 3–12.
187. Парк Р. Город: предложения по изучению человеческого поведения в городской среде // Избранные очерки. Сост. и пер. Николаев В.Г.; Отв.ред. Ефременко Д.В. М.: ИНИОР РАН, 2011. С. 19–57.
188. Патрушев В.И. Основы общей теории социальных технологий. М.: Изд-во ИКАР, 2018. 323 с.
189. Певная М.В., Минченко Д.В., Чусовитин Н.А. Социальные городские проекты: управленческие характеристики и виды молодежного участия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 3 (63). С. 79–87.
190. Певная М.В., Шуклина Е.А., Быстрова Т.Ю., Федорова М.С. Социальное участие молодежи в развитии городов: методологические идеи, методические подходы и опыт исследования конструктивных практик / под общ. ред. проф. Певной М.В. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 244 с.
191. Певная М.В., Шуклина Е.А., Тарасова А.Н., Асоян Л.А. Социальное участие студенчества России и Армении в социокультурном развитии городов // Высшее образование в России. 2020. № 7. С. 43–55.

192. Перельгин Ю.А. Городская среда и общество // Управление развитием территории. 2010. № 2. URL: <http://www.gisa.ru/74190.html>
193. Петухов В.В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. 2019. Том 45. № 12. С. 3–14.
194. Петухов В.В., Бараш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. 2014. № 9. С. 11–19.
195. Петухов Р.В. Локальные сообщества и гражданский активизм // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 4 (122). С. 60–71.
196. Пирогов С.В. Парадигма диагностики городской среды // Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. Тихонов А.В. М.: КРАСАНД, 2015. 480 с.
197. Погодина И.В., Авдеев Д.А. Геймификация платформ общественного участия граждан в публичном управлении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 4. С. 84–110.
198. Подшивалкина В.И. Социальные технологии: проблемы методологии и практики. Кишинев: Центральная типография, 1997. 352 с.
199. Полян П.М. Территориальные структуры – урбанизация – расселение: теоретические подходы и методы изучения. М.: Новый хронограф, 2014. 788 с.
200. Поморов С.Б. Жуковский Р.С. Анализ современных представлений о полицентрической структуре города // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2016. № 1(54). С. 67–79.
201. Поморов С.Б., Жуковский Р.С. Ретроспектива развития городского полицентризма и теоретических представлений о нем // Архитектон: Известия вузов. 2015. № 4(52). С. 13–36.
202. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. М.: Феникс: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.



203. Порозов Р.Ю. Культурно-образовательное пространство большого города. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2016. 174 с.
204. Портнов Б.А. Городская среда – феномен престижности // Социологические исследования. 1991. № 1. 69–74.
205. Порфирьев Б.Н., Бобылёв С.Н. Города и мегаполисы: проблема дефиниций и индикаторы устойчивого развития // Проблемы прогнозирования. 2018. № 2. С. 14–23.
206. Потапенко А.А. Построение неравномерно-районированной модели (на примере г. Владивостока) // Architecture and Modern Information Technologies (AMIT). 2018. № 4 (45). С. 402–415.
207. Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы / отв. ред. Дридзе Т.М. М.: Наука, 1994. 304 с.
208. Пузанов К.А. Городская среда и культурное пространство мегаполиса: сравнительное исследование социальных барьеров городского развития. М.: ФГБОУ ВПО «Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации», 2015. 75 с.
209. Пузанов К.А., Степанцов П.М. Механика Москвы. Исследование городской среды. М.: Издание Московского института социально-культурных программ, 2014. 66 с.
210. Пучков М.В. Город и горожане: общественные пространства как модератор поведения людей // Архитектон: известия вузов. 2014. № 45. С. 34–43.
211. Радина Н.К. Город в пространстве и времени: проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических изменений. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2015. 344 с.
212. Ремарчук С.М. Оценка эффективности использования внутригородских территорий // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2015. № 5 (52). С. 33–40.

213. Ромашова М.Н. Современный подход к квартальной застройке. Принципы и особенности // Университетская наука. 2015. №2. С. 77–79.
214. Россия регионов: трансформация политических режимов / общ. ред. Гельман В., Рыженков С.И., Бри М. М: Весь мир, 2000. 376 с.
215. Росман В. Столицы. Их многообразие, закономерности развития и перемещения. М.: «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара», 2013. 430 с.
216. Рукавишников В.О. Население города (социальный состав, расселение, оценка городской среды). М.: Статистика, 1983. 246 с.
217. Рыженков С. Локальные режимы и «вертикаль власти» // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/lokalnye-rezhimy-i-vertikal-vlasti.html>
218. Рыкун А.Ю., Черникова Д.В., Сухушина Е.В., Березкин А.Ю. Измерение качества жизни в городах: возможности индексного подхода // Журнал исследований социальной политики. 2020. Том. 18. № 2. С. 283–298.
219. Сапанов П.М., Гончаров Р.В. Решение локационной задачи как способ комплексного исследования города // Городские исследования и практики. 2017. Том. 2. № 2. С. 81–92.
220. Сарченко В.И., Хиревич С.А. Детерминация экономической сущности формирования качественной городской среды // Проблемы современной экономики. 2016. № 2 (58). URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=5800>
221. Сассен С. Глобальный город: введение понятия // Глобальный город: теория и реальность / под. ред. Слуки Н.А. М.: ООО «Аванглион», 2007. 243 с.
222. Седова Н.Н. Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база // Социологический журнал. 2014. С. 48–71.

223. Семенов А.В. Корни травы: паттерны низовой городской мобилизации в России // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 29–37.
224. Сидорова О.С., Мосиенко Н.Л. Роль социально-пространственной сегрегации в формировании городских сообществ (на примере рынка жилой недвижимости Новосибирска) // Социальные и пространственные измерения современного мегаполиса. Материалы IX социологических чтений памяти В.Б. Голофаства (1941-2004). СПб.: Издательство «Норма», 2017. С. 52–64.
225. Скалабан И.А., Сепенсер С.Б. Общественное участие в современной России: особенности социального конструирования. Доклад на заседании секции N «Местное самоуправление и гражданская самоорганизация» XVIII Апрельской международной конференции НИУ-ВШЭ-2017. URL: <https://conf.hse.ru/2017/program#N>
226. Слука Н.А. Мегалополис. Мегалополис // Социально-экономическая география: понятия и термины: словарь-справочник / отв. ред. Горкин А.П. Смоленск: Ойкумена, 2013. С. 132–133.
227. Смирнов Н. Зомби-манифест нелиберального урбанизма // Разногласия. Журнал общественной и художественной критики. 2016. № 9. С. 69–86.
228. Сойя Э. как писать о городе с точки зрения пространства // Логос. 2008. № 3 (66). С. 130–140.
229. Соколов А.В. Краудсорсинговые площадки органов власти (на примере региональных программ «Открытый регион» и «Электронное правительство») // Южно-российский журнал социальных наук. 2015. № 3. С. 75–89.
230. Соловьев С.Г. Правовой механизм перераспределения муниципальных полномочий – конец российских самоуправленческих иллюзий // Правовая культура. 2016. № 2 (25). С. 64–72.
231. Социальное пространство большого города / под. ред. Еремичевой Г.В. СПб.: СИ РАН, филиал ФНИСЦ РАН, 2018. 392 с.

232. Социальное пространство современного города / под. ред. Кораблевой Г.Б., Меренкова А.В.. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 252 с.
233. Социология вещей: сборник статей / под ред. Вахштайна В.М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 392 с.
234. Социология управления: стратегии, процедуры и результаты исследования / отв. ред. Тихонов А.В. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. 607 с.
235. Социология управления. Теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. Тихонов А.В. М.: КРАСАНД, 2015. 480 с.
236. Стародубцев А.В. Условия успешного управления в современной России. Субнациональный уровень // Полития. 2018. № 4. С. 70–89.
237. Старцев А.А., Гришанин Н.В. Социальные сети в процессе коммуникации между властью и обществом // Коммуникология. 2018. Том № 6. № 5. С. 108–119.
238. Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. Пер. с болг. М.: Прогресс, 1977. 250 с.
239. Строкова Е.Л. Социально-пространственная сегрегация города: проблемы определения и исследования // Городской альманах. Вып. 3. М.: Фонд «Институт экономики города», 2008. С. 237–245.
240. Субботина Т.В. Структура социально-экологического пространства // Географический вестник. 2008. № 2(8). С. 75–86.
241. Сунгуров А.Ю., Дубровский Д.В., Карягин М.Е., Тиняков Д.К. Общественно-консультативные советы как форма вовлечения экспертного знания в процесс политико-управленческих решений (на примере г. Санкт-Петербурга) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 2. С. 7–31.
242. Сунгуров А.Ю., Тиняков Д.К. Административная реформа и ее проекты в современной России: были ли коалиции поддержки? // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 39–51.

243. Таболин В.В. Правовая теория современного российского города: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 358 с.
244. Тарасов В.К. Персонал-технология. Отбор и подготовка менеджеров. Ленинград: Машиностроение, 1989. 367 с.
245. Татарова Г.Г., Кученкова А.В. Субъективное благополучие: методические ловушки в социологическом измерении // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов. Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / отв. ред. Мансуров В.А.; ред. Иванова Е.Ю. М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 4883–4891.
246. Татарова Г.Г., Кученкова А.В. «Удовлетворенность жизнью» и «личное счастье» в социологическом измерении субъективного благополучия // Россия реформирующаяся. 2020. № 18. С. 565–589.
247. Тев Д.Б. Политэкономический подход в анализе местной власти. К вопросу о коалиции, правящей в Санкт-Петербурге // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2006. Том 2. № 2. С. 99–121.
248. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. М.: «Фонд Университет». СПб.: «Владимир Даль», 2002. 450 с.
249. Теодорович М.Л., Мишеловин В.Б. Общественный контроль в процессах социально-экономических преобразований в России // Социальные процессы современной России. Материалы Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2020. С. 196–199.
250. Тетиор А.Н. Городская экология. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 336 с.
251. Титов Э.А. Городское соуправление: концепция и современные исследования // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 1. С. 173–194.

252. Тихонов А.В. Философские проблемы социологии: очерки. Приложение к журналу «Философские науки». Специальный выпуск «Основания социологии управления». Серия «Библиотека молодого ученого». М.: Гуманитарий, 2013. 80 с.
253. Тощенко Ж.Т. Социология управления. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011. 300 с.
254. Трубина Е. Джунгли, базар, организм и машина: классические метафоры города и российская современность // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70). С. 223–243.
255. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.
256. Трушков В.В. Население города и пригорода. М: Финансы и статистика, 1983. 159 с.
257. Трущенко О.Е. Престиж Центра: Городская социальная сегрегация в Москве. М.: Socio-Logos, 1995. 112 с.
258. Тыканова Е., Хохлова А. Конфликт прав собственности в постсоветском городе (на примере случаев сноса гаражей в Санкт-Петербурге) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 5 (76). С.109–125.
259. Тыканова Е.В. Влияние городских политических режимов на ход оспаривания городского пространства (на примере Санкт-Петербурга и Парижа) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 3. С. 112–123.
260. Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство // Журнал исследований социальной политики. 2015. Том 13. № 2. С. 241–256.
261. Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Ипотечное кредитование в Санкт-Петербурге в условиях нестабильного рынка труда // Социальные и пространственные измерения современного мегаполиса: мат-лы IX

- социологических чтений памяти В.Б. Голофаства, СПб.: Норма, 2017. С. 207–214.
262. Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Конфигурации взаимодействия петербургских организаций общественных движений, нацеленных на улучшение качества городской среды // Социальное пространство. 2019. №5 (22). С. 1–17.
263. Уржа О.А. Социальная активность населения муниципальных образований: факторы и условия // Социальная политика и социология. 2013. № 2. Том. 1. С. 7–22.
264. Ускова Т.В. Социально-экономическое развитие территорий: проблемы эффективности региональной политики // Проблемы развития территорий. 2016. Вып. 2 (82). С. 7–18.
265. Уханова Ю.В. Феномен гражданского участия в научном дискурсе: теоретические и методологические основания исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 3 С. 25–50.
266. Федякин И.В. Политика формирования и развития мегаполисов в системе мероприятий государственной политики: политологический анализ отечественного и зарубежного опыта. Диссертация на соискание ученой степени доктора политологических наук. Москва, 2015. 403 с.
267. Фролов Д.П., Соловьева И.А. Современные модели городского развития: от противопоставления к комбинированию // Пространственная экономика. 2016. С. 151–171.
268. Фролова Е.В. Взаимодействие населения и местной власти: проблемы и новые возможности // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 59–64.
269. Фролова Т.А. Понятие «Город» в законодательстве субъектов Российской Федерации об административно- территориальном делении // Пролог: журнал о праве. 2016. №3. С. 51–53.
270. Харви Д. Право на город // Логос. 2008. № 3 (66). С. 80–94.

271. Хомич В.А. Экология городской среды. Омск: Изд-во СибАДИ, 2002. 267 с.
272. Чешкова А. Методологические подходы к изучению городской пространственной сегрегации // Российское городское пространство: попытка осмысления / отв. ред. Вагин В.В. Сер. «Научные доклады». Вып. 116. М.: 2000. С. 13–38.
273. Чумаков Д.С. Мегалополисы в глобальной и региональной политике // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2014. №1. С. 174–184.
274. Шишигин А.В. Формирование новых городских центров в современном российском городе как средство реализации человеческого потенциала // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 93–98.
275. Шкель С., Бедерсон В., Семенов А., Шевцова И. Вертикальный предел: централизация и эффективность управления в городах России // Социологическое обозрение. 2019. №4. С. 74–106.
276. Шляхова А.А., Дохов Р.А. Двороулица: перезапуск периферии постсоциалистического города // Городские исследования и практики. 2018. Т. 3. № 1. С. 40–62.
277. Шугрина Е.С. Новый этап муниципальной реформы или контрреформирование контрреформ? // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 4. С. 68–71.
278. Шугрина Е.С. Проектируем будущее: что должно быть в основах государственной политики в сфере местного самоуправления // Местное право. 2020. № 3. С. 3–16.
279. Шугрина Е.С. Публичные слушания и общественные обсуждения как инструмент выявления мнения населения по вопросам городского развития // Градостроительное право. 2019. № 4. С. 30–34.
280. Щербина В.В. Проблемы технологизации социоинженерной деятельности // Социологические исследования. 1990. № 8. С. 79–86.



281. Щербина В.В. Социолого-диагностические технологии в управлении: теоретико-методологические аспекты развития и применения // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 30–42.
282. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии / Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч. Т.2. URL: <http://bolshevick.org/marks-k-engels-f-sobranie-sochinenij/>
283. Юдин Б.Г. Социальные технологии, их производство и потребление // Эпистемология и философия науки. 2012. № 1. С. 55–64.
284. Ягодка Н.Н. Гражданские инициативы как инструмент диалога между властью и гражданским обществом в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2015. №. 4. С. 128–140.
285. Яницкий О. Н. Метаболическая концепция современного города // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 16–32.
286. Яровая В.А. Влияние архитектуры городской среды на психологию поведения человека // Вестник Харьковской государственной академии дизайна и искусств. 2009. № 5. С. 11–18.
287. Яхина Ю.Х., Грипп Э.Х. Роль местного самоуправления в развитии гражданского общества // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2014. № 1. С. 19–25.
288. Albino V., Berardi U., Dangelico R.M. Smart cities: Definitions, dimensions, performance and initiatives // Journal of Urban Technology. 2015. Vol. 22. Iss. 1. Pp. 3–21.
289. Babrach P., Baratz M. Two Faces of Power // American Political Science Review. 1962. № 56. Pp. 947–952.
290. Ballas D. What Makes a 'Happy City'? // Cities. 2013. Vol. 32. Pp. 39–50.
291. Bassett K. Partnerships, Business Elites and Urban Politics: New Forms of Governance in an English City? // Urban Studies. 1996. Vol. 33. Iss. 3. Pp. 539–555.

292. Batty M. Polynucleated urban landscapes // *Urban Studies*. 2001. Vol. 38. Iss. 4. Pp. 635–655.
293. Beja E.L. The U-shaped Relationship between Happiness and Age: Evidence Using World Values Survey Data // *Quality & Quantity*. 2018. Vol. 52 Iss. 4. Pp. 1817–1829.
294. Booth Ch. *Life and labour of the people in London*. London, New York: Macmillan, 1902. URL: <https://archive.org/details/lifelabourofpeop07bootiala/page/194/mode/2up>
295. Booth Ch. *Poverty Maps of London* // Charles Booth Online Archive. URL: <http://booth.lse.ac.uk/static/a/4.html>
296. Boyce C.J., Wood A.M. Banks J., Clark A. E., Brown G.D.A. Money, Well-being and Loss Aversion: Does an Income Loss Have a Greater Effect on Well-being than an Equivalent Income Gain? // *Psychological Science*. 2013. Vol. 24. Iss.12. Pp. 2557–2562.
297. Brookfield K. Residents' preferences for walkable neighbourhoods // *Journal of Urban Design*. 2017. Vol.22. Iss. 1. Pp. 44–58.
298. Büdenbender M., Zupan D. The Evolution of Neoliberal Urbanism in Moscow, 1992–2015 // *Antipod*. 2017. Vol. 49. Iss. 2. Pp. 294–313.
299. Burgess E.W. Residential Segregation in American Cities // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1928. Vol. 140. Pp. 105–115.
300. Capasso Da Silva D., King D.A., Lemar S. Accessibility in Practice: 20-minute City as a Sustainability Planning Goal // *Sustainability*. 2020. Vol. 12. Iss. 1. Article Number: 129. 20 p.
301. Cervero R. *The Transit Metropolis: A Global Inquiry*. Washington, Island Press, 1998. 480 p.
302. Concilio G., Marsh J., Molinari F., Rizzo F. Human Smart Cities: A New Vision for Redesigning Urban Community and Citizen's Life // *Knowledge, Information and Creativity Support Systems: Recent Trends, Advances and*

- Solutions. *Advances in Intelligent Systems and Computing*. Eds.: Skulimowski A., Kacprzyk J. Springer, Cham, 2016. Vol 364. Pp. 269–278.
303. Crawford J.H. *Carfree Cities*. Utrecht: International Books, 2000. 324 p.
304. Crenson M.A. *The Unpolitics of Air Pollution: a Study of Non-Decision-Making in the Cities*. Baltimore: John Hopkins University Press, 1971. 227 p.
305. Curtis W. *Modern Architecture since 1900*. New York City: Phaidon Press, 1986. 736 p.
306. Dahl R. *Who Governs? Democracy and Power in American City*. New Haven: Yale University Press, 1961. 376 p.
307. Daum A., Mauch C. *Berlin-Washington, 1800-2000: Capital Cities, Cultural Representations, and National Identities*. Cambridge University Press, 2005. 334 p.
308. David S., Boniwell I., Conley A. *The Oxford handbook of happiness*. Oxford: Oxford University Press, 2013. 410 p.
309. De Goei B., Burger M.J., van Oort F.G, Kitson M. *Functional Polycentrism and Urban Network Development in the Greater South East, United Kingdom: Evidence from Commuting Patterns, 1981-2001 // Regional Studies*. 2013. Vol. 44. Iss. 9. Pp.1149–1170.
310. DeLisle J.R., Grissom T.V. *An empirical study of the efficacy of mixed-use development: The Seattle experience // Journal of Real Estate Literature*. 2013. Vol. 21. Iss. 1. Pp. 25–57.
311. Diener E., Eunkook S. *Measuring Quality of Life: Economic, Social, and Subjective Indicators // Social Indicators Research*. 1997. Vol. 40. Iss. 1. Pp. 189–216.
312. Diener E., Lucas R.E., Oishi S. *Advances and Open Questions in the Science of Subjective Well-Being // Collabra: Psychology*. 2018. Vol.4. Iss. 1. Pp. 2–49.
313. Diener E., Tay L., Oishi S. *Rising Income and the Subjective Well-being of Nations // Journal of Personality and Social Psychology*. 2013. Vol. 104 Iss. 2. Pp. 267–276.

314. Dowding K. Explaining Urban Regimes // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2001. Vol. 25. № 1. Pp. 7–19.
315. Duany A., Plater-Zyberk E., Speck J. *Suburban Nation: The Rise of Sprawl and the Decline of the American Dream*. North Point Press: New York, 2000. 320 p.
316. Easterlin R.A. Building a Better Theory of Well-Being // *IZA Discussion*. 2003. Paper No. 742. URL: <https://ssrn.com/abstract=392043>
317. Ferrer-i-Carbonell A. Income and Well-being: an Empirical Analysis of the Comparison Income Effect // *Journal of Public Economics*. 2005. Vol. 89. Iss. 5–6. Pp. 997–1019.
318. Fredericks J., Hespanhol L., Parker C., Zhou D., Tomitsch M. Blending Pop-Up Urbanism and Participatory Technologies: Challenges and Opportunities for Inclusive City Making // *City, Culture and Society*. 2018. Vol. 12. Pp. 44–53.
319. Friedmann J. The World City Hypothesis // *Development and Change*. 1986. Vol.17. Pp. 69 –83.
320. Fujita M., Ogawa H. Multiple equilibria and structural transition of non-monocentric urban configurations // *Regional Science and Urban Economics*. 1982. Vol. 12. Iss. 2. Pp. 161–196.
321. Gans H.J. Urban Vitality and the Fallacy of Physical Determinism (Review of Jane Jacob's book) // *People, Plans and Policies: Essays on Poverty, Racism and Other National Urban Problems*. New York: Columbia University Press, 1994. Pp. 30–40.
322. Garreau J. *Edge City: Life on the New Frontier*. New York: Knopf Doubleday Publishing Group, 1991. 568 p.
323. Geddes P. *Cities in evolution: an introduction to the town planning movement and to the study of civics*. London: Williams & Norgate, 1915. 442 p.  
 Internet Archive URL: <https://archive.org/details/citiesinevolutio00gedduoft/page/n9/mode/2up>
324. Gottmann J. *Megalopolis: the urbanized Northeastern seaboard of the United States*. N.Y.: Twentieth Century Fund, 1961. 810 p.

325. Hall P. The Changing Role of Capital Cities: Six Types of Capital Cities // Capital Cities: International Perspectives / Ed. by J. Taylor, J.G. Lengellé, C. Andrew. Ottawa: Carleton University Press, 1993. Pp. 8–11.
326. Hall P. The Global City // International Social Science Journal. 1996. Vol.17. Pp.15–23.
327. Hall P. The World Cities. London: Word University Library, Weidenfeld and Nicholson, 1966. 256 p.
328. Harris C.D., Ullman E.L. The Nature of Cities // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1945. Vol. 242. Pp. 7–17.
329. Harvey D. Social Justice and the City. Georgia: University of Georgia Press, 2010. 356 p.
330. Hellevik O. The U-shaped Age-happiness Relationship: Real or Methodological Artifact? // Quality & Quantity: International Journal of Methodology. 2017. Vol. 51. Iss. 1. Pp. 177–197.
331. Holman N. Following the Signs: Applying Urban Regime Analysis to a UK Case Study // Journal of Urban Affairs. 2007. Vol. 29. Iss. 5. Pp. 435–453.
332. Hoyt H. The Structure of American Cities in the Post-War Era. American Journal of Sociology. 1943. Vol. 48. Iss. 4. Pp. 475–481.
333. Hunter F. Community Power Structure. A Study of Decision-makers. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1953. 328 p.
334. Jabareen Y.R. Sustainable urban forms: Their typologies, models, and concepts // Journal of planning education and research, 2006. Vol. 26. Iss.1. Pp. 38–52.
335. Kabisch S., Koch F., Gawel E., Haase A., Knapp S., Krellenberg K., Nivala J., Zehnsdorf A. Urban Transformations: Sustainable Urban Development through Resource Efficiency, Quality of Life and Resilience. Dordrecht: Springer, 2018. 384 p.
336. Kamruzzaman M., Baker D., Turrell G. Do dissonants in transit oriented development adjust commuting travel behaviour? // European Journal of Transport and Infrastructure Research. 2015. Vol. 15. Iss.1. Pp. 66–77.

337. Katz P. *The New Urbanism: Toward an Architecture of Community*. New York: McGraw Hill, 1994. 288 p.
338. Krier L. *Architecture of Community*. Washington D.C.: Island Press, 2009. 496 p.
339. Kyung S. Searching for 'Community' and 'Community Involvement' in Urban Policy // *International Journal of Urban Sciences*. 2018. Vol.22. Iss. 4. Pp. 473–485.
340. Latour B. When things strike back: a possible contribution of «science studies» to the social sciences // *British Journal of sociology*. 2000. Vol. 51. Iss. 1. Pp.107–123.
341. Levi-Faur D. (ed.). *The Oxford Handbook of Governance*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 803 p.
342. Levinson David V. *The 30-minute City: Designing for Access*. Network Design Lab, 2019. 114 p.
343. Logan J.R., Molotch H.R. *Urban Fortunes: The Political Economy of Place*. Berkeley: University of California Press, 1987. 428 p.
344. Logan J.R., Molotch H.R. *Urban Fortunes: The Political Economy of Place*. Berkeley: University of California Press, 1987. 383 p.
345. Loughran K. Parks for Profit: The High Line, Growth Machines, and the Uneven Development of Urban Public Spaces // *City & Community*. 2014. Vol. 13. No. 1. Pp. 49–68.
346. Luttmer E.F.P. Neighbors as Negatives: Relative Earnings and Well-being // *Quarterly Journal of Economics*. 2005. Vol. 120. Iss. 3. Pp. 963–1002.
347. Lynd R.S., Lynd H.M. *Middletown in Transition*. New York: Harcourt, Brace and World, 1937. 630 p.
348. Marquet O., Miralles-Guasch C. The walkable city and the importance of the proximity environments for Barcelona's everyday mobility // *Cities* 2015. Vol. 42. Pp. 258–266.
349. Medvedev O.N., Landhuis C.E. Exploring Constructs of Well-being, Happiness and Quality of life // *PEERJ*. 2018. No. 6. URL:

file:///C:/Users/8934~1/AppData/Local/Temp/MedvedevLandhuis\_2018\_ExploringWell\_being.pdf.

350. Mees P.A. *Very Public Solution: public transport in the dispersed city*. Carlton South: Melbourne University Press, 2000. 344 p.
351. Miller D. *Industry and community power structure: a comparative study of an American and an English city* // *American Sociological Review*. 1958. Vol. 23. Iss. 1. Pp. 9–15.
352. Mitchell D. *The right to the city: social justice and the fight for public space*. New York: Guildford press, 2003. 284 p.
353. Molotch H. *The city as growth machine: toward a political economy of place* // *American Journal of Sociology*. 1976. Vol. 82. No. 2. Pp. 340–358.
354. Molotch H. *The city as growth machine: toward a political economy of place* // *American Journal of Sociology*. 1976. Vol. 82. No. 2. Pp. 309–332.
355. Moreno C. *Droit de cité, de la “ville-monde” à la “ville du quart d’heure”*, Editions de l’Observatoire, 2020. 179 p.
356. Moreno C., Allam Z., Chabaud, D., Gall C., Pratlong F. *Introducing the “15-Minute City”: Sustainability, Resilience and Place Identity in Future Post-Pandemic Cities* // *Smart Cities*. 2021. Iss. 4. Pp. 93–111.
357. Mossberger K. *Urban Regime Analysis* // *Theories of Urban Politics* / Eds.: Davies J.S., Imbroscio D.L. London: Sage, 2009. Pp. 40–54.
358. Muříček O., Osman, R., Seidenglanz D. *Urban rhythms: A chronotopic approach to urban timespace* // *Time & Society*. 2015. Vol. 24. Iss. 3. Pp. 304–325.
359. Mumford L. *The Culture of Cities*. Routlend: Thoemmes Press Reprint, 1997. 530 p.
360. Mumford L. *Mother Jacobs' Home Remedies for Urban Cancer* // *The New Yorker*. 1962. Dec.1. P. 148.
361. Mumford L. *The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects*. N. Y.: Harcourt, Brace and World, 1961. 657 p.

362. Musa H.D., Yacob M.R., Abdullah A.M. Delphi Exploration of Subjective Well-being Indicators for Strategic Urban Planning Towards Sustainable Development in Malaysia // *Journal of Urban Management*. 2019. Vol. 8. Iss. 1. Pp. 28–41.
363. Nabil N.A., Eldayem G.E.A. Influence of mixed land-use on realizing the social capital // *HBRC Journal*. 2014. Vol. 52. Iss.2. Pp. 285–298.
364. Neuhaus F. Urban rhythms. In: *Emergent Spatio-Temporal Dimensions of the City: Habitus and Urban Rhythms*. Springer International Publishing: Cham, Switzerland. 2015. Pp. 1–11.
365. O’Sullivan A. *Urban Economics*. 8th ed. NewYork.: McGraw-Hill/Irwin, 2012. 529 p.
366. Oishi S., Kesebir S. Income Inequality Explains Why Economic Growth does not Always Translate to an Increase in Happiness // *Psychological Science*. 2015. Vol. 26. 10. Pp. 1630–1638.
367. Oliveira A. *Human Smart Cities. A Vision for world-wide Urban Living Lab collaboration*. Amsterdam, 2014. URL: <https://livinglabdays2014.files.wordpress.com/2014/09/human-smart-cities-a-vision-for-world-wide-urban-living-lab-collaboration.pdf>
368. Orttung R. *Business and Politics in the Russian Regions // Problems of Post-Communism*. 2004. Vol. 51. № 2. Pp. 48–60.
369. Parjanen S., Hyypia M., Martikainen S.J., Hennala L. Elements of socially sustainable innovation processes in Finnish urban development // *Sustainable development*. 2019. Vol. 27. Iss. 3. Pp. 281–288.
370. Peters B.G., Pierre J. *Urban Governance // The Oxford Handbook of Urban Politics*. Oxford University Press, 2012. Pp. 71–86.
371. Pierre J. Can Urban Regimes Travel in Time and Space? *Urban Regime Theory, Urban Governance Theory, and Comparative Urban Politics // Urban Affairs Review*. 2014. Vol. 50. No. 6. Pp. 864–889.
372. Pierry J. Models of urban governance: The institutional dimension of urban politics // *Urban Affairs Review*. 1999. Vol. 34. No. 3. Pp. 372–396.



373. Presthus R.V. *Men at the Top. A Study in Community Power*. New York: Oxford University Press, 1964. 504 p.
374. Reed H. *The Preeminence of International Financial Centers*. New York, 1981. 168 p.
375. Salingeros N.A. Complexity and urban coherence // *Journal Urban Design*. 2000. Vol. 5. Pp. 291–316.
376. Sassen S. The Global City: Enabling Economic Intermediation and Bearing Its Costs // *City&Community*. 2016. Vol. 15. Iss. 2. Pp. 97–108.
377. Sassen S. *The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2013. 480 p.
378. Sharafutdinova G., Turovsky R. The Politics of Federal Transfers in Putin's Russia: Regional Competition, Lobbying, and Federal Priorities // *Post-Soviet Affairs*. 2017. Vol. 33. Iss. 2. Pp. 161–175.
379. Short J. R. *Urban Theory: A Critical Assessment*. 2nd Edition. Red Global Press, 2014. 296 p.
380. Short J.R. *Liquid City: Megalopolis and the Contemporary Northeast*. Washington: Resources for the Future Press, 2007. 185 p.
381. Smith D.M. *Urban Inequalities under Socialism: Case Studies from Eastern Europe and the Soviet Union*: Cambridge University Press, 1989. 76 p.
382. Soja E. *Postmetropolis. Critical studies of cities and regions*. Malden, 2007. 440 p.
383. Soja E.W. Regional urbanization and the end of the Metropolis era // *The New Blackwell Companion to the City* / Eds. by Bridge G., Watson S. Oxford, 2011. Pp. 194–218.
384. Soja E.W. Taking Los Angeles Apart: Some Fragments of a Critical Human Geography // *Environment and Planning D: Society and Space*. 1986. Vol. 4, Iss. 3. Pp. 255–272.
385. Stevenson B., Wolfers J. Subjective Wellbeing and Income: Is There Any Evidence of Satiation? // *The American Economic Review*. 2013. Vol. 103. Iss. 3. Pp. 598–604.

386. Stiglitz Joseph E. Pr., Sen Amartya Pr., Fitoussi Jean-Paul Pr. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. 2009. 291 p. URL: [https://ec.europa.eu/environment/beyond\\_gdp/download/CMEPSP-final-report.pdf](https://ec.europa.eu/environment/beyond_gdp/download/CMEPSP-final-report.pdf)
387. Stoker G., Mossberger K. Urban Regime Theory in Comparative Perspective // *Environment and Planning C: Government and Policy*. 1994. Vol. 12. Iss. 2. Pp.195–212.
388. Stone C.N. Pre-emptive power: Floyd Hunter's community power structure reconsidered // *American Journal of Political Science*. 1988. Vol. 32. No 1. Pp. 82–104.
389. Stone C.N. *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988*. Lawrence: University Press of Kansas, 1989. 314 p.
390. Stone C.N. Urban Regimes and the Capacity to Govern: A Political Economy Approach // *Journal of Urban Affairs*. 1993. Vol. 15. Iss. 1. Pp. 1–28.
391. *The Compact City: A Sustainable Urban Form?* / Ed. by Jenks M., Burton E., and Williams K. Oxford: E & FN Spon, 1996. 350 p.
392. Weng M., Ding N., Li J., Jin X., Xiao H., He Z., Su S. The 15-minute walkable neighborhoods: Measurement, social inequalities and implications for building healthy communities in urban China // *Journal of Transport & Health*. 2019. Vol. 13. Pp. 259–273.
393. Yanitsky O. Urbanization in the USSR: theory tendencies and policy// *International Journal of Urban and Regional Research*. 1986. No 10. Pp. 265–87.
394. Yasin M.Y., Yusoff M.M., Abdullah J., Noor N.M. Is urban sprawl a threat to sustainable development? A review of characteristics and consequences // *Geografia-Malaysian Journal of Society & Space*. 2020. Vol. 16. Iss.4. Pp. 56–68.

**ПРИЛОЖЕНИЯ**

## Приложение 1

Таблица 1

## Показатели оценки качества городской среды микрорайонов мегаполиса

<b>Микрорайоны как места проживания (резидентная функция)</b>		
<b>Оцениваемая сфера</b>	<b>Субъективные показатели</b>	<b>Объективные показатели</b>
Безопасность и социальный климат	<ul style="list-style-type: none"> <li>- оценка жителями уровня криминогенной обстановки</li> <li>- эмоциональное восприятие опасности/спокойствия микрорайона</li> <li>- уровень обобщенного социального доверия</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>- количество всех видов преступлений за год (убийства, кражи, разбои, драки)</li> </ul>
Экологическая ситуация	<ul style="list-style-type: none"> <li>- оценка жителями уровня общего экологического благополучия микрорайона</li> <li>- оценка жителями уровня шума</li> <li>- оценка жителями чистоты улиц, дворов</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>- комплексный индекс загрязнения атмосферы</li> <li>- показатель качества атмосферного воздуха</li> <li>- агрегатный показатель качества атмосферного воздуха, приведенный к численности проживающего населения</li> <li>- удельный вес жителей, проживающих в неблагоприятных условиях по шуму</li> </ul>
Жилищные условия и услуги ЖКХ	<ul style="list-style-type: none"> <li>- оценка жителями своих жилищных условий</li> <li>- оценка жителями качества услуг ЖКХ</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>- уровень обеспеченности жильем (м<sup>2</sup>/чел)</li> <li>- доля ветхого жилого фонда в общей площади жилья микрорайона</li> <li>- доля населения, проживающего в домах, построенных до 1950 года.</li> </ul>
Медицинское обслуживание	<ul style="list-style-type: none"> <li>- оценка качества работы поликлиник</li> <li>- оценка уровня медицинской помощи</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>Уровень обеспеченности медицинскими учреждениями:</li> <li>- мощность амбулаторно-поликлинических учреждений (посещений в смену на 1000 чел.)</li> <li>- мощность стационаров (больничных коек на 1000 чел.)</li> <li>Качество медицинской помощи:</li> <li>- уровень заболеваемости (случаев на 1000 чел.)</li> </ul>
Образование	<ul style="list-style-type: none"> <li>- оценка обеспеченности микрорайона детскими садами, школами</li> <li>- совпадение месторасположения посещаемого детского сада и микрорайона проживания</li> <li>- совпадение месторасположения школы и микрорайона проживания</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>- охват детей в возрасте от 2 до 6 лет (%)</li> <li>- обеспеченность микрорайона местами в детских садах (количество мест на 1000 жителей)</li> <li>- доля учащихся школ, обучающихся во вторую смену (%)</li> <li>- обеспеченность общеобразовательными учреждениями (количество учащихся на 1000 жителей)</li> </ul>
Транспортная ситуация	<ul style="list-style-type: none"> <li>- оценка жителями транспортной доступности микрорайона (удобства маршрутов и развитости транспортной сети, скорости перемещений до центра города)</li> <li>- оценка времени (в минутах) на дорогу от дома до работы/учебы (с учетом транспортных пробок)</li> <li>- количество пересадок по дороге от дома до места учебы (работы) в случае использования общественного транспорта</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>- загруженность дорог (яндекс-пробки)</li> <li>- работа общественного транспорта (видеосъемка ключевых транспортных узлов микрорайона в утренние часы)</li> </ul>

Оцениваемая сфера	Субъективные показатели	Объективные показатели
Повседневная инфраструктура шаговой доступности	<ul style="list-style-type: none"> <li>- оценка жителями обеспеченности микрорайона бытовыми услугами (химчистки, ремонтные мастерские и пр.)</li> <li>- оценка жителями обеспеченности микрорайона торговыми объектами (рынки, розничные магазины, торговые центры)</li> <li>- оценка жителями обеспеченности микрорайона учреждениями общественного питания (кафе, рестораны)</li> <li>- оценка жителями дефицитных объектов/сервисов пешеходной доступности (из общего перечня объектов бытового, потребительского, социального, рекреационного назначения)</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>- обеспеченность торговыми площадями на душу населения (кв. м)</li> <li>- количество магазинов на 1000 жителей.</li> <li>- обеспеченность местами в общепите на 1000 жителей</li> <li>- обеспеченность бытовыми услугами на 1000 жителей</li> </ul>
Эстетические визуальные характеристики среды	<ul style="list-style-type: none"> <li>- оценка благоустройства микрорайона (уличное освещение, пешеходные зоны и общественные пространства)</li> <li>- оценка внешнего вида микрорайона (улицы, дороги, дома)</li> <li>- оценка «яркости/безликости» микрорайона</li> <li>- обобщенная визуальная оценка (красивый/некрасивый) микрорайона</li> </ul>	
Эмоциональный комфорт	<ul style="list-style-type: none"> <li>- оценка уровня эмоциональной комфортности проживания в микрорайоне</li> <li>- оценка уровня просторности/перенаселенности микрорайона</li> </ul>	
Общая резидентная привлекательность	<ul style="list-style-type: none"> <li>- выбор лучшего для проживания микрорайона города из общего перечня городских микрорайонов</li> </ul>	
<b>Микрорайоны как места приложения труда (трудовая функция)</b>		
Рабочие места и транзитные трудовые потоки	<p>Популярность микрорайона как места приложения труда:</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>- частота выбора микрорайона как места приложения труда среди работающих респондентов</li> <li>- доля «транзитных» горожан среди всех работающих в микрорайоне (приезжающих работать в него из других микрорайонов)</li> <li>- устойчивость выбора микрорайона как места работы (готовность поменять место работы на работу в другом микрорайоне)</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>- общее количество организаций</li> <li>- доля занятых в микрорайоне от общей численности занятых горожан по полному кругу организаций города (%)</li> <li>- доля работающих в своем микрорайоне от общей численности трудоспособного населения микрорайона (%)</li> <li>- количество въезжающих на работу в микрорайон – транзитный поток (тыс. чел.)</li> <li>- оборот организаций микрорайона (% от общегородского оборота)</li> <li>- плотность экономической деятельности (тыс.чел./км<sup>2</sup>)</li> <li>- плотность оборота организаций (тыс.руб./ км<sup>2</sup>)</li> </ul>
Обеспечивающие рабочие места инфраструктурные объекты	<ul style="list-style-type: none"> <li>- количество инфраструктурных объектов, используемых работающими горожанами в непосредственной близости к месту работы (из общего перечня ключевых объектов и сервисов, связанных с реализацией жизненно важных потребностей – продуктовые магазины, кафе-рестораны, аптеки и учреждения медицинского обслуживания, бытовые услуги, торговые центры, банки, парковки и пр.)</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>- обеспеченность торговыми площадями на душу населения (кв. м)</li> <li>- количество магазинов на 1000 жителей.</li> <li>- обеспеченность местами в общепите на 1000 жителей</li> </ul>

Оцениваемая сфера	Субъективные показатели	Объективные показатели
<b>Микрорайоны как места рекреации и досуга (рекреационно-досуговая функция)</b>		
Культурная жизнь и индустрия развлечений	<ul style="list-style-type: none"> <li>- оценка развитости индустрии развлечений в микрорайоне (кинотеатры, боулинг, клубы и пр.)</li> <li>- оценка обеспеченности микрорайона культурно-досуговыми центрами для детей (кружки, центры развития, секции)</li> <li>- совпадение месторасположения посещаемых детских кружков, центров развития с микрорайоном проживания</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>- обеспеченность населения микрорайона кинозалами (ед. / тыс. чел.)</li> <li>- обеспеченность микрорайона домами культуры (мест / тыс. чел.)</li> <li>- обеспеченность населения микрорайона библиотеками (ед. / тыс. чел.)</li> </ul>
Спортивная инфраструктура	<ul style="list-style-type: none"> <li>- оценка обеспеченности микрорайона спортивными сервисами открытого уличного доступа (стадионы, площадки, катки)</li> <li>- совпадение месторасположения посещаемых детских спортивных секций с микрорайоном проживания</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>- обеспеченность населения микрорайонов лыжными базами (ед. / тыс. чел.)</li> <li>- обеспеченность населения микрорайонов бассейнами (кв м / тыс. чел.)</li> </ul>
«Зеленая» инфраструктура	<ul style="list-style-type: none"> <li>- оценка обеспеченности микрорайона «зелеными пространствами» (парковые зоны, сады, лесопарки, водные пространства и набережные)</li> <li>- оценка частоты посещения «зеленых» объектов (доля респондентов, отметивших «место» как часто посещаемое)</li> <li>- количество микрорайонов, из которых в «зеленое место» приезжают посетители</li> <li>- доля горожан, приезжающих в «зеленое место» из других микрорайонов.</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>- общая площадь объектов озеленения (парки, скверы, бульвары) без учета уличного озеленения, га</li> <li>- площадь объектов озеленения общего пользования (парки, скверы, бульвары) в расчете на человека, м<sup>2</sup>/чел.</li> </ul>
Комплексные торгово-развлекательные объекты (ТРЦ)	<ul style="list-style-type: none"> <li>- оценка обеспеченности микрорайона ТРЦ</li> <li>- оценка частоты посещения ТРЦ (доля респондентов, отметивших ТРЦ как часто посещаемое)</li> <li>- количество микрорайонов, из которых в ТРЦ приезжают посетители</li> <li>- доля горожан, приезжающих в ТРЦ из других микрорайонов</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>- количество ТРЦ в микрорайоне</li> </ul>

## Значения индексов качества среды микрорайонов г. Екатеринбурга

Микрорайон	Резидентная функция											Трудовая функция		Рекреационно-досуговая функция				Индексы и субиндексы				
	Безопасность и социальный климат	Экологическая ситуация	Жилищные условия и услуги ЖКХ	Медицинское обслуживание	Образование	Транспортная ситуация	Повседневная инфраструктура шаговой доступности	Эстетические визуальные характеристики среды	Эмоциональный комфорт	Общая резидентная привлекательность	Рабочие места и транзитные трудовые потоки	Обеспечивающие рабочие места инфр. объекты	Культурная жизнь и индустрия развлечений	Спортивная инфраструктура	«Зеленая» инфраструктура	Торгово-развлекательные объекты (ТРИ)	Композитный	Объективный	Субъективный	По функциям		
																				Резидентная	Трудовая	Рекреационно-досуговая
Центральный	0,737	0,298	0,852	0,463	0,636	0,813	0,701	0,708	0,621	1,000	0,819	0,468	0,647	0,402	0,820	0,938	0,683	0,587	0,746	0,683	0,643	0,702
Юго-Западный	0,721	0,494	0,824	0,453	0,662	0,705	0,757	0,685	0,666	0,436	0,301	0,593	0,495	0,361	0,377	0,735	0,579	0,449	0,654	0,640	0,447	0,492
ВИЗ	0,701	0,595	0,813	0,430	0,564	0,745	0,765	0,648	0,639	0,244	0,228	0,594	0,483	0,405	0,153	0,783	0,549	0,431	0,621	0,614	0,411	0,456
Пионерский	0,649	0,526	0,783	0,414	0,675	0,829	0,738	0,608	0,610	0,236	0,280	0,594	0,442	0,267	0,384	0,559	0,538	0,440	0,607	0,609	0,437	0,413
Вуяхоролок	0,754	0,503	0,792	0,419	0,689	0,832	0,686	0,697	0,672	0,224	0,389	0,544	0,542	0,479	0,220	0,142	0,537	0,472	0,571	0,627	0,467	0,346
ЖБИ	0,634	0,588	0,756	0,416	0,715	0,688	0,731	0,635	0,601	0,080	0,185	0,586	0,435	0,368	0,525	0,468	0,526	0,428	0,603	0,584	0,385	0,449
Ботаника	0,805	0,272	0,818	0,225	0,732	0,804	0,626	0,722	0,648	0,344	0,219	0,268	0,447	0,347	0,513	0,578	0,523	0,278	0,670	0,600	0,243	0,471
Академический	0,890	0,667	0,953	0,450	0,537	0,568	0,490	0,918	0,697	0,360	0,184	0,073	0,487	0,364	0,215	0,192	0,503	0,264	0,620	0,653	0,129	0,314
Автовокал	0,702	0,324	0,874	0,412	0,639	0,838	0,647	0,682	0,611	0,096	0,281	0,388	0,472	0,220	0,203	0,626	0,502	0,356	0,605	0,584	0,335	0,380
Парковый	0,752	0,672	0,791	0,464	0,512	0,833	0,427	0,722	0,701	0,080	0,215	0,079	0,360	0,282	0,934	0,147	0,498	0,299	0,616	0,595	0,147	0,431
Заречный	0,617	0,443	0,804	0,391	0,768	0,701	0,639	0,636	0,599	0,100	0,201	0,379	0,429	0,315	0,204	0,605	0,489	0,368	0,580	0,570	0,290	0,388
Уралмаш	0,543	0,420	0,728	0,424	0,615	0,740	0,632	0,564	0,611	0,192	0,244	0,395	0,483	0,382	0,496	0,220	0,481	0,381	0,546	0,547	0,319	0,395
Синие Камни	0,778	0,674	0,779	0,303	0,632	0,646	0,625	0,693	0,731	0,024	0,151	0,513	0,404	0,225	0,124	0,150	0,466	0,353	0,525	0,589	0,332	0,226
Эльмаш	0,576	0,495	0,758	0,401	0,572	0,753	0,580	0,574	0,615	0,092	0,263	0,333	0,457	0,453	0,239	0,171	0,459	0,350	0,531	0,543	0,298	0,330
Берегит	0,879	0,942	0,889	0,325	0,500	0,540	0,377	0,684	0,821	0,000	0,112	0,083	0,450	0,357	0,180	0,128	0,454	0,148	0,579	0,596	0,098	0,279
УНЦ	0,833	0,896	0,969	0,392	0,289	0,674	0,421	0,860	0,688	0,000	0,056	0,111	0,312	0,208	0,227	0,166	0,444	0,267	0,522	0,602	0,083	0,228
Уктус	0,619	0,614	0,761	0,328	0,501	0,604	0,401	0,550	0,614	0,044	0,183	0,185	0,332	0,312	0,545	0,493	0,443	0,270	0,558	0,504	0,184	0,420
Шартапский рынок	0,746	0,526	0,747	0,486	0,610	0,831	0,468	0,595	0,651	0,012	0,259	0,090	0,431	0,295	0,144	0,192	0,443	0,273	0,547	0,567	0,175	0,266

## Продолжение таблицы 2

Микрорайон	Резидентная функция										Трудовая функция		Рекреационно-досуговая функция				Индексы и субиндексы					
	Безопасность и социальный климат	Экологическая ситуация	Жилищные условия и услуги ЖКХ	Медицинское обслуживание	Образование	Транспортная ситуация	Повседневная инфраструктура шаговой доступности	Эстетические визуальные характеристики среды	Эмоциональный комфорт	Общая резидентная привлекательность	Рабочие места и транзитные трудовые потоки	Обеспечивающие рабочие места инфр. объекты	Культурная жизнь и индустрия развлечений	Спортивная инфраструктура	«Зеленая» инфраструктура	Торгово-развлекательные объекты (ТРИ)	Композитный	Объективный	Субъективный	По функциям		
																				Резидентная	Трудовая	Рекреационно-досуговая
Полеволство	0,776	0,750	0,572	0,402	0,417	0,738	0,434	0,664	0,674	0,004	0,136	0,080	0,497	0,405	0,223	0,181	0,434	0,158	0,576	0,543	0,108	0,326
Южный	0,704	0,554	0,757	0,316	0,693	0,768	0,455	0,678	0,641	0,092	0,164	0,069	0,404	0,230	0,209	0,174	0,432	0,226	0,529	0,566	0,117	0,254
Триптефабрика	0,636	0,715	0,772	0,339	0,747	0,691	0,364	0,474	0,690	0,004	0,167	0,116	0,535	0,339	0,153	0,136	0,430	0,290	0,517	0,543	0,142	0,291
Химмаш	0,556	0,391	0,707	0,412	0,671	0,600	0,442	0,617	0,647	0,052	0,234	0,223	0,420	0,446	0,329	0,111	0,429	0,329	0,492	0,509	0,229	0,327
Совхозный	0,739	0,851	0,832	0,419	0,391	0,585	0,262	0,701	0,827	0,004	0,121	0,099	0,547	0,160	0,175	0,093	0,425	0,234	0,472	0,561	0,110	0,244
Компрессорный	0,660	0,646	0,735	0,340	0,586	0,563	0,386	0,605	0,721	0,012	0,152	0,237	0,452	0,407	0,148	0,071	0,420	0,251	0,516	0,526	0,194	0,269
Сулновский торфяник	1,000	0,787	0,611	0,396	0,333	0,777	0,332	0,913	1,000	0,000	0,000	0,000	0,090	0,054	0,340	0,043	0,417	0,173	0,462	0,615	0,000	0,132
Семь Ключей	0,629	0,708	0,646	0,794	0,185	0,724	0,447	0,487	0,714	0,008	0,140	0,069	0,458	0,206	0,197	0,201	0,413	0,303	0,435	0,534	0,105	0,266
Вторчермет	0,489	0,372	0,738	0,304	0,645	0,701	0,423	0,541	0,596	0,056	0,253	0,172	0,324	0,261	0,562	0,137	0,411	0,284	0,505	0,487	0,213	0,321
Северка	0,595	0,615	0,833	0,499	0,773	0,764	0,438	0,563	0,476	0,000	0,150	0,074	0,270	0,161	0,147	0,200	0,410	0,270	0,509	0,556	0,112	0,194
Елгавает	0,649	0,597	0,727	0,369	0,648	0,545	0,331	0,576	0,637	0,004	0,187	0,171	0,405	0,396	0,227	0,078	0,409	0,298	0,472	0,508	0,179	0,277
Сысертский	0,529	0,580	0,726	0,444	0,167	0,777	0,528	0,669	0,738	0,000	0,222	0,083	0,371	0,250	0,227	0,185	0,406	0,211	0,524	0,516	0,153	0,258
Шарташ	0,630	0,739	0,615	0,363	0,287	0,675	0,317	0,588	0,724	0,012	0,120	0,087	0,404	0,184	0,649	0,104	0,406	0,194	0,491	0,495	0,104	0,335
Новая Сортировка	0,444	0,399	0,762	0,381	0,792	0,635	0,496	0,456	0,474	0,004	0,216	0,256	0,323	0,198	0,443	0,188	0,404	0,346	0,470	0,484	0,236	0,288
РТИ	0,495	0,483	0,726	0,691	0,575	0,771	0,398	0,505	0,607	0,000	0,141	0,059	0,308	0,264	0,196	0,123	0,396	0,293	0,451	0,525	0,100	0,223
Широкая речка	0,744	0,815	0,846	0,392	0,333	0,585	0,331	0,648	0,607	0,032	0,145	0,095	0,237	0,206	0,165	0,147	0,396	0,246	0,467	0,467	0,533	0,189
Сортировка	0,464	0,441	0,771	0,341	0,535	0,514	0,538	0,521	0,504	0,020	0,234	0,323	0,386	0,287	0,223	0,184	0,393	0,323	0,459	0,465	0,278	0,270
Мишуринский	0,781	0,874	0,860	0,382	0,278	0,433	0,208	0,864	0,788	0,008	0,097	0,115	0,154	0,185	0,195	0,077	0,392	0,205	0,453	0,546	0,106	0,153
Исток	0,511	0,545	0,685	0,408	0,623	0,639	0,319	0,474	0,586	0,008	0,168	0,088	0,323	0,566	0,139	0,099	0,386	0,290	0,439	0,480	0,128	0,282
Саловый	0,636	0,754	0,808	0,540	0,432	0,459	0,270	0,573	0,607	0,004	0,067	0,014	0,592	0,161	0,060	0,086	0,379	0,327	0,385	0,508	0,040	0,225
Дачный	0,620	0,853	0,702	0,364	0,716	0,626	0,257	0,562	0,643	0,000	0,000	0,068	0,275	0,160	0,137	0,073	0,377	0,229	0,436	0,532	0,034	0,161



Микрорайон	Резидентная функция										Трудовая функция		Рекреационно-досуговая функция				Индексы и субиндексы					
	Безопасность и социальный климат	Экологическая ситуация	Жилищные условия и услуги ЖКХ	Медицинское обслуживание	Образование	Транспортная ситуация	Повседневная инфраструктура шаговой доступности	Эстетические визуальные характеристики среды	Эмоциональный комфорт	Общая резидентная привлекательность	Рабочие места и транзитные трудовые потоки	Обеспечивающие рабочие места инфр. объекты	Культурная жизнь и индустрия развлечений	Спортивная инфраструктура	«Зеленая» инфраструктура	Торгово-развлекательные объекты (ТРИ)	Композитный	Объективный	Субъективный	По функциям		
																				Резидентная	Трудовая	Рекреационно-досуговая
Шуваловский	0,781	0,846	0,592	0,331	0,655	0,401	0,273	0,534	0,691	0,004	0,148	0,074	0,151	0,304	0,120	0,072	0,373	0,219	0,427	0,511	0,111	0,161
Кольцово	0,649	0,607	0,579	0,356	0,508	0,514	0,377	0,581	0,611	0,008	0,209	0,239	0,308	0,182	0,123	0,099	0,372	0,227	0,443	0,479	0,224	0,178
Калиновский	0,879	0,842	0,528	0,442	0,167	0,615	0,258	0,528	0,821	0,004	0,000	0,097	0,290	0,107	0,245	0,107	0,371	0,159	0,413	0,508	0,049	0,187
Шинный	0,526	0,608	0,687	0,401	0,524	0,477	0,352	0,532	0,648	0,000	0,220	0,089	0,350	0,176	0,216	0,122	0,371	0,288	0,425	0,476	0,154	0,216
Нижне-Исетский	0,586	0,623	0,944	0,294	0,167	0,355	0,223	0,677	0,714	0,004	0,111	0,139	0,230	0,411	0,147	0,043	0,354	0,188	0,374	0,459	0,125	0,208
Вокзальный	0,410	0,353	0,731	0,399	0,537	0,690	0,368	0,411	0,483	0,000	0,227	0,260	0,300	0,221	0,162	0,099	0,353	0,320	0,378	0,438	0,243	0,195
Керамика	0,502	0,530	0,716	0,352	0,444	0,722	0,308	0,457	0,583	0,000	0,064	0,113	0,288	0,146	0,192	0,103	0,345	0,248	0,383	0,461	0,089	0,182
Рушный	0,657	0,834	0,789	0,337	0,167	0,733	0,140	0,534	0,571	0,000	0,000	0,000	0,290	0,054	0,267	0,043	0,338	0,245	0,344	0,476	0,000	0,163
Шабровский	0,171	0,687	0,472	0,424	0,395	0,877	0,393	0,226	0,571	0,000	0,223	0,167	0,250	0,161	0,267	0,128	0,338	0,251	0,406	0,422	0,195	0,202
Изоплит	0,386	0,717	0,547	0,319	0,554	0,621	0,197	0,429	0,643	0,000	0,003	0,194	0,090	0,054	0,185	0,043	0,311	0,234	0,315	0,441	0,099	0,093
Медный	0,386	0,714	0,267	0,449	0,333	0,120	0,088	0,176	0,429	0,000	0,111	0,250	0,090	0,054	0,040	0,043	0,222	0,138	0,264	0,296	0,181	0,057
Горный шит	0,000	0,687	0,394	0,292	0,334	0,000	0,000	0,000	0,000	0,008	0,111	0,000	0,167	0,000	0,067	0,000	0,129	0,277	0,064	0,172	0,056	0,058
Чусовское озеро	0,000	0,687	0,443	0,246	0,388	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,110	0,251	0,038	0,176	0,000	0,000
Карасьеозерский	0,000	0,687	0,503	0,248	0,167	0,000	0,000	0,000	0,000	0,068	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,105	0,217	0,040	0,167	0,000	0,000
Палкино	0,000	0,771	0,000	0,249	0,167	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,074	0,148	0,049	0,119	0,000	0,000
Палкинский торфяник	0,000	0,771	0,000	0,247	0,167	0,000	0,000	0,000	0,000	0,004	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,074	0,148	0,049	0,119	0,000	0,000
Панисе	0,000	0,771	0,000	0,241	0,167	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,074	0,147	0,049	0,118	0,000	0,000
Приковский	0,000	0,771	0,000	0,248	0,167	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,074	0,148	0,049	0,119	0,000	0,000
Верхнемакарово	0,000	0,687	0,000	0,249	0,167	0,000	0,000	0,000	0,000	0,004	0,000	0,000	0,000	0,000	0,067	0,000	0,073	0,161	0,038	0,111	0,000	0,017
Зеленый бор	0,000	0,687	0,000	0,250	0,167	0,000	0,000	0,000	0,000	0,004	0,000	0,000	0,000	0,000	0,067	0,000	0,073	0,161	0,038	0,111	0,000	0,017
Широкая речка пос.	0,000	0,687	0,000	0,237	0,167	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,067	0,000	0,072	0,159	0,038	0,109	0,000	0,017

Микрорайон	Резидентная функция										Трудовая функция		Рекреационно-досуговая функция				Индексы и субиндексы					
	Безопасность и социальный климат	Экологическая ситуация	Жилищные условия и услуги ЖКХ	Медицинское обслуживание	Образование	Транспортная ситуация	Повседневная инфраструктура шаговой доступности	Эстетические визуальные характеристики среды	Эмоциональный комфорт	Общая резидентная привлекательность	Рабочие места и транзитные трудовые потоки	Обеспечивающие рабочие места инфр. объекты	Культурная жизнь и индустрия развлечений	Спортивная инфраструктура	«Зеленая» инфраструктура	Торгово-развлекательные объекты (ТРИ)	Композитный	Объективный	Субъективный	Резидентная	Трудовая	Рекреационно-досуговая
Глубокое	0,000	0,687	0,000	0,248	0,167	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,069	0,148	0,038	0,110	0,000	0,000	0,000
Козловский	0,000	0,687	0,000	0,249	0,167	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,069	0,148	0,038	0,110	0,000	0,000	0,000
Мостовка	0,000	0,687	0,000	0,249	0,167	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,069	0,148	0,038	0,110	0,000	0,000	0,000
Ягодный	0,000	0,687	0,000	0,250	0,167	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,069	0,148	0,038	0,110	0,000	0,000	0,000
Московский	0,000	0,687	0,000	0,231	0,167	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,068	0,145	0,038	0,109	0,000	0,000	0,000
Семь клочков пос.	0,000	0,662	0,000	0,248	0,167	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,067	0,148	0,035	0,108	0,000	0,000	0,000

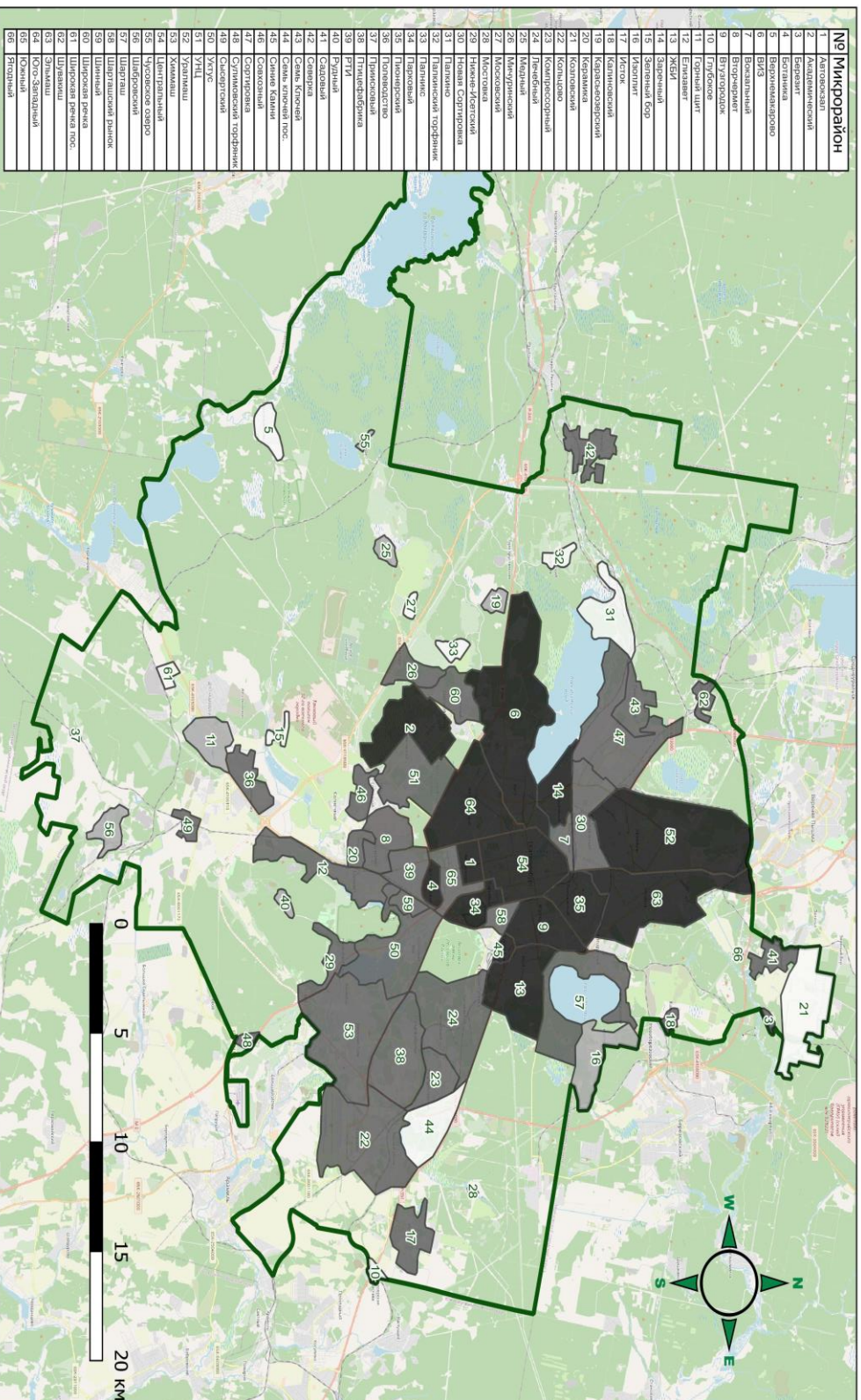


Рисунок 1. Картограмма качества среды микрорайонов Екатеринбурга  
 \*Чем интенсивнее цвет, тем выше значение композиционного индекса

## Приложение 2

Таблица 1

Взаимосвязь объективного и субъективного показателей качества городской среды (по сферам)

<b>Оцениваемые сферы</b>	<b>Коэффициент Спирмена (<math>r_s</math>)</b>
Безопасность и социальный климат	0,456**
Экологическая ситуация	0,622**
Жилищные условия и услуги ЖКХ	0,473**
Медицинское обслуживание	0,158
Образование	0,538**
Повседневная инфраструктура шаговой доступности	0,517**
Рабочие места и транзитные трудовые потоки	0,459**
Обеспечивающие рабочие места инфраструктурные объекты	0,073
Культурная жизнь и индустрия развлечений	0,255*
Спортивная инфраструктура	0,404**
«Зеленая» инфраструктура	0,463**
Комплексные торгово-развлекательные	0,650**

\*\* - Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя)

\* - Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя)

Оценка населением дефицитных услуг в микрорайонах Екатеринбурга  
(в % от ответивших)

<i>Микрорайоны</i>	<i>Дефицитные услуги</i>
Автовокзал	Парки, зоны отдыха (59,3 %) Спортивные учреждения (57,6 %) Кружки, центры развития для детей (30,5%) Спортивные секции для детей (32,2 %) Поликлиника (22 %) Кафе, рестораны (20,3%) Почта (16,9 %) Бытовые услуги (13,6%) Детский сад, школа (11,9 %) Продуктовый магазин (8,5 %) ТРЦ (5,1 %) Аптека (1,7 %)
Академический	Почта (68,7 %) Поликлиника (35 %) Спортивные учреждения (33,6 %) Парки, зоны отдыха (33,2 %) Спортивные секции для детей (23,8 %) Детский сад, школа (21 %) Кафе, рестораны (16,4 %) Кружки, центры развития для детей (12,6 %) Бытовые услуги (10,3 %) Продуктовый магазин (7,5 %) ТРЦ (5,6 %) Аптека (2,3 %)
Березит	Спортивные учреждения (50 %) Продуктовый магазин (50 %)
Ботанический	Парки, зоны отдыха (55,2 %) Спортивные учреждения (42,5 %) Спортивные секции для детей (21,8 %) Почта (14,9 %) Кафе, рестораны (13,8 %) Кружки, центры развития для детей (13,8 %) ТРЦ (10,3 %) Бытовые услуги (6,9 %) Детский сад, школа (5,7 %) Продуктовый магазин (3,4 %) Аптека (1,1 %)
ВИЗ	Парки, зоны отдыха (73,7 %) Кафе, рестораны (29,7 %) Спортивные учреждения (27,8 %) Кружки, центры развития для детей (23,4 %) Спортивные секции для детей (22,5 %) Поликлиника (20,1 %) Детский сад, школа (15,3 %) Бытовые услуги (13,9 %) Почта (13,4 %) ТРЦ (12,9 %) Продуктовый магазин (8,1 %) Аптека (2,4 %)
Вокзальный	Парки, зоны отдыха (76,7 %) Спортивные учреждения (53,3 %) Аптека (50 %) Продуктовый магазин (46,7 %) Бытовые услуги (40 %) Спортивные секции для детей (33,3 %) Поликлиника (33,3 %) ТРЦ (33,3 %) Кружки, центры развития для детей (26,7 %) Кафе, рестораны (26,7 %) Почта (23,3 %) Детский сад, школа (13,3 %)

<i>Микрорайоны</i>	<i>Дефицитные услуги</i>
Вторчермет	Спортивные учреждения (65,7 %) ТРЦ (64 %) Кафе, рестораны (45,5 %) Спортивные секции для детей (37,6 %) Кружки, центры развития для детей (35,4 %) Парки, зоны отдыха (33,7 %) Бытовые услуги (19,7 %) Почта (16,9 %) Детский сад, школа (12,9 %) Аптека (10,1 %) Продуктовый магазин (7,9 %) Поликлиника (7,9 %)
Втузгородок	Поликлиника (40,9 %) Парки, зоны отдыха (34,6 %) Спортивные учреждения (33,1 %) Кафе, рестораны (32,3 %) ТРЦ (32,3 %) Продуктовый магазин (27,6 %) Кружки, центры развития для детей (23,6 %) Спортивные секции для детей (15 %) Бытовые услуги (11,8 %) Аптека (11 %) Детский сад, школа (8,7 %) Почта (7,9 %)
Елизавет	ТРЦ (54,1 %) Бытовые услуги (43,2 %) Кафе, рестораны (40,5 %) Спортивные учреждения (35,1 %) Поликлиника (35,1 %) Кружки, центры развития для детей (21,6 %) Парки, зоны отдыха (21,6 %) Детский сад, школа (16,2 %) Спортивные секции для детей (16,2 %) Продуктовый магазин (10,8 %) Аптека (10,8 %)
ЖБИ	Спортивные учреждения (49,8 %) Кафе, рестораны (47,4 %) ТРЦ (43,2 %) Спортивные секции для детей (23,5 %) Парки, зоны отдыха (20,2 %) Кружки, центры развития для детей (16 %) Почта (12,2 %) Бытовые услуги (12,2 %) Поликлиника (10,8 %) Продуктовый магазин (8,9 %) Аптека (6,6 %) Детский сад, школа (6,1 %)
Заречный	Спортивные учреждения (44,2 %) Парки, зоны отдыха (38,1 %) Кафе, рестораны (31,9 %) Почта (31 %) Спортивные секции для детей (23,9 %) Кружки, центры развития для детей (20,4 %) Бытовые услуги (14,2 %) Поликлиника (13,3 %) ТРЦ (6,2 %) Аптека (6,2 %) Продуктовый магазин (5,3 %) Детский сад, школа (2,7 %)

<i>Микрорайоны</i>	<i>Дефицитные услуги</i>
Исток	ТРЦ (65 %) Кружки, центры развития для детей (45 %) Кафе, рестораны (45 %) Спортивные учреждения (40 %) Почта (40 %) Спортивные секции для детей (35 %) Парки, зоны отдыха (30 %) Бытовые услуги (30 %) Аптека (30 %) Продуктовый магазин (10 %)
Калиновский	Спортивные секции для детей (100 %) Спортивные учреждения (100 %) Кружки, центры развития для детей (50 %) Аптека (50 %) Бытовые услуги (50%)
Керамика	Продуктовый магазин (66,7 %) Аптека (66,7 %) Спортивные учреждения (60 %) ТРЦ (46,7 %) Бытовые услуги (40 %) Кафе, рестораны (33,3 %) Парки, зоны отдыха (26,7 %) Детский сад, школа (6,7 %) Спортивные секции для детей (6,7 %) Почта (6,7 %)
Кольцово	Спортивные учреждения (83,8 %) ТРЦ (62,2 %) Спортивные секции для детей (51,4 %) Парки, зоны отдыха (54,1 %) Поликлиника (54,1 %) Кафе, рестораны (48,6 %) Кружки, центры развития для детей (40,5 %) Бытовые услуги (35,1 %) Детский сад, школа (32,4 %) Аптека (29,7 %) Продуктовый магазин (21,6 %) Почта (5,4 %)
Компрессорный	ТРЦ (82,8 %) Кафе, рестораны (55,2 %) Спортивные учреждения (37,9 %) Парки, зоны отдыха (34,5 %) Бытовые услуги (24,1 %) Продуктовый магазин (24,1 %) Детский сад, школа (17,2 %) Поликлиника (13,8 %) Кружки, центры развития для детей (13,8 %) Спортивные секции для детей (6,9 %) Аптека (3,4 %)
Лечебный	Кружки, центры развития для детей (85,7 %) Спортивные секции для детей (85,7 %) Спортивные учреждения (85,7 %) Поликлиника (71,4 %) ТРЦ (71,4 %) Продуктовый магазин (71,4 %) Кафе, рестораны (57,1 %) Бытовые услуги (42,9 %) Парки, зоны отдыха (28,6 %) Аптека (28,6 %) Почта (14,3 %) Детский сад, школа (14,3 %)

<i>Микрорайоны</i>	<i>Дефицитные услуги</i>
Мичуринский	Аптека (95 %) Спортивные учреждения (80 %) Кафе, рестораны (80 %) ТРЦ (75 %) Продуктовый магазин (70 %) Бытовые услуги (60 %) Спортивные секции для детей (50 %) Поликлиника (45 %) Кружки, центры развития для детей (45 %) Детский сад, школа (40 %) Почта (35 %) Парки, зоны отдыха (20 %)
Нижне-Исетский	Кружки, центры развития для детей (100 %) Спортивные секции для детей (100 %) Спортивные учреждения (100 %) Детский сад, школа (100 %) Парки, зоны отдыха (100 %) Аптека (100 %)
Новая Сортировка	Спортивные учреждения (80,8 %) Парки, зоны отдыха (75 %) Спортивные секции для детей (48,1 %) Кружки, центры развития для детей (44,2 %) Кафе, рестораны (42,3 %) ТРЦ (26,9 %) Бытовые услуги (25 %) Продуктовый магазин (7,7 %) Поликлиника (5,8 %) Аптека (3,8 %) Детский сад, школа (1,9 %)
Парковый	ТРЦ (42 %) Спортивные учреждения (36 %) Кафе, рестораны (36 %) Бытовые услуги (28 %) Парки, зоны отдыха (18 %) Кружки, центры развития для детей (18 %) Спортивные секции для детей (16 %) Продуктовый магазин (12 %) Поликлиника (10 %) Почта (10 %) Детский сад, школа (6 %) Аптека (6 %)
Пионерский	Спортивные учреждения (49,8 %) Парки, зоны отдыха (48,9 %) Спортивные секции для детей (30 %) Кафе, рестораны (29,6 %) Кружки, центры развития для детей (23,3 %) ТРЦ (13,9 %) Почта (14,8 %) Поликлиника (11,2 %) Бытовые услуги (9,9 %) Детский сад, школа (7,6%) Аптека (4 %) Продуктовый магазин (4 %)
Полеводство	Поликлиника (55,6 %) Спортивные учреждения (55,6 %) Кафе, рестораны (55,6 %) Кружки, центры развития для детей (44,4 %) Спортивные секции для детей (33,3 %) ТРЦ (22,2 %) Парки, зоны отдыха (22,2 %) Почта (22,2 %) Бытовые услуги (22,2 %) Продуктовый магазин (11,1 %) Аптека (11,1 %) Детский сад, школа (11,1 %)



<i>Микрорайоны</i>	<i>Дефицитные услуги</i>
Птицефабрика	Поликлиника (83,3 %) Спортивные учреждения (50 %) Бытовые услуги (33,3 %) Спортивные секции для детей (33,3 %) ТРЦ (33,3 %) Парки, зоны отдыха (33,3 %) Кафе, рестораны (33,3 %) Кружки, центры развития для детей (16,7 %)
РТИ	ТРЦ (56,7 %) Спортивные учреждения (53,3 %) Парки, зоны отдыха (43,3 %) Кафе, рестораны (40 %) Спортивные секции для детей (23,3 %) Кружки, центры развития для детей (20 %) Почта (3,3 %) Бытовые услуги (3,3 %) Детский сад, школа (3,3 %)
Садовый	Спортивные учреждения (100 %) Аптека (50 %) Парки, зоны отдыха (50 %) Кафе, рестораны (50 %)
Северка	Кружки, центры развития для детей (66,7 %) Спортивные секции для детей (66,7 %) Спортивные учреждения (66,7 %) Детский сад, школа (66,7 %) Продуктовый магазин (33,3 %) Аптека (33,3 %) Поликлиника (33,3 %) Почта (33,3 %) ТРЦ (33,3 %) Парки, зоны отдыха (33,3 %)
Семь Ключей	Поликлиника (50 %) Бытовые услуги (25 %) Спортивные секции для детей (25 %) Спортивные учреждения (25 %) Кружки, центры развития для детей (25 %) Парки, зоны отдыха (25 %) Продуктовый магазин (25 %) Аптека (25 %) Почта (25 %)
Синие Камни	Спортивные учреждения (53,6 %) Парки, зоны отдыха (53,6 %) Поликлиника (46,4 %) Кафе, рестораны (46,4 %) Спортивные секции для детей (35,7 %) Кружки, центры развития для детей (28,6 %) Почта (10,7 %) ТРЦ (10,7 %) Продуктовый магазин (7,1 %) Бытовые услуги (7,1 %) Детский сад, школа (7,1 %) Аптека (3,6 %)
Совхозный	Спортивные учреждения (89,5 %) ТРЦ (63,2 %) Кафе, рестораны (63,2 %) Поликлиника (57,9 %) Парки, зоны отдыха (52,6 %) Детский сад, школа (47,4 %) Спортивные секции для детей (47,4 %) Кружки, центры развития для детей (36,8 %) Бытовые услуги (47,4 %) Аптека (36,8 %) Продуктовый магазин (26,3 %) Почта (15,8 %)

<i>Микрорайоны</i>	<i>Дефицитные услуги</i>
Сортировка	Спортивные учреждения (58,3 %) Кафе, рестораны (51,9 %) ТРЦ (40,4 %) Парки, зоны отдыха (36,5 %) Спортивные секции для детей (36,5 %) Поликлиника (34,6 %) Кружки, центры развития для детей (30,1 %) Почта (21,8 %) Бытовые услуги (21,8 %) Детский сад, школа (22,4 %) Продуктовый магазин (9 %) Аптека (5,1 %)
Сулимовский торфяник	Аптека (100 %) Детский сад, школа (100 %)
Сысертский	ТРЦ (66,7 %) Бытовые услуги (33,3 %) Парки, зоны отдыха (33,3 %)
Уктус	Спортивные секции для детей (47,8 %) Кружки, центры развития для детей (46,7 %) Спортивные учреждения (44,4 %) Поликлиника (44,4 %) Кафе, рестораны (42,2 %) Парки, зоны отдыха (38,9 %) Продуктовый магазин (34,4 %) Детский сад, школа (33,3 %) Бытовые услуги (32,2 %) ТРЦ (27,8 %) Аптека (24,4 %) Почта (13,3 %)
УНЦ	Кафе, рестораны (75 %) Почта (50 %) Бытовые услуги (37,5 %) Спортивные учреждения (37,5 %) Парки, зоны отдыха (37,5 %) Поликлиника (25 %) Кружки, центры развития для детей (25 %)
Уралмаш	Парки, зоны отдыха (56,2 %) ТРЦ (35,3 %) Спортивные учреждения (34,7 %) Кружки, центры развития для детей (29,8 %) Спортивные секции для детей (26,4 %) Кафе, рестораны (26,4 %) Поликлиника (21,9 %) Бытовые услуги (16,1 %) Почта (14,6 %) Продуктовый магазин (8,2 %) Аптека (6,7 %) Детский сад, школа (5,2 %)
Химмаш	ТРЦ (70,5 %) Кафе, рестораны (47,7 %) Парки, зоны отдыха (28 %) Спортивные секции для детей (19,7 %) Кружки, центры развития для детей (18,2 %) Бытовые услуги (15,9 %) Спортивные учреждения (15,2 %) Детский сад, школа (9,1 %) Продуктовый магазин (7,6 %) Почта (7,6 %) Поликлиника (6,8 %) Аптека (3,8 %)

<i>Микрорайоны</i>	<i>Дефицитные услуги</i>
Центральный	Парки, зоны отдыха (44,4 %) Спортивные учреждения (30,5 %) Спортивные секции для детей (22,6 %) Кружки, центры развития для детей (21,9 %) Почта (18,6 %) Поликлиника (17,9 %) ТРЦ (17,2 %) Бытовые услуги (15,1 %) Кафе, рестораны (13,3 %) Детский сад, школа (6,5 %) Аптека (5 %)
Шабровский	Продуктовый магазин (100 %) Спортивные учреждения (100 %)
Шарташ	Спортивные учреждения (100 %) Аптека (85,7 %) ТРЦ (71,4 %) Поликлиника (57,1 %) Бытовые услуги (57,1 %) Продуктовый магазин (57,1 %) Кружки, центры развития для детей (28,6 %) Спортивные секции для детей (28,6 %) Кафе, рестораны (28,6 %) Почта (14,3 %) Детский сад, школа (14,3 %) Парки, зоны отдыха (14,3 %)
Шарташский рынок	Парки, зоны отдыха (43,9 %) Спортивные учреждения (29,3 %) Спортивные секции для детей (26,8 %) Кружки, центры развития для детей (24,4 %) Кафе, рестораны (22 %) ТРЦ (22 %) Бытовые услуги (17,1 %) Поликлиника (14,6 %) Почта (14,6 %) Детский сад, школа (7,3 %) Продуктовый магазин (4,9 %) Аптека (9,8 %)
Шинный	Спортивные учреждения (50 %) Кружки, центры развития для детей (35,7 %) Продуктовый магазин (35,7 %) Кафе, рестораны (35,7 %) Бытовые услуги (28,6 %) Парки, зоны отдыха (28,6 %) ТРЦ (21,4 %) Аптека (21,4 %) Детский сад, школа (14,3 %) Спортивные секции для детей (14,3 %) Поликлиника (14,3 %) Почта (7,1 %)
Широкая речка	Спортивные учреждения (77,8 %) Детский сад, школа (55,6 %) Парки, зоны отдыха (55,6 %) Поликлиника (55,6 %) Кружки, центры развития для детей (52,8 %) Спортивные секции для детей (52,8 %) Почта (47,2 %) Аптека (36,1 %) Бытовые услуги (36,1 %) Кафе, рестораны (33,3 %) ТРЦ (27,8 %) Продуктовый магазин (16,7 %)

<i>Микрорайоны</i>	<i>Дефицитные услуги</i>
Шувакиш	Аптека (100 %) Поликлиника (33,3 %) Бытовые услуги (33,3%) Кружки, центры развития для детей (33,3 %) Спортивные секции для детей (33,3 %) Спортивные учреждения (33,3 %) ТРЦ (33,3 %)
Эльмаш	Парки, зоны отдыха (46,3 %) Кафе, рестораны (45,3 %) ТРЦ (44,8 %) Спортивные учреждения (24,6 %) Поликлиника (22,2 %) Спортивные секции для детей (18,2 %) Кружки, центры развития для детей (16,7 %) Бытовые услуги (13,3 %) Почта (12,3 %) Продуктовый магазин (8,4 %) Аптека (7,4 %) Детский сад, школа (6,4 %)
Юго-Западный	Спортивные учреждения (45,6 %) Поликлиника (33,5 %) Кафе, рестораны (32,4 %) Парки, зоны отдыха (31,3 %) Спортивные секции для детей (29,9 %) Кружки, центры развития для детей (25,3 %) Почта (21,7 %) ТРЦ (10,3 %) Детский сад, школа (10 %) Продуктовый магазин (9,6 %) Бытовые услуги (8,2 %) Аптека (6,8 %)
Южный	Парки, зоны отдыха (46,3 %) Спортивные учреждения (45,4 %) Кафе, рестораны (32,4 %) Спортивные секции для детей (29,6 %) Поликлиника (26,9 %) Кружки, центры развития для детей (19,4 %) Почта (16,7 %) Продуктовый магазин (15,7 %) ТРЦ (15,7 %) Бытовые услуги (14,8 %) Детский сад, школа (13 %) Аптека (6,5 %)

Таблица 3

Взаимосвязь оценки дефицита поликлиник в микрорайонах проживания с  
возрастом респондентов

Группы респондентов по дефицитности услуг	N	Средний ранг по возрасту	Тест Манна-Уиттни		
			U	Z	Asymp.Sig.
Не хватает поликлиник	801	2103,70	835682,500	-10,362	0,000
Хватает поликлиник	2746	1677,83			
Всего	3547				

Таблица 4

Взаимосвязь оценки дефицита почты в микрорайонах проживания с  
возрастом респондентов

Группы респондентов по дефицитности услуг	N	Средний ранг по возрасту	Тест Манна-Уиттни		
			U	Z	Asymp.Sig.
Не хватает почты	666	1936,20	851349,000	-4,538	0,000
Хватает почты	2881	1736,50			
Всего	3547				

Таблица 5

Взаимосвязь оценки дефицита бытовых услуг в микрорайонах проживания с  
возрастом респондентов

Группы респондентов по дефицитности услуг	N	Средний ранг по возрасту	Тест Манна-Уиттни		
			U	Z	Asymp.Sig.
Не хватает бытовых услуг	581	2025,72	715371,500	-6,483	0,000
Хватает бытовых услуг	2966	1724,69			
Всего	3547				

Таблица 6

Взаимосвязь оценки дефицита торгово-развлекательных центров в  
микрорайонах проживания с возрастом респондентов

Группы респондентов по дефицитности услуг	N	Средний ранг по возрасту	Тест Манна-Уиттни		
			U	Z	Asymp.Sig.
Не хватает ТРЦ	1045	1606,96	1132737,500	-6,282	0,000
Хватает ТРЦ	2502	1843,77			
Всего	3547				

Таблица 7

Взаимосвязь оценки дефицита кафе, ресторанов в микрорайонах проживания с  
возрастом респондентов

Группы респондентов по дефицитности услуг	N	Средний ранг по возрасту	Тест Манна-Уиттни		
			U	Z	Asymp.Sig.
Не хватает кафе, ресторанов	1188	1567,18	1155538,500	-8,541	0,000
Хватает кафе, ресторанов	2359	1878,16			
Всего	3547				

Оценка жителями микрорайонов вектора произошедших за последние 3 года  
изменений по совершенствованию качества городской среды

(в % от числа ответивших)

Микрорайоны	Оценка изменений				Итого
	В лучшую сторону	Что-то – в лучшую, что-то – в худшую	Изменения в основном отрицательные	Ничего не изменилось	
Автовокзал	35,6	33,9	10,2	20,3	100
Академический	48,4	40,3	4,7	6,6	100
Березит	-	50	-	50,0	100
Ботанический	22,1	46,5	5,8	25,6	100
ВИЗ	22,0	46,9	10,0	21,1	100
Вокзальный	3,3	26,7	10,0	60,0	100
Вторчермет	15,2	49,2	4,5	31,1	100
Втузгородок	24,8	32,0	3,2	40,0	100
Елизавет	18,9	37,8	5,4	37,8	100
ЖБИ	16,0	51,7	10,0	22,3	100
Заречный	22,5	43,2	10,8	23,4	100
Изоплит	-	100	-	-	100
Исток	10,0	45,0	-	45,0	100
Калиновский	-	-	-	100	100
Керамика	13,3	40,0	-	46,7	100
Кольцово	5,7	34,3	25,7	34,3	100
Компрессорный	17,9	46,4	3,6	32,1	100
Лечебный	10,6	42,9	10,0	36,5	100
Мичуринский	25,0	35,0	10,0	30,0	100
Медный	-	-	50,0	50,0	100
Нижне-Исетский	-	-	-	100	100
Новая Сортировка	17,3	34,6	7,7	40,4	100
Парковый	16,0	38,0	2,0	44,0	100
Пионерский	15,1	43,2	3,2	38,5	100
Полеводство	11,1	22,2	22,2	44,5	100
Птицефабрика	-	33,3	16,7	50	100
РТИ	10,3	41,4	6,9	41,4	100
Рудный	-	-	-	100	100
Садовый	-	50	-	50	100
Северка	-	33,3	-	66,7	100
Семь Ключей	-	50	25	25	100
Синие Камни	25,0	39,3	3,6	32,1	100
Совхозный	20,3	31,6	6,0	42,1	100
Сортировка	13,5	43,9	9,0	33,5	100
Сулимовский торфяник	-	100	-	-	100
Сысертский	33,3	66,7	-	-	100
Уктус	18,9	37,8	14,4	28,9	100
УНЦ	62,5	37,5	-	-	100
Уралмаш	17,7	45,4	5,8	31,1	100
Химмаш	11,5	53,8	5,5	29,2	100
Центральный	18,3	47,0	6,8	26,9	100
Шабровский	-	-	50,0	50,0	100
Шарташ	-	28,6	-	71,4	100
Шарташский рынок	10,0	55,0	12,5	22,5	100
Шинный	-	14,3	7,1	78,6	100
Широкая речка	19,4	52,8	8,3	19,4	100
Шувакиш	-	33,3	-	66,7	100
Эльмаш	14,9	44,1	3,5	37,6	100
Юго-Западный	20,9	40,6	7,6	30,9	100
Южный	25,2	43,0	5,6	26,2	100



Взаимосвязь оценок изменений по совершенствованию качества среды  
городских микрорайонов с демографическими и социально-экономическими  
характеристиками респондентов

	Оценка изменений по совершенствованию инфраструктуры микрорайона за последние 3 года	N	Средний ранг	Тест Краскала-Уоллеса		
				$\chi^2$	df	Asymp.Sig.
Возраст	в лучшую сторону	703	1695,13	71,616	3	0,000
	что-то в лучшую, что-то - в худшую сторону	1525	1785,92			
	отрицательные изменения	244	2230,95			
	ничего не изменилось	1037	1638,12			
	Всего	3509				
Число лет проживания в Екатеринбурге	в лучшую сторону	701	1709,48	49,020	3	0,000
	что-то в лучшую, что-то - в худшую сторону	1514	1769,58			
	отрицательные изменения	244	2134,94			
	ничего не изменилось	1031	1642,46			
	Всего	3490				
Оценка своих жилищных условий	в лучшую сторону	702	2108,47	131,669	3	0,000
	что-то в лучшую, что-то - в худшую сторону	1524	1700,65			
	отрицательные изменения	244	1501,39			
	ничего не изменилось	1037	1651,88			
	Всего	3507				



Таблица 11

Общая удовлетворенность качеством среды городских микрорайонов  
(группы респондентов по материальному положению)\*

Удовлетворенность текущим состоянием городской среды (средние оценки)	Оценка материального положения					В целом по массиву
	Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	Покупка большинства товаров длительного пользования не вызывает трудностей, более дорогие товары сейчас недоступны	Денег хватает на продукты питания и одежды, на более дорогие покупки откладываем	Денег хватает только на самое необходимое	Денег не хватает даже на самое необходимое	
Средняя	3,595	3,374	3,314	3,069	2,899	3,393
Медиана	3,600	3,400	3,333	3,133	2,898	3,433
Оценка различий по критерию Краскелла-Уоллеса						
$\chi^2$	103,180					
df	4					
Asymp.Sig.	0,000					

\* Общая удовлетворенность качеством среды городских микрорайонов измерялась по шкале от 1 до 5